

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П ВНОКОВЫЕ ЗОРЬ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2022

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2022 — 4(67)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Карфаген должен быть разрушен..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 17

Борис Григорьев. Рабы с Востока: Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)
(главы из очерка)..... 30

Рагим Мусаев. Легасов: надо жить (драма в одном действии)..... 45

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин. Яблонька..... 59

Аркадий Мар. Виктор Климов, который любил петь..... 65

Игорь Егоров. Возчик мебели..... 73

Эдуард Георгиевский. Рождение альманаха (глава из повести)..... 76

Олег Рябов. Про сома. Запах горелых спичек..... 79

Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье»..... 86

Урмат Саламатов. Последний день солнца..... 104

Михаил Спивак. Из цикла миниатюр «Я, она и шахматы»..... 117

Николай Макаров. Рязань (из цикла «Воспоминания батальонного врача»)..... 125

Нина Левина. Ферма..... 132

Светлана Чернышева. В зимнем лесу..... 139

Яков Шафран. Параллельная жизнь..... 144

Александр Ралот. Кто такой Швед?..... 152

Виктор Бек. Сказка про кота..... 156

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Резцов. Главы из исторической поэмы «Пуатье»..... 158

Алексей Гусаков. *Personalia*..... 164

Андрей Новиков. Перекрестье..... 170

Александр Волков. Непреднамеренно счастлив..... 172

Владимир Хохлев. Когда встречаются вселенные..... 176

Николай Тимохин. Из цикла «Стихи Шарлотты Бронте»..... 181

Олег Голодный. Домовой..... 187

Олег Зайцев. Новые стихи..... 190

Валерий Савостьянов. Окраина фабрично-заводская.....	196
Владислав Бусов. Поэма о без вести пропавшем.....	204
Валерий Виноградов. Моя душа.....	208
Валерий Сухов. А ангел пел поэту про любовь.....	212
Сергей Прохоров. Жизни круг.....	216
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Алла Новикова-Строганова. Живая русская душа (К 170-летию издания «Записок охотника» И. С. Тургенева).....	219
Яков Шафран. Западная цивилизация — антипод русской цивилизации.....	234
Валерий Румянцев. В поисках форм и смыслов.....	240
Борис Григорьев. На поэтический сборник А. Польшина «Граница».....	244
Евгений Трещев. Под одной обложкой стихи и проза.....	249
Евгений Асташкин. На личной машине времени.....	251
Ольга Артемова. Сны-провидения Алексея Яшина.....	253
Людмила Воробьева. Философия поиска истины в романе Якова Шафрана «Восхождения».....	256
Нина Гейдэ. Не гаси мою свечу.....	264
Николай Тимохин. «Быть похожим ни на кого не хотелось» (интервью с Борисом Щербаковым).....	272
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	275

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

Настоящий номер журнала завершает юбилейный год: 105-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. С двумя этими событиями связана история нашей страны в XX веке, когда Россия стала мировой сверхдержавой. Имена Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина навечно остаются в памяти людской. Октябрьская революция и создание Советской России явились пробным, опережающим свое время ходом социальной эволюции, показавшим возможность строительства бесклассового, социально ориентированного общества. Поэтому не «вечная память», но память о первопроходцах!

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН...

Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество (здесь и далее выд. Л. Д. Троцкий.— А.Я.) — это, пожалуй, слишком сурово, но д и л е т а н т и з м а — это несомненно.

Л. Д. Троцкий. «Литература и революция», 1923

Какова пса ловля, такова ему и кормля.

В. И. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»

Литература как Карфаген сопротивления Молоху глобализации. Д. С. Мережковский в трактате «Л. Толстой и Достоевский» приводит слова последнего — из «Дневника писателя», — о предтече современной глобализации: «*Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской (выд. Д. С. Мережковским.— А.Я.) монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе.*»

Заметим уточняюще: завоевания Александра Македонского, то есть по времени предшествующие Риму в его полном могуществе, в истории не принято ассоциировать со стремлением полководца к «всемирности», поскольку в его завоеваниях выражена экспансия эллинизма в Азию, хотя уже в те времена было понятно, что величайшая цивилизация будущего родится в Средиземноморском ареале с первенством «европейского берега», а затем и всей Европы.

В концепции Достоевского о первенстве Рима в идее всемирности (глобализма по-нынешнему) Карфаген понимается как антитеза такой всемирности. Напомним для «гладкости чтения», что Карфагеном именовалась столица и собственно Финикийское государство, основанное в IX в. до н.э. выходцами из малоазиатской Фини-

кии на территории современных Туниса и Алжира с колониями, навроде греческих полисов, на Пиринейском полуострове, в Галлии, на Сардинии, Корсике и Сицилии. То есть Карфаген как бы клещами охватывал Римское государство и контролировал всю торговлю, выступая посредником, в Среднеземноморском бассейне. В результате трех Пунических войн город Карфаген был разрушен римлянами, а территория государства стала римской провинцией Африка.

Разумеется, рабовладельческий, торгово-посреднический, олигаргический и завоевательно-хищнический Карфаген не есть невинная овечка-жертва еще более хищного Рима, но мы не о социальной и иной нравственности и морали говорим, но всего лишь аллегорически представляем Карфаген символом сопротивления римской всемирности.*

...С учетом сделанных выше оговорок и пояснений назовем нынешнее литературное творчество — собственно писательство и литературный процесс в его совокупности — нынешним Карфагеном сопротивления Молоху глобализации; а одной из актуальных задач последнего является разрушение этого Карфагена, нивелирование литературы почти что до нулевой отметки, а главное — ликвидация его «ганнибалов», то есть литературных авторитетов. В крайнем случае замена их искусственно возвращенными пиарщиками. Оно и понятно: если наличие творческих авторитетов дает стимул равнения на них, то пиарщики не дают литературных порослей, но всего только недоброжелателей и завистников. Да и то лишь из числа творчески малосильных. Кто на кого равняется, тот тем же и становится. А истинный талант изолируется холодом одиночества и вызывает недоумение у расчеловеченной глобализаторами толпы. Как сказал Оноре де Бальзак: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством».*

Следами литературного «карфагенского сопротивления» пестрит вся дорога истории — она же путь развертывания социальной эволюции. Зачастую памятники письменности былого отмечают, как знаковые события, не собственно факт и содержательную сторону этого сопротивления, но наказание за таковое. Это в характере человеческой психики; отсюда и фольклорное «читать цыплят по осени». Следы наказания литературе за ее сопротивление — инаковость взглядов на социальную действительность — тянутся со времен античности: от чаши с цикутой Сократу (в те времена философия и литература еще не разделились) и сожжения Александрийской библиотеки до остракизма римского воспитателя «науки нежной», говоря словами Пушкина, который был сослан и окончил век свой «в Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей» (это об Овидии Назоне).

Европейское Средневековье в исторической памяти четко связано с воскресными кострами на Гревской площади в Париже, в которых святые отцы инквизиции жгли не только ведьм, но и книги. Зачастую с их авторами. И в Риме св. отцы не отставали от парижских коллег. Пример тому — Джордано Бруно, сожженный в 1600 году.

...И отмахнуться нельзя, дескать, античность — это коловоротное время становления человека социального и творчески мыслящего, все могло случиться; а Средневековье — это когда христианская (католическая) церковь «сама себя высекла», как та унтер-офицерская вдова из русской классики, а точнее, в спорах о выеденном яйце апостольская церковь Св. Петра реализовала известный афоризм: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд (кто-то из антигегельянцев сформулировал; еще этот афоризм приписывают остряку Бернарду Шоу...).

Но вот наступил двадцатый век. Человечество на взлете научного творчества, а перед этим, в веке девятнадцатом, оно прошло апогей художественных творческих, литературы «в первых рядах». И на этом фоне — повторение зрелищных артефактов

* В 1990-е годы, когда победивший в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне международный империализм во главе с США дробил и уничтожал нашу страну, в так называемых песнях протеста бытовало иное сравнение Карфагена: «Карфаген должен быть разрушен... Америка — нынешний Карфаген!»

Средневековья: костры из книг на площадях городов Третьего рейха. И до сих пор в реальной или иносказательной ипостасях время от времени по всему миру вспыхивают такие костры или костерки — зато долго тлеющие... С одной стороны, история имеет свойство заикливаться в пресловутой диалектической спирали, с другой же — чем умнее человек, тем чаще он наступает на одни и те же грабли. Опять-таки в полном соответствии с законами диалектики.

Сразу заметим в российской специфике, что массовое выбрасывание темно-коричневых томов полного собрания сочинений Иосифа Виссарионовича на помойки после двадцатого съезда «всех победившего Никиты Сергеевича» и нынешнее отправление туда же *всех книг без разбора* — это не след «карфагенского сопротивления», но явления иного рода, о чем речь пойдет ниже.

Поскольку мы начали (в эпиграфе) со слов Льва Давидовича Троцкого, который был и ленинским политическим «иудушкой», и блестящим публицистом, в том числе литературным, то и завершим вводный раздел его высказыванием из той же книги, разумеется, понимая эти слова аллегорически: «*Любовь Дон-Кихота не только фанатична, но и фантастична и в своей фантастичности безнадежна; это любовь к тому, что осуждено историей, борьба за то, чего отстоять нельзя*» (выд. нами.— А.Я.)».

То есть на сегодняшнем витке истории, социальной эволюции, целеуказанием которой является расчеловечивание, дегуманизация социума на этапе торжествующей глобализации, литературное творчество, как со стороны писателя, так и читателя, что *in situ* и образует литературный процесс, обречено на забвение, есть *борьба за то, чего отстоять нельзя*. Карфаген должен быть разрушен... Молохом глобализации.

Литературное творчество и самоосознание человеком своего мышления.* В эволюции человека необходимость и потребность (здесь различные доминанты!) литературного творчества, а мы здесь о нем говорим, несколько искусственно вычленив из широко понимаемого художественного творчества, суть взаимное устремление творца и его адепта — потребителя. Извиняемся за грубовато звучащий (имя тебе — потребитель! Это девиз наших дней...) определяющий термин. Для первого литературра есть творческое отображение окружающего мира, его *modus vivendi*, содержание личной жизни, для второго — побуждаемый творческими откровениями писателя *modus operandi*, образ жизненных действий и устремлений. И встреча обоих — овеществленный предмет содержания литературы: от иероглифических наскальных надписей и до нынешних компьютерных файлов. «Увы» здесь говорить не стоит: эволюция не подлежит ни восхвалениям, ни порицаниям...

Психологическую необходимость и потребность художественного, литературного познания мира исчерпывающе определил Лев Толстой: «*Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство,— в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их*» (ЮБПСС в 90 тт., Т. 30, С. 65).

Определяющий здесь термин «заражение» <искусством>, введенный Львом Толстым в широкий интеллектуальный обиход, точен, краток и всеобъемлющ. Именно от него следует отталкиваться, апологизируя и литературное творчество, как существенную категорию самоосознания человеком своего мышления.

Действительно, гоминоид, ставший «релейным скачком» (объяснение термина см.

* Этимологию словосочетания «самоосознание человеком своего мышления» см. в книге: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология человека: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Том 16 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульского госуниверситета, 2019.— 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

в книге, на которую выше была сделана сноска) человеком мыслящим, *homo sapiens*, обрел языковое общение, а на долгом пути от *homo sapiens* до *homo sapiens sapiens*, человека мыслящего мыслящего (это не «мышление в квадрате», но именно переход к самоосознанию своего мышления), это языковое общение и способность мыслить в языковых описаниях объектов и процессов «раздвоили», вернее — специализировали, две основные функции языкового мышления. Функционально, физиологически это выражается право- и левополушарными акцентами мышления: правое — творческое, преимущественно художественное; левое — логическое. Соответственно, функции языкового мышления суть язык как средство познания и само познание, то есть язык является предметом и содержанием логики, и язык как средство творческого художественного отображения мира и человека в этом мире — «мире чувственных вещей»*, как назвал свою всемирно известную книгу основоположник (мировой) педагогической науки, чешский мыслитель-гуманист Ян Амос Коменский (1592—1670).

Лейбницево определение «мир не терпит пустоты» как нельзя лучше и объективнее характеризует «занятость» языкового мышления после раздвоения его функций. То есть художественное творческое мышление, «получив на откуп» отображение внешнего мира, его объектов и процессов, а главное — отображение внутреннего мира чувствований человека, согласно определению Лейбница, стало обладателем, с одной стороны, еще пока *tabula rasa* правого полушария мозга человека; с другой же — стимул образного, художественного познания внешнего и внутреннего мира, и именно с позиций *гомоцентризма*, что естественно для эволюции мышления: период субъективизма сравнительно недавно дополнился объективизмом; это видно в плане философских учений — перехода от преобладающего идеализма к материализму. А это ведь всего лишь последняя треть девятнадцатого века!

В части художественно-творческой функции языкового мышления приоритет литературы над другими видами творческого самовыражения, теми же пластическими искусствами, живописью и ваянием и так далее, неоспорим; да и несопоставим. Именно литература, начиная с древнейших памятников письменности (Египет, Месопотамия, Индия и Китай до н.э.), являлась правилом качественного роста самоосознания человека разумного и далее — разумного разумного. То есть связь языка и мышления есть не просто корреляция двух процессов в их временном развитии и совершенствовании, но единство физиологической (головной мозг) и семантической (язык) составляющих процесса самоосознания, причем эти составляющие взаимно охвачены глубокой положительной обратной связью.

Имеем, таким образом, процесс, запечатлеваемый в его временном протекании в постоянно накапливающихся памятниках (то что было вчера — для сегодняшнего дня уже есть памятник...) письменной литературы. Заметим, что устно передаваемые литературные произведения — от гомеровских (до их записи) до карело-финского эпоса «Калевала»** — относятся к фольклорному безписьменному коллективному творчеству и были характерны для исторически пройденных эпох социальной цивилизации человека. Таковая эпоха цивилизации и культуры, длительность которой до нашего времени принято определять в десять тысяч лет, и сформировала условно понимаемую *литературно-художественную библиотеку*, то есть свод творческого отображения «мира чувственных вещей» по мере оразумления человека. Процесс «комплектования» такой «библиотеки» резко ускорился в эпоху европейского Возрождения и несколько веков неуклонно двигался к своему апогею: со второй половины XVIII века до оконча-

* Полное название: «Мир чувственных вещей в картинках, или изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни».

** Этот эпос, включающий в себя сорок рун — объем в 400 страниц современной книги, — был записан финским (по другим данным — шведским) фольклористом Э. Лёнротом в 1830-х гг. со слов сказительницы, крестьянки с беломорского побережья Карелии (В 1949 г. ее композиционно переработал Отто Вильгельмович Куусинен — член ЦК ВКП(б)).

ния первой половины XX века, хотя бы эта завершающая половина и являлась инерционной: слишком мощный разгон был взят в веке предшествующем.

...Отсюда и тема следующего параграфа.

Взросление, апофеоз и нивелирование творческой словесности. Выше на образных определениях «библиотеки» и ее «комплектования» мы проследили процесс взросления литературного творчества, как взаимодополняюще сопряженного с мышлением эволюционно прогрессирующего человека, человечества. Следствием все усиливающейся роли этого вида художественного творчества в формировании социума и, одновременно, неременным условием этой роли явилось создание института *литературного процесса*. Именно института, коль скоро литературный процесс по определению предполагает определенную организованность, структурирование и так далее вплоть до определенной «табели о рангах» участников этого процесса, а главное — создание, привлечение читательской аудитории.

Что касается «табели», это, конечно, не наше доброе русское кумовство насчет «как не порадеть родному человечку» и пр., но объективный подход к наличию фактора *авторитета*, как, во-первых, мерила таланта; во-вторых, объекта центростремления творческих личностей: не подражания, конечно, но саморазвития. ... Как корабль на море вблизи берега в ночь или непогоду ориентируется на свет маяка, но не стремится подражать ему своими огнями.

Но все же вопрос об аудитории читателей произведений литературы в ее взрослении являлся не то что основным, но *определяющим*. Уже говорилось выше, в том числе провидческими словами Льва Толстого, о различии задач <литературного> творца и его читателя. Сущность творческого поиска, как жизненной основы художника, предельно ясно определил Ф. М. Достоевский (в повести «Хозяйка»): *«Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»*

А вот читатель в период взросления литературного творчества и организации литературного процесса, как социального, воспитательного, развивающего и пр. явления, несколько иное искал и находил в изящной словесности мастеров слова. Прежде всего он искал идеал для подражания. Сама тягостная жизнь тех давних эпох к тому подвигала. Причем во всех социальных слоях, от низших (грамотных) до высших. Здесь главное — на все века — слово сказал Сервантес образом Дон-Кихота из Ламанчи, к определению которого мы уже обращались выше. Причем в этом же контексте.

К периоду взросления, к его окончанию, относится и формирование профессионального писательства, прежде всего беллетризованного сочинительства, рассчитанного на некий усредненный вкус, потребность чтения. Ибо профессия по определению требует материального обеспечения писателя, а таковое возможно при наличии относительного широкого круга покупателей произведений, овеществленных в книгах — после постановки изобретения Гуттенберга на «промышленную основу». Но длительное время, где-то до конца XVIII — начала XIX вв., в различных странах со своей спецификой, печатание книг писателей-профессионалов (речь идет не о степени таланта, но с акцентом на оплату литературного труда) соседствовало с поддержкой меценатов-покровителей, оплачивавших издательские издержки, либо же сами писатели являлись достаточно состоятельными людьми для подобных расходов. Тому примеры из русской литературы первой трети XIX века, когда некоторые известные, из числа составивших русскую классику, писатели отказывались от гонораров. Даже во второй половине этого века, когда писательская деятельность стала сугубо профессиональной, встречались подобные случаи. Конечно, самый известный — это

Некрасов, фактически содержавший свои «Отечественные записки», из которых «вышла вся русская классика», на свои средства. Нищенствовавший в литературной молодости, в зрелые годы он внезапно стал, говоря словами Пушкина, «наследником всех своих родных» и очень удачно («но ведь ни разу не попался!» — смеясь, объяснял друзьям свои успехи) играл в карты. ...Как в своих мемуарах Панаева описывает беседу с Некрасовым: что-де утро выдалось неудачным, всего сорок тысяч выиграл, зато вечером сорвал банк в сто с лишком тысяч...

Понятно, что в пору зрелости литературы это было единичными, нетипичными явлениями. А у Достоевского и вовсе наоборот: только проигрывал...

Финал взросления <художественной> литературы, а это в Европе XVIII — XIX вв., в России — вторая половина века девятнадцатого, следующий. Художественная литература стала продуктом писателей-профессионалов, причем оплата их творческого труда стала сложным, вариативным симбиозом многих факторов! Степень таланта автора произведения здесь преимущественна, причем талант, с одной стороны, «заражает», говоря словами Толстого, потенциального читателя, а с другой — в определенной степени «подыгрывает» этому читателю, то есть в своем проявлении в произведении ищет оптимум между читателем массовым и литературно образованным (самообразованным). И главная задача творца может быть выражена словами: порой лукавь, подыгрывая, оглядываясь на «литературную <для читателя> моду», всякие там течения и направления («роман с направлением» — расхожее определение в России второй половины XIX века), но при этом ухитряться выполнить сверхзадачу: проявить свой талант наиболее выигрышно во всей мощи дарованного от рождения творческого потенциала. Особенно для поэтов. Тематика, направление, избранная творческая форма с ее «уклонами» — здесь вторичны в части сверхзадачи, но наиболее существенны для фактора творческой индивидуальности. ...Это только нынешние пиарщики все на одно инкубаторское лицо. Именно в соединении творческого потенциала и фактора творческой индивидуальности мир обретает гениев в лице Шекспира и Достоевского, носителей великих талантов Льва Толстого, Пушкина, Сервантеса, Гёте, Гейне, Ницше (можно и не без основания на то добавить еще десяток имен), выдающихся творцов слова: Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Тютчева, Чехова, Лескова, Шолохова и др., а какие мощные дарования дал Западный мир: Диккенс и Гюго, Стендаль и Даниэль Дефо, Анатоль Франс и Ромен Роллан, Джеймс Джойс и Марсель Пруст, Томас Манн и Герман Гессе, американцы Фолкнер, Стейнбек и Хемингуэй, норвежцы Кнут Гамсун и Бьёрнсон, швед Август Стриндберг. Здесь русские и западные имена можно продолжить не на одну страницу...

И пресловутая «табель о рангах», отделяя это понятие от серо-зеленых канцелярских мундиров и нынешних пиджаков узаконенного кроя и расцветки, белых рубашек и галстуков, выработалась к финалу взросления литературы. Также не останавливаясь на неизбежном местничестве в литературных кругах, я-де видный сочинитель, а ты, Ерёма, еще только подающий надежды, выделим творчески полезную для литературного процесса сущность этого «табеля», а именно: образование института *авторитета*. Это не авторитет директора департамента, как олицетворения чиновной субординации, но негласно складывающийся образ творческого *ориентира*, к которому стремятся приблизиться в своих литературных исканиях писатели меньшего... но даже и равного дарования. Авторитет есть неременное условие успешного течения литературного процесса: учитель и ученик — с ветхозаветных времен суть передачи творческого знания и мастерства. Расширенно понимаемый учитель — это и есть литературный авторитет. Признак нивелирования и исчезновения литературного (социумного) процесса — ликвидация института творческого авторитета... что мы сейчас повсемирно горестно наблюдаем.

Апофеоз творческой словесности, где такими авторитетами стали названные выше литературные мастера «высшей пробы», охарактеризовался многозначительными

факторами социумной организации и жизни. Назовем и разъясим наиболее существенные из них.

Окончательно выработался национальный литературный язык. Польза здесь двойная: во-первых, письменный язык, следуя изящной словесности, в первую очередь литературной беллетристике, обрел логически обусловленную, выверенную и уже неизменяемую (реформы правописания и нивелирования со второй половины XX века здесь не причем) грамматическую и фонетическую форму; во-вторых, с ориентиром на такой выверенный <литературный> письменный язык, все другие виды языка: разговорный, профессиональный, даже народный, в том числе диалектный и так далее вплоть до арго и актуального (текущего) фольклорного,— в той или иной степени «подтянулись» до уровня письменного. Все это не пресловутое единообразие армейского типа, но именно *формирование единого национального письменного и разговорного языка.* И роль художественной литературы здесь главенствующая.

Понятно, что на этом пути языка, или группы родственных языков, наблюдалось великое сочетание своеобразий и специфик (это семантически различные слова). Для поясняющего примера возьмем близкородственные датский и норвежский языки германской группы. Любители книжных раритетов, просто имеющие в своих библиотеках староизданные книги конца XIX — начала XX вв., когда случился «феномен норвежской литературы», что во множество имен и произведений (Ибсен, Бьёрнсон, Ли, Хансен, Гамсун, Кьелланд и др.) активно переводилась и издавалась на русском языке, наверняка обратили внимание на надписи на оборотах титульных листов: «Перевод с *датско-норвежского* <имярек>». Все дело в том, что хотя норвежский язык более близок к исландскому (со времен викингов), но с XV века, когда Норвегия стала экономически и политически подчиненной Дании, литературным языком Норвегии стал датский. Отсюда и *датско-норвежский* до самого начала XX века... Этот симбиоз до сих пор присутствует, то есть современный литературный норвежский язык имеет две формы: риксмол (или букмол) и лансмол — новонорвежский. Первый из них суть взаимодействие датского и «столичного» (как говорят в Осло) норвежского языков, а новонорвежский есть искусственный синтез основных норвежских <исторических> диалектов.

...Данный пример к тому, что у каждого национального литературного языка путь формирования извилист и от многих факторов зависим, но итог-то один и позитивен: он все же создается и далее «призывает к порядку» все остальные ипостаси языка народа и/или государства.

Создание национальных литературных школ. Это не роскошь, не пресловутое «архитектурное излишество» языка, но один из наиболее весомых вкладов в апофеоз десятилетияшестого этапа цивилизации и культуры, ставший его содержанием и необходимостью в творческую эпоху человечества: от Возрождения до середины XX века. Понятно, что временные рамки создания национальных литературных школ достаточно различно укладываются в названную творческую эпоху. Если для Европы зачатки таких школ относятся к Возрождению, а апофеоз к второй трети XIX века, то для русской литературы этот период сокращен: от начала XIX века до окончания этого же века и начала двадцатого века. Конечно, никто не собирается сбрасывать со счетов почти век (с пролонгацией в нынешние времена) русской советской литературы, но ведь это есть продолжение и развитие русской классики?

В любом случае создание литературной школы есть явление позитивное и, так сказать, «национально- и государствообразующее». Хотя бы почти все, без исключения, национальные литературные школы достигли своего апофеоза в XIX — XX вв., используя творческий метод критического реализма, то есть писатель изначально и заданно ставил себя в ситуацию оппозиции к госвласти. Ничего удивительного: это действие социально-эволюционного диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Тем более, что, как правило, это оппозиция является конструктивной.

И именно *национальной* являлась литература и ее особливая школа в период апофеоза. Конечно, литература не «бог в святых местах земли», но следует со вниманием в данном контексте воспринимать слова Ф. М. Достоевского: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем обособленнее его бог»*. (Слова Шатова из «Бесов»).

Наконец, создание литературных школ в их разнообразии, скрепляемом национально-государственной идеей, неважно <для России>, в форме ли графа Уварова «самодержавие, народ, православие», или в девизе соцреализма «советская власть, новая нация — советский народ, коммунистическая идеология», есть окончательный переход от начального литературного любительства к сугубому творческому профессионализму, а для читающей публики — от неясного любопытства к осознанию силы и правды высокохудожественного литературного слова, что «не вырубешь топором».

Государственное признание литературной деятельности. В государстве от «табеля о рангах» никуда не денешься. В правильно и добротнo организованном социуме и творчества, даже художественно оппозиционные, ставятся в ситуацию гражданского долга и ответственности. Понятно, не о мундире с петличками и классных чинах речь идет. Даже одиозные деспотии и тоталитарные режимы на это не решились. То есть конструктивная, не назойливо ругательная, нигилистическая, творческо-литературная оппозиция не то что не вызывает агрессивных репрессий со стороны власти, но, в силу того же закона *единства* и борьбы противоположностей, власть и литература критического реализма именно находят это взаимопольное *единство* в рамках безусловного действия названного диалектического закона. Именно взаимопольное: писатель творчески, не «служить бы рад, прислуживаться тошно», не сдерживая мощи дарованного ему таланта, отображают в своих произведениях существо исторического или современного ему движения социума, как эволюционного процесса, в антитезе добра и зла, а власть, рассматривая литературное творчество как «словесный барометр», учитывает его «барическое колебание» во благо устойчивой государственности. Как-то так получается. В русской истории классическим примером такого взаимопольного единства является известный эпизод, когда «рыцарь самодержавия» (так его поименовал автор книги о Николае Павловиче, изданной в серии «ЖЗЛ»...), император Николай Первый после просмотра «Ревизора», без гнева и недоброежелательства, но констатирующе, сказал в адрес Гоголя, что-де, любезный, высек в пьесе всю Россию и меня в первую очередь. Также считается, что некоторые реформы законопорядка были проведены императором в явной корреляции не только с «Ревизором», но и с произведениями других писателей его времени.

Казалось бы: Николай Палкин, не гаснущие в душе грозные отзвуки Сенатской площади момента вступления его на трон... но Николай Павлович, как через сто лет после него Иосиф Виссарионович, достаточно рачительно вел «хозяйство» огромной империи, раскинувшейся в четырех частях света (включая Русскую Америку и — условно — открытую Беллинсгаузенoм и Лазаревым Антарктиду...). И у обоих печатная и театральная литература, у Сталина еще и кино, были в неусыпном внимании. Именно — внимании, не в примитивном надзоре. Даже более яркий, нежели с Гоголем, пример здесь — опека Николаем Первым творчества Пушкина. Александр Сергеевич удостоился не столько чести иметь личного цензора-императора, сколько возможности максимально полного раскрытия своего дарования — в части свободы, понимаемой диалектически же: свобода есть осознанная необходимость. А любой иной свободы человеку социумному не может быть отпущено. Действительно, кто «первый бросит камень» в сторону гения русской поэзии (и прозы тож!), рассуждая либерально, что-де «Клеветникам России» написаны им верноподданнически?!

Перейдем к следующему содержанию апофеоза литературы.

Литературное образование масс и признание ими роли и необходимости творче-

ской словесности. Сюда же входят и «позиции»: роль литературы в социально-экономическом движении общества и литературы, как <недостижимого> ориентира надежд и устремлений масс — «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Последнее преемственно перешло в «организованную» литературу из фольклора, основным содержанием которого, по крайней мере русского, является сказка про «сон золотой».

На стыке литературного образования, социумной роли литературы и ориентира надежд и устремлений, что характерно для апофеоза творческой словесности, наблюдается политизация литературы, понимаемая как выход из рамок конструктивной творческой оппозиции госвласти (а до XX века и из рамок реально властвующего религиозного традиционализма) и прямое вступление в политическое движение: от национально-освободительных (в XIX веке — это прерогатива литературы Греции, южных славян, Венгрии и Италии в составе Австрийской империи, Ирландии в Британской и Польши в Российской) до событий смены общественно-экономических формаций: создание Советской России и <кратковременной> социалистической власти в Венгрии, Германии, в прибалтийских странах. В литературных же жанрах: от исторических романов до текущей социально-критической литературы. В части последнего возникает и *литература социального заказа*: директивного или интуитивно побуждаемого для авторов.

Опять же для русской литературы здесь классический пример — «Мать» А. М. Горького, созданная в кратчайшие сроки и, что называется, «в нужное время». И если бы не Алексей Максимович этот роман написал, то, как говорится, «свято место пусто бы не осталось»: этот самый, конечно, неявный, социальный заказ на произведение столь глубоко выраженного революционного содержания и пафоса (это не обидное слово...) «выполнил» кто-нибудь другой. В России начала ее революционного века талантов, оппозиционных существующему строю, имелось предостаточно.

В том, что «Мать» явилась романом хотя бы неявного, но именно социального заказа, сомнений быть не может. Как это не покажется некомильфо, но наиболее достоверным утверждением здесь будет... анекдот! Напомним его (он с советских времен). В беседе с Горьким Сталин обращается к нему с предложением, что-де роман «Мать» в свое время сыграл неосценимую роль в воспитании целого поколения революционеров, в итоге свершивших Октябрьскую революцию. Но сейчас мы уже построили мощное советское государство, а для дальнейшего движения нужно воспитать когорты борцов за светлое будущее. «Их надо вдохновить. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман той же мощной силы, что и «Мать», назвав его,— здесь Сталин чуть потупился,— например, «Отэц», а?» Ошарашенный Горький только и произнес: «Хорошо, Иосиф Виссарионович, я попробую, я попытаюсь». — «Вот именно, попытайтесь. Ведь *попытка* — это не пытка. Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?»

...В том, что анекдот, как наиболее экспрессивный устный литературный жанр, бьет не в бровь, но в глаз, сомнений нет. А чтобы понять причину исчезновения в последние 5...10 лет из нашего (и по всему глобо-миру также) обихода анекдотов (интернет «нам не указ»; там анекдоты вычищают кому следует в порыве административного восторга и благочиния...), обратимся к работе Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», из которой следует, что таковое <творческое> качество есть активизация сугубо подсознательного мышления человека — главного источника именно *аналогового, образного творчества*.

...И сейчас мы «плавно переходим» от апофеоза литературы к ныне наблюдаемому нивелированию творческой словесности. А пример с анекдотом, специфическим видом литературы, более чем явно говорит: именно — и всего лишь! — за прошедшую четверть века *человечество в массе своей сделало переход от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому*. Что и уничтожило художест-

венную литературу, литературный процесс и читательскую аудиторию в привычных нам понятиях.

«От слова к цифре» — технологии расчеловечивания в литературном ареале. Поскольку далее и до конца очерка пойдут рассуждения, вроде как «уничжительные» для предмета современной литературы и собственно человека эпохи <нынешней> стадии глобализации, то сразу оговоримся в том смысле, что это не коллизия по типу тургеневских «Отцов и детей» или пресловутых призывов 1920-х годов «сбросить Пушкина с корабля истории»... и вообще никакая не коллизия. Это самая что ни на есть безотносительная к кому-либо и чему-либо констатация факта уже почти свершившегося расчеловечивания глобального социума. В то же время мы не ставим себя в позицию «добру и злу внимающего равнодушно». Это только в утилитарном, расчеловеченном социуме понятия добра и зла теряют христианскую, вообще этическую, антитезу с моральной апологией добра и отвержением зла. В утилитарной этике (см. русск. изд. «Принципов этики» Дж. Мура, М.: Прогресс, 1984) эти категории равноценны, а ценность каждой из них определяется по степени утилитарной пользы, получаемой для утилитарного же, империалистическо-глобалистского, социума.

Таким образом, прекрасно осознавая неизбежность полного расчеловечивания <глобального> социума, мы, «оттягченные» исторической памятью — своей и «памятью отцов» — по Н. Ф. Федорову, — не склонны относить этот процесс по категории добра; одновременно и злом его можно полагать, пожалуй что, с точки зрения носителя христианской, вообще канонической, этики. Однако — к пресловутому «от слова к цифре», как, «не боясь греха», круглосуточно вещают глобалистские (а других сейчас в мире и не осталось!) СМИ. Именно на замене творческого аналогового мышления утилитарным цифровым и зиждутся технологии расчеловечивания социума, в литературном ареале в том числе. И если в обычном, традиционном русском языке термин «технологии» применим к миру промышленности, то в современном новоязе — и к человеческим массам. А что есть такая масса? — Выдающийся испанский философ двадцатого века Хосе Ортега-и-Гассет дает такое определение («Что такое философия?» — русск. пер. 1991 г., «Наука»): *«Масса — это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров (выд. нами. — А.Я.)... И как раз этот человеческий тип сегодня решает».*

...И это не пресловутое презрение к массам, но четкое понимание фактора социальной биологии человека, если можно воспользоваться такой терминологией: только восемь процентов людей, что называется от рождения, от генотипики, в период взросления дополненной фенотипикой, обладают качеством *самодостаточности мышления*, проще говоря — «не управляются» телевизором и интернетом. Увы, остальные девяносто два из ста и есть та масса «без ориентиров». Сказанное есть сугубо научный факт, сомнению не подлежащий.

Итак, если, согласно известной диалектической формуле, спрос рождает предложение — от экономики до все той же литературы во всех ее ипостасях, — верно и обратное расширенное утверждение в рассматриваемом нами аспекте: ликвидация, в крайнем случае нивелирование (усреднение по низшей мерке — так мы здесь это понимаем) литературного процесса (писатели + широкая читательская аудитория) достигается наиболее эффективно и в кратчайшие исторические сроки действиями глобализаторов с агентами-исполнителями СМИ первоначальным упразднением самого понятия «широкая читательская аудитория», за чем, в силу принципа обратной связи, следует и нивелирование собственно литературного творчества.

Массы выводятся из прежней аудитории совокупным действием следующих факторов: умозамещение с ликвидацией интереса к художественной литературе; замещение интернетом с его компьютерным (кликвым, цифровым и пр.) мышлением и информационным шумом традиционного книжного чтения; разрушение сети книжной торговли с массовым закрытием по причине нерентабельности книжных торго-

вых точек (магазинов); не востребованность прежних книжных тиражей; разрушение журнальной подписной и рознично-торговой практики распространения — как следствие, резкое снижение тиражей, авторитетности, распространенности и пр. ведущих и периферийных журналов.

Таким образом, разрывается обратная связь писателя и читателя, что и есть упразднение литературного, в масштабе социума, процесса. Таковое же является существенным моментом в глобальном расчеловечивании. Также как и расчеловечивание в научной сфере: замена — или лучше подмена — творческого научного знания сугубой информацией. В обоих аспектах, литературном и <взятым для сопоставительного примера> научном, совершается перевоплощение мышления, психологии и так далее вплоть до физиологии человека: из расширенного понимаемого *конструктора* (знания, художественных образов и пр.) он становится квалифицированным *потребителем*. То есть тот самый, у Маяковского, «...будь я негром преклонных годов» уже не «...русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», но, прошагав пару километров по саванне, заходит на почту, где получает из китайского посылторга «Али-баба» бандероль, в которой ему прислали шанхайской сборки синхронный речевой переводчик на основные языки мира... без русского разумеется. Это и есть квалифицированный потребитель.

Менее экзотический пример приведем из личных наблюдений. Проживая прямо у входа в главный тульский парк, о котором еще Есенин писал, что полюбил он этот парк, и вообще — это лучшее, что есть в городе, часто там бываю. На противоположной от главного входа стороне несколько лет назад соорудили «под японский» сад камней, то есть поставили в пирамиду несколько обкатанных еще в ледниковый период валунов, округ посадили явно южные кустики с листьями ярких колеров, а на расстоянии десятка метров концентрично расставили лавки со спинками, на которых положено сидеть, задумавшись о смысле бытия, благодарным (городским властям) посетителям. Возможно и хайки с хокку в русском переводе осмысленно читать.

Действительно, поздней погожей весной, в нежаркие дни лета и в золотую осень скамейки сада камней заняты преимущественно среднестаршими и пожилыми женщинами интеллигентного вида. Но они на камни не смотрят и переводные японские вирши не читают. Все они — без исключения! — склонились над смартфонистыми гэджиками, что держат ладонями левых рук, а пальцами правых быстро-быстро скользят по экранам, переводя кадры. Нескромно полюбопытствовал, пройдясь мимо тыльных сторон концентрически установленных парковых лавок и скашивая глаза на эти экраны: калейдоскопически мелькают фото явно подруг, взрослых и озбоченных трудностями нелегкой нашей жизни детей, но чуть подольше задерживаются кадры с любимыми внучатами...

В том же парке, поодаль друг от друга, установлены два застекленных металлических шкафчика, в которые доброхоты могут приносить книги, а желающие — взять их себе. Шкафчики не пустуют, постоянно заполнены русской, советской и зарубежной классикой по преимуществу. Очень политкорректно, говоря современным языком, организовано избавление от ставших ненужными книг...

На «парковых примерах» и завершим этот раздел, поскольку самодостаточно мыслящему человеку все аспекты гибридно-иезуитской технологии расчеловечивания в части литературы и так прекрасно известны. Ну а остальным 92 % (см. выше) телящик все разъяснит: дескать, по «фэньшую» (что-то в этом роде, сходное с легким матерком...) иметь книги в личном жилище немодно и слишком вредно для здоровья... очевидно психического? И вообще читать бумажные книги устарело. Вообще читать что-либо, кроме компьютерных «эмэйлов», ни к чему. Тому полковник Скалозуб (но явно на грибоедовского персонажа не ссылаются) свидетельство — хотя бы и из позапрошлого века эта мощная натура выглядит...

Мы же перейдем к следующему разделу, еще более «обидному» для бывшего человека разумного.

Невостребованность литературы в биотехническом мире: действительность и нерадостный прогноз. Вместо образного знания — информационный шум. «Не буди лихо, пока оно тихо», — так и хочется сказать в адрес тех провидцев из числа философов и писателей последней трети прошлого века, что предрекали, как тот же Фукуяма, скорое окончание «гуманитарной эпохи» в истории человечества. Не они, конечно, разбудили это лихо — монстра Великого глобализатора; он самолично явился в отведенное ему эволюцией время, но в характере человека не задумываться о первопричинах, а судить о происходящем по внешним его признакам. Отсюда и кухонно-бытовые упреки: во всем виноваты Маркс с Энгельсом, несомненно Сталин — и вплоть до классики времен первого президента России: «Во всем виноват <имярек>!»

Увы, все сбилось стремительно за два-три десятка лет, нагляднее всего — в невостребованности художественной литературы, которая действительно, без «происков мирового империализма» и «ослабления творческого импульса в писательской среде», вне всякого сомнения становится излишней в социуме, все в большей степени обретающей черты человеиника (термин А. А. Зиновьева), составленного некими существами, переходными от человека биологического — и творческого в лучших своих представителях! — к человеку биотехническому, этакому придатку к глобальным телекоммуникационным сетям. Соответственно, образное, творческое знание и познание объектно-процессуального мира такому существу не нужны. А если воспыхает, прорвется творческая душа через панцирь биотехнического робота, то таковой индивидуум становится изгоем, чудиком. А таковых роботизированный социум не терпит.

Вместо же образного знания и познания субъекту человеиника вчинен информационный шум, в котором «от литературы» представляет примитивный детектив и пресловутый «женский роман», причем то и другое создается по компьютерным программам; от литературы здесь только «живое» редактирование... Или псевдомодернизм пиарщиков.

Основная задача (рукотворного) информационного шума есть оглушение, умозамещение, профанация... словом, целый набор качеств, которыми должен обладать человек биотехнический — крохотный винтик глобальной мегамашины; «винтик органчика» — по определению Ф. М. Достоевского: равенство винтиков. Это убогое равенство в «Бесах» Достоевского разъясняет Петр Верховенский, излагая Николаю Ставрогину учение Шигалева: *«Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят».*

Заметим, что на стадии начальной глобализации, в коей мы имеем сомнительную честь *существовать* (именно так!), «высшие способности» суть олигархат с его высшим творчеством «отнимать и приумножать» капитал и власть в социуме, а потому они на этой стадии самодовлеюще необходимы обязательно. Их, конечно, на стадии развитой глобализации дезавуируют, то есть олигархат, как институт социума, есть явление временное. Пока же на него работает девиз олигархата Древнего Рима: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным».

Почему в этом славном девизе мы выделили *искусства*? А по той причине, что отголоски литературы, как правомочного вида искусства, в период начальной, нарастающей глобализации по инерции еще сохраняются в двух резко расходящихся формах: для масс человеиника — та же, упомянутая выше, детективно-эротическая жвачка (почти что вкусовое ощущение жеванной ваты после прочтения...); для элитарного потребления определенным кругом «эстетствующих избранных», что из пирамиды обслуживания олигархата, — очередной, как все повторяется в диалектической спирали, виток декоративного декадентства с его вечным утверждением: искус-

ство для искусства. А проще говоря: для первых — мыльные телесериалы с качеством ниже паскудности; для вторых — «билеты в Большой» стоимостью в полугодовую зарплату пресловутого бюджетника...

Теперь обратимся к одному из основополагающих законов движения эволюции, который условно назовем для эволюции человека «законом временной непротестности»; несколько коряво звучит, зато понятно. Сущность его состоит в следующем. Человек является наиболее адаптивным существом общей биоэволюции в отношении изменений среды обитания, но особенно он безынерционен в части изменений в социальной организации, которые не вызывают за пределами одного, много двух, поколений протеста. Именно поэтому сегодняшняя невостребованность <художественной> литературы — в действительности и прогнозе — и подмена образного знания информационным шумом, свершившаяся в счетные десятилетия исторического времени, никакого этического и иного протеста не вызывает. Здесь к месту будет провести пророческие слова Н. С. Лескова («Запечатленный ангел»): «— Ну, а у нас,— говорю,— верно другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род «русский только вчера насадка под крапивой вывела».

...Актуально поправим Николая Семеновича: не конкретно русский, но весь мировой человек. Как раз русский род еще трепыхается, в чем-то сопротивляется глобализации. Вот сейчас руководство страны открыто говорит о пользе здорового <от глобализации, хотя бы от его извращений> *консерватизма*. Исполать им!

Для поколений периода глобализации полная невостребованность продуктов литературного творчества вовсе не означает в личном, так называемом общественном, для своего круга общения, в официальном и так далее мнении, что таковые являются обиженными природой, недоразвитыми, необразованными («Потолковать об Ювенале, в конце письма поставить *vale*, и помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха...») и пр. Даже мысли такой не возникает! Убеждать «винтика» биотехнического человеканика, что он есть литературно безграмотный нуль... даже нуль в квадрате, все одно как упрекать человека современного (еще не окутанного фуриями, вылетающими из <глобалистского> ящика Пандоры), что он не обладает способностью высекать камнем искру для первобытного пещерного огня...

А в части якобы неполноценности, то такое определение может дать только человек предыдущего поколения, творческого... но и он помягчает голосом и душой, прочитав строки Ф. М. Достоевского: «*Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...*» («Ряд статей о русской литературе», 1861).

То есть глобалистский винтик человеканика абсолютно неповинен в литературной безграмотности в таком качестве он и востребован своей эпохе. А жаловаться на Великого глобализатора все одно, что собаке на собачью жизнь (мы не имеем в виду раскормленную квартирную мелюзгу, из собачьей природы у которых остался только лай и генетическая вражда к котам): законы эволюции пересмотрю и корректировке не подлежат, а эпоха глобализации суть некоторый временной удел социальной эволюции. А что же ныне писатель и читатель подельывают? — Это в заключительном разделе.

Современный писатель и исчезающий читатель... Начнем опять-таки с суровых слов Федора Михайловича: «*Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это: существо на двух ногах и неблагоприятное*» («Записки из подполья»).

Про две ноги — это отнесем по части биологической и начальной (руки освободить для охоты на мамонтов) социальной эволюции. Неблагодарность же есть качество, благоприобретенное равномерно в период цивилизации и культуры, сдерживаемое в своей амплитуде нормами религиозной морали, перешедшими затем в общесоциальные, но совершенно «распоясавшееся» в предглобалистскую империалистическую эпоху, а вот о нынешних временах и вовсе говорить об антитезе благодарности/неблагодарности не приходится. Раз в утилитарной морали противопоставле-

ние этих качеств, как категорий добра/зла, перетекло в утилитарную же «равноценность» добра и зла, то что тут сказать о неблагодарности?

Сам же вопрос о неблагодарности спонтанно возникает у литераторов, они же писатели-беллетристы, поэты, литературные публицисты, драматурги, критики и так далее, которые видят, что все их немалые творческие усилия, к тому же не оплачиваемые даже по нищенскому «прожиточному уровню», ибо писательство еще в девяностые годы перестало быть самокупаемой профессией, никем не востребованы: массовый читатель, как по мановению ока, исчез, остался, как и понятие гонорара, лишь в памяти старших поколений литераторов.

Но при чем тут, спрашивается, неблагодарность? Несколько переиначивая слова электромонтера Мечникова из диалогии одесских классиков, скажем, что благодарность, как расширенно понимаемая морально-нравственная категория, есть продукт непротivления и согласия сторон. То есть писателя и читателя. Первый благодарен читателю за внимание к его произведениям (книгам) и равнодушное отношение, сопереживание действию художественного полотна, вживание в образы персонажей и так далее. Опять-таки читательский спрос есть стимул оплаты профессии писателя, который не навязывается читателю своими произведениями и согласен в определенной степени ориентироваться на массовый вкус. Это принцип социального заказа, никем и никогда <ранее> не отменяемый. Неважно, по какую сторону «железного занавеса» (в 20—30-е годы — «санитарного кордона») живут писатель и читатель.

И обратно: читатель благодарен писателю за доставляемое интеллектуальное, этическое, художественно-образное удовольствие и пользу от чтения его произведений. У него не возникает желание противиться (?) изданию книг писателя, он согласен с существованием самого института создания художественной литературы. Монтер Мечников прав; хотя бы не он сам придумал это определение, но античные творцы канонов римского права... Причем запянциковский персонаж Ильфа и Петрова использовал форму из «Философии права» (1821) Гегеля. Но — это к слову.

В силу сказанного выше, неблагодарность есть импульсивное, эмоциональное ощущение современного писателя, оставшегося без читательской аудитории. Ее направленность в отношении читателя суть фикция; человек, переставший быть читателем, никоим образом в этом невиновен и претензий к писателю по определению иметь не должен. С другой стороны, и писатель, прекрасно понимая источник своих бед, понимает всю бессмысленность «обращения к социальной эволюции», дескать, смилуйся, владычица мирская (то есть глобальная) и так далее. Эволюция советов и запретов не принимает *a priori*. Словом, все по русской пословице: «Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить»...

Итак, литературный Карфаген сопротивления глобализации уничтожен. Посреди его развалин высятся разной высоты, заросшие травой и кустарником, почти не посещаемые, замшелые могильные плиты на местах упокоения гениев, классиков и просто творческих тружеников ушедшей в небытие литературы. Между заброшенных могильных камней бродят редкие неприкаенные бывшие читатели. Зловещая тишина погоста.

... А ведь если серьезно подумать: зачем задуман был человеческой эволюцией этот десяти тысячелетний литературный Карфаген, если он так печально в одночасье был разрушен? — Скорее всего, эволюция не замыкает в своем детище, в человеке, саму себя: это всего лишь ступень лестницы. Так и литература: перешагнул и забыл. Увы. Как тот же первый младенческий крик.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПЬЕСА

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Наш постоянный автор.

*Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

8. ТАЙРА

Я проснулся от пронизывающего холода. Одежда была сырой, и ветер продувал насквозь. Раскрыв глаза, я увидел густые ветви деревьев, свисавших чуть ли не до самой земли. Я лежал словно в шатре. Небо, проступавшее сквозь листву, едва серело. Утро сейчас или вечер, я не мог этого понять. Сильно болела голова. Когда я попытался подняться, меня стошнило. Я бессильно откинулся навзничь, слабой рукой нащупал широкий лист, сорвал и вытер лицо. Другой рукой отыскал ситру. Попытался вспомнить, что произошло: я сидел у озера, подошли охранники... Потом вспомнил мягкое кресло. Один из них копался в моем затылке.

Может, вам и это стоит объяснить. Кто знает, как там все изменится в будущем? Лет пятьдесят назад ввели обязательное *Прикосновение*. Каждому вживляли в затылок микронную *пулю-вход*. Это не было больно, особенно если ты новорожденный. Но вот мои родители рассказывали, что натерпелись страху перед операцией. Никто толком еще не понимал, зачем это нужно. Но хочешь не хочешь, ты обязан. Хочешь жить в нормальном обществе, будь добр, подчиняйся его правилам. У отца долго болела голова. Мне кажется, он до конца жизни так и не свыкся с тем, что в его голове живет нечто инородное. А тем более — пуля. Через пулю-вход подключают воздушку.

Теперь я вспомнил отчетливо вчерашний эпизод. Когда охранник усадил меня в кресло и коснулся затылка, я наивно подумал, что меня вновь подключают к ней. Оказывается, нет. Оказывается, дырка в моей голове предназначена и для чего-то другого.

Дырка в моей голове

Шепчет мне черные сны,— вспомнил вдруг я слова того музыканта. Как странно, ведь мы даже не знали его имени. Но многие тогда подхватывали слова его песен. Я помню, как взрывался зал, когда начиналась его известнейшая вещь.

Эй, ты, живущий за облаками,

Подойди к краю, свесь голову вниз,

*Посмотри на нас, на нашу
Любовь к тебе.
А если вдруг твоя голова
Перевесит,
Может, мы и встретимся где-то
Между ярусами.
Только я всегда лечу вверх
Мыслями,
А ты всегда летишь вниз
Телом.*

Сильная была песня, но ее быстро убрали. Да, в моей юности я помню период, когда какая-то необъяснимая волна всколыхнула нас, заставила раскрыть, как говорится, глаза шире. Только все это быстро закончилось. Это было, когда я учился дизайну. Тогда многие мои друзья неожиданно переехали вместе с родителями в другие каскады. Все это казалось странным, но никто не стал задавать вопросы. Все быстро утихло.

Я наконец смог сесть. Цвет неба потеплел, блеснул первый луч солнца. Значит, утро. Я вышел из леса и стал искать дорожку, но кругом был лишь широкий луг с непривычно высокой травой. Мокрая от росы, она посверкивала на солнце. Хотелось согреться. Впереди я увидел возвышенность и направился к ней. Было непривычно ступать по траве. Я поначалу спотыкался, но потом почувствовал, что мы словно слились с травой. Ноги легко раздвигали ее, и я уже не спотыкался. Начал испытывать удовольствие от ее прикосновения. Прислушивался к шуршанию. В некоторых местах трава была по пояс, я касался ее ладонями, мокрыми от росы.

Странно, я не помню, чтобы на Верхнем плато была такая высокая трава. Обычно, подобное буйство можно видеть в Диких местах. Откуда же здесь такое?

Поднялся на холм. Трава стала короче. Я оглянулся назад. Вдали зеркальная стена Конуса, за моей спиной, чуть ближе,— край плато. Справа разглядел озеро. Оно казалось маленьким и тускло отражало небо. Тут все было каким-то непривычным. Неправильным. Во-первых, я не нашел ни одной дорожки. Я увидел еще один холм, поросший неизвестными мне деревьями. Их высоченные стволы были голыми, и лишь самые верхушки зеленели пышными шапками. Хотелось рассмотреть деревья, но подниматься до них слишком долго. К тому же я все сильнее чувствовал голод.

Да уж, попал в ситуацию. И как найти из нее выход? Неужели мне дадут умереть с голоду! Ведь наше справедливое общество, так гордящееся своей стабильностью, не должно допускать такого. Это там, на нижних ярусах, подобное происходило сплошь и рядом. Я часто читал новости об их несуразной политике, о голодающих и безработных. У нас невозможно представить себе такое. Хотя что я говорю! Вот перед вами сидит реальный безработный и уже теряет сознание от голода.

Умирать, честно говоря, не хотелось. Я решил спуститься и найти какую-нибудь работу. Готов был выполнять самую нудную, лишь бы дали еды. На баллы рассчитывать уже не приходилось.

Пока я сидел на холме, солнце взошло, осветило луга и лес. Ярko запестрели цветы. Такой красоты мне видеть еще не доводилось. Как все-таки хорошо, что додумались на этом плато устроить кусочек дикой природы. Ведь обычно здесь идеальные газоны, дорожки, деревья с ухоженными, симметричными кронами. Но здесь солнце освещало все как-то по-другому. Иначе. Во всем ощущалось буйство свободы.

Подхватив ситру, я направился в сторону Конуса и тут услышал какой-то нежный звук. Не могу объяснить, что это было. Звонкая, но в то же время едва слышная мелодия донеслась до меня. С чем можно сравнить эти звуки? Пожалуй, с журчанием ручья. А еще можно наиграть нечто подобное на ситре. У меня хорошая память, и я решил, что непременно сделаю это. Я чуть спустился по склону холма и тут заметил, как что-то шевельнулось.

У подножия росли совершенно бесформенные кусты. Было непривычно видеть подобное, и в то же время меня это забавляло. Ведь я привык к тому, что кусты должны быть правильной формы, ровно подстриженные. А тут такое лохматое чудо. А еще шевелится и издает манящие звуки.

Приблизившись, я невольно отшатнулся. Из кустов на меня смотрело нечто такое, с чем я в жизни еще не сталкивался: маленькое, чуть выше колен, четвероногое существо с густой белой шерстью.

Животное шевельнулось, медленно вышло из кустов. Я вновь услышал нежный перелив и в луче солнца заметил, как под шеей животного что-то блеснуло, еще раз издав мелодичный звон. Но вот голос самого животного меня напугал, и я дал деру. Я несся как ошалелый в сторону края плато, животное несло за мной. Я споткнулся. Камень?! Откуда тут камни? Мне отчего-то перестали нравиться эти Дикие места. Хотелось вниз, в привычный мир. Я почувствовал боль в ноге. Сел, задрал штанину. Коленка разбита в кровь. Ужасно! Ведь можно заразиться!

Животное пробежало мимо и остановилось передо мной. Ошеломленный, я продолжал сидеть, истекая кровью, тяжело дыша. Вдруг услышал:

— Нагулялась, Нура? Иди водички попей.

Пожилая женщина, выйдя из-за кустов, погладила животное по голове. Животное вновь издало напугавший меня звук. Сейчас я ощутил в нем даже какую-то нежность.

Женщина, увидев меня, сильно удивилась. Я заметил в ее взгляде испуг и постарался успокоить:

— Не бойтесь меня.

— Кто вы? Охранник?

— Нет, я снизу.

— У вас тут огород? — вновь спросила она.

— Простите, что? — переспросил я.

— Вы ногу поранили,— не отвечая на мой вопрос, сказала женщина, подойдя ко мне.

Животное тоже двинулось. Женщина заметила испуг в моих глазах. Улыбнулась, вновь погладив странное существо.

— Это моя козочка. Не бойтесь. Она игривая, но добрая. Никогда не бодается. Давайте-ка перевяжу вас.

Я встал, и мы начали спускаться по узкой тропке. Таких бугристых тропок я раньше никогда не видел.

— Тут все запущено, как в Диких местах,— удивленно произнес я, стараясь не споткнуться о выступающие из земли корни.

— Что вы называете «дикими местами»?

— Как что? Заросли между каскадами.

— Вы имеете в виду наши леса?

— Леса? Мы называем их Дикими местами.

— Вы странный.

Наш разговор удивлял меня все больше.

Наконец мы спустились и оказались почти на краю плато. Всего метров сто, и будет край. За ним на фоне синего неба парила облачная реклама.

— Здесь у меня огород.

Хотел переспросить, что это — огород, но не стал. Она и так назвала меня странным.

Я осмотрелся и заметил ровные посадки, разделенные утоптанными тропками. Среди пучков зелени, в самом центре, пестрели цветы. Их крупные розово—красные головки тянулись к солнцу. Женщина зашла под навес, увитый зеленью.

— Идите сюда. Здесь есть лавочка.

Я неуверенно посмотрел на это изделие.

— Садитесь, она крепкая,— улыбнулась женщина.— Лавочку и навес сын устроил. Из всего, что нашел. Всего-то — ящики из-под овощей да старая мебель. Мне этого достаточно. Главное, от дождя спрятаться.

Я сел на лавочку, вытянув ногу. Из небольшой сумки, висящей у входа, она достала темную бутылочку и, присев рядом со мной, щедро полила ссадину. Я вскрикнул от неожиданности и резкой боли.

— Что вы делаете?!

— Ну-ну, пощиплет и перестанет. Какой же вы все-таки странный,— спокойным голосом произнесла она.— Дайте подую.

Она наклонилась к колену, и я почувствовал приятный холод. Действительно, боль вскоре отступила.

— Вы мне тоже кажетесь странной. И вообще все здесь... И этот огород.

— Ну, огород как огород. Тут у многих есть. А как иначе выжить? Внукам, детям чем могу помогаю. Лишних монет у нас не бывает. По крайней мере, овощи всегда на столе.

— Монеты? — я вновь удивился.

— Ну да.

Тут она расширила глаза, улыбнулась.

— Я поняла, кто вы! *Южник*. Смотрю, вовсе на наших мужчин не похожи. Наши приземистые, смуглые, крепкие. А вы вон какой! Высокий, худой, как тростиночка. Сразу видно — *южный*.

— Я и не знал, что нас южниками называют. Пять часов сюда добирался.

Женщина вновь достала что-то из сумки. В ее руках сверкнул на солнце блестящий цилиндр.

— Что это? — с опаской спросил я.

— Бинт. Не бойтесь, он стерильный.

Слово «стерильный» меня несколько успокоило. Я подставил колено. Из цилиндрика она достала полоску белой материи и ловко обмотала мое колено.

— Позавтракайте со мной,— предложила она,— я сегодня ничего еще не ела.

Отказываться я не стал.

Из-под навеса женщина вынесла небольшой столик. Круглый, ярко-голубого цвета. Посередине что-то пестрело. Я всмотрелся, невольно вспомнил визоны с изображениями святых. Это были цветы, но не визоны. Неровные линии и цвета казались странными, но привлекали меня.

— Что это? — спросил я.

— Это я нарисовала.

— Вы художник? — удивленно спросил я.

— Ой, куда мне! — она невольно улыбнулась.— Так, иногда балуюсь.

— Вы знаете, это очень красиво. Я никогда еще не видел подобного.

Я невольно коснулся изображения кончиками пальцев и ощутил чуть шероховатую поверхность.

— И как вы это делаете?

— У нас есть целый квартал художников. Вот там действительно красота. А я так...

Женщина достала из сумки коробочки, раскрыла. Я почувствовал восхитительный аромат еды. Она протянула мне деревянную ложку, которая меня тоже удивила. Ничего подобного я никогда не держал в руках — невесомая, украшенная золотыми узорами, твердая, но кажущаяся мягкой. Как такое может быть?

— Какая странная! Из чего это?

Женщина добродушно рассмеялась.

— Смешные вы, южники. Я слышала, у вас вообще ничего из дерева нету. Одни сплавы.

— Ложка из дерева?! — удивленно спросил я.

— Из дерева, сынок. У нас много чего из дерева. Сплавы дорогие, а лесов много. Вон там, видишь, лес... Ты кушай, сынок, кушай. Вижу, глаза-то голодные.

Я набросился на еду. Мана, но с чем, я даже не мог понять. Было очень вкусно. Женщина протянула мне что-то красное и круглое.

— Помидоры-то ты ел когда?

— Впервые в жизни вижу.

Мне казалось, что я сейчас на вершине блаженства. Такой восхитительной пищи я не пробовал даже на крестоверте, когда летел на Пятый ярус.

Отвернув крышку серебряного сосуда, женщина налила в чашки прозрачную, бледно-золотистую жидкость. Я втянул носом тонкий благородный аромат, он успокоил меня.

— Не торопись, пусть немного остынет.

В моем взгляде она вновь увидела вопрос.

— Мятный чай. У меня на огороде много мяты.

— Очень вкусно!

Мы сидели, пригретые солнцем. Далеко внизу, за краем плато, простирался город, почти скрытый облачной рекламой. Я заметил одну деталь, на которую вчера не обратил внимания: в основном это была старая, цветная реклама. Разноцветные тени ласково ложились на город, окрашивая стены и дороги.

— Как твое имя, сынок?

Она называла меня «сынок», и мне отчего-то было приятно, словно я сидел с мамой. Мы расстаемся с родителями, как только заканчиваем учебу. Этот закон издали, когда мне было лет десять. Нас разъединяют, чтобы потом, после смерти родителей, мы не испытывали сильных мук. Мы видимся крайне редко. У нас не принято долго поддерживать отношения. Родители постепенно отходят на второй план, на первом — работа. Все основное время — только работа. Конечно, подобная система мудра. Когда я покидал дом, я испытывал радость и эйфорию от новой жизни. Но, живя в новом каскаде, в собственной молекуле, я вдруг почувствовал сильную тоску по ним. Часто связывался с ними по визору, но родители мягко и вежливо отдалялись от меня. Они приучали меня к самостоятельности и берегли от сильных переживаний.

Я знаю, что мои родители умерли семь лет назад. Сначала мама, потом вскоре и папа. Мне пришло уведомление. Вот и все. Я почувствовал легкую грусть. А через неделю вдруг сильно заболел. Лежал в клинике и долго лечился, как мне сказали, от последствий сильнейшего стресса.

— Адап, — я назвал свое имя.

Она внимательно посмотрела в мои глаза.

— Какое древнее имя. Его не каждому дают. Говорят, его может передавать лишь отец, если в его роду был предок с именем Адап.

— Я не знал этого.

— Это очень сильное имя. Оно поможет тебе. В нем сила доэвкаифских времен.

— Вы много знаете. Много такого, что я слышу впервые.

Я сделал глоток ароматного чая. Почувствовал, как меня покинула головная боль.

— Да не больше других. Обычные житейские знания. В университете я не училась, муж тоже. А вот старший сын смог поступить. А сейчас сам преподает историю древнего Эвкаифа.

Женщина сложила пустые коробочки в сумку.

— Ты, сынок, посиди, а мне надо помидоры полить.

Она вынесла из-под навеса сосуд с ручкой и пошла вверх по тропе к заросшему озеру. Козочка побежала за ней.

Теперь мне стало хорошо и покойно. То ли оттого, что я наконец утолил голод, то ли от мятного чая, то ли от мирной беседы. А может, от всего вместе.

Я прошелся вдоль огорода. Присаживался на корточки и рассматривал резные листики, пушистые метелочки, свисающие с тугих зеленых веток красные помидоры. Вернулась женщина. Она с трудом несла до краев наполненный водой сосуд.

— Можно я полью?

— Конечно, сынок. Устаю в последнее время. Наверное, старость. Раньше с мужем огородом занимались. Но он уже пять лет как умер.

— А почему вам не нашли другого мужа? — удивился я.

— Другого?! — теперь она удивилась. — Как же можно, сынок? Мы с ним всю жизнь прожили, любили друг друга. Детей воспитывали.

— Но ведь поисковая система обязана найти вам мужа.

— Может, это у вас, у южников, так. Не слышала я о таком.

Я стал поливать растения. Я и не представлял, что в других каскадах жизнь может так отличаться. Мне казалось, наш Четвертый ярус — единое целое.

Вскоре мы присели отдохнуть. Она вновь налила нам чаю.

— А ведь я не спросил, как вас зовут.

— Тайра.

— Я никогда не слышал такого имени.

— Скажи мне, зачем ты покинул свои края? Просто посмотреть, попутешествовать? А может, ты работаешь с визорами?

— Нет, я работал в рекламе. Меня уволили.

— Знакомое дело. Выходит, и у вас, южников, жизнь нелегкая.

Женщина завела козочку в загон под навесом.

— Куда ты теперь? — спросила она.

— Не знаю. Хочу поискать внизу работу.

— Ну, так идем к нам. Комната младшего сына свободна. Он год уж как в соседнем каскаде живет. Там работу нашел и женился. Теперь только на праздники видимся.

Я взял ее сумку, и мы по тропе двинулись в сторону Конуса.

9. ВНИЗУ

Уже в лифте я почувствовал что-то неладное. Внизу простиралась совершенно другая площадь. Не та, с которой я поднимался на плато. Здесь не было сверкающих витрин, ярких цветочных клумб и фонтанов. Серая каменная площадь, заполненная людьми, спешащими в разные стороны, казалась какой-то замшелой и грязной. Спустившись еще ниже, я различил мусор, скопившийся вдоль пешеходных платформ. Увядшие цветы на газонах. Многочисленные магазинчики пестрели вывесками. Облачная реклама казалась какой-то устаревшей.

— В вашем каскаде несколько лифтов? — спросил я Тайру.

— Нет, один. Как раз по центру. Живем мы близко, пешком пройдемся.

Попытался понять, как случилось, что я оказался в другом каскаде? Скорее всего, охранники, усыпив меня, каким-то образом переправили сюда. Подняли в лифте на плато и бросили. Вот отчего это плато выглядело иначе.

На площади я едва не потерялся. Толпа подхватила и повлекла в другую сторону. Тайра вовремя заметила, подбежала, взяла под локоть.

— Идем. Нам в ту сторону.

Я послушно последовал за ней. Все здесь удивляло непривычностью. Запах потных тел, еды, еще чего-то. Все это ворвалось, ошеломило. Я глядел во все стороны, в то же время стараясь держаться рядом с Тайрой.

Вскоре мы свернули в какой-то темный проход. Я споткнулся о высокую, неровную ступень и едва не выронил ситру. Сердце бешено колотилось.

— Придется пешком подняться. Лифт давно уже не работает, — произнесла в темноте Тайра.

— Где мы? — я пытался сориентироваться, но было сложно.

Едва различал светлую одежду женщины.

— Это подъезд. Мы живем на седьмом этаже.

— Так высоко? Почему не починят лифт?

— Мы уже привыкли,— со спокойной обреченностью в голосе произнесла она.

В подъезде не было окон. Запах стоял такой, что я невольно прикрыл нос отворотом *жака*.

— Держись за перила и иди вверх.

Тайра, взяв мою ладонь, положила ее на холодную узкую поверхность. Я уцепился крепко. Боялся — отпущу, снова споткнусь и покачусь вниз в темноте. Мы размеренно поднимались. Тайра впереди уверенно, я за ней медленно, на ощупь. Что—то липкое и мокрое коснулось ладони. Я невольно сдернул руку с перил, но не решился отереть об одежду. Внутренне содрогаясь, мокрой рукой вновь отыскал перила и ускорил шаг.

Наконец мы поднялись. Я услышал какой-то звон. Вспышка света ослепила. Я понял, что распахнулась дверь. Детский голос воскликнул:

— Бабушка, ягодки принесла?

— Нет, родненький, ягодок еще нету. Не созрели пока.

— А что ты принесла?

— Цветочки.

— Ура, цветочки! Давай поставим их в вазу.

Тайра взяла меня за руку и ввела внутрь. Закрыла дверь. Я вздохнул свободнее. Здесь не было затхлого запаха. Здесь пахло чем-то вкусным.

— Ами, поздоровайся.

Тут ребенок, мальчик лет пяти, заметил меня и с интересом стал разглядывать.

— Ты кто? — спросил он.

— Адан.

— Мама, к нам пришел Адан! — убегая по коридору, крикнул малыш.

— Тебе помыться надо и одежду вычистить. Идем, сынок.

Я вошел в странную комнату, где стены не светились привычной подсветкой, а были темными, шершавыми на ощупь. Покрыты они были чем-то ярко-синим. Комната маленькая, в углу круглое углубление с водой.

Из ниши в стене Тайра достала полотенце.

— Снимай одежду, я постираю. А сам забирайся в воду. Ты весь дрожишь, сынок. Тебе успокоиться надо.

Я разделся, присел на край бассейна и опустил ногу. Вода приятно-горячая. Я окунулся с головой.

Тайра забрала одежду и ситру и вышла, затворив дверь.

С низкого потолка тускло светила квадратная панель. Время от времени она гасла и зажигалась вновь. Горячая вода расслабила мое напряженное тело. Я заметил, что забыл снять повязку с колена. Размотал, выжал мокрый бинт и положил на край бассейна. Колено чуть саднило.

Я прикрыл глаза. И, кажется, заснул на короткое время. В бессвязном сне я видел Лили. Она почему-то превращалась в козу. Та бежала за мной, колола острыми наростами. Я пытался увернуться. Вскрикнул. Проснулся. Плеснул в лицо водой, часто дыша.

Вошла Тайра. Принесла одежду.

— Надень это. Моего младшего. Думаю, тебе будет как раз.

Вымывшись, я почувствовал себя лучше. Надел свежее белье. Брюки и странного покроя рубашку. Таких у нас не носили. Широкая, с запахом, почти до колен. С одного края свисал длинный цветной пояс. Я не смог разобраться, как его закрепить. Несколько минут любовался узором, выпуклым на ощупь, и не мог понять, как соз-

дается подобное. Это не было похоже на *силик*, который используют обычно в создании одежды.

Я запахнулся и вышел. Перед дверью на коленях сидел малыш, держа в руке игрушку. Он явно ждал меня.

— Ты будешь с нами жить? — спросил он.

Я улыбался и молчал.

— Подними меня на ручки.

Я неумело поднял его. Он обхватил мою шею и поцеловал в щеку. Это меня ошеломило и на мгновение словно выбило из реальности. Теплая волна прошла от макушки до пят. Я невольно покрепче обнял мальчика.

— Ты очень хороший, — тихо произнес он.

Подошла Тайра.

— Уже забрался! — улыбаясь, произнесла она. — Иди-ка к бабушке.

Она взяла у меня малыша.

— Идем, Адан. Сын с работы вернулся. Сейчас ужинать будем.

Узкий коридор был так же слабо освещен. На стенах среди визонов я видел рисунки, которые делают художники. Хотелось рассмотреть внимательнее. Но Тайра повлекла за собой.

— Потом разглядишь. Еще будет время.

Столовая была просторной, но вместо привычной прозрачной панели, выходящей наружу, был маленький прямоугольник, через который виднелась площадь. Посреди комнаты стоял круглый стол, уставленный едой. Из-за стола встали мужчина и женщина с ребенком на руках. Улыбнулись. Мужчина протянул руку. Я не понял его жеста. Подумал, что он дает мне что-то, но раскрытая ладонь была пуста.

— Мама рассказала о вас. Вы южник. Мне приходилось встречаться. В основном по работе.

— Пожалуйста, садитесь к столу, — пригласила женщина.

Все в этой комнате хотелось рассматривать. И резные стулья, и вазы, расписанные цветами, и красивую посуду. Наш «молекулярный» урбанизм с прямыми лаконичными линиями резко отличался от хаотичной неровности, наполненной цветными узорами.

Мужчина заметил мой развязанный пояс. Помог завязать и научил делать узел. Вся эта простота потрясла меня. Одежда казалась грубой, но приятно грела тело.

— Маду, — представился мужчина, — моя жена Тамила. А это наш младшенький Оник.

Малыш, лежа на груди Тамилы, словно составлял с ней единое целое. Видны были только ручки и ножки, торчащие из широкой узорной полосы.

Усадив за стол, принялись угощать. Мне вспомнилось детство. Мама, папа, мы за столом. Покой и любовь. И чувство, что ты кому-то нужен.

После ужина Маду и я вышли на балкон. Здесь тоже был столик и уютные кресла. Повсюду цветы.

— Попробуйте нашего вина, — предложил он, наливая в бокал темно-рубиновую жидкость.

Я осторожно пригубил. Розовое с Пятого яруса резко упало в моих глазах. Такого восхитительного вина я еще не пробовал.

— Мама сказала, вам нужна работа. Попытаюсь устроить вас на рынок. У моего друга гончарная мастерская. Лепит кувшины, тарелки и все такое. Тут же продает. Думаю, ему не помешал бы помощник.

— Я уже много вопросов задал вашей маме, но, чувствуя, их становится еще больше.

— Понимаю вас. Вы родились в совершенно другой системе. Сам я в южных каскадах никогда не был. Говорят, у вас там жизнь будущего.

— Будущего? Не понимаю.

— Я имею в виду технический прогресс. Качество жизни.

— Вы правы, качество жизни другое.

На балкон вышел Ами, держа мою ситру.

— Что это, Адан? — спросил он.

— Ситра. На ней играют музыку.

Маду с интересом взял в руки инструмент.

— Вот это и есть технический прогресс, — сказал он, — наши ситры из дерева. А здесь я не вижу даже струн.

— Струны? Что это? — спросил я.

— Ами, принеси папину ситру, — попросил он сына.

Ами принес инструмент. Странной формы. Моя ситра была из светящегося *наро*. Длинная, приплюснутая с двух сторон, со слегка расширенным на конце корпусом. Ситра Маду тоже блестела, но тускло. Темно-коричневого цвета, с длинной ручкой и шарообразным навершием.

— Вот это струны, они сделаны из *мальты*. Бывают *иговые*, но те быстро рвутся. Я увидел тонкие, туго натянутые вдоль инструмента нити.

Маду коснулся их. Раздался чудесный долгий звук с глубоким эхом. Я сразу понял, что моей ситре далеко до такого звука.

Коснулся своей ситры и попытался вспомнить мелодию, которую в молодости сочинил на слова неизвестного музыканта. Тихо запел. Маду и Ами внимательно слушали. У маленького Ами сверкали глаза от счастья. Он не столько слушал песню, сколько следил за переливами цветов на ситре. Когда я закончил, Маду заиграл и запел тихим глубоким голосом. К своему удивлению, я услышал те же самые слова. Но мелодия была другой. Она завораживала своей простотой и красотой.

— Это песня Ригаса. Ее до сих пор поют, — произнес он, — но у вас иная мелодия.

Я рассказал историю о неизвестном музыканте. О том, как сам сочинял музыку на его тексты.

— Выходит, он живет здесь? Я никогда не видел его, — сказал я.

— Нет, Ригас давно пропал. Никто не знает, где он. Может, умер. Прошло много лет. Он был странный. Мог зарабатывать огромные деньги. Купаться в роскоши, купить молекулу в южном каскаде. Но его не интересовала слава. У него была одна особенность. На выступлениях, если он замечал, что народ невнимательно слушает или вопит от счастья, видя его, Ригас поворачивался спиной и пел до тех пор, пока люди не начинали вслушиваться в слова. А потом на пике славы он исчез. Но, считая, дело свое сделал. Раскрыл людям глаза.

Ами не выдержал и осторожно коснулся ситры. Она засияла радугой под его ладошкой и издала серебряный перелив. Глаза Ами наполнились счастьем.

10. РЫНОК

Спал я в комнате младшего сына Тайры. Рано утром Маду разбудил меня. Я надел свою чистую одежду и с легкой грустью отложил вчерашнюю рубашку с цветастым поясом. В ней было так удобно.

Тайра и дети еще спали. Было рано. Тамила накрыла на стол и вышла.

— Обычно я встаю пораньше, — сказал Маду, накладывая мне ману. — Наш университет в конце каскада. Если будет переполнена платформа, могу опоздать. А у нас строго.

Я уже вчера решил меньше задавать вопросов. На этом каскаде жизнь так сильно отличалась от нашей, что вопросы я мог задавать бесконечно. Не хотел утомлять протививших меня людей. Решил воспринимать все как есть, хотя мне очень хотелось

узнать, отчего платформы могут быть переполнены? Ведь их проектируют с расчетом на то, чтобы мест хватало всем.

— У вас есть *уфон*? — спросил он.

И тут невольно пришлось спросить, что это.

— Хм!..— Маду улыбнулся, наколол на вилку кусочек маны и отправил в рот.— Насколько я слышал, у южников есть уфоны. Как вы общаетесь на расстоянии?

— А, вы имеете в виду воздушку? — догадался я.— Меня от нее отключили, как только уволили.

— Ясно. Я дам вам уфон брата. Проводить не смогу, рынок в другой стороне. Поэтому, как доберетесь, свяжитесь со мной. Да и вечером, после работы, вдруг забудете, как добраться до нас. Я смогу встретить.

Маду принес небольшую, размером с ладонь, зеркальную панель. Научил пользоваться. Это оказалось несложно. Мне показалось забавным вызывать человека с помощью этой штуковины.

Мы вышли из молекулы, глаза уперлись в темноту, но тут вспыхнул небольшой кружок света. Маду держал в руке небольшой шарик. Его света было достаточно, чтобы видеть путь в темноте.

Он протянул мне точно такой же.

— Наша мама не любит всех этих новшеств, вот и поднимается в темноте. Говорит, привыкла. Вы, когда устроитесь на работу, положите шарик на солнце. Он за день зарядится. Только следите, чтобы не украли.

— Украли?

— Ого! — Маду, спускавшийся первым, приостановился и взглянул на меня.— Адан, мама говорила, что вы необычный, но чтобы настолько! У южников не меньше нашего воруют. Пожалуй, даже больше. Там ворам всегда есть чем поживиться. Например, ваша ситра. Вы лучше не выносите ее на улицу. Могут просто вырвать из рук. А инструмент дорогой. За него можно такие деньги получить, что и молекулу купишь.

Спустившись, мы дошли до пешеходной платформы. Линии двигались в противоположных направлениях. На улице было уже много людей, спешивших занять место на платформе. Меня удивило то, что платформа не замедляла ход перед пассажирами, как у нас, а постоянно двигалась, причем достаточно быстро.

— Вам налево. Через две арки сойдете и позвоните моему другу. Он ждет вас и встретит у входа на рынок.

Мы расстались. Ближайшая к нам платформа двигалась налево. Маду пришлось перебежать через нее, чтобы встать на правую. На прощание он махнул рукой и быстро скрылся в толпе. Подойдя к платформе, я невольно остановился. От ее движения, мельтешения людей закружилась голова. От толчка в спину я шагнул на полотно и неловко упал, быстро вскочил и понял, что еду. Услышал смех, но оборачиваться не стал. Главное, не пропустить вторую арку.

Обычно на первом уровне каскада платформа двигалась мимо череды арок, которые вели на внутренние площади с множеством магазинов и различных городских служб.

Люди все прибывали. На платформе почти не осталось свободного пространства, поэтому, когда я увидел нужную арку, понял, что сойти с платформы при всем желании не смогу. Арка неумолимо приближалась, я рисковал проехать мимо. Вдруг почувствовал какое-то оживление, люди начали сходить. Несколько человек упали, что снова вызвало у окружающих смех. Люди, не церемонясь, толкали друг друга, пытаясь протиснуться к краю платформы. Я внутренне собрался, кого-то тоже толкнул и сумел соскочить на пешеходную дорожку. За это время, правда, арка оказалась довольно далеко. Ничего страшного. Главное, что я оказался с нужной мне стороны. Все это время я крепко сжимал в руке уфон. И только сейчас, очутившись на твердой

земле, почувствовал ладонью пульсирующую смену тепла и холода. Я вспомнил указания Маду и поднес уфон к уху.

— Здравствуйте, Адан! Кажется, я вас вижу. Идите к арке,— услышал я мужской голос.

Наконец мы встретились. Незнакомец был молод, смуглолиц, с приветливым взглядом карих глаз.

— Фадо,— представился он.— Идемте. Моя мастерская недалеко.

Мы вошли в арку. Обширная площадь с открытым верхом была полна народу. Я не мог понять, что это такое — рынок. Теперь же, немного сориентировавшись, догадался, что это некое подобие торгового центра. Здесь одни продавали товары, а другие покупали.

Фадо повел меня вдоль одной из стен с глубокими нишами, в которых были расположены ряды с товарами. Все пестрело, мельтешило, издавало запахи, обдавало парами.

Наконец мы вошли в одну из ниш.

— Вот моя мастерская. Я заварил чай. Вам надо присесть ненадолго и прийти в себя,— приветливо сказал он, подводя меня к низкому столику.

Свет падал только из открытого прохода и пустых прямоугольных проемов в стенах. На широких полках вдоль стен была аккуратно расставлена различная посуда. Ярко-синие большие блюда, чашки, чайники. Казалось, что веселая, яркая посуда наполняет мастерскую светом. Мне понравилось здесь. Понравился и приветливый Фадо. Он налил чай в светло-коричневую чашку. Подал мне. Я вновь испытал странное ощущение одновременно твердой и мягкой поверхности материала. Как такое может быть?

— Мы с Маду с детства дружим. Я рад, что хоть немного могу помочь вам. Научу расписывать посуду. Согласны?

— Да. Если справлюсь.

— Все можно научиться. Было бы желание.

— Что значит расписывать посуду?

Фадо улыбнулся, допил чай и подошел к одной из полок. Снял большое блюдо. Оно было матово-песочного цвета. У низенького столика, уставленного цветными сосудами и еще чем-то, он сел на подушку, лежащую на полу, и жестом пригласил меня сесть рядом.

— Это краски. Их изготавливают из различных пигментов. А это кисти, которыми краску наносят на изделие. Все просто.

Я взял в руки одну из палочек и потрогал мягкий заостренный кончик. Он был приятный на ощупь. Я невольно коснулся его тыльной стороной ладони.

— Это козий подшерсток. Я сам делаю кисти.

Фадо обмакнул кисть в сосуд с желтым цветом и сделал ею движение в центре тарелки. Получился ровный круг. Краска блестела на солнце и завораживала меня, словно была живой.

— А теперь сам попробуй,— предложил он, протягивая мне кисть.

Фадо незаметно стал обращаться ко мне на «ты», и я почувствовал радость.

Мне было непривычно держать кисть, но я почувствовал непреодолимое желание рисовать. С тех пор, как я узнал о существовании художников — людей, способных своими руками делать изображения более интересные, чем на визонах, меня тянуло к ним.

Я неуверенно коснулся кончиком кисти серединки тарелки.

— Хорошо, а теперь возьми кисть потоньше и другим цветом нанеси точки вдоль круга.

Я стал разглядывать склянки с краской, выбрал алую. Начал осторожно наносить точки. Они получались разного размера. Фадо расписывал другое блюдо. Я видел,

как под его рукой рождается красота. Он начал выводить нежно-розовые лепестки, украсил их тонкими, узорными линиями. Я упорно старался повторить за ним.

Пролетел час, может, больше. Я не замечал времени.

Мимо нашей мастерской проходили люди. Заглядывали к нам, выбирали на полках посуду. Только сейчас я понял, что такое деньги. Раньше слышал, но видеть не приходилось. Блестящие плоские кружочки с узором, который можно почувствовать на ощупь. Люди доставали их из маленьких сумочек, протягивали Фадо и забирали товар.

Но вот я показал законченную тарелку. Фадо с интересом рассмотрел рисунок.

— У тебя есть талант, Адан. Линии еще слабые, но цвета ты подбираешь великолепно. Я обожгу эту тарель тебе на память.

Фадо раскрыл дверь в глубине мастерской.

— Пойдем, покажу тебе печь.

В маленькой комнатке, освещенной панелью, была установлена печь. Тяжелая дверь закрывалась мощной планкой. Изнутри выдвигались полки, на которые ставили изделия для обжига. На светящейся панели задавалась программа, и печь начинала нагреваться. Фадо объяснил, что только так глиняные изделия станут прочными.

До самого вечера я расписывал посуду. Сделал всего пять чашек и две тарелки. Фадо понравилась моя работа. Он отпустил меня чуть раньше.

— Через полчаса на улицах начнется столпотворение. Люди заканчивают работу. Так что поторопись, пока спокойно.

Свою первую тарель я забрал с собой. Решил подарить ее Тайре.

Выйдя из арки, я спокойно ступил на платформу, которая была практически пустой. Лишь двое мужчин и молоденькая девушка, с которой мы одновременно вышли у дома Маду.

Зайдя в темный подъезд, я только сейчас вспомнил, что забыл выложить на солнце шар. Тьма была такой плотной, что я не различал своей руки. Чтобы оказаться у лестницы, надо было пройти весь коридор и повернуть направо. Я не представлял, как это сделать. Нерешительно остановился, пытаясь нащупать стену. В этот момент сзади кто-то столкнулся со мной. Я услышал женский голос:

— Ой, кто здесь?

— Простите, так темно!..

Я обернулся и на мгновение ослеп от наведенного на меня пучка яркого света. Сощурился, прикрыв глаза ладонью. Свет переместился чуть ниже и уже не бил в глаза. Я узнал молодую девушку с платформы.

— Вам на какой этаж? — спросила она.

— На седьмой.

— Идите за мной, я живу выше.

В дверях меня встретил Ами, радостно бросился на шею и спросил:

— Что ты принес?

Я протянул ему тарель.

— Мама! Бабушка! Смотрите!

Крепко прижав к груди блюдо, он побежал в комнату.

В столовой жена Маду накрывала на стол. Тайра появилась в дверях:

— Адан, а ведь ты художник!.. Сам расписал?

— Это моя первая.

— Мама, покажите свои рисунки Адану. Он бы мог найти новые узоры,— предложила Тамила.

— Бабушка, я принесу. Я знаю где.

Ами вскочил и выбежал из комнаты.

— Я рисую узоры, а потом повторяю их на полотне.

Тайра взяла со столика кусок ткани, скорее похожей на мелкую сетку с вплетенными в нее цветными узорами. Почти все полотно было украшено.

— Это одеялко для младшенького.

— И все это вы сделали своими руками? — восхищенно спросил я.

— Так же, как ты свою тарель,— улыбнулась она.

— Мне раньше никогда не приходилось видеть, чтобы люди делали что-то сами. Ведь технологии позволяют производить все без участия человека.

— Говорят, на верхних ярусах так. Может, и у южников теперь тоже стали так производить. Даже в нашем каскаде есть подобный магазин. Но я туда не захожу. Очень дорого,— сказала Тамила.

— Папа! — раздался голос Ами.

Послышался смех, разговоры, в комнату вошли Фадо и Маду. За ними бежал Ами с большой папкой. Фадо подошел к Тайре, и та поцеловала его, потом поцеловала Маду. Я видел их неподдельную радость. Я видел, как ходил по комнате колесом Ами и весело болтал сам с собой. Так было только в моем детстве.

Мы сели за стол. Маду принялся расспрашивать о моих впечатлениях. Хотелось поделиться многим, но я сдержал себя. Вспомнил лишь, как в темном подъезде помогла девушка.

— Если бы не она, так и стоял бы, ждал вас.

— Это Ивея. Она живет над нами. Наша модель. Художники с ума по ней сходят,— сказал Маду.

— Я, между прочим, тоже! — весело воскликнул Фадо.— Раньше я был обычным гончаром, а теперь стал скульптором. Ах, Адан, видел бы ты, как она красива! Скоро я закончу скульптуру. Всех вас приглашаю посмотреть на нее.

— Так много незнакомых слов, но все они притягивают. Хочу знать, что такое модель, скульптура... Хочу видеть рисунки Тайры.

— О, молодой человек! Как же вы там живете? — удивленно воскликнул Маду.

— Они производят все силой мысли,— смеясь, произнес Фадо.

— Не совсем так,— возразил я.— Наше производство практически не нуждается в человеке. Хорошо отлаженные программы изготавливают все, что необходимо для жизни.

— А для души? — спросила Тайра.

Я взглянул на нее и понял, что у меня нет ответа.

После ужина я рассматривал рисунки Тайры. Теперь я понимал принцип нанесения линий и цвета. И мог представить хотя бы отдаленно, как работали художники прошлого.

— В выходной, если хочешь, мы отвезем тебя в мастерские,— предложил Фадо.— Познакомишься с художниками.

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА
Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)
Главы из очерка

Наши постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

13. РЕПАТРИАЦИЯ

Репатриация советских военнопленных и перемещенных лиц происходила на основании решений Ялтинской конференции от февраля 1945 года. Согласно этим решениям британские и американские власти должны были беспрепятственно репатриировать на родину всех советских граждан, оказавшихся в Европе в зоне их ответственности. В октябре 1944 года было создано Управление уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриантов, во главе которого был поставлен бывший начальник военной разведки генерал-полковник Ф. И. Голиков*.

Норвежское правительство в Лондоне, а конкретно департамент социальных дел, в апреле 1944 года назначил комитет, ответственный за возвращение домой граждан всех союзнических государств, оказавшихся во время войны на территории Норвегии. 9 мая 1945 года департамент социальных дел призвал по радио все местные власти Норвегии принять участие в репатриационной работе. Работа началась с концентрации военнопленных и других перемещенных лиц в специальных транзитных лагерях типа лагеря Ватне. К осени 1945 года большинство их были собраны в районе Осло, а осенью организованно отправлены домой.

По просьбе советской стороны все советские граждане, включая беженцев и перемещенных лиц, с точки зрения репатриации должны были рассматриваться как военнопленные. Их поделили на 4 группы: военнопленные, Ostarbeiter, «власовцы» и советские женщины. Норвежские власти не сочли сомнительным помещать в одни и те же накопительные лагеря представителей первых трех групп вместе. Так в лагере Бейсфьорд под Нарвиком вместе с обычными военнопленными находилось 500 «власовцев» (эти люди не служили в армии Власова, а, как мы помним, остались в Норвегии в распоряжении вермахта). Остальные лица помещались в лагеря для перемещенных лиц. Лица, добровольно сотрудничавшие с немцами, например, в рамках ОТ, перемещенными лицами не считались. Их рассматривали как военнопленных и размещали в лагерях вместе с немцами.

Репатриация советских военнопленных осуществлялась в совместной работе норвежских властей с организацией союзников SHAEF — Supreme Headquarters,

* Историк В. Н. Земсков и другие эксперты полагают, что несколько сотен тысяч советских граждан по различным причинам отказались от возвращения в СССР.

Allied Expeditionary Force Mission Norway (Штаба Верховного Главнокомандующего союзническими экспедиционными силами, миссия в Норвегии — ШВГСЭСН). На практике ШВГСЭСН представляло Шотландское Командование (ШК) во главе с генералом Эндрю Торном и уполномоченный по делам военнопленных бригадный генерал Венэблз (Venables). Со стороны норвежцев в делах военнопленных участвовали представители Красного Креста, Милорга, а в северных районах страны, где была сосредоточена основная масса советских военнопленных, норвежскую сторону представлял майор Лейв Крейберг.

ШК вместе с норвежцами отвечало за репатриацию военнопленных, включая немцев, а норвежские власти — за возвращение домой всех иностранцев с гражданским статусом и за обеспечение всех репатриантов пищей, одеждой, лекарствами и организацией лагерей. Между норвежцами и ШК возникали недоразумения по поводу толкования терминов «военнопленный» и «перемещенное лицо»: британцы толковали второе из этих понятий весьма расширительно, с чем не соглашались норвежцы, понимая, что ШК хочет таким способом уменьшить свою репатриационную «нагрузку».

Для оказания помощи в этой работе в Норвегию прибыли офицеры связи из СССР, Польши, Югославии и др. стран. Норвежцам было трудно провести разницу между различными категориями пленных, оstarбейтерами, беженцами и перемещенными лицами, и представители соответствующих стран должны были помочь им в этом разобраться. С советской стороны было высказано пожелание рассматривать всех русских в Норвегии одинаково.

8 мая 1945 года инструкции, касающиеся советских военнопленных, включая немецких солдат, были переданы немецким военным. В них указывалось, что вся немецкая охрана с лагерей снимается, и все военнопленные получают пищевой рацион на 30 суток. Норвежское радио каждый день передавало для советских военнопленных соответствующую информацию на русском языке.

Большие проблемы с советскими военнопленными возникли на севере Норвегии — главным образом из-за плохого физического состояния репатриантов. 30 мая 1945 года в Тромсе неожиданно прибыла группа советских офицеров. Они уже раньше знакомились с состоянием советских военнопленных в лагерях в Порсангере и Скуганварре, а теперь заявили, что прибыли в связи с урегулированием вопросов репатриации. Они пытались аккредитоваться при британском экспедиционном корпусе, но британцы их ходатайство проигнорировали.

Позже выяснилось, что наряду с бывшими военнопленными их также интересовали вопросы репараций и трофеев. Из записки заместителя министра иностранных дел С. А. Лозовского министру В. М. Молотову от 11 июня 1945 года явствует, что указанные офицеры хотели получить доступ к немецким оперативным документам, но в этом им было отказано. Согласно Лозовскому, британцы слишком медлили с разоружением немецкой армии в Норвегии, и слишком много немцев свободно разгуливали с оружием в руках, в то время как германские суда находились вне всякого контроля и плавали без представителя союзников на борту. Лозовский справедливо указывал, что поскольку Советская Армия участвовала в освобождении Норвегии, то Советский Союз должен получить право не только заниматься репатриацией своих граждан из страны, но и принять участие в разоружении там немецкой армии и в расследовании преступлений немцев, а также получить доступ к трофеям и германской документации. Лозовский сообщал, что Управление уполномоченного по делам репатриантов во главе с генералом Голиковым уже давно приступила к своей работе.

А генерал Голиков между тем критиковал союзников за слишком медленную работу по репатриации советских граждан из Европы в целом и возмущался, что в Норвегии советские военнопленные уже после капитуляции немецкой армии все еще находились под немецкой охраной, и что ни одного британского солдата (Норвегия принадлежала к британской зоне ответственности) еще не было в стране.

Было решено организовать в Англии совместную советско-британскую комиссию, которая бы занялась репатриацией советских военнопленных домой. С британской стороны в комиссию вошел бригадный генерал Р. Файебрэйс, а с советской — генерал Иван Ратов*. Ратову, в частности, помогали 4 советских офицера, консул Кротов и одна стенографистка.

18 мая Ратов и его репатриационная команда прибыли в Норвегию. С точки зрения дислокации советских военнопленных Норвегию поделили на 5 неравных зон: Тромсе, Тронхейм, Осло, Берген и Ставангер. Из-за недостатка персонала советским военнопленным на первое время кое-где, в частности, в Ставангере, разрешили выбирать своих доверенных лиц и с их помощью управлять лагерями. В лагере в Хенефоссе произошел неприятный эксцесс: там пленные за сотрудничество с немцами приговорили к смерти своего бывшего товарища. Аналогичные эпизоды имели место и в других лагерях. Ненависть к дезертирам и перебежчикам у военнопленных была очень острой.

28 мая офицеры Ратова начали работу по концентрации военнопленных из 400 бывших немецких лагерей в нескольких местах страны. Они составили штаб по репатриации, в который вошли 27 бывших офицеров, выбранных из числа пленных и направленных в Тромсе, Тронхейм, Берген и Ставангер. Среди них был Новобранец, который руководил подпольной группой в немецком лагере в Вюрцбурге (Германия), а потом — в Тенсберге (Норвегия). В районе Нарвика активно сотрудничали советский дипломат Караваев и британский подполковник Брин (Bryhn).

Работа комиссии Ратова протекала не без проблем.

Главная проблема заключалась в делении репатриантов на категории. Союзники называли эту процедуру screening (просвечивание) и уделяли ей большое значение. Поэтому с союзниками у комиссии постоянно возникали разногласия о статусе репатриированных. Комиссия игнорировала требование инструкции о том, чтобы репатриантам задавали вопросы, желают ли они возвращаться в Советский Союз. Союзники, наоборот, настаивали на этом.

В основе конфликта находилось также разное понимание т.н. перемещенных лиц (displacedpersons). Их еще называли disputedpersons. Союзники полагали, что выходцы из Прибалтики и западных районов Украины и Белоруссии советскими гражданами не являлись, а потому имели право выбора возвращаться к своим родным местам или оставаться на Западе. Ратов считал, что такое требование было нарушением Ялтинских соглашений и протестовал против того, чтобы репатриантам задавали подобные вопросы.

В конечном итоге союзники были вынуждены пойти на условия советской стороны, потому что опасались, что русские, захватившие немецкие лагеря с американскими и британскими военнопленными в Германии и Польше, будут препятствовать их репатриации. 10 июня между генералами Торне и Ратовым было заключено соглашение — Административная инструкция 7101, и 13 июня процесс репатриации бывших советских военнопленных из Норвегии тронулся с места. Кое-где союзникам, тем не менее, удавалось способствовать невозвращению перемещенных лиц на территорию Советского Союза.

Например, бывший военнопленный Иван Пашкуров, выучив несколько польских фраз, потребовал перевода в лагерь для польских военнопленных. За него вступился комендант польского лагеря, и, несмотря на протесты советской стороны, Пашкуров остался за поляками. Потом он попросил убежище в Норвегии. Отказались вернуться в лагерь и совершившие побег П. А. Опарев, А. Бояринцев** и Л.Акимович.

* Генерал И. Ратов был председателем репатриационной советской комиссии и в соседней Дании, но датчане отказали ему в визе.

** А. Бояринцевым особо занялся Б. Братбак. Он разыскал его дочь в Кемерове, съездил туда и пригласил ее в Норвегию.

Они скрывались у приютивших их норвежцев и оказали сопротивление (Опарев даже отстреливался из какого-то револьвера) бойцам Народного фронта, когда те попытались перевезти их в транзитный лагерь в Ватне, Ставангер.

Так что нарушения предписаний и правил со стороны норвежских властей и союзников были. Было и утаивание от советских военнопленных информации об условиях предстоящего возвращения домой, было и создание отдельных лагерей для прибалтов, поляков, украинцев и белорусов, выходцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, присоединенных к СССР в 1939 году. Часть западных украинцев и западных белорусов, по информации союзников, сделали выбор в пользу возвращения в Польшу. Ратов обвинял также союзников в распространении в лагерях для бывших советских военнопленных антисоветской пропаганды и запугивании их репрессиями, которые ожидали их по возвращении домой. Коменданты некоторых лагерей в Тронхейме и в Северной Норвегии, согласно Ратову, пытались не допустить в них советских офицеров.

Согласно Сулейм, советские офицеры, тем не менее, без разрешения союзников посещали лагерь с польскими гражданами. Она утверждает, что были зарегистрированы случаи насильного увода ими некоторых «спорных лиц», поскольку советская сторона считала их советскими гражданами. В лагере Сальвик под Осло один польский заключенный под угрозой оружия был посажен в советский автомобиль, но ему удалось бежать и сообщить о случившемся англичанам. Американская военная полиция арестовала двух советских военнопленных, участвовавших в «акции». Арест двух товарищей вызвал бунт среди советских военнопленных: они собрались у ворот лагеря, в который заключили их товарищей, и требовали их освобождения. Союзники вызвали подмогу и разогнали протестующих. Оба арестованных так и не были возвращены советской стороне. Их судьбу решали уже норвежские власти.

К августу 1945 года, согласно тому же генералу Ратову, в Норвегии оставалось 6.000 «спорных лиц». Итоговый же отчет союзников утверждал, что их было всего 1566 человек. Норвежский генерал Отто Рюге в октябре 1945 года докладывал своему правительству: *«Я рассматриваю это дело весьма серьезно. Если мы после ухода союзников останемся один на один с т.н. спорными лицами, то мы подвергнемся сильному давлению со стороны русских, и Норвегии будет трудно выстоять в дипломатической борьбе с ними. Мы должны во что бы то ни стало добиться того, чтобы все спорные лица оказались за пределами страны, прежде чем штаб-квартира союзников покинет страну»*. В конечном итоге союзники приняли «соломоново решение»: уведомив советскую сторону и к вящему облегчению норвежских властей, 25—26 октября 1945 года перевели 1566 «спорных лиц» в британскую и американскую зоны ответственности в Германии*.

В. Н. Земсков пишет, что вопреки всем сомнениям и пропаганде союзников большинство советских граждан хотели вернуться на родину, и это подтверждают норвежские исследователи. Среди «восточников» — граждан, проживавших на территории СССР в границах 1939 года, — количество желавших вернуться домой было довольно высоким — до 80 %, в то время как среди «западников», ставших гражданами СССР после 1939 года (западные украинцы, западные белорусы, прибалты, молдаване), он был намного ниже.

Как бы то ни было, репатриационная работа к середине июня 1945 года стала продвигаться. И норвежцы, и англичане были заинтересованы в том, чтобы избавиться-

* Всего на территории зон ответственности союзников в Германии к концу репатриации, согласно западным источникам, осталось около 45.000 человек, в основном бывших советских граждан. Более двух третей их эмигрировали в США, Австралию и Канаду, а 15 % остались в Западной Европе. В период с 01.07.1947 г. по 31.12.1951 г. из союзнических зон ответственности в Германии были вывезены 712.511 «спорных лиц»: 63 % из американской, 31,5 % — из британской и 5,3 % из французской зоны. Более двух третей эмигрировали в США, Австралию и Канаду, 15 % остались в Западной Европе.

ся от советских военнопленных как можно быстрее. 10 июня комиссия Ратова и союзники заключили соглашение о всех деталях транспортировки военнопленных в Советский Союз: маршруты, даты, количество пленных, минимум вещей, разрешенных для взятия домой, питание на период транспортировки. Больные, способные перенести тяжесть путешествия домой, отправлялись в первую очередь.

Подполковник британского экспедиционного корпуса Мак Уоттерс на встрече с советскими представителями 6 июня сообщил, что он, начиная с 13 июня, готов отправлять поездом из Нарвика ежедневно до 600 советских военнопленных. Перед отправкой все пленные должны были пройти врачебный досмотр в накопительном лагере в Квитсандере, в котором, кстати, были собраны более 100 человек «власовцев». Помещенные вместе с обычными пленными в один лагерь, «власовцы» попросили у них прощения и просили считать их своими товарищами, но нашли мало снисхождения. Совсем недавно эти «хильфсвиллиге», одетые в форму вермахта, получавшие усиленные пайки и с оружием в руках охранявшие пленных, усердно исполняли приказы врага и издевались над своими бывшими товарищами. Теперь их «почетной» обязанностью стало очищение нужников. Некоторые из них пытались «примазаться» к интернированным немецким солдатам, но нашли у своих бывших хозяев тоже мало понимания.

Согласно британской группе War Crimes Investigation Branch — Секции по расследованию военных преступлений в лагерях Шитборн и Квесменес (Тромс), только в марте 1945 года около 1000 советских военнопленных добровольно, т.е. под угрозой голодной смерти, вступили в ряды вспомогательных подразделений вермахта*.

Как мы уже писали выше, немцы заводили на каждого пленного отдельную карточку и заносили в нее подробные установочные и характеризующие данные. Между тем картотеки и большинство нижних частей карточек, содержащих данные о сотрудничестве с немецкой администрацией лагерей, были уничтожены либо норвежскими военными, которым они были потом переданы, либо британскими офицерами, но главным образом самими немцами.

Объяснений этому странному поступку со стороны норвежцев или англичан существует несколько, но наиболее очевидное из них сводится к той же причине, которой руководствовались при уничтожении картотек немцы: нужно было замести следы собственных преступлений и скрыть факты преступного сотрудничества «власовцев» с ними. Британский капитан Уолтер Баруич (Wagwich), который дал указание об уничтожении картотек на советских военнопленных по собственной инициативе, открыто объяснил свое решение желанием защитить бывших «власовцев» от преследований.

Немецкий майор Меттельрот, комендант лагерей в Бергхюльнесе, Лангонесе, Руссонесе, Лиллеальменингене, Бренне и Сундбю, сообщил, что приказ на уничтожение нижних частей учетных карточек он получил от Бухвейзера из штаба «О». Британский капитан Конради, затребовавший картотеки на советских военнопленных в районе Мушеен, обнаружил, что они были уничтожены немцами уже после их капитуляции. (Прав был генерал Голиков, критикуя союзников за безалаберную работу в Норвегии!) Там, куда такой приказ не поступил, картотеки остались в сохранности (например, в лагере в Баккене).

Военнопленные перевозились в Советский Союз либо на норвежских судах до Мурманска, либо в поездах через территорию Швеции. 10 июня 1945 года генерал Ратов договорился со шведскими властями, что перевозки 44.000 пленных из Нарвика, Тронхейма и Осло в шведские порты Лулео, Сундсвалль и Евле начнутся уже в середине июня 1945 года. Оттуда они на судах должны были быть доставлены в фин-

* По данным Сулейм, каждый десятый советский военнопленный в Норвегии был зарегистрирован во вспомогательной немецкой службе. Формально они продолжали числиться военнопленными, но получали пищевой рацион как солдаты вермахта.

ские порты Улеоборг и Рауно. Первый поезд из Нарвика в Лулео с 1000 пленными должен был отправиться 13—14 июня. Далее планировались ежедневно по 2 поезда в Евле; были составлены 3 маршрута движения поездов: Нарвик — Лулео, Тронхейм — Эстерсунд — Сундсвалль и Осло — Шарлоттенберг — Арвика.

43.000 человек, согласно предложению Ратова, должны были эвакуироваться из района Нарвика морем (порты отправления Мушеен, Му, Буде и Тромсе). Москва дала «добро» на это предложение, но поставила условие, чтобы союзники обеспечили безопасность плавания судов до Мурманска (мины и т. п.) На самом деле морским транспортом при репатриации воспользовались значительно меньше людей. Согласно Сулейм, поездом из Норвегии были отправлены 70.972 советских гражданина.

Однако в итоговом союзническом отчете от 14 декабря 1945 года указаны другие данные — 84.351 человек, из них:

— отправлено поездом через Швецию — 64.070 *здоровых* и 1.429 *больных* человек,

— отправлено морским путем в Мурманск — 17.270 *здоровых* и 1.582 *больных* человека. Мы видим, что количество отправленных морским путем в версии союзников расходились с норвежскими и советскими данными чуть ли не на 4.000 человек. Союзнические данные отличались от норвежских и советских и по суммарным цифрам репатриантов. Впоследствии, в ходе дополнительной работы, в России и Норвегии также признали данные итогового союзнического отчета, так что они считаются теперь официальными. Всего же по западным источникам из Норвегии вернулись 84.069 советских военнопленных*.

Подготовка пленных в северном районе Норвегии проходила тяжело: многие из них были истощены от голода и страдали от болезней. Кроме того, выяснилось, что Ратов не подписал соглашение со шведскими властями, и на устранение этого недоумения тоже ушло время.

Первый пароход из Тромсе — «Король Хокон VII» — отправился в Мурманск 22 июня 1945 года. На его борту находились 2.000 бывших советских военнопленных. Они подходили к площади Нансена со всех окрестностей партиями по 50 человек, пели солдатские песни и несли транспаранты с надписями: «Мы никогда не забудем норвежский народ», «Спасибо помощникам — солдатам России», «Да здравствует Сталин и советская армия!» и «Да здравствует советско-англо-американский военный союз!». Когда прогудел пароходный гудок на отправление, с борта на причал полетели пачки сигарет и другие мелкие сувениры, предназначенные для провожающих норвежцев. Оркестр города Тромсе играл марши.

Потом были другие пароходы, другие проводы...

Был норвежский пароход-лазарет «Стелла Полярис», отходивший из Квесменеса и портов Фауске и Му и Рана. Военнопленные перед отправкой проходили реабилитацию в госпитале Грандум. О первом и втором рейсе на т/х «Стелла Полярис» летом 1945 года в Мурманск рассказывает американский медик Э.Росс Дженни**. В первый рейс «Стеллы Полярис» на борту судна с норвежской командой находились 622 больных советских военнопленных, пожелавших во что бы то ни стало без задержек вернуться на родину, и 47 человек медицинского персонала. Северные воды Норвегии все еще не были освобождены от мин, так что плавание было далеко не безопасным. Впереди судна-лазарета, перегоняемого сначала из Бергена в пресловутый Квесменес, шел норвежский тральщик.

* Эти данные в западных источниках слегка варьируются: есть сведения о репатриации в СССР 84.324, есть — 84.312 человек. По советским данным, число репатриантов достигло 84.775 человек (77.812 военнопленных и 6.963 гражданских лица).

** Американец обладал незаурядным талантом литератора, но мы извлечем из его живого и правдивого рассказа одни сухие факты. Кроме того, в настоящей работе мы использовали извлечения из «Неформального отчета» о результатах расследования союзниками в июне 1945 года преступлений немцев в лагерях Шитботна и Квесменеса. Расследованиями руководил Э.Россом Дженни. Им же подписан и отчет.

Квесменес — пустынное место, небольшой поселок из нескольких разбросанных по побережью домиков, над которыми нависла гряда мрачных темно-серых гор. Погрузка репатриантов началась без промедления. На пристани Квесменеса уже было тесно от автотранспорта — бывших немецких штабных машин, машин скорой помощи и пр. Головной автомобиль шел под советским флагом, изготовленным на месте из подручных средств.

«Погрузка началась немедленно с самых безнадежных пациентов» — пишет Дженни, — «их поднимали на борт на деревянных рамах и бережно опускали на лебедках на палубу. Мой переводчик сказал мне, что некоторые из людей, выгружаемых таким способом на борт судна, были убеждены в том, что они попали в смертельную ловушку. Один из них слабым голосом спросил: "Нас недолго будут мучить?" Из своего предыдущего опыта в Квесменесе я знал, что этот страх отнюдь не был странным. Пережив один ад, русские имели все основания ожидать другой».

Это были те же самые люди, которые свидетельствовали о зверствах немцев в лагере смертников в Малльнитце. Отход судна провожало все население Квесменеса — 20 человек. Они принесли для отплывающих букеты полярных цветов. Четверо из бывших пленных на борту судна оказались врачами, они помогали норвежскому персоналу ухаживать за больными товарищами. Особенно полезна была их помощь для пациентов, которые страдали психическими заболеваниями. Они могли общаться с ними на родном языке.

В районе Мурманска море тоже изобиловало минами, и судно встретил советский лоцман. При входе в порт на палубе появился аккордеонист, и пленные запели песни. Город был пустынным, и встречать «Стелла Полярис» пришли несколько офицеров и солдат. Дженни замечает, что в их действиях чувствовалась инструкция.

Сначала спустили на причал самых тяжелых больных, и только тогда, пишет американец, открылась вся правда. Сходившие по сходням пленные становились в стойку «смирно» и отдавали честь офицерам. Никто из офицеров на отдавание чести не среагировал. В ответ кто-то из них громко и грубо прокричал какую-то команду. Почти целый день сходившие на берег бывшие пленные отдавали честь офицерам, а офицеры продолжали их игнорировать. Спустили на причал неходячих больных, а их поставили в строй и заставили маршировать. Один из них упал на землю.

Всех прибывших заставили раздеваться и повели в какой-то сарай. *«Больше я их никогда не видел»*, — заключает Дженни эту часть своего рассказа. Один из русских врачей, помогавших во время плавания ухаживать за тяжелобольными, вернулся из сарая за последними репатриантами с посеревшим лицом. Американец задал ему очевидный вопрос и получил в ответ:

— Мы ничего не знаем — вероятно, Сибирь.

Потом он ушел с последними пассажирами в сарай, и дверь за ними захлопнулась. Один из членов команды парохода вспоминал потом, как советских пленных погрузили на грузовики и куда-то увезли. Норвежцев больше всего поразили грузовики. Но откуда в разоренном Мурманске могли появиться кареты скорой помощи или комфортабельные автобусы?

За этим рейсом у «Стелла Полярис» был другой — из Му и Рана и Фауске, взявших на борт 631 репатрианта. И снова отплывавшие репатрианты поднялись на борт теплохода с букетиками цветов в руках. На сей раз по пути умерли три тяжело больных человека, прежде чем все остальные добрались до Мурманска.

Конечно, Дженни, как и норвежцы, драматизировал увиденное в Мурманске. Этому во многом содействовало отсутствие достоверной информации о процедуре приема репатриантов. Естественно, обстановка подозрительности и недоверия к бывшим советским военнопленным была в наличии. То, что вновь прибывших раздевали, тоже имело свое объяснение. Происходила дезинфекция людей и переодевание их в чистую одежду. Ничего сверхъестественного в этом не было.

В. Н. Земсков приводит один характерный эпизод из работы приемной репатриационной комиссии в Мурманске в ноябре 1944 года. 6 ноября в Мурманск поступили 9.907 репатриантов из Великобритании. Из них СМЕРШ арестовал 18 человек, 81 человек были размещены по госпиталям и больницам города, а все остальные были отправлены в Таллинский спецлагерь № 0316 и Зашеекский ПФЛ (Карело-Финская ССР) на фильтрацию. Никаких документов о расстрелах или других действиях по отношению к репатриированным историк не обнаружил.

Генерал Торн в начале августа рассказал, что ежедневно откуда-то «выныривали» по 2—3 советских военнопленных и сообщали о своем желании уехать домой. Очевидно, это были военнопленные, которым удалось бежать из лагерей и с помощью норвежцев отсиживаться в укрытиях и убежищах до конца войны.

К концу войны в Швеции оказалось около 2.500 советских военнопленных, бежавших из лагерей в Норвегии и Финляндии. Согласно шведскому исследованию, большинство их пожелало остаться в Швеции, но почти все они были репатриированы в СССР.

С точки зрения физического состояния военнопленных район Тронхейма с его 332 лагерями считался для британцев и норвежцев, занимавшихся их репатриацией, относительно легким. Из 13.000 пленных в этом районе набралось «всего» около 700 больных. Их, за исключением трех совсем нетранспортабельных, перевозили отдельным санитарным поездом в Швецию и пароходом в Мурманск. Еще 350 больных из лагеря Древя (Мушеен) в июле 1945 года отправляли в Мурманск морем. Обстановка при их перегрузке из прибывшего из Тронхейма поезда на пароход-лазарет «Аба» на причале Братера, согласно сообщению в местной газете «Адрессеависен» от 23 июля, была весьма удручающей. Репатриантов провожали только генералы Ратов и бригадный генерал Смит. Представителей города Тронхейм и Красного Креста на месте не оказалось. Зараженные туберкулезом, страдающие от плеврита и др. легочных заболеваний и изможденные голодом, бывшие пленные производили ужасное впечатление. Это были в основном безнадежные случаи, но врачи продолжали их лечение, пока была хоть какая-то надежда на их выздоровление.

Газета «Фарсундсавис» за 3 июля сообщала о более благоприятной обстановке, в которой 600 бывших советских пленных из Листы накануне сажали на пароход в Фарсунде. Советский майор Сорокопуд, отвечающий за репатриацию в этом районе, сообщил, что условия в лагере Листа были ужасными, и что после капитуляции немецкой армии немецким военнопленным были предоставлены лучшие лагеря, в то время как советские военнопленные были вынуждены ждать своего отправления домой в тех же самых ненавистных условиях. Газета писала, что репатрианты стройными рядами выходили на причал и после переклички организованно поднимались на борт парохода. Их провожали многие норвежцы с детьми и вручали отплывающим цветы и сувениры. Пленные пытались всеми способами выразить им свою благодарность.

По данным М. Н. Сулейм, самому старому пленному при отправке домой исполнилось 85 лет, а перешагнувших возраст 56 лет оказалось всего 167 человек. Подавляющее число военнопленных были людьми молодыми или относительно молодыми.

Согласно данным, приведенным В. Н. Земсковым, в Норвегии от репатриации в Советский Союз уклонились или были освобождены от нее 23 русских, 1050 украинцев (большинство которых, по всей видимости, были «остарбайтерами»), 57 белорусов, 1335 латышей, 32 литовца и 96 эстонцев. Все они остались либо в Норвегии, либо переехали потом в другие страны Западной Европы. Часть бывших советских военнопленных из норвежских, а также вероятно из финских концлагерей осела в Швеции: 94 русских 312 украинцев и 100 белорусов.

При репатриации не обошлось без казусов. Так, при отъезде на родину бывшие военнопленные лагеря в Агдере «прихватили» с собой пианино, стоявшее в офицер-

ской столовой охраны лагеря. Норвежские полицейские, узнав об этом в последний момент, помчались на вокзал и буквально перед самым гудком паровоза успели забрать приглянувшийся кому-то из отъезжающих на родину музыкальный инструмент. Хауген* с гордостью сообщает, что пианино вернули его законному владельцу. В свое время оно было реквизировано у него немцами.

Что ж, и среди военнопленных были разные люди.

14. ОПЕРАЦИЯ «АСФАЛЬТ»

Жуткого плена было мало для тех, кто его не пережил.

Тем, кто сложил головы на норвежской земле, не дали покоя и на том свете.

Тут уже постарались норвежские военные, которые осенью 1951 года, в разгар холодной войны, провели втихомолку операцию под «скромным» названием «Асфальт». НАТО и США в особенности обожают громкие названия для своих военных операций, маневров, доктрин, планов, причем, за самыми, казалось бы, невинными названиями обычно скрываются самые жуткие действия. Вот такой операцией и стала эта, «асфальтовая», которую норвежские военные — вероятно в подражание своим американским друзьям — осуществили в отношении захороненных на севере Норвегии советских военнопленных.

Речь шла о перезахоронении тел погибших и о концентрации их в одном месте. Так, по мнению авторов этой операции, было бы удобней и дешевле содержать могилы, разбросанные по многочисленным норвежским кладбищам. Но это было только поводом для ширококомасштабных действий. Главной причиной для ее проведения послужила шпиономания. Норвежские военные не на шутку были встревожены тем, что чиновники советских консульских учреждений и сотрудники советского военноморского атташата в Осло использовали посещения могил советских военнопленных в разведывательных целях.

Уже начиная с 1948 года норвежские власти разрабатывали меры по ограничению доступа советских представителей к могилам, пишет А. Яклин**. Генерал-лейтенант Уле Берг из штаба обороны в декабре 1949 года писал министру обороны, что посещение могил *«под предлогом проведения торжественных мероприятий легко могло быть использовано иностранцами в разведывательных целях»*. После того как норвежские и советские дипломаты летом 1951 года обсудили вопросы содержания могил, и советская сторона выразила недовольство тем, как норвежцы содержат могилы и предложили свое участие в этом деле, неизвестный автор меморандума МИДа Норвегии на эту тему, скрывшийся за инициалами «Е. Д.», выразился еще более откровенно:

«Если мы пойдем навстречу этим русским пожеланиям, то это будет означать, что мы своими руками дали им возможность для организации разветвленной шпионской сети. Даже если мы настаиваем на том, что все работы будут осуществляться норвежскими властями, будет трудно отказать русским в регулярном инспектировании работ, которые они сами оплачивают». И вывод: нужно немедленно получить средства — около 1 млн. крон — и начать работу по концентрации могил в одном месте и подальше от военных объектов.

Чтобы положить предел этому, они решили собрать, ни много ни мало, останки 10.704 пленных, захороненных на 191 кладбищах. Предстояло вскрыть 8651 могилу на кладбищах крайнего севера страны и 2053 могилы на 38 кладбищах южнее губернии Тренделаг, переложить останки в мешки и перезахоронить их в двух-трех местах — например, на каком-нибудь острове, куда советским шпионам добраться будет

* Johnny Haugen Sovjetiske krigsfanger på Sörlandet <http://www.sovjetiske.krigsfanger.no>

** А. Яклин Isfront. Den kalde krigen i Nord. Oslo, Gyldendal, 2009.

куда трудней. Островов у норвежцев много, и для такого «благого» дела нашли остров Четта (Tjøtta).

Почему «Асфальт»? А потому, что останки пленных планировалось перевозить в бумажных мешках, пропитанных асфальтом. Деревянные гробы обошлись бы министерству обороны в копейчку, а у него на них денег не было, вот и пришли к решению использовать дешевые бумажные мешки с пропиткой.

А. Яклин пишет, что советские власти ранее тоже склонялись к тому, чтобы сконцентрировать все захоронения по крупным специально оборудованным кладбищам, но потом стали резко возражать против этого. Историк С. Г. Хольстмарк* как бы в оправдание действий властей задним числом извлекает следующую цитату из открытых в последнее время документов МИД СССР: *«По политическим соображениям желательно, чтобы в Норвегии оставалось как можно больше памятных мест о немецко-фашистских преступлениях, которые бы служили основой для совместного норвежско-советского боевого товарищества. Могилы, разбросанные по всей Норвегии и требующие ухода и защиты, дали бы кроме того нашим консульским работникам широкие возможности ездить по стране»*. И добавляет: всем известно, что большинство консульских чиновников являются сотрудниками КГБ**.

Операция «Асфальт», начатая исподволь в августе 1951 года под руководством капитана Центральной конторы по военным захоронениям Юхана Арнтцена и при участии офицеров местной полиции и военной разведки, была проведена вопреки резким протестам советской стороны. Отметим, что на юге Норвегии такие перезахоронения прошли с согласия и при участии советской стороны, а потому прошли они при соблюдении подобающего приличия и уважения к павшим. При этом никаких разветвленных шпионских сетей советских агентов норвежская контрразведка в этих местах до сих не зафиксировала.

Иначе было на Севере.

Раскопки могил начались, в то время как многие проблемы операции были еще не отработаны. Выяснилось, что тела захороненных в некоторых случаях сохранили участки сукровицы. Проанализировали возможность кремации останков, но оказалось, что она не осуществима ни по практическим, ни по финансовым соображениям: одна кремационная печь стоила 10 тысяч крон! Многослойных герметичных бумажных мешков, пропитанных асфальтом, в Норвегии не было, но немедленно решили наладить их производство.

Определенные проблемы возникли и при выборе мест для временного хранения останков. Идея военных состояла в том, чтобы заранее сосредоточить мешки с останками в портовых городах и поселках и перегрузить их на судно, которое за один рейс будет заходить туда и по очереди забирать «груз». Некоторые церковные приходы не имели часовен вообще, а те, что были, не подходили по размерам. Решили использовать бункеры, военные и портовые склады.

Что касается судна, то выбор пал на пароход «Ганахурн», ветерана плаваний вдоль финнмаркского побережья, который принадлежал пароходству «Вестероленс» и на котором капитаном был Гуллак Хольсбе. На борту под легендой военно-морского советника находился лейтенант военной разведки Уле Снефьелло, а ему ассистировал капитан Центральной конторы по военным захоронениям Ойген Сювертсен. Следом за пароходом шел военный корабль «Анденес» — для охраны! В задачу Снефьелло входило информирование начальства о возможных демонстрациях и

* См. еготрудв «Forsvarsstudier» nr. 7/1993, Oslo 1993.

** В данном случае мы видим яркий пример т.н. европейских ценностей, о которых так любят говорить наши «либерал-«демократы». Что же ценнее: **реальное** уважение к останкам советских военнопленных или **мнимая** опасность осуществления советскими дипломатами «шпионской» деятельности? Норвежцы выбрали второе. Какой бы выбор они сделали, если бы речь шла об останках норвежских военнопленных?

«беспорядках» в связи с проведением операции. Власти справедливо полагали, что многим в Норвегии операция «Асфальт» придется не по душе*.

При возникновении необходимости применить оружие рекомендовалось произвести сначала предупредительные выстрелы в воздух, а потом уж... Мало ли что могло случиться в пути и в местах погрузки! Солдаты, участвовавшие в погрузке бумажных мешков, и члены экипажа «Танхурна» получили строгое предупреждение о том, чтобы избежать всякого повреждения тары, не привлекать к себе внимания посторонних, не балагурить и не зубоскалить, а вести себя спокойно, скромно и конспиративно.

Первый заход был в Киркенесе. Здесь «Танхурн» забрал 2002 мешка — останки 1500 военнопленных с кладбища в Хейбуктмуене, а также с кладбищ в Ярфборде, Бухольмене, на о-ве Рейной и останки 500 погибших с кладбища Скафферфуллет. При раскопках на последнем кладбище Ю. Арнтцену пришлось снести памятник, сооруженный в память группе погибших.

Следующим портом был Вадсе. Здесь нужно было забрать всего 29 мешков, и далее пароход взял курс на Берлевог, но по пути заштормило, и капитан зашел в укрытие порта Хамна (Сюльтефьорд). За Берлевогом маршрут включал порты Гамвик, Мехамн, Кьеллефьорд, Лебесбю, Инре Биллефьорд, Хавойсунд, Хаммерфест, Альта, Тальвик и Хасвик. После этого начинались порты губернии Тромс. Сколь долго должна была продлиться операция, зависело от погоды.

Пока «Танхурн» шел вдоль побережья, военные приступили к раскопкам 16 могил в г. Тромсе. Рабочие только что приступили к работе, как к ним подошла группа демонстрантов во главе с местным коммунистом Эйнарм Равнбе.

— Как вам нравится работенка? — обратился Равнбе к рабочим и предложил им прекратить осквернение могил. В самом городе уже висели плакаты, призывавшие жителей прийти на кладбище и помешать вандализму в отношении могил советских военнопленных.

Рабочие заровняли раскопанные могилы и удалились.

Четыре дня спустя в Тромсе прибыл капитан Штаба обороны-II Овердале. По ознакомлении с обстановкой он доложил наверх, что демонстраций в городе не избежать, но что, по мнению полиции, серьезного противодействия раскопки могил не встретят: настроение жителей города против раскопок, но большинство их ведут себя «пассивно-нейтрально». Правда, на следующий день он доложил, что рабочие разьехались по домам, и вести раскопки в Тромсе некому. Он также прочитал в нарвикской коммунистической газете «Нурдланд Арбейдерблад» о том, что в некоторых местах губернии Финмарк неразложившиеся трупы советских пленных сжигают. Овердале обратился в полицию, и полиция Тромсе утверждения газеты подтвердила.

Когда «Танхурн» прибыл в Берлевог, на местном кладбище еще шли работы, и опасный груз приняли на борт с запозданием. В м. Лебесбю произошло то, о чем написала нарвикская газета. Было воскресенье, в воскресенье норвежцы не работали, и работы по раскопкам отложили. Останки лежали и распространяли вокруг зловоние. Было принято решение не дожидаться рабочих и выкопанные останки сжечь.

В операции «Асфальт» произошел нежелательный сбой. Избежать вмешательства общественности не удалось. Опоздание с раскопочными работами задержало «Танхурн» и в Шервойе, и в Нурдрейсе, а в Альте на причал пришли местные коммунисты, и У. Снефельло пришлось пережить несколько неприятных часов. Впрочем, до столкновения с участниками операции дело не дошло.

По пути на юг в Тромсе и Нурдланде имели место еще несколько неприятных эпизодов. Во время раскопок в Мольсэльве рабочие при входе на кладбище Эвер-

* Так оно и было. Б. Братбак недавно подтвердил мне, что простые норвежцы резко выступали против операции «Асфальт».

бюгд обнаружили гранату, висевшую на березе. К гранате кто-то заботливо привязал шнур для спуска взрывного устройства. Для ее обезвреживания пришлось звать местных военных. Установить виновного полиция не смогла.

В Мушеене местные коммунисты явились в полицейский участок и сообщили об обнаружении у кладбищенской часовни трупа. Труп валялся на открытом воздухе без всякой тары. Пришедшие на кладбище увидели, что у трупа отсутствовал череп. При сжигании партии рабочие, по-видимому, положили череп в мешок с другими останками, а сам труп оставили — не хватило парафина, а при сжигании партии о нем не вспомнили.

Между тем к Тромсе шел другой пароход, нанятый военными для перевозки бумажных мешков — «Рафтсунд», принадлежавший все тому же пароходству «Вестероленс», с капитаном Уле Муеном на борту. Пароход уже забрал 223 мешка с кладбищ Мольсэльва, Такватн и Сагельв, причем при погрузке капитан обратил внимание, что некоторые мешки не выдержали содержимого и размокли. Вечером 18 октября 1951 года «Рафтсунд» причалил в Тромсе. Груз должен был уже лежать на причале, но Муен его не обнаружил — останки пленных все еще лежали в своих могилах. Не нашлось желающих участвовать в раскопках. Военные, полицейские, разведка лихорадочно пытались найти рабочих. Наконец, было принято волевое решение: двое главных ворот кладбища закрыть, у четырех калиток выставить полицейских, на экстренный случай держать наготове наряд полиции, трупы выкапывать и сразу складывать их в грузовики и везти в порт для погрузки на «Рафтсунд».

Экипаж «Рафтсунда» терпеливо ждал груз в северном порту Тромсе. И вдруг к капитану пришел стюарт и доложил, что сильный неприятный запах проник в провиантный отсек и быстро распространяется по всему пароходу. Запах шел из трюма. Продукты быстро переместили в другое помещение. Уплотнить запоры в трюм не удалось, запах проникал повсюду. Муен приказал открыть люки и провентилировать трюмы, но эффекта эта мера не возымела. Между тем удалось найти рабочих, и вскоре работа на кладбище закипела. У ограды появились несколько демонстрантов, но вели они себя мирно и раскопкам помешать не могли.

Если с раскопками дело уладилось, то на «Рафтсунде» атмосфера накалялась и вылилась в забастовку экипажа. Они категорически заявили, что работать в такой вони за прежнюю плату не намерены и потребовали двойную плату — 20 крон в день. Если это требование удовлетворено не будет, они пригрозили покинуть судно. Лейтенанту Снефьелло пришлось срочно покинуть «Танахурн» и спешить к «Рафтсунду». Когда он прибыл на судно, недовольство экипажа достигло апогея. *«Экипаж был в раздраенном нервном состоянии... люди взвинтили друг друга до того, что находились на грани потери рассудка»*, — докладывал он начальству.

На судне появилось доверенное лицо от профсоюза моряков. Капитан Муен заявил ему, что уход экипажа с судна будет расценен им как дезертирство, поэтому документы он матросам не выдаст. Доверенное лицо на то и носило это звание, чтобы защищать интересы товарищей, и в ответ потребовал повысить плату моряков до 25 крон в день! Вмешался Снефьелло и стал стыдить моряков, что они торгуются с правительством. Но моряки стояли на своем, тем более что выяснилось, что груз поступил на борт весьма «подпорченным». Снефьелло отправился консультироваться с капитаном Овердале и вернулся с его согласием платить экипажу 20 крон в день.

«Рафтсунд» отправился дальше в Нарвик и простоял там 3 дня, поскольку коммунальные власти решили могилы советских военнопленных оставить как есть и не трогать. Нанятые для раскопок рабочие забастовали. В городе появились демонстранты. Поскольку операция «Асфальт» срывалась, Овердале решил с Нарвиком не спорить, и «Рафтсунд» поплыл дальше по маршруту.

Аналогичная ситуация возникла и в Бейсфьорде. Но военные своего все-таки добились: позже, не взирая на демонстрации протеста, они извлекли останки погибших

и в Нарвике, и в Бейсфьорде и с опозданием на несколько дней перевезли их на военном судне к месту перезахоронения. Норвежцы обладают твердым нордическим характером.

Но в Му-и-Рана коса нашла на камень. В городке активно поработали коммунисты, и в городе прошли демонстрации, в которых приняли участие люди с самыми разными политическими взглядами. Жители города всячески мешали раскопкам на местном кладбище и требовали оставить захоронения в покое. Они еще не забыли, как помогали выжить советским военнопленным, и всеми силами стремились не допустить осквернения могил погибших.

Капитан Арнтцен не сдавался, утверждая, что он будет подчиняться только указаниям своего правительства. В город прибыл Овердале и начал переговоры с представителями демонстрантов. Арнтцен нанял одну команду «гробовщиков», но те ушли, когда узнали, что Советский Союз протестует против перезахоронения останков своих граждан. Вторая команда гробовщиков поступила также. Ситуация угрожала всеобщей забастовкой в городе и его окрестностях. Овердале докладывал начальству: *«Найти в Му рабочих для раскопок невозможно. Ясно, что операцию здесь провести не удастся»*. И министр обороны ЕнсКр. Хауге пошел на попятную и «асфальтную» операцию в Му отменил.

«Рафтсунд» прибыл на о-в Четта 26 октября. При разгрузке размокший груз переложили в новые «асфальтовые» мешки. Выгрузив мешки, команда занялась проветриванием помещений судна. Несколько дней драили, мыли, применяли пар, каустик, соду, зеленое мыло, хлорку и карболку — ничего не помогало. Запах оставался. Процедуру повторяли, но запах не уходил. Некоторые из членов команды отравились и даже теряли сознание. 1 ноября на судно пришла санитарная инспекция и потребовала еще раз промыть, прочистить и проветрить судно до полной его пригодности для плавания. Ф. Яклин умалчивает, когда этот срок пригодности наступил и наступил ли он вообще.

...Итак, операция «Асфальт» все-таки завершилась. Правда, вместо намеченных к перезахоронению останков 8.651 советских пленных пришлось довольствоваться 7.453. Кладбище на о-ве Четта было открыто официально в июле 1953 года.

«Издавательство над памятью погибших советских воинов», «Недружественный акт по отношению к Советскому Союзу» — так МИД СССР назвал операцию «Асфальт» в своей ноте норвежскому посольству в Москве. В подтверждение советская сторона назвала некоторые эпизоды, в которых перезахоронение проходило при вопиющем нарушении этики, морали, уважения к погибшим. Так, в Нарвике в «асфальтовых» мешки были положены одни лишь черепа, в то время как другие части тел были вместе с мусором закопаны в земле без соблюдения каких бы то ни было церемоний.

Норвежское правительство защищалось, утверждая, что некоторые норвежские СМИ извратили факты и что инструкции властей на этот счет были однозначны: проявлять к останкам уважение. Это так, говорит Яклин, но норвежские власти не комментировали то, как эти инструкции выполнялись на местах. Кстати, министерство по делам церкви Норвегии не удосужилось предупредить об «асфальтной» операции своих священников на местах. А ведь они в свое время участвовали в похоронах советских военнопленных и своим присутствием, своей службой освящали эти похороны.

В результате многие священники выступили резко против перезахоронения советских военнопленных, справедливо считая это актом осквернения могил. Об этом и некоторых других негативных вещах министр обороны узнал из письма своего статс-секретаря Андреаса Андерсена уже после операции. Внутри военной «системы» Норвегии нашлись люди с совестью. В частности, писал статс-секретарь, бумажные мешки оказались ниже всякой критики, а «складирование» мешков с останками в

самых случайных местах мало способствовало выполнению указаний о проявлении уважения к останкам. В ходе операции были безжалостно уничтожены памятные знаки и символы (памятники, монументы, стелы, таблички и пр.)

Ознакомившись с докладом своего подчиненного лейтенанта У. Снефьелло, командующий морскими силами в Северной Норвегии контр-адмирал Нильс Бруун сделал несколько замечаний. Если правительство планирует еще подобные операции, то оно должно делать это в обстановке полной гласности, сказал он, и добавил: *«А когда останки извлечены из могил и все приготовлено для их упаковки, должна быть устроена церемония павшим воинской чести с участием небольшого воинского караула и священника. Если рядом с кладбищем есть дома, то на них или мачтах во время церемонии должны быть вывешены приспущенные флаги»*. Все нормальные люди полагали, что то, что сделали во время операции «Асфальт» власти, было просто безумием. Это было осквернение могил.

Операция «Асфальт» было странным делом, которое омрачило отношения между СССР и Норвегией, говорят норвежские историки А. Яклин, К. Э. Эриксен и Х. Э. Фаро*.

Эпилог

Правительство и власти Норвегии тщательно оберегают все захоронения с советскими военнопленными и следят за состоянием каждой могилы. Всего, по данным Б. Братбака, на территории страны насчитывается 12.678 зарегистрированных советских воинских могил периода второй мировой войны. В южных районах Норвегии могилы советских военнопленных главным образом сконцентрированы в следующих населенных пунктах: Вердальсера (губерния Нурд-Тренделаг), Виньеера и Оппдаль со 165 могилами (Сер-Тренделаг), Сунндальера в Мере & Ромсдале, Ерстадмуен в Оппланде (954 могилы), Хаслемуен в Хедмарке, ВестреГравлунд (349 могил) и Эйганес. Другие кладбища, меньшие по размерам, находятся практически во всех районах страны. А всего в Норвегии на сегодня насчитывается 61 кладбище с могилами советских военнопленных. Большинство похороненных опознано, но есть и могилы без указания установочных данных погибших. Скарстен и Стокке приводят о некоторых пленных более-менее подробные истории.

Уверенные в своей победе, немцы в начале войны на могильных крестах писали причины смерти военнопленного: расстрел, болезнь, обморожение и т.п. Потом они эту практику прекратили и стали писать просто «умер».

Поисковая работа с целью выяснения судьбы того или иного советского военнопленного в Норвегии затруднена тем обстоятельством, что большинство учетных карточек на них, как мы уже говорили, немцы в майские дни 1945 года уничтожили. Но не все: некоторая часть архивного массива сохранилась и была выслана немцами в Германию. Оттуда эти карточки перекочевали в советские архивы и надолго были забыты. Кое-какая работа с этими документальными материалами была начата в России лишь в последние 10 лет.

Некоторым бывшим военнопленным уже в наши дни удалось посетить места своего заключения в норвежских лагерях и побывать на могилах своих товарищей. Их осталось очень мало. Скарстен и Стокке восстановили контакты или узнали о дальнейшей судьбе примерно 40 бывших советских военнопленных. Объективно это мало, очень мало, но такова уж была и есть наша действительность. Во-первых, нем-

* Некоторые люди, в том числе норвежцы, могут сказать, что в самом Советском Союзе и в России имеется много фактов, свидетельствующих о недостаточном уважении к памяти погибших во время ВОВ советских воинов. Это так, и оправдания этому нет. Но автор в данном случае судит норвежцев не по нашим, советско-российским меркам, а по меркам Норвегии. И тогда оправдания операции «Асфальт» просто нет.

цы постарались уничтожить следы своей «деятельности». Во-вторых, большинство норвежцев постарались побыстрее забыть ужасные символы войны, включая присутствие в Норвегии советских военнопленных.

Но почему же это случилось? Почему, задаются тем же вопросом Скарстен и Стокке? Почему, пишут они, Интернет буквально напичкан информацией о немецкой армии. О ней все известно, известно досконально, вплоть до малейших деталей, о ее отдельных подразделениях в Норвегии, о военно-морском флоте фашистского рейха, о «люфтваффе», о генералах, офицерах и солдатах, — одним словом, о тех, *«кто нас оккупировал, кто подчинял нас своей воле, кто заставил голодать, кто доставил рабскую рабочую силу в нашу страну»*. А вот если попытаться найти информацию о лагере советских военнопленных в Мои, наткнешься на пустоту.

Так кто (или что) же в этом виноват(о), спрашивают оба историка: послевоенная политика, холодная война или общее отсутствие интереса к этой теме? Нам кажется, что виноваты в «забывчивости» все три фактора вместе. И добавили бы еще одну: пристрастное отношение Запада к Советскому Союзу и к нынешней России и к нашей истории, стремление «переписать» ее по-своему.

А. И. Солженицын полагает, что у нас в России забывчивость — следствие того стандарта мышления, которое «вдолбили» русскому народу за годы советской власти. *«Мы — все забываем»*, — пишет он. — *«Мы помним не быль, не историю — а только тот штампованный пунктир, который и хотели в нашей памяти пробить непрерывным долблением»*. Он считает, что это теперь стало свойством нашего народа.

Норвежские историки заключают свой объемный и весьма объективный труд словами американского философа и писателя Джорджа Сантаяны: *«Тот, кто не знает истории, обречен на ее повторение»*.

И с этим трудно не согласиться.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

ЛЕГАСОВ: НАДО ЖИТЬ

Драма в одном действии по мотивам реальных событий. В пьесе использованы тексты воспоминаний и телевизионных выступлений В. А. Легасова.

Рагим Гашамович Мусаев, драматург, помощник художественного руководителя Тульского академического театра драмы. Более 50 постановок в театрах России, Белоруссии, Украины, Луганской народной республики, Казахстана, Великобритании. Лауреат Международной литературной премии «Славянские традиции», Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, национальной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Член Союза театральных деятелей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

Действующие лица:

Валерий Алексеевич Легасов,
ученый-химик, 50 лет

Маргарита Легасова,
его жена

Алексей Иванович Легасов,
его отец, 30 лет

Валера Легасов
в детстве

Серафима Моисеевна,
врач

Партработник

Борис Баранов,
начальник смены ЧАЭС

Сергей и Коля,
тульские шахтеры

Оппоненты на совещании МАГАТЭ

Курт и Марика,
ведущие австрийских новостей

29 августа 1986 года, Вена.

Пролог.

Баранов на могиле Легасова.

Баранов. Привет, академик. Вот и я. Ты, надеюсь, не занят? Ну, мало ли... Вас, ученых, иной раз и не поймешь. А я с парнями в госпиталь приезжал, на реабилитацию. С Лешкой Ананенко и Валеркой Беспаловым. Помнишь? Подлечили нас, теперь, значит, домой. Парни по магазинам пошли, подарки детишкам надо, женам опять же. А я вот к тебе решил, Валерий Алексеевич. Хорошо тут у вас в столице. Москва — это Москва, что и говорить. И врачи, и лекарства — все как в лучших домах. На Красную площадь водили, в театр. Я артистку эту видел, из кино. Помнишь, Васька еще сказал, что она баба красивая, жена его тряпкой по роже и на неделю из спальни отселила, а мы его ссыльным-арестованным дразнили. Да... Как ты тут? Обжился? Свечку купил? У вас же там как у негра... Соседи не обижают? Понимаю, что не должны. Я почитал надписи на плитах, куда ни плюнь — академики да генералы. Все одно люди. А люди — они всякие. Видишь, как бывает. Вроде тогда меня с ребятами в последний заплыв отправлял, прощался... А теперь... Мы здесь, а ты... Как же ты, Валерий Алексеич... Ну все, все. Ты это, не плачь только. Не положено академикам. И генералы засмеют. А хочешь насмешу? Нас же с парнями так и схоронили. Меня, Лешку и Валерку. Помнишь, тогда мы нырнули вентиль открутить? Вот после этого по телевизору на всю страну показали, что мы герои, но нам кранты. Нам всем троим домой звонки, телеграммы с соболезнованиями. Сколько раз я трубку беру и говорю: «Я слушаю!» А на другом конце кто охнет, кто Господа поминает, а тетка моя, как меня в трубке услышала, в обморок грохнулась. Да когда падала, аквариум столкнула. А там... В общем, соседям снизу пришлось потолок белить по новой, а кота Ваську к ветеринару тащить, поплохело рыжей морде от скалярий и меченосцев. Смешно... Только надоело всем объяснять, почему мы тогда не сдохли. И почему если про нас, чернобыльских водолазов, везде пишут, что мы герои и полмира спасли, то ничем нас не наградили. Веришь, Валерий Алексеич... Случись оно сейчас, я бы все так же сделал. Да хрен с ними, с этими наградами. Ведь не для наград мы... Не говори мне ничего. Ты сам понимаешь. Тебя тоже, я смотрю, орденами не обвешали. Хоть ты и академик. Жаль, только уже руку тебе не пожму. Настоящий ты мужик. Правильный. Хоть и академик. Спасибо тебе, Валерий Алексеич. От меня и от ребят. Спасибо. Бог даст — на том свете свидимся. А пока... Будем жить!

Затемнение.

Явление 1. Новости.

На телевизионном экране возникает новостная заставка иностранного телеканала.

Ведущий. Добрый вечер, дамы и господа! Напоминаю, что в эфире Nachrichten — короткие новости. И мы переходим к главной теме дня — приезду русских на специальное совещание МАГАТЭ.

Ведущая. Курт, думаю, не только я не знаю, как расшифровывается эта аббревиатура.

Ведущий. Марика, это Международное агентство по атомной энергии, которое квартирует у нас, в Вене.

Ведущая. Атомная энергия и русские. Два этих понятия держат в напряжении весь мир уже четыре месяца.

Ведущий. Ты права, Марика. Виной всему ужасная катастрофа на атомной электростанции в Чернобыле. Огромные территории подверглись воздействию смертельно опасной радиации.

Ведущая. Это пугает больше всего. Когда я, сидя дома, получаю рекомендации не выпускать дочь на улицу из-за угрозы русской радиации. Радиация уже в Германии, Швеции, Норвегии, Дании. Загрязнены сотни населенных пунктов! Это война!

Ведущий. Ты забыла упомянуть Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Болгарию, Албанию и Югославию. Это гораздо страшнее войны, поскольку радиацию не в состоянии остановить никакие границы или войска.

Ведущая. Именно поэтому к сегодняшнему специально созванному совещанию приковано внимание всего мира. Что скажет глава СССР Горбачев?

Ведущий. Он ничего не скажет. Ему нечего сказать. Поэтому он прислал Легасова.

Ведущая. Легасов — кто это?

Ведущий. Ученый. Химик или физик.

Ведущая. Европе не хватает своих химиков? Курт, зачем он приехал?

Ведущий. Он единственный из ученых был в Чернобыле и что-то знает.

Ведущая. Русские все равно ничего не скажут. Не зря президент США назвал СССР империей зла.

Ведущий. Ты права, Марика. Если бы русским было что сказать, приехал бы сам Горбачев.

Ведущая. Смотрите прямую трансляцию заседания МАГАТЭ на нашем канале. А мы уходим на рекламу.

Затемнение.

Явление 2. Зал МАГАТЭ.

Легасов, оппоненты.

Голос. Дамы и господа, доктор химических наук, профессор, действительный член Академии наук СССР Валерий Легасов, Советский Союз.

*Гул зала. На трибуну выходит Валерий Легасов.
Его выступление сопровождается слайдами.*

Легасов. Здравствуйте, уважаемые члены Международного агентства по атомной энергии. Тема моего доклада — авария на Чернобыльской атомной электростанции, которая, как известно, произошла 26 апреля нынешнего 1986 года. Для начала я бы хотел сказать несколько слов о самой Чернобыльской электростанции. Она была введена в эксплуатацию 14 декабря 1977 года. Пуск последнего, четвертого энергоблока, на котором и произошла авария, состоялся в конце 1983 года. По состоянию на апрель 1986 года в эксплуатации находились четыре энергоблока с реакторами РБМК-1000 суммарной генерирующей мощностью 4000 мегаватт. Таким образом, на момент аварии Чернобыльская АЭС входила в тройку самых мощных атомных электростанций Советского Союза.

*На экране (экранах) за спиной Легасова возникает трансляция
крупных планов оппонентов, задающих вопросы из зала.*

Первый оппонент. Вынужден прервать вас, уважаемый. Почему вы называете случившееся аварией? Это самая настоящая катастрофа. Заражению подверглись миллионы людей в нескольких странах.

Легасов. Это вопрос терминологии.

Первый оппонент. Вопрос терминологии? Тысячи людей вынуждены были покинуть свои дома. Десятки людей уже умерли, и это только начало. Почему вообще на этой трибуне стоите вы? Вам известно, что здесь ждали совсем не вас? Кто вы?

Легасов. Я ученый, занимаюсь, в том числе, вопросами атомных электростанций.

Первый оппонент. Вам известно, что мировым сообществом рассматривается вопрос наложения санкций на СССР в виде запрета на использование атомной энергетики? Вы у русских главный по АЭС? Что вы здесь делаете?

*Последние слова вызывают у Легасова воспоминания.
Оппонент на экране продолжает шевелить губами, но Легасов его больше не слышит.*

*На переднем плане оживает детское воспоминание Легасова:
он убегает от зовущего его отца.*

Оппонент исчезает.

*На экранах мелькают отрывистые кадры-переживания Легасова:
Чернобыль, выброшенный на берег кит, играющая с дочерью жена,
сосредоточенные глаза людей и т.п.*

Наконец, хаос на экране останавливается на крупном плане жены.

Явление 3. Дом.

Валерий и Маргарита Легасовы.

Маргарита. Валера, что ты там будешь делать? Не хочу, чтобы ты ехал.

Легасов. Я должен.

Маргарита. Что? Кому? Ладно, никого не оказалось в Москве, когда рвануло в Чернобыле. Отправили тебя, хоть атомные станции и не твой профиль. Но сейчас? В Вену должен ехать политик, а не ученый. И вопросы там будут политические. Где ты и где политика?

Легасов. Думаешь, Горбачев сможет что-то ответить про ядерный реактор? Он только начал понимать, что там вообще случилось.

Маргарита. Но ведь начал! Ему напишут речь, выучит. На худой конец, прочитает.

Легасов. Я должен.

Маргарита. Стране?

Легасов. И стране тоже.

Маргарита. А кому еще?

Легасов. Вам. Тебе, детям, Мишке, Валерику...

Маргарита. Последние месяцы ты все время в Чернобыле. Валерик по тебе очень скучает. Говорят, связь с внуками гораздо сильнее, чем с детьми.

Легасов. Валерик еще слишком маленький, чтобы что-то понимать про связи.

Маргарита. Способность любить не зависит от возраста.

Легасов. Знаю.

Маргарита. И Том по тебе тоскует ужасно.

Легасов. Я заметил: сгрыз все тапки.

Маргарита. Он тебя тоже любит.

Легасов. Вот потому я и должен ехать.

Маргарита. Откажись. На дворе давно не тридцать седьмой год, сейчас не расстреливают.

Легасов. Нет, конечно. Но и ходу не дадут. Прежде всего вам. Если я не поеду, вам без меня придется несладко.

Маргарита. Ты о чем?

Легасов. Ты все понимаешь.

Маргарита. Я не хочу думать про это.

Легасов. Ты все понимаешь.

Маргарита. Зачем... Зачем ты туда полез. Ладно, другие, но ты... Ты же знал, что, подходя к реактору, ты получаешь максимальную дозу радиации!

Легасов. Ты когда-нибудь видела кита, выброшенного на берег?

Маргарита. При чем здесь кит...

Легасов. Знаешь, иногда стихия выбрасывает китов из океана. И это гигантское, могучее млекопитающее вне привычной среды оказывается беспомощным. Эта сила лежит, смотрит на тебя беспомощными глазами и надеется. Если огромная волна не смоет кита обратно или если ему не придут на помощь, он погибнет.

Маргарита. Валера, ты о чем?

Легасов. Ты бы видела их глаза. Взрослые, сильные мужики. Военные, пожарные, шахтеры... Каждый в своем деле все может, все умеет. У многих семьи, кто-то прошел Афган. Это огромная, реальная сила! Но никто из них не знает, что делать с этой радиацией. Они смотрят на тебя беспомощными глазами и надеются. Только я, как средневековый чародей, могу открыть им тайну победы над радиацией. Их жизнь и жизни их семей, выброшенных на берег радиацией, зависят от меня. Здесь и сейчас.

Маргарита. И твоя задача поднять этого кита и бросить обратно в океан?

Легасов. Да.

Маргарита. Хорошо... Все будет хорошо. Мы будем ждать тебя.

Легасов. Ты все понимаешь.

Затмение.

В темноте возникает последняя фраза, услышанная Легасовым на заседании. Фраза слышится как бы издали, постепенно доходя до привычной громкости.

Явление 4. Зал МАГАТЭ.

Легасов вновь на трибуне.

Первый оппонент. Вам известно, что мировым сообществом рассматривается вопрос наложения санкций на СССР в виде запрета на использование атомной энергетики? Вы у русских главный по АЭС? Что вы здесь делаете?

Легасов. Я как ученый возглавлял работы по ликвидации последствий чернобыльских событий. Именно я с первых часов работал на месте катастрофы.

Второй оппонент. Результат вашей работы — заражение сотен километров территории далеко за пределами СССР. Это крупнейшая мировая катастрофа, с последствиями которой всем нам только предстоит столкнуться!

Третий оппонент. Господа, остановитесь! Он здесь для того, чтобы мы что-то узнали о том, чего все так боятся. Господин Легасов, прошу извинить моих коллег. Мы все очень взволнованы случившимся. Полагаю, вам действительно есть что сказать. Так что случилось в Чернобыле?

Легасов. Произошел взрыв на реакторе четвертого энергоблока, в результате которого реактор был полностью разрушен. Облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло различные радиоактивные вещества, прежде всего радионуклиды йода и цезия, по большей части Европы. Наибольшие выпадения отмечались на территориях советских республик: Белоруссии, России и Украины.

Третий оппонент. Что СССР удалось сделать для ликвидации опасности, созданной данной катастрофой?

Легасов. Прежде всего создана правительственная комиссия, членом которой я являюсь. Из тридцатикилометровой зоны отчуждения вокруг атомной станции эвакуировано все население — более ста тысяч человек. Для ликвидации последствий в первые же минуты после взрыва мобилизованы значительные ресурсы: пожарные, войска химзащиты, медики, шахтеры и многие другие. В общей сложности в ликвидации последствий аварии задействовано более полумиллиона специалистов. Нам удалось в сжатые сроки...

Второй оппонент. Это правда, что все, кто там работал, уже умерли?

*Последние слова вызывают у Легасова воспоминания.
Легасов больше не слышит оппонента на экране.
На переднем плане появляется убегающий от отца Валера.
Оппонент исчезает.
Его сменяют отрывистые кадры-переживания самого Легасова.
Наконец, хаос на экране останавливается на крупном плане врача
Серафимы Алексеевны.*

Явление 5. Медпункт в Чернобыле.

Легасов и Врач.

Врач. Пожалуйста ручку, Валерий Алексеевич.

Легасов. А смысл, Серафима Моисеевна?

Врач. Я должна удостовериться в вашем добром здравии.

Легасов. Ценю ваш юмор.

Врач. У врачей это называется цинизм, молодой человек. Причем, заметьте, здоровый цинизм.

Легасов. У ученых, видимо, тоже. Вы же только что у меня кровь брали.

Врач. У работающих непосредственно в зоне отчуждения анализы берем ежедневно. Ежели какие отклонения, сразу отстраняем.

Легасов. Ну меня вы отстранить все равно не сможете.

Врач. А смысл, Валерий Алексеевич? Вы уже свое получили. Причем, увы, по своей же доброй воле.

Легасов. Почему же увы?

Врач. Такие головы, как ваша, должны жить долго и приносить пользу людям. А вы так отчаянно и в самое пекло... И ведь вы один из немногих, кто сразу понимал, что это пекло.

Легасов. Разве кто-то этого еще не понимает?

Врач. Так как вы мало кто понимает. Сейчас у многих пришло осознание опасности, но без подробностей. А у тех, кого к нам доставляли в первые дни, это понимание, увы, уже не наступит. Жалко мальчишек. Там и со станции были, из той ночной смены, и пожарные, которых туда первыми вызвали. Жены к ним прорывались, а нельзя. Они ж были живая радиация! Если б даже не общая эвакуация, нашу больницу после той ночи только с землей сравнить можно, да пустое место солью посыпать и за версту колючей проволокой обнести.

Легасов. Погодите, вы что же, работали в той больнице в Припяти?

Врач. Работала. А до того служила военным хирургом.

Легасов. На фронте?

Врач. А как же. Аккурат перед войной мединститут окончила. И после войны служила. А как на пенсию проводили, сюда приехала, уже работать.

Легасов. Почему сюда?

Врач. Хорошо тут. Молодежи много. Припять — город новый, все свежее. Сиренью пахнет до одурения. Люди встречаются, люди влюбляются, женятся... Как мы в юности. Ну и Гриша мой рядышком.

Легасов. Ваш супруг?

Врач. Не успели. Учились вместе. Его прямо в сорок первом фашисты... В Чернобыле. К тетке на каникулы приехал. Оказалось, в самое пекло. Навечно. Не смогла я без него. И с ним в Чернобыле не могу. Все мне там кажется, кричит он. Меня зовет. А меня нет, помочь не могу. Ну а теперь я рядом.

Легасов. Извините.

Врач. О чем вы! Сорок пять лет ... в ноябре будет...

Легасов. Серафима Моисеевна, что с нами будет?

Врач. Валерий Алексеевич, все хорошо будет! Не переживайте. Мы с вами еще поживем! Года три — четыре, думаю.

Легасов. А потом?

Врач. Поначалу усталость, тошнота, стойкие головные боли. Затем все прелести: облысение, анорексия, хроническая бессонница и тремор рук. Дальше не интересно: поражение костного мозга, последовательное снижение числа эритроцитов и лейкоцитов, — ни себе посмотреть, ни людям показать. Кровь, как вы понимаете, к чертям. Зато потом внутренние кровоизлияния, абзольц иммунитету — и после первой же инфекции милости просим на кладбище. Вы и без меня все это знаете. С фашистами, знаете ли, все же проще было. Пристрелил его, он и добренький. А как убить излучение, которое везде, даже в тебе самой?

Легасов. Почему вы не эвакуировались со всей больницей?

Врач. А вы? Академик, столичное светило. Могли бы и из Москвы указания строчить. Но вы тут. Есть хоть одна норма защиты, что вы не нарушили?

Легасов. В пекле иначе не бывает.

Врач. Биологически задача любого организма — продолжение жизни. Вот я ее моим пациентам и продолжаю. Как могу. Мне и ехать некуда. Да и Гриша здесь. Куда я без него. Пока работаю. Не молодым же в этом пекле... Жить надо. Жить! А Гриша позовет — я и рядом.

Затемнение.

В темноте нарастает последняя фраза, услышанная Легасовым на заседании.

Явление 6. Зал МАГАТЭ.

Легасов на трибуне.

Второй оппонент. Это правда, что все, кто там работал, уже умерли?

Легасов. Увы, первые ликвидаторы получили высокие дозы облучения.

Второй оппонент. Так это правда?

Легасов. В первые месяцы после взрыва от острой лучевой болезни скончался 31 человек.

Четвертый оппонент. Говорят, в вашем рабочем кабинете стоит русский самовар?

Легасов. Вы хорошо осведомлены.

Четвертый оппонент. Один русский инженер сказал, что советская атомная электростанция так же проста и безопасна, как русский самовар. Неужели русские самовары взрываются? Мы могли бы предложить вам для изучения принцип работы европейского самовара.

Легасов. Самовар напоминает мне о моей малой родине — Туле, самоварной столице России. У нас и поговорка есть: в Тулу со своим самоваром не ездят. Тем более, что европейского самовара не существует.

Третий оппонент. Господин Легасов, говорят еще шесть лет назад вы опубликовали статью о возможности аварии на ядерном реакторе и о мерах по предупреждению такой аварии. Значит ли это, что вы предвидели катастрофу в Чернобыле?

Легасов. АЭС в Чернобыле — одна из 15 атомных электростанций Советского Союза. Моя статья носила научный, чисто теоретический характер. Ведь даже такой совершенный механизм, как человеческий организм, имеет свои сбои.

Второй оппонент. Господин Легасов, очень хорошо, что вы вспомнили о людях. Имеются ли жертвы из числа местного населения? Ведь в непосредственной близости от взорвавшейся атомной станции находятся города Чернобыль и Припять. Что с их жителями?

*Последние слова вызывают у Легасова воспоминания.
На переднем плане пробегает Валера, скрывающийся от отца.
Та же игра изображений-воспоминаний на экране.
Хаос останавливается на крупном плане партработника.*

Явление 7. Кабинет партийного работника.

Легасов и партийный работник.

Партработник. Хорошо! Это очень хорошо, Валерий Алексеевич! Люблю, когда все под контролем.

Легасов. Поймите, работы только начаты, предстоит еще очень многое...

Партработник. Это все хорошо. Ты мне лучше скажи, когда мы вновь сможем запустить Чернобыльскую атомную станцию?

Легасов. В смысле, запустить?

Партработник. Валерий Алексеевич, дорогой, ты же понимаешь, что наша экономика не может допустить простоя предприятий легкой, а тем более тяжелой промышленности. План пятилетки должен быть выполнен, а лучше перевыполнен. Да и в дома людям электричество должно поступать бесперебойно. Поэтому Чернобыльская атомная электростанция имени Владимира Ильича Ленина должна в максимально сжатые сроки ударными темпами приступить к работе в штатном режиме.

Легасов. Вы понимаете, о чем вы говорите?

Партработник. Безусловно. И я жду ответа на поставленный перед нами вопрос. Не мной перед тобой поставленный, а страной и народом перед нами. Понимаешь?

Легасов. Поймите, в Чернобыле произошла не авария, а самая настоящая катастрофа. Катастрофа!

Партработник. Это вопрос терминологии.

Легасов. Вы понимаете, что такое радиация? Вы понимаете, что последствия ее воздействия коснутся не только нас, но и наших детей и внуков?

Партработник. Про детей и внуков вспомнил? Очень хорошо. Вот они нам за простой в энергетике точно спасибо не скажут.

Легасов. Если сейчас запустить четвертый реактор, они нам вообще ничего не скажут. Говорить некому будет. Нужно немедленно провести эвакуацию местного населения в радиусе минимум 30 километров от реактора. Эта зона отчуждения представляет смертельную опасность для всего живого и должна охраняться. Я связывался с синоптиками. Пока что роза ветров была благосклонна к нам, и ближайший город Припять не успел получить всю причитающуюся ей дозу радиации. Но на днях ветер поменяется, и тогда все население Припяти, а это тысячи взрослых и детей, можно будет уже не вывозить, а закопать прямо здесь.

Партработник. Ты понимаешь, что говоришь? Ты вот так, запросто требуешь...

Легасов. Я требую немедленной эвакуации города. Немедленной! Иначе мы обречем людей на страшную, мучительную смерть.

Партработник. Это что, паника? Не много ли ты на себя берешь?

Легасов. У вас семья есть? Дети? Так вот, здесь, вокруг атомной станции, живут такие же люди, как и вы. У них тоже дети, внуки, собаки, кошки, попугайчики... Если они просто продолжают жить у себя дома, они умрут. И это не все. Я требую отменить по всей стране первомайские демонстрации.

Партработник. То есть вы, господин хороший, хотите в нашей советской трудовой стране отменить праздник международной солидарности трудящихся? Когда вся страна в едином порыве семьями выходит на праздничные демонстрации и славит наш мирный труд?

Легасов. Вы в состоянии отменить явления природы? Дождь, ветер... Они уже разносят радиацию на сотни километров. Семьи, что выйдут на демонстрацию через

несколько дней, как раз попадут под их воздействие. Да. Они не умрут. Но мы никогда не подсчитаем все те болезни, что подарит этим людям радиация: поражение сердечно-сосудистой и нервной системы, проблемы умственного развития, ускоренное старение, бесплодие, рак... Ограничить людей от радиации полностью мы вряд ли в силах, но мы можем уменьшить дозу возможного облучения.

Партработник. Об отмене первомайской демонстрации не может быть и речи. Я доложу о ваших панических настроениях в Москву. С вами будет разбираться КГБ.

Легасов. Очень рассчитываю на это. И очень надеюсь на мудрость генерального секретаря ЦК КПСС.

Партработник. Не надейтесь. Он примет правильное решение.

Затемнение.

В темноте возникает последняя фраза, услышанная Легасовым на заседании.

Явление 8. Зал МАГАТЭ.

Легасов на трибуне.

Второй оппонент. Господин Легасов, имеются ли жертвы из числа местного населения? Ведь в непосредственной близости от взорвавшейся атомной станции находятся города Чернобыль и Припять. Что с их жителями?

Легасов. Они были эвакуированы на следующий день.

Первый оппонент. Только на следующий день? Почему так поздно?

Легасов. Потому что для эвакуации потребовалось собрать почти 1,5 тысячи автобусов и грузовиков. Кроме того, были задействованы поезда, речные пароходы. В результате около 50 тысяч местных жителей, в том числе 17 тысяч детей и 80 лежащих больных, эвакуировали за 2,5 часа.

Четвертый оппонент. Люди знали, что домой они больше не вернутся?

Легасов. Нет.

Первый оппонент. Вы понимаете, что это нарушение прав человека? Люди бросили свои дома, не взяв даже домашних питомцев.

Легасов. Если бы мы сказали об этом, люди бы стали собирать вещи, эвакуация бы затянулась, и доза полученной людьми радиации увеличилась в разы.

Второй оппонент. А что стало с брошенными животными?

Легасов. Они были утилизированы.

Второй оппонент. Что вы с ними сделали?

Легасов. Специальные команды их отстреливали, а затем захоронили по правилам утилизации радиоактивных веществ.

Второй оппонент. Это бесчеловечно!

Легасов. Домашние животные неминуемо потянулись бы к людям. Кошки, к примеру, могут пройти огромные расстояния, чтобы найти хозяина. Но из милых зверьков они превратились в источник радиоактивного заражения, который мог стоить кому-то жизни. В любом случае облученных животных ждала мучительная смерть.

Третий оппонент. Вы отправили животных на смерть, заботясь о жизнях людей. Но через пять дней по всему Советскому Союзу прошли массовые шествия в честь праздника 1 мая. Как это могло случиться? Почему не были отменены демонстрации?

Легасов. Шли первые дни... Мы не понимали истинных масштабов случившегося.

Третий оппонент. Господин Легасов, в зале присутствуют более 500 экспертов из 62 стран мира. Думаете, кто-то из нас поверит, что вы разбираетесь в природе радиации на уровне сельского комбайнера? Хорошо, оставим демонстрации и животных. А вам приходилось отправлять на смерть людей?

*Последние слова вызывают у Легасова воспоминания.
Валера убегает от отца.
Та же игра изображений-воспоминаний на экране.
Хаос останавливается на крупном плане
начальника смены Чернобыльской АЭС Бориса Баранова.*

Явление 9. В Чернобыле.

Легасов, Баранов.

Баранов. Валерий Алексеевич, звали? Поздравляю! Пожар на четвертом энергоблоке, считай, под контролем.

Легасов. Это хорошо, Борис Александрович. Но...

Баранов. Ой, не нравятся мне такие «но». Или академикам положено всегда быть недовольными?

Легасов. Реактор продолжает плавиться, прожигая бетонную плиту под ним. Под плитой бассейн с водой. Если раскаленная масса ядерного реактора достигнет воды...

Баранов. Вашу маму с солидолом... Оно же так рванет ...

Легасов. ... произойдет термический взрыв невероятной силы.

Баранов. Это ж первые три реактора снесет к чертям.

Легасов. И первый взрыв на четвертом реакторе покажется нам новогодней хлопушкой.

Баранов. Киеву с Минском кранты?

Легасов. Кранты всей Европе.

Баранов. Сколько у нас времени?

Легасов. Примерно двое суток.

Баранов. Мама, роди меня обратно! И что делать? Академик, ты же умный! Не молчи!

Легасов. Нужно немедленно слить бассейн.

Баранов. Да он только сливаться будет сутки, не меньше. Только до кранов нормальным путем хрен доберешься. Это ж четвертый реактор, там все подходы вдребезги.

Легасов. Значит, есть путь ненормальный?

Баранов. Через камеру четвертого реактора. Только ее пожарные водой залили, когда реактор тушили. Если туда нырнуть и найти в темноте затворные краны, то...

Легасов. Борис Александрович, вы понимаете, что это быстрая и мучительная смерть? Человек может вообще не вернуться из этого заплыва.

Баранов. Значит, на троих соображать нужно.

Легасов. Не понял.

Баранов. Из троих один, да выживет. Да и если краны заклинило, один не справится. Вдвоем надо.

Легасов. А третий зачем?

Баранов. Свечку держать, Валерий Алексеич! Там же темень как у негра в жилах!

Легасов. Это вода, которой тушили радиоактивную лаву. Никто толком не знает ее радиационный фон...

Баранов. Да понял я все. Кто нырнул, тот ласты склеил. Не переживай, академик. Есть у меня пара ребят толковых.

Легасов. Вы не понимаете...

Баранов. Это ты, Валерий Алексеевич, не понимаешь. Не каждому мужику в жизни шанс выпадает поступок совершить. Настоящий, понимаешь? Чтоб не просто родился, учился, женился и черта на могилке между цифирями. А чтобы внуки и правнуки фамилией гордились. Чтобы сам себя зауважал. Чтобы смысл в твоей роже небритой был.

Легасов. Нужны водолазные костюмы, защита...

Баранов. Верно мыслишь, Валерий Алексеич. Только мы все здесь свою дозу уже хапанули. Так что поздно пить боржом. Есть, правда, одна мыслишка... Если дальним краем проплыть, может, не так и заляпаемся? Как думаешь?

Легасов. Теоретически это возможно.

Баранов. Опять же это... Жалко... Европу жалко. Куда эти дюдики без русского мужика? В сорок пятом от Гитлера освободили и сейчас не бросим. Люди жить должны. И радоваться. Даже в их Европе, мать ее тудыть! А у нас и подавно! Как думаешь, Валерий Алексеич? Надо жить?

Затемнение.

В темноте возникает последняя фраза, услышанная Легасовым на заседании.

Явление 10. Зал МАГАТЭ.

Легасов на трибуне.

Третий оппонент. Господин Легасов, вам приходилось отправлять на смерть людей?

Легасов. Да.

Четвертый оппонент. И вы так спокойно об этом говорите?

Легасов. Я сам смотрел в лицо смерти. И да, я отправил несколько сотен людей на смерть. И они были готовы пожертвовать собой ради жизни миллионов. Ради ваших жизней. Иначе бы последствия чернобыльской катастрофы были бы совсем другими. Возможно, всех вас просто не было бы в живых. По счастью, большая часть этих людей жива.

Четвертый оппонент. Господин Легасов, вы говорите о каком-то спасении, а знаете ли вы, какой экономический ущерб причинила чернобыльская радиация странам Европы? Знаете ли вы, что ряд экспертов требует от СССР возмещения этого ущерба?

Третий оппонент. Господин Легасов, а как обстоят дела с четвертым реактором сейчас?

Легасов. Над ним возводят специальный саркофаг, который защитит атмосферу и значительно снизит дозу излучения.

Третий оппонент. Это хорошо. Но как быть с грунтовыми водами? Если ядерное топливо заразит грунтовые воды, то все ваши усилия окажутся бесполезны.

Легасов. Вы правы. В непосредственной близости от реактора протекает река Припять. Она впадает в Днепр — четвертую по длине реку Европы. Площадь бассейна Днепра полмиллиона квадратных километров. Ну и, как вы знаете, Днепр впадает в Черное море, относящееся в бассейну Атлантического океана. Так что ваши опасения не беспочвенны.

Второй оппонент. Так скажите же что-нибудь! Вы же что-то сделали? Господин Легасов! Господин Легасов!

Последние слова вызывают у Легасова воспоминания.

Валера вновь бежит от отца.

Та же игра изображений-воспоминаний на экране.

Хаос останавливается на крупном плане тульских шахтеров.

Явление 11. Тульские шахтеры.

Легасов, шахтеры.

Сергей. Товарищ, подскажите, где здесь столовая?

Легасов. Вон в том здании. Красный кирпич видите?

Коля. Вон тот? Видим. Спасибо.

Сергей. Мы пока ничего тут не знаем.

Легасов. Давно приехали?

Коля. А сейчас сколько?

Сергей. Уже без двадцати.

Коля. Да час назад и приехали.

Легасов. Туляки?

Сергей. Туляки. Как догадались?

Легасов. «Без двадцати!» Я сам в Туле родился, потом еще долго от местного говора отходил.

Коля. Земляки — это хорошо! Я же говорил, как Москва в опасности — без туляков не обойдется!

Легасов. Это как?

Коля. В сорок первом кто Москву прикрыл? Вот! Да с Петра Первого все войны с тульским оружием выигрывали. Опять же сегодня вы здесь, нас четыре с половиной сотни привезли! Что, не могли ребят с Донбасса позвать? Не могли!

Легасов. Не могли. Там шахтеры по твердому грунту работают, а здесь песка много. Как в Туле.

Сергей. Вон оно как. А вы здесь давно?

Легасов. Практически с самого начала.

Сергей. Земляк, скажи по совести, опасно здесь?

Легасов. Опасно. Вам что, не сказали, куда вы едете?

Коля. Сказали. А вдруг неправду?

Легасов. Хотите знать правду?

Сергей. Правду? Мы надежды хотим. Вот детишки у меня теперь будут?

Легасов. Детишки? Вот именно теперь и будут. Это как с лекарством: в больших дозах вредно, а в малых стимулирует. Если, конечно, о защите помнить.

Сергей. Все одно страшно.

Последнее слово эхом отдается в памяти Легасова.

Явление 12. Детство.

Возникает уже знакомая сцена: Валера Легасов убегает от отца.

Отец. Валера! Валера, подойди! (*мальчик мотает головой*). Валера, подойди ко мне. Да не буду я ругаться. Я тебя когда-нибудь обманывал?

Валера. Нет...

Валера медленно подходит.

Отец. Куда ты дел Олину игрушку? Слышал, как Оля плачет во дворе?

Валера протягивает кусок веревки.

Отец. Это веревка от мячика, а где сам мячик?

Валера. В подвале. Он оторвался и ускакал.

Отец. Оторвался? Не страшно, привяжем обратно. Принеси мяч.

Валера. Там страшно... Там темно...

Отец. Ты все еще боишься темноты? Хочешь, открою тебе страшную тайну? Ты знаешь, что самое страшное в темноте?

Валера. Что?

Отец. Самое страшное в темноте — твой страх. Потому что сама темнота — это ничто, просто выключенная лампочка. Смотри (*выключается свет*). Тебе страшно?

Валера. С тобою нет.

Отец. Без меня все то же самое. Не бойся своего страха. Просто иди к нему навстречу и включай свет. Только так можно его побороть. Не надо бояться. Жить надо. Жить!

*На последних словах папа находит мяч,
прикрепляет его к веревке и отдает счастливому сыну.
Затемнение.*

В темноте возникает последняя фраза, услышанная Легасовым на заседании.

Явление 13. Зал МАГАТЭ.

Легасов на трибуне.

Второй оппонент. Вы же что-то сделали? Господин Легасов! Господин Легасов!

Легасов. Чтобы обезопасить грунтовые воды, под взорвавшимся реактором вручную прорыт тоннель, в котором смонтирована охлаждающая рубашка на жидком азоте.

Второй оппонент. Вручную?

Легасов. Технику заводить было нельзя, любые колебания могли привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому вручную. Все вручную.

Первый оппонент. Безопасен ли реактор теперь? Что теперь будет?

Третий оппонент. Вернется ли когда-нибудь жизнь в Чернобыль?

Четвертый оппонент. Вы понимаете, сколько зла Чернобыль причинил Европе?

Первый оппонент. Считаете ли вы справедливым лишение русских права использовать атомную энергетику?

Четвертый оппонент. Почему вы молчите? Вы же отправляли людей на смерть!

Третий оппонент. Господин Легасов, вы — посланник смерти. Вы боитесь смерти? Чего вы боитесь?

Легасов. Это не у меня страх смерти. Я уже умер. С той дозой радиации, что я получил, долго не живут. Но я хочу, чтобы у вас не было страха жизни. Вы боитесь прогресса, хотите решить проблему, поставив мою страну в угол. Но это не решит ничего. Чернобыльская катастрофа дала миру опыт, которого ни у кого не было. Это наш общий шанс спасти мир. У русского писателя Льва Толстого есть последнее, незаконченное произведение. Оно называется «Нет в мире виноватых». Правительственная комиссия, в составе которой я работал, выявила множество недостатков и в проекте реактора, и в его обслуживании. Не обошлось и без человеческого фактора. Но самое ужасное, что выявленные обстоятельства ни по отдельности, ни в совокупности не могли привести к катастрофе. Мне бы тоже хотелось найти козла отпущения, но его нет. Нет в мире виноватых. Правда заключается в том, что никто толком не знает, какая именно капля стала последней и привела к взрыву. Нам с вами вообще повезло, что мы здесь сейчас сидим. Нам нравится думать, что мы покорили атом, но, увы, это не так. Пока не так. Надо ли вообще развивать атомную энергетику? Ведь атом — это не чья-то выдумка, удачная или неудачная. Это источник энергии, появившийся у человека с той же неизбежностью, с которой не могли не появиться огонь, уголь, нефть, газ... Без развития атома нельзя представить дальнейшего развития человечества. Это глобальная задача современности. Даже взаимодействие человека и машины не оптимизировано ни в одной стране мира. А мы говорим про атом. В руках человека оказались мощные и опасные технологии. Любой необдуманный шаг политиков может привести к катастрофе. Гонка вооружения сверхдержав не имеет смысла. Не будет многих ядерных ударов с двух или нескольких сторон. Один единственный удар приведет к необратимым последствиям для всей Земли. Пора отбросить политику и начать работать вместе в интересах всех людей на Земле. Еще

сто лет назад Толстой говорил о личной, нравственной ответственности перед будущим, которую должен осознать каждый из нас. Я не боюсь смерти. Мне бы только не хотелось напугать своим уходом близких. В отличие от вас, я буду уходить в страшных мучениях. Найти виноватых — не сложно. Гораздо сложнее не искать козла отпущения, а самому сделать первый шаг к решению проблемы. Это трудно, но мы должны.

Зал МАГАТЭ приветствует Легасова стоя.

Явление 14.

Появляется Валера. В руках у него веревка.

Он протягивает ее Легасову, и они вдвоем уходят в темноту под монолог мальчика.

Валера. Ты все еще боишься темноты? Хочешь, открою страшную тайну? Самое страшное в темноте — твой страх. Не бойся своего страха. Просто иди к нему навстречу и включай свет. Не надо бояться. Жить надо. Жить! Жить...

Чернобыльская катастрофа 1986 года остается белым пятном в истории нашей страны. Однозначного мнения о причинах аварии и точной информации о масштабах ее последствий нет до сих пор. Из 450 тульских шахтеров, работавших в Чернобыле, сегодня живы менее 200 человек. Почти все они имеют различные группы инвалидности. Всего в ликвидации последствий этой аварии приняли участие более 2,5 тысяч туляков.

Занавес.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ЯБЛОНЬКА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова.

На нынешний Новый год Пашка позвал Вадима в Дом культуры. Ладно, решил Вадим, можно в последний раз сходить на танцы и на этом поставить жирную точку. Другьям скоро исполнится двадцать пять, для танцулек уже перестарки. Кое-кто из одноклассников уже обзавелся семьей. Ольга Смирнова первая выскочила замуж и уехала в соседний район. Ладно, ее папу там поставили директором элеватора, он и ее пристроил в бухгалтерию. Накопят денег и уедут в Сочи, так делают многие местные боссы. Махоню прибрала к рукам та из соседнего класса, что грозилась это сделать. Недавно расписались и Нурлан Бигенов с Зиной. Не захотел упускать такую заезжую штучку с рекламным личиком, хоть она оказалась на год старше его.

Да, сидеть в разгар праздника дома — не фонтан, все равно в Доме культуры соберутся знакомые более младшего возраста, которым еще хочется беспечно попорхать. Обязательно будут братья-соседи. Надо идти.

На втором этаже вовсю гремел местный ансамбль «Степные напевы». В фойе у раздевалки стояла молоденькая девчушка в клетчатом платье, держа в руках снятое алое пальтишко. Парни тоже разделись и пошли вслед за молодой, которая уже купала билет при двери наверх у контролера, а по совместительству и кассира.

В зале негде упасть не только яблоку, но даже грецкому ореху. Вадим снова оказался рядом с этой пташкой. Шестаков прокричал ему в ухо сквозь звон гитар:

— Твоя соседка. Дочка директора нефтебазы Сочикана. Нынешний мой начальник, взял меня механиком.

Вообще-то ее дом напротив дома Бигеновых, вернее, чуть дальше — наискосок. Девчонка только что закончила школу. У нее еще две сестры — постарше и помладше, и братишка допризывного возраста. Вадим больше видел их на речке, чем во дворе, — ворота плотные, непроглядные.

Атмакин стал незаметно разглядывать девчонку. Не сказать, что боевитая. Не ринулась сразу разыскивать подруженций — тоже идет в плюс. Личико кругленькое, темно-каштановые волосы зачесаны назад. Наполовину молдаванка. Млечные оттенки на личике, хотя уже выросла из школьного возраста.

На такую приятно любоваться. Он мгновенно почувствовал к ней расположение. Зазвучал медленный танец, девчонка покосилась в его сторону, видно, почувствовала шестым чувством его интерес. Болезненно стеснительный Вадим, в элегантно настроении, как в дорожном костюме, цепко взял ее за ручку, молча приглашая. С трудом продвинулись на два метра вглубь танцующих. Вадим почти коснулся губами ушка девчонки, чтобы его услышали сквозь децибелы музыки:

— Как тебя звать, соседка?

Она подтянула края губ в полуулыбке:

— Тома.

— Ну, а меня ты, наверно, знаешь. Все время прохожу мимо вашего дома...

Она кивнула, кареглазо блеснув.

— Так вот какая ты стала...

Она опустила глаза, а потом вздернула носик и лукаво спросила:

— Какая?

— Как бы точнее сказать... Очень приятственная...

Он нарочно использовал молодежный сленг, когда ломаются слова, так будет полновесней и доходчивей. А если слишком правильно говоришь, можешь показаться притворой, если не занудой. Она польщено выпрямилась, словно чуток подросла.

— Ничего, что я так напрямик? Я ведь старше...

— Ну, тебе же еще нет двадцати пяти?..

Это, наверное, было для нее рубежом. Вадим все теснее прижимал к себе тростиночку. Как все неожиданно, только увидел ее пять минут назад — и уже млеет. Всей душой его потянуло к этому пока еще не искушенному созданию. Это очень трогает. Больше всего Вадим боялся нарваться на женскую непредсказуемость. Разогнался по глади, и вдруг твой утлый ботик переворачивает волна — не природная, а вполне себе рукотворная, поднятая либо в бездумной лихости, либо мстительно за твою неуправляемость. А никому не хочется, чтобы его все время испытывали на прочность. Эта, вроде бы, не из такой породы...

Вадим приглашал Тому снова и снова, чтобы не дай бог не прицепился к ней кто-нибудь другой. Обязательно найдется такой банный лист, который начинает развивать бурную деятельность перед самым твоим носом. Не ищет своего, а вечно путается под чужими ногами...

Когда начался антракт, Аتماкин предложил Томе:

— А давай слиняем отсюда прямо ко мне. Нормально пообщаемся, без суеты...

Она согласно кивнула головой. Он не мог поверить сбывающейся сказке. Быстренько оделись, Пашка тоже к ним присоединился и шел полпути вместе с ними, пока не повернул в сторону своего дома близ ресторана. Славненько получается, ликовал Аتماкин. Не думал, не гадал — и вот рядом с ним молоденькая нимфа!..

А дома опять в первую очередь надо кочегарить, чтобы не заморозить такую прелесть. Она сидела на его раскладной койке, прикрыв узенькие плечи своим пальцем подростковой расцветки. Обежала внимательным взглядом обстановку. Остановилась глазами на вполне настоящей электрогитаре, не у каждого дома такое.

— Это твоя? Можешь на ней играть? — очень впечатлил ее этот переливающийся лаком инструмент, отчасти свидетельствующий о принадлежности его хозяина к особой касте творческих людей.

Вадим пояснил:

— Немного музицируем с друзьями. Дворовый ансамбль. Так и не придумали ему названия. Как-нибудь приглашу тебя послушать нашу игру, оценишь. Думаю, не хуже, чем на танцах...

На бегу расспрашивал ее:

— Учишься, работаешь?

— В Бокситском медучилище на первом курсе...

— Значит, на каникулах?
— Да, до пятого...
— А потом когда приедешь?
— Двадцатого января.

Когда комната нагрелась, Аتماкин включил бобинный магнитофон «Астра», который приобрел недавно, и присел рядом с гостьей. Не удержался и сжал ее пальчики: такие детские, хоть и с накрашенными ноготочками.

— Интересно получилось,— объяснялся он.— Если бы Пашка не уговорил меня пойти в Дом культуры, я бы так и не сошелся с таким прелестным созданием, хотя и рядом живем. Сегодня была, так сказать, моя «прощальная гастроль».

У девчонки задумчиво сузились глаза — тоже что-то прикидывала в уме. А он тут же добавил:

— Я лишь сегодня толком тебя разглядел...

Не плохо бы ее заразить музицированием. Показать аккорды, вместе бы изображали из себя эстрадников на досуге. Не надо было бы каждый раз агитировать соседей. У братьев уже не всегда получается приходиться вдвоем, кто-то в обязательном порядке свистанул на гулянку. Стали являться больше поодиночке — по настроению. Вадиму опять приходилось разбирать новую инструментальную вещичку, чтоб было что продемонстрировать. Потом подобрать аккорды и на пару сыграть ее. Соседям не интересно бесконечно повторять пройденное. Сами тоже все время стараются щегольнуть новой песенкой.

Надо проверить возможности его павы. Аتماкин снял гитару со стены:

— Давай-ка вместе что-нибудь замутим...

Гостья во все глаза уставилась на красивую гитару, настраиваясь на экзамен. Она воспринимала его, сколько раз проходившего мимо их дома, уже не таким обыкновенным парнишкой, а, наверное, настоящим мэтром.

— Можно эту новую песенку «Оризонта»,— предложил он.— Про калину. Видела по телевизору?

Она воодушевленно мотнула головой. Этот свежий хит молодежь теперь напевала повсюду прямо на ходу. Слова сразу запоминались,— всего пара куплетов с припевом. Вадим лишь в некоторых местах затруднялся и подгонял кусочек текста наугад по смыслу. Потом приходилось сверяться со знакомыми, и оказывалось, что кто-то лучше запомнил именно это место. Вадим делал нужную поправку. Не будешь же наготове сидеть перед телевизором с ручкой и листочком, чтобы сразу за певцом записывать слова. Яркие шлягеры, попадающие потом на итоговую телепередачу «Песня года», случаются не каждый день.

Взяв первый аккорд, Вадим поинтересовался у Томи:

— Слова помнишь? Они у меня записаны на листочке, вон там на полке лежит.

Девчонка резво поднялась и взяла листок. Пробежала глазами текст. Вадим сам начал первую строку, и гостья подключилась со второй:

*Вечер коснулся крыши, тороплюсь за водой.
Сердцем меня услышь, паренек молодой.
Ты у калины жди, я тебе прибегу.
Цветы у лица — точно белый дым
На речном берегу.*

*Ой ты, калины цвет и туман над водой,
Зачем же торопят часы рассвет,
Нас торопят домой?..*

Голосочек-то ничего, приятный, бархатистый. Если оторвы общажные не научат покуривать, сохранит его. Да и слух вполне себе, не торопится залезать на его гитар-

ные переходки между строк, только чуточку сбилась в конце припева. Он поначалу тоже сбивался в этом месте, немножко заковыристо, надо несколько раз повторить, чтобы отложилось в памяти.

Спеться уже спелись, теперь надо ей показать, как брать эти аккорды. Их всего пяток. Вручил ей гитару, которую не стал подключать к радиоле — и так будет слышно обоим, здесь нет публики.

— Ого! — оценила она вес. Первый раз держит в руках такое чудо. Конечно, акустические легче, но Вадим уже не хочет на них смотреть. Только электронный многоцветный звук!..

Да, именно такая гитарная соратница и нужна ему, — вместе шагать по жизни под струнную звень...

Добиваясь правильной постановки рук, Вадим зашел за спину своей ученицы и левой рукой показательно брал аккорд, а потом поправлял ее пальцы на грифе. В правую руку дал ей медиатор:

— Учись этой штучкой, будет более четкий звук, а если пальцами — бубнения не избежать...

Не отставал от Тома, пока не получился чистый звук аккорда. Потом она разучивала бой, для этого надо знать, как правильно сжимать медиатор. От прикасания к ее хрупким ручонкам в душе Вадима начинала бурлить нерастроченная нежность. Он ее не хотел раздавать кому попало направо и налево.

— Ой, у меня пальцы нарезало струнами! — мышкой попискивала примерная ученица.

— А как ты хотела? Надо, чтобы затвердели подушечки. Потрогай мои пальцы — видишь, какие плотные. У всех гитаристов так. Вначале я тоже растирал подушечки до мозолей, а за два года они стали вот такими...

Он почти клушкой квохтал над ней: вдруг все будет схватывать налету, проникнется этим, и из них получится дуэт. С группой гораздо сложнее. Друзья могут отдалиться. Виртуоза Бибу и братьев-соседей скоро загребут в армию. А потом неизвестно, что будет. Скоро и ему дадут четырехмесячный отпуск для написания дипломной работы и сдачи госэкзаменов в Ниваградском университете.

— Все, больше не могу! — взмолилась гостья.

Он взял ее левую кисть, озорно подул на пальчики:

— Полегчало?

Она игриво погримасничала сжатыми губками, да так, что Вадиму отчаянно захотелось их поцеловать без предупреждения. Он еще ни с кем не целовался, с прежними девчонками обходилось без этого. Даже с Лерой, кольнуло его мимоходом воспоминание. Так огорошила его тогда, когда в первую же встречу уединились в садовой беседке: согласна на все, однако могу и посадить, ели потом не поведешь в загс!..

Повесил гитару на место и огладил взглядом молодку. Самокритично подумал: «Наверное, я в ее глазах выгляжу слишком заматерело...» А вслух произнес:

— Заношу благодарность в личное дело...

Она снова польщено погримасничала. Он схватил ее за руки. Тома ширила улыбку, не пытаясь высвободиться. А его вдруг потянуло наговорить молодке километр комплиментов, чтобы она растаяла на его глазах, словно Снегурочка из хрестоматийной сказки.

— Меня как магнитом тянет к тебе. Ничего, что я так откровенно? Сразу почувствовал: это мое! Прямо взыграли собственнические чувства...

Атмакина уже штормило. Он сползал в какое-то зазеркалье, однако девичьим ушам внимать такому потоку адресного красноречия было в самую масть. А он прикидывал: на такой не грех и жениться, правда, ей-то куда спешить? Заочного обучения у медиков нет, надо три года потратить, чтобы получить диплом. Вадим бы подождал. Как вариант: на последнем курсе взять академический отпуск, а потом при

доучивании на целый год перепоручить ребенка другим рукам, в том числе и его. Хотя ей можно почаще приезжать домой, всего-то полтора часа пути на автобусе...

Вот как плющило и деформировало Вадима. Да и девчонка совсем потеряла голову, когда он ее обнял, выдохнув:

— Мне больше никого не надо, кроме тебя...

Внезапно сжал ладонями ее щеки и чмокнул прямо в губы. Потом уже прилип к ним своими. Сами не заметили, как улеглись на жесткой кровати. Вадим неуклюже уткнулся в ее прическу. Все отдать за запах любимых волос! Зорко присматриваясь к ее реакции, постепенно, в десять с половиной приемов снял-скатал отдающее ароматом духов платье, стал осыпать поцелуями щеки, шею, грудки девчонки. Тома блаженно расслабилась, все ее существо пропиталось сладкой мукой от сознания искренности таких высоких слов в ее честь.

У Аتماкина почти не было опыта, он берег себя для такого вот мига. Гостья откровенно смотрела в потолок, тяжело дышала, грудь ее вздымалась волнами, как в каком-то старом фильме. Потом она опомнилась и посмотрела на наручные часики.

— Два часа. Надо идти домой — родители волнуются...

Быстро оделись. Вадим испытывал неловкость, что оказался не совсем на высоте из-за своей извечной скованности. Но все впереди. В следующий раз он, олух такой, будет более уверенным. Договорились встретиться после двадцатого числа.

У ее калитки Вадим все держал Тому за руки, не в силах расстаться.

— С таким неловким кавалером заскучаешь, — произнес он самокритично.

— Да, — согласно выпорхнуло из нее двухбуквенное, но такое отяжеленное в данном контексте словцо, словно она ожидала более бурных проявлений его мужского напора.

Открылась дверь веранды, и раздался не слишком раздосадованный голос матери в сторону полуночной блудницы:

— Быстреей домой, я тебе сказала!..

Тома закрыла калитку и захрустела снегом в сторону веранды.

* * *

После двадцатого числа Вадим задумчиво брел по улице мимо ресторана. Вдруг рядом резко затормозил уазик. Из окна выглянул Пашка и переполошно:

— Ты слышал? Томка умерла.

Вадим отказывался верить своим ушам. Но Пашка не будет так шутить.

— Шеф занимается похоронами, оставил меня дежурить.

— Какие похороны? — переспросил Вадим, чувствуя ледяную глыбу в груди.

— Умерла дочка Сочикана. Тома. С которой ты танцевал. Завтра похороны.

— Как? — зачугунел на месте Вадим.

— У нее с детства были приступы, наши женщины на работе все на свете знают. Резко подсакивает давление — и она отключается. Дома упала в обморок и ударилась головой о радиатор отопления. Сразу насмерть, представляешь?.. Ну, мне пора ехать...

Уазик умчался. Вадима развернуло, и он на негнущихся ногах пошел к Сочиканам. У их дома снова стояли три машины, просто он не придавал этому особого значения — мало ли кто подъехал. Открыл калитку, действительно во дворе какие-то посторонние, много посторонних. Прошел в дом, где никогда не бывал раньше. И вот оно! В зале у гроба при всполохах свечных язычков понуро стоят родственники. Вадим тоже приблизился. Брат Тома сверкнул на него тяжелым взглядом из-под широких бровей. Да, это его родная тростиночка вытянулась в гробу, губы разомкнуты, белеют зубки.

Что же это такое? Должны были встретиться после двадцатого — и вот оно, как в дурном сне. Какая несправедливость судьбы! У кряжистого хозяина раскраснелось лицо, он тоже черкнул по нему взглядом. Знают, что Вадим накануне задрожил с их дочуркой. Но он не прячется, тоже пришел проститься.

На ватных ногах вышел из дома, не ведая, куда приткнуться и как унять горечь. Зачем-то проковылял в сад Сочиканов, замер у молоденькой яблоньки, выглядывающей из-под снега. Тощие веточки, маленький ствол. Тома, Томочка... Вот она, его яблонька! Такая же, еще не познавшая плодоношения.

Яблонька ты моя!..

* * *

Дома Вадим тоже не мог найти себе места. Понуро сидели вдвоем с матерью в зале; он, чтобы выговориться, ей все подробно рассказал, как закончилась его дружба с молодой, едва начавшись. Мать повздыхала:

— Что же такая слабая молодежь пошла?..

— У нее это с детства.

— Наверное, такой и родилась, с проблемами. Надо же, как жалко!..

— А ты видела ее?

— Кажется, видела...

Он понял, что она имела в виду не тот день, когда Тома гостила у сына. Мать и не старалась подсматривать за его подружками. Он даже пожалел, что не показал тогда свою Тому матери, которая еще не спала и смотрела в зале праздничный концерт. А она что-то выискивала в памяти:

— Родителей хорошо знаю. Хозяйка работает в какой-то мелкой конторе бухгалтером, как и я. Хозяин даже заходил к нам разок, когда твой отец еще был жив. Куда-то ездили вместе...

Мать припомнила похожий случай:

— Когда ты был еще маленьким, отца все время приглашали в одну семью фотографировать девочку, у которой ножки от рождения были атрофированы. Что только ни делали, куда только ни возили ее, даже в Москву к хваленым специалистам — никто не смог ничем помочь. Отец говорил, ножки у нее были тоненькие и висели, как плети. В последний раз он фотографировал ту девочку лет в одиннадцать. Уже все понимала, любила читать книжки, но разговаривала мало. А потом отца перестали приглашать. Он спросил у тех людей, что с девочкой. Оказалось, внезапно умерла. Вот как бывает. Уйму денег потратили на профессоров — и все бестолку...

Мать посмотрела на сгорбленного, убитого вестью сына:

— Да, только познакомился — и вот... Не везет тебе...

— Я то что. Я живой, а ее уже не вернешь...

Вадим бесцельно вышел на безлюдную улицу. Увидел на ночном небе сплошные слоенные облака при свете полной луны. Открыл калитку. На поле очень необычно, прямо-таки фантастично переливались взгорбленные пласты наста, изгибы суметов до самого берега. Зашагал на это немое поле, чувствуя упругость слежавшегося снега под пятой. Куда, зачем?..

Внезапно вспомнил о своем почти медитативном открытии, помогающем в невыносимо трудную минуту. Поднял голову и стал, раскинув руки для равновесия, вышагивать, вбирая в себя только это небо, только эти облака. Шагал и шагал вдаль, пока не пришло успокоение. В голову внедрились новые мысли, безжалостные в своей неумолимой трезвости.

Да, явь бывает нестерпимо жестокой. Должно быть, Тома все-таки была нежизнеспособной. Могла и у него в комнате упасть в обморок, ударившись о железный угол топки — с теми же последствиями. И что бы он тогда делал? Может, ей и семью проплатить было заводить. С ней пришлось бы постоянно кому-то находиться рядом.

Яблонька ты моя родненькая!..

Аркадий Мар
(г. Нью-Йорк, США)

Писатель и журналист, автор 14 книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза Писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН-клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат литературных премий.

ВИКТОР КЛИМОВ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ПЕТЬ

Одетый в черный фрак, с ослепительно белой, накрахмаленной манишкой в оборочку — точно такую всегда носил Муслим Магомаев, — Витька Климов выходил на сцену, сдержанно кланялся, принимал гордую позу — голова чуть откинута, правая рука вытянута вперед. Потом кивал пианисту. Тот ударял по клавишам рояля, и Витька, набрав полную грудь воздуха, начинал:

*Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты...*

— Климов, сейчас же перестань петь! Сколько раз объяснять! Если у человека совсем нет слуха, то этот человек никогда не должен публично заниматься вокальными упражнениями!

Вокруг засмеялись, и Витька обиделся. Учительница пения Изольда Савельевна всегда выражалась так, что Витьке приходилось краснеть до самых кончиков оттопыренных ушей. Он отвернулся и начал смотреть в окно. С его места за окном была видна только раскидистая ветка старого тополя. По ней медленно карабкался толстый майский жук.

Раздался звонок на перемену, Изольда Савельевна поднесла руку к глазам, близоруко посмотрела на часы и произнесла:

— К следующему уроку всем выучить слова песни «Мы любим школу». Смотрите, буду ставить оценки в журнал! — уже вслед четвертому «б» крикнула она.

Витька дождался, когда Изольда Савельевна тоже выйдет, и вернулся в спортзал, где проходили уроки пения. Он подошел к старенькому рыжему пианино «Ласточка», стоявшему между брусьями и шведской стенкой, нажал на какую-то клавишу — Ми, — певуче ответила «Ласточка» на прикосновение испачканного синим фломастером Витькиного пальца. — Ми-и, — повторил Витька.

Потом закрыл глаза...

*Но почему, почему, почему
Был светофор зеленый?*

*А потому, потому, потому,
Что был он в жизнь влюбленный...*

В разноцветных пятнах прожекторов, одетый в блестящий костюм, мягкие сапожки, как у Леонтьева, с микрофоном в руке, Витька бежал по сцене, спускался в зал, а вслед за ним тысячи пришедших на его концерт людей хлопали и подпевали:

*Но почему, почему, почему
Был светофор зеленый?
А потому, потому, потому,
Что был он в жизнь влюбленный...*

— Климов, ты почему не на уроке?

Витька вздрогнул, открыл глаза. Завуч Наталья Павловна, зажав классный журнал под мышкой, стояла в дверях спортзала.

— Сейчас пойду,— сказал Витька и поплелся на математику...

После школы домой сразу идти не хотелось, и Витька Климов зашел в «Детский мир». Он долго смотрел на полки, где грудой были свалены игрушечные пистолеты, машины, резиновые медведи и зайцы.

— Мама, купи мороженое! — громко произнес кто-то за Витькиной спиной. Витька обернулся и увидел мальчишку примерно одних с ним лет. В руках он держал нотную тетрадку с маленьким портретом Чайковского на обложке.

— Хочу эскимо! — повторил мальчишка. — Нет, Кирилл, даже не проси. Сейчас мы идем на репетицию, завтра концерт. А из-за этого мороженого в два счета можно заболеть ангиной. Как ты тогда петь будешь?

Они заторопились к выходу и, неожиданно для себя, Витька поспешил вслед за ними. Оказывается, они направлялись к старинному зданию, укрытому в тени старых каштанов! Витька давно не был в этом районе и даже не знал, что это здание, раньше всегда с забитыми досками входом, где был какой-то никому не нужный склад, так изменилось! Заново побеленное, со ступеньками, выложенными разноцветными камешками, ведущими к полированной новенькой двери, оно так и просило не проходить мимо, подойти и прочитать готическую надпись на металлической доске у входа: «Музыкальный салон».

Витька вошел вовнутрь, через маленький холл попал в зал и на сцене увидел множество мальчишек и девчонок. Они шумели и громко переговаривались.

Вдруг по проходу быстро прошел пожилой мужчина в черном костюме, легко взлетел на сцену и три раза хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

— Ну-с, друзья мои,— произнес он негромко.— Начнем репетировать. Давайте с «Санта лючии». Все помнят свои партии? Первые голоса, будьте внимательны. Приготовились,— он вытянул перед собой руки и кивнул.

— Са-ан-та лючи-я...— одинокий мальчишеский голос нежно и трепетно повел мелодию, к нему добавилось несколько девчачьих голосов, потом тихо вступил весь хор, и песня, звонкая итальянская песня, взлетела вверх, под самый потолок, где висела большая красивая люстра с длинными хрустальными подвесками.

И Витьке показалось, что подвески дрогнули и стали тихонечко вызванивать:

— Са-ан-та лючи-я, санта лючия...

Круглое горячее солнце. Голубая вода каналов. И он, Виктор Климов, управляет большой лодкой-гондолой. Вокруг, куда ни посмотри, итальянский город Венеция, который Витька раз десять видел в кино и по телевизору. Венеция, где все поют, и Витька сейчас тоже наберет в легкие побольше воздуха, запоем, как Марио Ланци, и его песня полетит над каналами, мимо красивых дворцов и, как там у них называется, палаццо, что ли.

— Молодцы, очень хорошо. Только одно замечание. Вторые голоса! Когда вступаете, ну там, где шестнадцатые, хочется более отрывисто и четко. А сейчас повторим «Крылатые качели». Альты, альты, внимание! — Мужчина в черном костюме взмахнул рукой, и, послушный его жесту, хор запел.

Витька Климов вздохнул. И почему так получается? Он быстрее всех в классе пробегает стометровку, на спор переплыл озеро в парке культуры и даже подрался с Ашотом Газиянцем из шестого «а», которого боится весь класс. Но как только начал петь, вокруг все смеялись. Витька злился, даже давал некоторым по шее, но... И кто придумал, что когда очень любишь петь, нужен этот дурацкий слух!

Иногда Витька просыпался с чувством, что уж сегодня слух обязательно появится. Он завтракал, собирал портфель, выходил из дома, прятался за старую урючину, росшую в углу двора — дождался, когда родители уйдут на работу. Потом возвращался домой и в полный голос начинал петь:

*Онегин, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну...*

Зловредная пенсионерка Четверткова, жившая в соседней квартире, сразу колотила шваброй в стену, потом выходила на лестничную площадку и начинала ругаться:

— Когда это кончится! Ревет и ревет, как козел. Людям покоя не дает. Подожди, дождешься. Напишу жалобу в ЖЭК, оштрафуют родителей, посмотрим, голубчик, как тогда запоешь!

Витька с досады замолчал и шел в школу.

— Спасибо. Репетиция окончена. Еще раз напоминаю, концерт завтра, в семь часов вечера. Жду всех к половине седьмого и прошу быть одетыми по форме.

— До свидания, Станислав Олегович. До свидания! — мальчишки и девчонки спускались со сцены и выходили из зала.

— Всего хорошего! — каждому отвечал он.

Станислав Олегович достал свернутые в трубку нотные листки, развернул и начал что-то исправлять в них карандашом. Наконец обернулся, заметил в пустом зале Витьку.

— Ты почему домой не идешь? — удивился он. Потом посмотрел внимательнее. — Постой-постой, ты, мальчик, не из моего хора. — И поинтересовался: — понравилось?

— Да, — выдохнул Витька. — Когда-нибудь я тоже так буду петь. — Почему когда-нибудь? — улыбнулся Станислав Олегович.

— Вы не знаете, — с надеждой спросил Витька, — если сейчас нет слуха, может, он потом появится? — А ты что, так сильно музыку любишь? — Очень люблю! Музыка часто во мне звучит, а начинаю петь — все смеются.

— Да, брат, серьезные у тебя проблемы... Кстати, как тебя зовут?

— Виктор Климов.

— Ну что, Виктор Климов, проверим твои музыкальные способности? — он подошел к стоящему сбоку сцены большому роялю, поднял крышку. — Повторяй за мной, — и сыграл какую-то простенькую мелодию.

Витька молчал.

— Не стесняйся. Сначала постарайся пропеть про себя, потом повтори голосом. — Та-ра-та-ра-та-та-там, — пропел Витька. — Наверное, ты просто невнимательно слушал, — сказал Станислав Олегович. — Я сыграю еще раз. Попробуй проинтонировать чисто.

Он начал играть, а Витька запоминал эту проклятую мелодию изо всех сил. Даже голова заболела.

— Та-ра-та-ра-та-та-там! — наконец пропел он.

Но получилось опять страшно фальшиво.

— Ладно,— вздохнув, произнес Станислав Олегович и закрыл рояль.— А ты знаешь какую-нибудь песню? Что тебе нравится?

— Мне все нравится,— быстро ответил Витька.— По телевизору я ни одного концерта классической музыки не пропускаю. Хотите певцов назову: Атлантов, Сокилава, Образцова, Нестеренко...

— Хватит, хватит,— остановил Станислав Олегович.— Очень приятно познакомиться с таким меломаном. Но все-таки у тебя есть любимая ария или романс?

— Есть,— признался Витька.— «Ария Фигаро» из оперы «Севильский цирюльник». Ее часто Муслим Магомаев исполняет.

— Ну, Виктор Климов, ты даешь! — рассмеялся Станислав Олегович. Потом задумался.— Чем же могу тебе помочь? — сказал он.

— Разрешите на репетиции ходить? — попросил Витька. И добавил: — Не бойтесь, я все понимаю. Просто буду тихо-тихо сидеть и слушать. Ну, пожалуйста, разрешите?

— Слушай, мне пришла в голову одна мысль! — вдруг сказал Станислав Олегович.— Я принимаю тебя, Виктор Климов, в наш хор. И ты обязательно должен участвовать в завтрашнем концерте! — Он достал блокнот, вырвал листок, что-то начал писать на нем. Потом протянул Витьке.— Выучишь как следует, что здесь написано. Придешь к половине седьмого. И чтобы был в отглаженных брюках, чистой белой рубашке и в пионерском галстуке. Ладно, Виктор Климов, до свидания, мне еще партию альтов на полтона вниз нужно перетранспонировать...

В белоснежной накрахмаленной рубашке, новеньком пионерском галстуке, брюках, отглаженных так, что их стрелки были похожи на лезвие ножа, Витька Климов вышел на сцену, сдержанно поклонился, набрал полную грудь воздуха и громко, чтобы было слышно всем собравшимся в этом зале, торжественно произнес:

— Первым номером нашей программы будет исполнена песня «Крылатые качели» из кинофильма «Приключения Электроника».

АДРЕС ИЗ НИКАРАГУА

На уроке литературы Светлана Алексеевна вдруг сказала:

— У меня есть адреса школьников из других стран. Кто хочет с ними переписываться?

— Все! — дружно закричал класс и поднял лес рук.

— Петрова, ты же переписываешься с девочкой из Болгарии?

— А я еще хочу,— тут же заныла плакса Петрова.

— Нет, Лена,— произнесла Светлана Алексеевна.— Адресов у меня мало, на всех, к сожалению, не хватит. Поэтому придется тебе подождать. А сейчас прочитаю одно письмо — как образец.

Светлана Алексеевна встала из-за своего учительского стола, подошла к доске, чуть прищурила близорукие глаза и начала с выражением читать: «Дорогой друг, я живу в Советском Союзе, в городе Саранске, и очень хочу с тобой переписываться. Город наш очень красивый. В нем много высоких домов, парков, скверов. Мы все гордимся, что наш город дает стране очень много прекрасных промышленных товаров. Учусь я отлично, на одни пятерки, собираю металлолом, активно участвую в жизни школы. Когда вырасту, обязательно получу хорошую профессию. А кем мечтаешь стать ты? Если хочешь переписываться, то ответь мне. С пионерским приветом...».

— Мне кажется, это хорошее письмо,— заметила Светлана Алексеевна.— И, думаю, вы должны придерживаться этого образца. А теперь, кому дать адреса? Она пошла по рядам и начала раздавать листочки с адресами, написанными ее четким

красивым почерком. Вдруг она остановилась: — У меня остался последний,— произнесла Светлана Алексеевна.— Я решила его дать Гене Рослякову. Хотя Гена не отличник, не хорошист и, прямо скажем, иногда даже не троечник, но, может, именно этот адрес поможет ему подтянуть учебу.

Генка удивленно взял маленький, выдранный из блокнота в клеточку листок. На нем нерусскими буквами был написан адрес.

— Это адрес школьника из Никарагуа,— сказала Светлана Алексеевна.— А вы все знаете, как тяжело приходится сейчас этой стране. И еще. Переписываясь, вы должны помнить: нужно хорошо учиться, быть всегда достойным звания пионера.

На перемене Генка направился прямо в учительскую и неуверенно затоптался на пороге.

— Тебе, Росляков, что нужно? — поинтересовалась завуч Сусанна Михайловна, оторвавшись от горки тетрадей, которые она проверяла.

— Мне географичка велела карту принести,— соврал Генка.

— Не географичка, а учительница географии Нина Андреевна,— строго поправила Сусанна Михайловна.— Учишь, учишь, всю, кажется, душу вкладываешь, а в ответ никакого уважения. Просто бросить все хочется... Карты вон там, в углу, за шкафом с классными журналами.

Генка подошел к шкафу, нашел политическую карту мира и вместе с ней пошел в маленькую комнатку рядом со спортзалом.

Физкультурник Эльмир относился к Генке лучше всех остальных педагогов.

— Ты, Росляков,— говорил он,— будущая спортивная звезда. Координация природная, рост подходящий. просто прирожденный баскетболист. Скоро начну тебя персонально тренировать.

И Генка, равнодушный почти ко всем предметам, на физкультуре преображался.

— Пас, мне пас! — кричал он одноклассникам и, получив мяч, обводил соперников, прорывался к кольцу и в высоком прыжке клал мяч в корзину.— Молодец, Росляков,— громко хвалил Эльмир и всегда в конце урока выводил ему в классном журнале аккуратную пятерку. Поэтому из всего класса в маленькую комнату — царство Эльмира, где хранились мячи, металлические планки для прыжков в высоту, зеленые пластмассовые обручи для хула-хупа, другая всячина — пускали одного Генку.

Сейчас Эльмир сидел на стуле и вертел в руках синюю кроссовку.

— Надо же, подошва начисто отвалилась,— сообщил он Генке.— Еще фирма называется, «Адидас». Бракоделы. А ты что это приволок?

— Карту.

— Зачем?

— Хочу Никарагуа найти. Страну такую.

Генка развернул карту, и она, как разноцветный пестрый ковер, покрыла пол.

— Ищи в Америке,— подсказал Эльмир,— Ладно, ты побудь здесь, пока я урок в третьем «бэ» проведу.

— Ага,— кивнул Генка и встал на колени.

Никарагуа он начал искать с самого верха Америки.

Его палец медленно проехал зеленую Канаду, оранжевые США, желтую Мексику. Дальше была сиреневая Гватемала, салатный Гондурас, красный Сальвадор.

Никарагуа он чуть не проскочил — маленькую светло-коричневую полоску земли, окруженную по бокам огромным океаном. И голубую каплю озера с островом посередине.

— Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели,— читал Генка незнакомые, таинственные названия...

— Вот ты где, Росляков, скрываешься! — Рассерженная Сусанна Михайловна грозно стояла в дверях.— Как ты мог меня обмануть! Из-за тебя в шестом классе урок географии чуть не сорвался! Для чего тебе карта?

— Никарагуа найти.

— Опять врешь! Чтобы завтра отец был в школе. А то до уроков не допущу. Понятно? Сейчас же отнеси карту обратно...

Генка закинул портфель за спину — так удобнее — и вместо протоптанной дорожки зашагал прямо по снежной целине. Свежевыпавший снег поскрипывал под ногами, словно сокрушался, что Генка топчет его ботинками. Генка наклонился, зачерпнул ладонями снег, подышал не него, слепил снежок, подбросил и ударил ногой. Удар получился хороший — снежные брызги веером сыпанули во все стороны. Сейчас он придет домой и сядет писать письмо. Как там? Манагуа, Матагальпа, Пуэрто-Кабесас, Эстели. И голубая капля озера с островом посередине...

Генка открыл ключом дверь, быстро разделся, прошел на кухню — там он всегда делал уроки, чтобы не мешать родителям смотреть телевизор,— вырвал из тетрадки чистый лист и задумался. Никарагуа представлялась ему так: горы арбузов и дынь, кураги, бананов, ананасов (однажды плакса Петрова принесла в класс попробовать), яблок, груш, помидоров, оранжевых апельсинов с крошечными наклейками «Марос» на крутых боках, шоколадных конфетных наборов, бутылок апельсиново-желтой «фанты» и черной «пепси-колы». А среди всего этого изобилия бродят ручные грустные обезьянки с длинными цепкими хвостами, полосатые, похожие на плюшевых тигры и таинственные лемуры, которых он один раз видел в «Клубе путешественников». Над всей Никарагуа — звук индейской свирели, долгий, заунывный. И огромный кондор неподвижно парит в ослепительно-ясном небе.

Генка еще раз посмотрел на адрес и аккуратно вывел: «Здравствуй, дорогой друг!»

Потом задумался. Погрыз ручку. Но в голову ничего не приходило, и он начал писать, как в образце:

«Я живу в Советском Союзе, в городе Саранске. Я очень хочу с тобой переписываться. Саранск — красивый город. В нем много высоких домов, парков, скверов. Учусь я на одни пятерки, а когда вырасту, обязательно стану...»

Генка на секунду остановился.

«...а когда вырасту, обязательно стану моряком. А кем хочешь стать ты? Пиши мне по адресу: Советский Союз. Саранск. Улица Паровозная, 12. Рослякову Геннадию Артемьевичу».

Полное имя и отчество он добавил для солидности. Генка поставил точку, прочел письмо вслух. Получилось вроде неплохо. Но все равно чего-то не хватало. И он решил дописать...

За окном стемнело, в кухню заглянула совсем молодая яркая луна, а Генка все писал и писал.

Про то, как с отцом ходил в лес и поймал ежа. Еж жил в их квартире долго. Ночью шуршал газетами, а однажды зачем-то изгрыз мамины туфли, и она выкинула его на улицу. А он, Генка, так его и не нашел. Что вечером приходит в школьный спортзал тренировать бросок и уже попадает в кольцо сорок два раза из пятидесяти. А когда вырастет, обязательно будет выступать за московское «Динамо» — в нем играет центровой Владимир Жигилий, его любимый баскетболист. Тогда, может, придет в Никарагуа на баскетбольный турнир...

Потом Генка побежал на почту, вложил письмо в конверт с дорогой, сорокапятикопеечной маркой, опустил в почтовый ящик. И почему-то ему стало грустно...

Ответа не было очень долго. Но однажды вместе с газетами он вытащил из почтового ящика узкий голубой конверт. Обрадовавшись, Генка из ящика комода достал ножницы и аккуратно отрезал вдоль конверта узкую полоску.

На пол вдруг выпала маленькая фотография. Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза. Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал настоящий автомат.

«Здрастуй амиго Геннадий Артемьевич,— было написано на листочке в клеточку.— Я долго не ответил на твое письмо патаму что ездил на уборку кофе. Урожай в этот год очень хороший и вся республика радуется поэтому. Мы собирали кофе в провинции Хинотега но работать мешали контрас. Жгли склады убивали сборщиков. Нам дали оружие и мы уже участвовали в бою. Контрас бежали через границу в Гондурас а мой друг Пако ранен в голову.

Я учусь в седьмом классе учу русский язык но знаю еще не харашо и по химии и истории тройки. Но я беру пример с такого отличника как ты и клянусь революцией исправить оценки. Зовут меня Гильермо Гарсия у меня есть мама папа шесть братишек и сестренка. Я очен лублю играть в футбол но времени мало. Нужно помогать революции.

Досвидание амиго Геннадий Артемьевич. Твой друг из Никарагуа Гильермо Венсеремос. Мы победим».

Сначала Генка хотел принести письмо в класс — похвастаться. Но вспомнил, что написал, будто круглый отличник. И не решился. Еще засмеют. Скажут, брехло ты, Генка, наврал с три короба, а сам из троек не вылазишь. А Генка не любил, когда над ним смеялись.

Он много раз перечитывал письмо, где было много ошибок и отсутствовали запятые, и там, где Гильермо писал о том, как ранили его друга, у Генки на глазах чуть не выступали слезы.

— У-у, сволочи,— ненавидяще шептал он.— Фашисты, белогвардейцы проклятые, контры. Подождите!

И после школы шел в тир.

Старичок Матвеич брал Генкины двадцать копеек, долго отсчитывал крошечные пульки, потом опять садился на колченогий стул и начал читать потрепанную книгу Мопассана «Милый друг». Генка выбирал ружье, заряжал, прищуривал правый глаз и нажимал на курок. Пульки громко чпокали о металлических зайцев, волков, медведей, сплющивались и отлетали в сторону.

— Ну что,— говорил Матвеич,— отрываясь от книги.— Опять промазал? Сколько раз учить: выцеливай под обрез и плавно курок спускай. А ты дергаешь. Ладно, вот тебе еще три пульки. Бесплатно.

И Генка стрелял опять...

Ночью ему снилось, как они с Гильерме лежат в засаде. По синей горе со снежной макушкой карабкались контрас. Они ползли поджигать кофейные поля.

— Стреляй! — кричит Гильермо, и его автомат выбрасывает язычки огня.

Генка наводит винтовку на толстого бандита, увешанного пулеметными лентами, выцеливает под обрез и, как учил Матвеич, плавно нажимает на курок. Контрас взмахивает руками и по крутому склону катится прямо в пропасть...

Через неделю он получил еще одно письмо.

«Салуд амиго Геннадий Артемьевич,— писал Гильермо.— Я получил по истории пять всю ночь учил урок как альмиранте Колумб открыл Америку. Синьора учительница меня хвалила. Наш класс помогает строить дома для бедных и я уже умею штукатурить. Хочешь буду учить тебя испанскому языку. Революция будет революсьон. Родина — Патрия. Товарищ — компаньеро. Амиго — друг. Контрас — враги. Но пасаран — они не пройдут.

А как правильно по-русски будет нравитца. Мне нужно сказать это одной девочке.

Буаносеро амиго. До свиданья. Мы часто ходим к Пако в больницу и я рассказал ему о тебе»...

Генка начал заниматься.

Теперь он сразу шел домой и обкладывался учебниками. Стиснув зубы, зубрил уроки, а в классе тянул и тянул руку, чтобы его вызвали отвечать.

И впервые за долгие месяцы в его дневнике появились четверки.

Вечером же, когда отец и мать садились смотреть телевизор, он на кухне писал письма Гильермо.

Письма выходили честные: как прожил день, о чем думает, что хочет совершить. Потом вкладывал в конверты и надписывал адрес в Никарагуа...

Снег давно растаял, деревья выбросили стрелки молодых глянцевых листочков, потом зацвела сирень, но Гильермо все не отвечал. Генка даже ходил на почту узнавать, но усталая почтальонша Верочка накричала на него:

— Что, ем я, что ли, эти письма? Не получаешь, значит не пишут. Сто лет нужен ты в этом Никарагуа!

Наступил конец мая, и скоро их должны были распустить на каникулы.

— А что, Генка,— как-то вечером сказал отец,— учебу ты подтянул, и у меня есть такое предложение. Давай возьмем мать и все вместе махнем под Саратов, в деревню. Родни там — полсела. К июлю, в аккурат, на сенокос попадем. И тебе интересно крестьянский труд поглядеть.

И Генка обрадовался...

Постепенно образ Гильермо начал тускнеть в его памяти, и только изредка перечитывал он письма из Никарагуа. Но однажды почтальонша Верочка опустила в их почтовый ящик узкий голубой конверт.

«Компаньеро Геннадий Артемьевич,— было написано незнакомым почерком.— Я долго болел и не мог сообщить. Гильермо умер. В феврале контрабандисты взорвали нефтехранилище. Весь город тушил пожар. Гильермо получил сильные ожоги. Он часто вспоминал о тебе.

Мы всегда будем помнить Гильермо. Его друг Пако».

Генка сжал зубы, прищурился, чтобы не заплакать. Потом из самой любимой книги «Три мушкетера» вытащил маленькую фотографию. Загорелый, улыбающийся мальчишка из-под кепки с длинным козырьком смотрел Генке прямо в глаза. Рукава его гимнастерки были закатаны по локоть, а в руках он держал автомат.

И Генка заплакал. Слезы текли и текли по его лицу, скатывались в рот, и там становилось солоно. Перед глазами поплыли радужные пятна, все расплылось, Генка увидел горящие дома, убитых, Гильермо, стреляющего из автомата. Вдруг Гильермо обернулся и что-то крикнул ему...

Генка бросился на кухню, отыскал коричневую сумку, с которой мать ходила в магазин, бросил в нее буханку хлеба, пачку печенья, рыбные консервы «Частик в томатном соусе» и, захлопнув дверь, побежал на остановку. Он дождался троллейбуса номер пять, идущего на железнодорожный вокзал, устроился на последнем сиденье, на коленях развернул карту.

Ехать было долго. На поезде до города-порта Одессы, потом на пароходе через Черное и Средиземное моря в Атлантический океан. И только потом будет далекая страна Никарагуа, которой нужно помочь.

Маленькая светло-коричневая полоска земли на карте, окруженная по бокам огромным океаном. И голубая капля озера с островом посередине.

Игорь Егоров
(г. Омск)

ВОЗЧИК МЕБЕЛИ

Игорь Владимирович Егоров родился в Омске. Окончил Омский политехнический институт и Международную академию менеджмента. Автор книг стихов, прозы, переводов с английского. Лауреат премий и конкурсов. Член Союза российских писателей. С 2011 г. главный редактор литературно-художественного издания-тандема: журнала «Иртыш-Омь» и альманаха «Тарские ворота».

Диван прогнул боковые жерди телеги, и та сразу же обратилась чуть не в карету с открытым верхом. Накинув на диван кусок холстины, возчик подмигнул мне и рукой похлопал, куда садиться. Я боязливо вскарабкался на старую перекосившуюся телегу. Зато на диване было необыкновенно удобно. Возчик тоже уселся, телегу зыбко качнуло в его сторону, он как бы нехотя потянул вожжи, чмокнув губами, и чубатая сивая лошаденка тяжело поплелась.

Мы окунулись в тень, под арку дома, и оказались у большой дороги. Мне было до сих пор немного не по себе от боязни свалиться вниз. Грузовые машины с глухим вжиканьем проносились мимо. «Когда надо было, их нет, теперь одна за одной!» — Подумал я с досадой.

— Так и сбить могут, — обернулся я к возчику. Он сломал губы в улыбке.

— Не дрейфь, сынок, и не такое возил... Нно! — И лошадка затрусилась уже вдоль трамвайной линии. Нас мягко покачивало из стороны в сторону. Совсем осмелев, я поджал под себя одну ногу и для форсу развалился на диване, точь-в-точь, как падишах, то и дело сплевывая налипающий на губы пух от тополей под колесо телеги. Машины объезжали нашу повозку. В них за стеклами, взглянув на нас, наверное, потешались.

А солнце так и жарило, и, казалось, от этого пух точно сбесился, всю летел с тополей! Он лез в рот, в нос, в глаза.

— Вот черт, этот пух! — в нетерпении я растер себе рукой нос из-за щекотки чуть не до жжения.

— Этт точно, хучь нос отрывай! — и возчик смешно, с визгом чихнул от пуха.

Мы оба вдруг расхохотались. Мне показалось, что старик как-то очень по-доброму на меня посмотрел.

— А давно у вас эта лошадка? — спросил я возчика.

— Три месяца скоро будет. Дома-то поначалу стеснялись соседей, а как стал в день привозить по пейсят рупчиков, и стесняться перестали!.. То-то же!.. А лошадка что надо!.. — Отозвался он, но так, что меня взяло сомнение насчет этих пятидесяти рублей.

Возчик закурил.

— А мне что? Я ведь на пенсии, врачи меня давно похоронили, а вот живу! — И на смуглом суховатом лице возчика с прищуренными от солнца темными доверчиво-

спокойными глазами опять появилась улыбка, немного скосившая его рот вправо. Но вскоре она исчезла, вернув ему прежнее выражение не то озабоченности, не то рассеянности.

Мы ехали по мосту, лошадь заупрячилась и, наскочив на трамвайную линию, встала как вкопанная.

— Нно! — и, звонко чмокнув, возчик торопливо, изо всей силы дернул вожжи, даже его фуражка, похожая на фуражку железнодорожника, съехала набок, но лошадь не двинулась. Тогда возчик еще раз с силой рванул вожжи и при этом крепко ругнулся.

Лошадь резко взяла с места и зарысила. Река, сверкая тяжелой огнисто-зеленой гладью, медленно развернулась вдаль от моста. На том и другом берегу толпились небольшие деревянные домишки с густо засаженными огородами. Над ними зависал белесой пеленой дым от высокой кирпичной трубы, разделявшей пополам и без того узкое приречное пространство. Вскоре мы были уже на подъеме, и копыта лошади с каким-то отчаянным лающим призывом застучали по каменному вымосту дороги.

— А зачем это маленькое седло, да так близко к шее у лошади? — спросил я возчика.

— Это называется седелка,— он повернулся ко мне, как мне показалось, удивленный неожиданностью моего вопроса.— Видишь, ремешком через нее оглобли связаны. Это чересседельник. Без него и без седелки оглобли бы повисли на хомуте. Эх, начисто! — крикнул он, поглядывая на лошадь с добродушием.— Недельки две назад напился я и прям в телеге заснул, так она, стерва, недолго думая, из этого самого Амурского поселка через весь город меня домой доставила! Да еще ведь стоит ждет на перекрестке, когда зеленый зажжется!..

— Да ну! — поразился я.

— Вот те и ну! Животное, аображает не хуже, чем ты да я!

Мы проехали Слободской рынок, где все еще, несмотря на поздний час, у входа торговали семечками старухи, и потрохали дальше мимо частных домиков и стройки на месте старого Казачьего кладбища. И тут грустно как-то стало мне. Я слышал, здесь были похоронены декабристы, даже врач, лечивший Ленина! А теперь вдруг—стройка!..

Но вскоре мы влились в шумное движение улицы, ведущей к нашей девятиэтажке. Машины с трудом объезжали нас, притормаживая, гуськом сбиваясь одна к другой, но возчик, приободрившись, вскинул голову, подбоченившись одной рукой. Уверенность и задор выхлестывали в каждом его движении и залихватском матерке. Все в нем как бы говорило, что мы имеем на то полное право и что все именно так и должно быть. Мы с нашей лошадкой и торчащим поперек телеги диваном сразу вдруг стали хозяевами дороги! Я с любопытствующим восторгом смотрел на него, а возчик изредка поглядывал на меня с веселым прищуром. Мне стало необыкновенно легко, мне даже показалось, что и лошади передалось наше общее настроение, ее тело точно оторвалось от дороги и бешено несло в воздухе, жадно врезаясь вперед, как огромная рыбина, отпущенная в воду! Я чуть не прозевал показать, куда надо было свернуть. Мы подкатили к подъезду. Возчик, тпрукнув, ловко соскочил с телеги и забросил вожжи на седелку. Я тоже, ему подражая, спрыгнул вниз и... подвернул ногу!

— Ты чего, сынок? — увидев, что я согнулся, спросил возчик.

— Ногу подвернул,— отозвался я.

— Не беда, пройдет,— подбодрил он меня. Маленькие ребятишки с любопытством глазели на лошадь.

— Чо, интересно? — усмехнулся возчик.— Так тебе куда, сынок?

— На девятый,— ответил я упавшим голосом. Возчик даже присвистнул.

И мы подняли диван с телеги.

— Давай, заноси, сынок, влево! — кричал возчик, поднимаясь по подъездной лестнице. — Как звать-то тебя?

— Женя, — отозвался я. — А вас?

— Николаем Терентьевичем, дядей Колей. Давай, давай, Женя, еще левее!.. Так, теперь ставь на попа дивашку! Так, порядок! Щас мигом на лифте доставим!

— Вот так и добываем хлебец засушенный. А что делать, не куковать же на пеншишку, — уже в лифте, стоя впритык к втиснутому дивану, говорил возчик. А я машинально, не вникая в его слова, кивал головой и усиленно вытирал пот со лба, который лил с меня чуть не градом.

Тут возчик, усмехнувшись, напряженно взглянул мне в глаза и, судорожно взглотив, будто сам себе, говорит:

— Вообще-то, сынок, в деревне я жил, люблю лошадей, да деревни-то нашей не осталось после войны... Теперь вот чудить начал, а жисть-то прошла...

Мне необходимо было что-то сказать, но я только беспомощно смотрел на него. Он пожал мне руку немного ниже локтя.

Когда мы внесли диван в прихожую, ко мне подбежала моя пятилетняя дочка Таюшка.

— Папа! Ты диванчик привез?! А мы тебя ждали! — радостно закричала она.

— Здравствуйте, — выглянула жена с маленьким Олежкой на руках.

— Доброго здорювица! — переведа дыхание, ответил возчик. — Женя, сюда, да?

— Ага! — отозвался я.

Мне было до сих пор неловко перед возчиком. Сказав сдавленным голосом «спасибо», я, стесняясь, вложил ему в руку деньги. Возчик, отвернувшись, комкал их в кулаке. Мы оба молчали.

— Сынок, не надо... пятерки хватит, — и возчик сунул мне остальные деньги в карман рубашки.

— Но как же так?! — едва успел я сказать. А возчик уже спускался по лестнице.

— Подождите! Дядя Коля! — крикнул я.

Но я только услышал, как поехал со скрежетом лифт...

Эдуард Георгиевский
(г. Тула)

РОЖДЕНИЕ АЛЬМАНАХА
(глава из повести «Своя стезя». Книга вторая)

Главный редактор альманаха «На крыльях «Пегаса», член Союза писателей России, Заслуженный врач РФ, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Минуло десять лет, как Вадим Петрович считался членом областного литературного объединения «Пегас» при писательской организации региона. Ему нравилось ходить на занятия. Каждый раз он с нетерпением ждал второго воскресенья каждого месяца. Для него это было праздником. Занятия проходили в каминном зале Дома творчества. В этом же здании находились две небольших комнаты, в которых располагалось правление писательской организации.

На занятия приходили максимум пятнадцать человек. Занятия проходили под руководством члена Союза писателей России, известного сатирика и баснописца Марка Израильевича Жарковского. Он бережно относился к членам объединения, интуитивно чувствуя в человека талант, и все запомнили многократно произносимую им фразу: «Талант — как деревце, которое надо всячески оберегать: за ним нужен должный уход, его надо своевременно поливать. А бревно, как его ни поливай, так и останется бревном». Марк Израильевич однажды на занятии как бы вскользь намекнул, что хорошо бы иметь свой сборник. Это совпало с мыслями Вадима Петровича.

Возникшая года два назад мысль не давала покоя Вадиму Петровичу. Он знал, что в области существует несколько литературных объединений и что почти у каждого есть свои альманахи, в которых можно прочитать стихи или прозу авторов. А у «Пегаса» не было своего собственного альманаха. «Это не порядок,— считал Вадим Петрович.— Как же так: областного уровня литературное объединение, да еще при писательской организации, и не имеет своего альманаха». Эта мысль крепко засела в голову Вадиму Петровичу. Он поделился своими мыслями со многими членами «Пегаса». Все считали, что надо искать спонсора.

В лихие девяностые, да и в двухтысячные тоже, появилось много иностранных слов. Никто и понятия не имел, что означает слово «спонсор», а спустя несколько лет все поняли, что это тот человек или какое-то ООО, или ОАО, которые могут финансово помочь. Но тогда, в 2003 году, в начале построения капитализма в России, начинающим предпринимателям было не до других — самим бы выжить.

Вадим Петрович был несколько наивным, считая, что все же есть на свете понимающие люди, и что кто-то обязательно сможет помочь ему. Иметь «Пегасу» свой альманах — это стало для Вадима Петровича пределом мечтаний. Однако, после полтора лет «обивания порогов» разных частных и государственных учреждений, он понял, что это совсем не простое дело. Все понимали и соглашались, что это нужное дело, но — где деликатно, а где и по-простому — говорили: «сейчас не можем», «загляните через пару месяцев» и т.д. Но мысль иметь свой альманах неотвязно сопро-

вождала Вадима Петровича, и часто во сне он уже держал в руках книжку в оранжевой обложке, все еще пахнущую типографской краской.

Измученный бесконечными хождениями по «порогам», Вадим Петрович вновь и вновь задавался вопросом: «Где взять деньги для альманаха?» И вот однажды утром он выглянул в окно, увидел голубое небо и яркое солнце и подумал: «А что, если...?» И тут же отверг эту мысль, но потом, уже за завтраком, снова вернулся к ней. И... тут он вспомнил кем-то сказанную, не понятную по какому случаю, фразу: «Сам себе праздник не устроишь — никто его тебе не устроит». И он решился.

После завтрака поехал в отделение «Россельхозбанка», где у него находился вклад — 25500 рублей. Он снял 25000, а 500 рублей оставил на книжке, чтобы не закрывать вклад полностью. По дороге домой вспомнил еще одну крылатую фразу: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское».

«Вот чудеса,— размышлял Вадим Петрович.— Я искал полтора года спонсора, а теперь получается, что я его нашел, и этот спонсор — я сам».

Подшло очередное занятие в литобъединении. Когда оно закончилось, Вадим Петрович встал, обвел присутствующих победным взглядом и произнес: «Дорогие мои литераторы! Сообщаю вам, что я нашел спонсора, и у нас будет свой альманах!» Это сообщение вызвало бурю восторга. С разных сторон полетели вопросы: «Где нашел?», «Как удалось?», «Вот повезло человеку!» Вадим Петрович подождал, когда стихнет шум и, как бы небрежно, произнес: «Надо места знать!», и добавил: «Там, где нашел, уже ничего не осталось».

Дома Вадим Петрович ничего не сказал жене Татьяне, надеясь, что скажет в подходящий момент и что она все поймет. Но все же смутная мысль проскользнула — деньги-то общие.

Свои материалы для альманаха сдали 26 членов «Пегаса». В сборнике появились разделы поэзии и прозы. Составителем и главным редактором выбрали Вадима Петровича, из пяти энтузиастов была составлена редакционная коллегия.

И вот в январе 2005 года, через две недели после Нового года, Вадим Петрович привез из типографии домой долгожданный сборник под № 1. Как когда-то пришедший к нему, сборник был в оранжевой обложке и пахнул типографской краской. «Вот наши обрадуются», — с радостью и гордостью подумал Вадим Петрович. Денег хватило, чтобы напечатать 400 экземпляров сборника объемом в 180 страниц.

В предисловии «От составителя» Вадим Петрович написал: «Идея создания коллективного сборника принадлежит члену Союза писателей, поэту-сатирику Марку Жарковскому, который в течение 10 лет руководил литобъединением «Пегас». Но при жизни мэтра эту идею, к сожалению, не удалось осуществить. Причиной тому множество факторов, но главный — финансовый. И только через два года, обивая многочисленные пороги, наконец, удалось найти спонсора — любителя поэзии, неравнодушного к литературной жизни города-героя Тулы. Открывается сборник стихами руководителя «Пегаса» с 2001 года, члена Союза писателей России Марка Дубинского, ученика и преемника Марка Жарковского».

Сколько же было радости, когда каждому автору был вручен сборник! Вадим Петрович помнит тот день, когда вместе с руководителем «Пегаса» Марком Дубинским они вручили сборник стихов и прозы «На крыльях «Пегаса» ответственному секретарю писательской организации Виктору Федоровичу Пахомову. Выход первого номера альманаха не остался незамеченным. Газета «Тула» поместила статью, в которой давался анализ напечатанного, были критические замечания, но общая оценка была положительная. Не остался в стороне и журнал «Телесемь» — он оповестил туляков о выходе первого номера альманаха «На крыльях «Пегаса».

Сборник, на удивление, разошелся по библиотекам, но, главное, по школам. Его охотно покупали директора школ, так как в программе обучения литературе был так называемый «региональный фактор». Ученики с удовольствием читали стихи и рас-

сказы местных поэтов и прозаиков. Вадим Петрович часто вспоминает эти встречи с учениками 7—11-х классов, когда членов «Пегаса» тепло встречали в школах города, и приятно удивлялся, когда на этих встречах ученики читали стихи членов «Пегаса». На вырученные деньги через год вышел сборник стихов и прозы «На крыльях «Пегаса» № 2, но уже тиражом 800 экземпляров. С течением времени в альманахе появились новые разделы и среди них «Детская страничка». Вскоре материала для детей и их родителей набралось столько много, что пришлось — как приложение к альманаху — выпустить отдельный сборник под названием «Пегасик».

Прошли годы. Уже было выпущено 14 сборников «На крыльях «Пегаса» и несколько сборников «Пегасика», когда, наконец, Вадим Петрович поведал Татьяне свою тайну. Татьяна понимающе улыбнулась и произнесла: «Ведь не зря ты потратил эти деньги, а мы с тобой обошлись и без них. Зато какое дело сделал! Молодец!»...

PS. С 2005 года выпущено 19 альманахов «На крыльях «Пегаса» и 10 сборников «Пегасика». Альманах со своим статусом межрегионального приблизился к новому статусу. В связи с тем, что в альманах присылают свои произведения авторы из Могилева (Беларусь) и Горловки (ДНР), можно считать, что он одной ногой стоит в статусе международного. В мае 2022 года выйдет юбилейный — № 20 — номер альманаха «На крыльях «Пегаса».

Олег Рябов
(г. Нижний Новгород)

Родился в Горьком. Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли двадцать книг стихов и прозы. Печатался во многих журналах. Лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. С 2002-го года член Союза писателей России. С 2011-го член ПЕН-клуба. Главный редактор журнала «Нижний Новгород», награжден медалью Пушкина.

ПРО СОМА

Село наше Переслегино далеко от областного центра расположено: за сто верст будет, если по спидометру. А теперь и того больше стало, после того, как новый мост поставили: крюк почти в десять километров добавился. Ну, уж, как расположено, так и расположено. А вот сожалеть или радоваться от того, что начальство далеко — не знаю.

А как это так — больше стало?

А вот так! У нас уже двадцать лет бессменно районом рУлит Пашка Бутузов, сын бывшего председателя колхоза-миллионера Александра Александровича Бутузова; Сан Саныч наш — Герой Социалистического труда, кстати. Пашка его в детстве не поймешь, кем был, а вот в главу администрации района вырос. Хотя, про «не поймешь» я, конечно, перегнул: и из армии Пашка не просто так, а сержантом пришел, и сельхозинститут потом заочно закончил.

Так вот несколько лет назад решил он воспользоваться для общественной пользы приездом губернатора в наш район. В двух километрах от нашего села была когда-то дамба, державшая большой-пребольшой колхозный пруд, в котором разводились в товарных количествах карпы и толстолобики. В начале девяностых дамбу размыло по безалаберности чьей-то, а, может, и умыслу — не уследили, в общем, за весенним паводком. Выгребли местные селяне корзинами да мешками несколько тонн рыбы для личных нужд. Ну, а дамбу восстанавливать не стали, и течет теперь наш ручей безымянный мимо села среди камышей и тины без прежнего смысла.

Кроме нашего ручья еще две речки впадали в тот пруд: Смородина и Шишильня. И мост через довольно широкую речку Шишильню пришлось ставить чуть пониже, чем дамба была. Мост поставили прочный, хороший — груженный КАМАЗ, наверное, не пройдет, но ПАЗик, если без людей, проходил. Народ руководству района не раз спасибо сказал за мост этот на деревянных сваях.

Правда, мост все равно не очень удачно был поставлен: и широкой речка здесь теперь стала, и глубокой — плес одним словом. Хотя, слышал я, что когда мост ставили, место оптимальное долго выбирали. Только природа и земля живут, как и об-

щество человеческое, по своим внутренним, еще плохо изученным законам, и где завтра будет глубоко, а где мелко, никому не ведомо. Теперь все наши мальчишки и взрослые местные рыбаки справлять свои естественные рыболовные потребности ходят пешком или на велосипедах ездят к мосту, а там спускаются немножко вниз по берегу.

Так вот, глава нашей районной администрации Павел Александрович Бутузов (кстати, он выходец из нашего села) озаботился для решения своих каких-то важных районно-хозяйственных задач поменять наш деревянный мост на современное капитальное бетонно-монументальное сооружение. В ночь перед приездом губернатора подручные «архаровцы» Бутузова немножечко подпортили мост по его же заданию: выломали боковые перила и частично сняли деревянный настил.

Для полноты картины сразу упомяну еще об одном важном фигуранте моей истории. Жил у нас в ту пору в Переслегино невзрачный и неказистый мужичок Генка, или Генка-рыбак его еще звали. Дураком Генка вовсе не был, он просто не такой, как все. Хотя мне он всегда казался «с булыжинкой в башке»,

Во-первых, в смысле рыбалки был он очень фартовый, или все же он знал какие-то секреты. Вот стоят с удочками вдоль берега мужики и ребяташки — клева нет! И на лодочке среди кувшинок с удочками сидят — не клюет! Генка в траве на берегу лежит, на небо смотрит, травинку жует. Потом вдруг заметит на горизонте вполне определенную тучку, вскочит, бегом в деревню, хватается удочки и назад. И у него, и у всех, кто с удочками на берегу, сразу же клевать начинается. Вообще, про то, как он рыбу понимал, это — отдельный рассказ писать надо.

А во-вторых, не только с рыбой у него такое. Как-то раз мальчишки удочкой, крючком рыболовным умудрились зацепить притопленную браконьерскую сеть, стоящую в прибрежной осоке. Вытащили они сетку на берег и в ней обнаружили вполне еще живую утку, которая запуталась. Мальчишки кое-как утку высвободили, да только вывихнули ей ногу и сломали крыло. Отдали они утку Генке-рыбаку, а тот ее выходил: бродит утка по двору у него, крыло волочит, но крикает, и в тазу с водой бултыхается. Так и лето, и всю зиму хромоножка эта на дворе и в сарае прожила. А весна пришла — природа своего потребовала. Орет утка, от крика ее вся деревня оглохла, а только селезни, прилетевшие естественным образом, на речке за своими новоявленными подружками ухаживают или, отдыхая от таких забот, в камышах сидят.

Сунул Генка свою утку за пазуху и пошел на наш ручей, который, половодьем наполненный, тоже солидно весною выглядит, на него тоже утки первые садятся с целью женихов подыскать. Чего уж там его утка накричала — не знаю. Только...

Не поверите! Я сам видел: идет Генка по Центральной улице к себе домой с ручья нашего, а за ним, невысоко, на уровне головы, может чуть повыше, не торопясь, селезень летит, красивый, в брачном оперении. Так до самой Генкиной избы и летел. А через три недели утка Генкина уже с шестью утятами по двору гуляла.

Вот Генка-рыбак Пашке Бутузову весь спектакль его, приготовленный к встрече губернатора, и размазал.

Наши в деревне уже знали, что Бутузов Пашка с губернатором должны подъехать. Хлеб-соль, конечно, не готовили, а все же под дурачков кое-кто закосил: один с удочкой на мосту приспособился, другой с косой-литовкой у дороги присел. Губернатор наш «из варягов», в области недавно, что с него взять! Приехали на четырех машинах: наш скромник Бутузов на УАЗике новеньком, а губернатор на двух «крузак» двухсотых и на «гелентвагене».

Встали все у моста, солидная компания вышла из машин, человек десять, по сторонам оглядываются. Бутузов наш с логарифмической линейкой в руке, зачем-то тычет ею в сторону речки, да на мост. Губернатор спрашивает у него:

— А ты все посчитал? С новым мостом я имею в виду!

— Конечно, Иван Иванович,— отвечает ему наш Бутузов, и под нос губернатору сует логарифмическую линейку.— Мы же тут цех по производству шампиньонов поставим, у нас уже и инвестор готовый есть на сто пятьдесят миллионов рублей и на сорок рабочих мест.

Думаю, кто-то его научил этому фокусу показательному с логарифмической линейкой, наверное, батька его. Так ведь батька-то все же председателем колхоза был, фигура. А эти двое и не знают, как логарифмической линейкой пользоваться, а виду не подают.

— Ну, мост мы тебе тут поставим на паритетных началах с твоим инвестором. А почему у тебя этот действующий мост такой неухоженный: перила все обломаны, и настил снят так, что не проедешь? Так ведь ты и новый мост до ущерба доведешь! — спрашивает губернатор у Бутузова нашего.

Вот тут Генка-рыбак и выскочил, как гриб из-под земли:

— Да, нет, господин Иван Иванович,— запричитал он, обращаясь к губернатору,— еще вчера наш мост был очень хорошим, а сегодня ночью приехали два полицейских чина из района, пьяных в драбадан, я их знаю обоих, они-то весь мост и переломали. А ломать его нельзя, под этим мостом сом живет. А потому с этими двумя варварами ночными теперь уже обязательно беда случится, тот сом особенный, с последствиями.

— Что значит особенный? С какими еще последствиями? А ты кто такой? — спросил губернатор, ничуть даже не удивившись появлению Генки-рыбака.

— Я — Генка-рыбак, местный. А сом, который здесь под мостом живет, это наше тотемное сельское животное, и его трогать нельзя, а можно только с рук кормить, холить и лелеять.

— Какое, какое животное ваш сом?

— Тотемное! Значит — священное.

— Интересно. А ты видел этого вашего сома?

— Видел.

— И большой он?

— Большой. Башка у него, как вот...— Генка внимательно посмотрел на губернатора и потом кивнул на главу района Бутузова,— как вот у него.

— Интересно. Я сам родом из Астраханской области, там у нас тоже в одном из районов сом считается священной рыбой, или, как ты говоришь священное животное. Там сомов тоже надо кормить и уважать. Их часто местные жители на куканах около берега держат. А ты своего сома кормишь?

— А как же. Каждую ночь прихожу сюда и кормлю его и тухлыми куриными окорочками, червями-выползками и улитками. Потому я и видел сегодня ночью этих двух полицейских хулиганов, которые мост ломали.

— А как бы мне посмотреть на твоего сома? Удивительно — как здесь, в этой луже, сом поселился? Не может быть — тут же тесно ему, наверное.

— Не тесно — тут яма восемь метров глубины, а приплыл этот сом к нам с Волги, тут не далеко. А еще — это не мой сом, а наш! Я с ним договорюсь, ты приедешь, и мы посмотрим на него вместе. Только мост этот ломать нельзя.

— Я понял это. Ничего мы здесь ломать не будем, и строить мы здесь тоже ничего не будем. Да, не пугайся ты,— это губернатор кивнул уже нашему районному главе Пашке Бутузову,— построим мы с тобой мост, только подальше. Двух своих полицейских хулиганов найдешь и накажешь, я проверю. Да, еще заставь их этот мост отремонтировать своими силами. А новый мост мы с тобой, где народ скажет, там и построим. А народом у нас с тобой будет на этот раз Геннадий — забыл, как побатюшке. В общем, Геннадий и есть — наш народ...

ЗАПАХ ГОРЕЛЫХ СПИЧЕК

Жизнь полна мистики. Не надо мистику искать, лелеять и культивировать: она сама найдет себе место в судьбе каждого. Конечно, если послушать наших православных батюшек или почитать русских религиозных философов типа Евгения Трубецкого или отца Сергия Булгакова, то тут уже и пустые ведра и черные кошки приобретают сакральный смысл и полны зловещего будущего. Но вот — идет теннисистка Шарапова по корту, семенит, чтобы не наступить на полоски разметки, и уже назавтра сто миллионов человек тоже постараются на них не наступать. А... кто его знает — может в этом что-то есть.

Но я не про приметы, конечно, а про странную прозорливость, присущую некоторым нашим старухам и древним старикам, которую мы принимаем за суеверие и часто обходим вниманием. А происходит это лишь по одной причине: для анализа и сопоставления некоторых событий и фактов требуется целая жизнь, и только прожив ее, человек может с уверенностью сказать: в этом что-то есть. Вот и мне, видимо, пришла пора над этим задуматься.

Зашел ко мне как-то вечером сосед, Владимир Владимирович. Себя он писателем всем представлял. Да и в правду он был писателем, хотя на телевидении когда-то работал, и в газетах, и общественными делами разными занимался. Лет пять назад он овдовел. Возрастом — лет под семьдесят, но стройный, аккуратный, ухоженный. Одевался всегда соответственно планируемому мероприятию, и все у него было по форме. Друзья к нему заходили посидеть изредка, раз в месяц, и молодежь, и дамы.

Мы с ним особо не дружили, но здоровались, и парой слов во дворе перекинуться могли. И даже в силу одинакового, как бы правильно выразиться, ну что ли, внутреннего устройства мозгов мы были иногда друг с другом на «ты». А иногда, по обстоятельствам, на «вы».

Зашел он ко мне вечером. Серьезный такой, я бы сказал даже озабоченный, с видом заговорщика. Руку пожал, улыбнулся натянуто и кивает на кухню:

— Можно пройти?

— Проходите, — говорю, и сам за ним на кухню, — чего случилось-то?

— Посоветоваться надо, — говорит сосед, и сел за стол.

— Чай будете? — спрашиваю.

— Буду, давайте!

Включил я чайник, чашки достал, сел рядом.

— Чего случилось-то? — спрашиваю я снова.

— Даже не знаю, как и сказать, — запнулся тут сосед, но, пожевав губами, продолжил: — Совет нужен. Не смогу без совета.

Чайник вскипел. Заварил я свеженького. Помолчали.

— Может, по рюмочке? — спрашиваю.

— Нет, нет, нет, — замахал сосед обоими руками, — наливайте свой чай. Я ведь чего! Прежде чем ваше мнение услышать, я должен длинную историю рассказать. У вас время есть для меня?

— Рассказывайте, раз нужда такая.

— А-а... от меня ничем не пахнет?

Тут я посмотрел на него уже повнимательней — не пьян ли.

— Нет, — говорю, — не пахнет. А чем должно пахнуть, если не секрет?

— Спичками горелыми не пахнет?

— Спичками? Не пахнешь! Правда, я уже плохо помню, как горелые спички пахнут. Давно это было — спички. Все больше зажигалки теперь. Помню: говорили, что серой пахнут горелые спички. А зачем вы спичками-то должны пахнуть?

— Не должен я пахнуть. Просто боюсь, что от этого чья-то жизнь зависит. История эта давняя — еще с детства. Сейчас расскажу.

Жил я тогда на Ошаре, и был у меня друг Илья, а учились мы в четвертом классе. Я хорошо учился, а Илья не очень; был он, как теперь говорят, из проблемной семьи.

И вот мне отец пообещал, что если я четвертый класс на одни пятерки закончу, купит мне новый велосипед «Орленок». Я последние два месяца бабушку уговорил — мы с ней чуть ли не каждый день по вечерам диктанты писали. Кончил я на одни пятерки, и должен был отец в тот злополучный вечер привезти новый велосипед. Но это вечером, а днем пошли мы с Илькой, так я его звал, покурить за сараи: там, в зарослях бузины, у нас навроде штаба что-то такое образовалось. Две папиросины у нас были, и коробок спичек была с белкой на этикетке.

Только устроились мы на ящиках, только Илья спичкой чиркнул, как — вот нечистая! — какой-то мужик за сарай заходит: по маленькой нужде, неверное, захотел. Да нас увидел и застеснялся, передумал. А Илья тоже чего-то перетрухал и спичку-то уже зажженную в коробок обратно сунул. А коробок-то как вспыхнет у него в руках. Илья его в сторону отбросил, но запах горящих спичек весь воздух заполнил. Прямо сейчас чувствую его, этот запах.

А незнакомец, я его хорошо запомнил: туфли лаковые, костюм черный, брюки узкие, рубашка белоснежная, и рукава на фалангах лежат, и запонки блестят, а сам лысый, череп как из слоновой кости, и нос крючком. И спрашивает он у Ильки: «Спички кончились? Надо?» И протягивает ему коробок спичечный, не наш: побольше и этикетка с иностранными буквами.

Илья взял спички, чиркнул раз, чиркнул другой, а на третий — искра сильная такая отлетела ему прямо в глаз. Он стал глаз тереть, жимать, потом побежал домой. Курить одному почему-то мне расхотелось, а мужик тот модный куда-то пропал. Илью в больницу сводили, глаз заклеили, потом бельмо образовалось. Лет через сорок я его встретил и не узнал: весу в нем килограмм сто пятьдесят, глаз стеклянный и запах горелых спичек. А велосипед вечером папка мне все же вручил...

В следующий раз такое, нечистое, что ли, случилось, когда у меня первый киносценарий на Мосфильме приняли и нужно мне было ехать подписывать договор. Ну, честно говоря, протаскивал этот сценарий Игорь Жеглов, был такой редактор с очень мощными возможностями в издательстве «Молодая гвардия», и должен был я с ним поделиться. Гонорар за сценарий, как сейчас помню, был три тысячи рублей.

Совпало, что отец мой в это время в больнице лежал, и по-серьезному так лежал. Был он настоящим крупным инженером в самом хорошем смысле слова: и иностранные языки знал, мог специальную литературу читать, и за кульманом себя профаном не чувствовал, мог начертить эюры любой строительной конструкции, и в радиоэлектронике современной шарил как бог. Да он и был по образованию радиоинженер и работал на закрытом номерном «ящике».

Но, в силу каких-то неведомых мне договоренностей, курировал еще мой папа на общественных началах многие больницы и медицинские учреждения города в отношении новой техники. Появлялось тогда ее море, а врачи не представляли, куда чего втыкать и что там на экране бегают. Отец переводил с английского и немецкого инструкции, запускал установки и, конечно, ремонтировал то, что можно. Главврачи больниц, профессора медицинские и прочий медперсонал чувствовали себя в неоплатном долгу перед ним.

И вот заболела спина у моего отца: так ничего, а нагибаться больно. Пошел он в институт профзаболеваний, а оттуда послали в областную больницу, а там его положили и говорят: «Резать надо, Владимир Владимирович, киста у вас. Уберем, и будет полный порядок». Его тоже, как меня, Владимиром Владимировичем звали.

Сделали операцию, кисту убрали, а проблема образовалась посерьезнее: вызвал меня к себе хирург, профессор, который операцию делал, и говорит: «Надо вашего батюшку в Москву везти, в центр на Каширском шоссе, тамошним специалистам показать». Ну, понятно: в какой центр — в онкологический, и я все понял. Без про-

блем. Ирина Николаевна Блохина звонит в Москву своему брату Николаю Николаевичу, академику, создателю этого центра. Они папу моего прекрасно знали. Решают, что я должен сначала привезти все документы по истории болезни, анализы и результаты операции. В тот же день выделяет директор института, где папа работал, секретаря парторганизации Сучкова и свою персональную черную «Волгу» с водителем. И в ночь мы едем в Москву.

Дороги тогда похуже были, и добираться до столицы на машине часов восемь пришлось, но в девять утра мы уже сидели в кабинете главврача; Колесников, вроде, его фамилия. Его внешность описывать — красок не наберешься: уж мой секретарь парткома — киноактер на роль генералов, а этот и того хлеще.

В кабинете стол для совещаний длиннющий, стульев штук тридцать. Мы уселись, а на рабочем столе у него девять телефонных аппаратов, я посчитал. Зачем надо столько и как их можно использовать — я до сих пор не представляю. Сам Колесников: сорок лет, метр девяносто, загорелый такой, чисто выбритый (впечатление, что не растет!), шевелюра белая, седая в смысле, голос баритон глубокий такой, артикуляция великолепная, белоснежная рубашка, золотая заколка в галстук, золотые запонки. Все понятно?

Сравни: на мне — джинсы потертые «вранглер» и майка красная с надписью на спине «Меня зовут Вова».

Начать разговор никак не можем: все время телефонные звонки — то из Германии, просят облепихового масла, то кому-то потребовалась известка, чтобы побелить стволы у яблонь во дворе больницы. Потом подошла секретарша, взяла все звонки на себя, и мы смогли поговорить. Он нас успокоил, взял у меня историю болезни отца и говорит:

— Мы все сегодня же посмотрим и после четырех встречаемся! Лады?

— Лады,— говорю,— я успею еще сегодня подписать свой договор с Мосфильмом.

— Желаю удачно подписать договор,— говорит доктор, и тут раздается телефонный звонок.

Колесников берет трубку, начинает разговаривать, меняется в лице, кладет трубку и медленно так говорит:

— Отец умер.

— Чей? Ваш? — спрашиваю я его.

— Нет — твой! Мой умер год назад,— отвечает он мне, и я вижу, как он нажимает на столешнице кнопку, сзади главврача расползаются в стороны створки стеллажа, он встает, наливает что-то в хрустальный большой фужер и медленно идет, а мне кажется — плывет, по кабинету вокруг стола ко мне.

— Выпей. Это — «хеннеси»,— говорит.

Я выпиваю, встаю у окна, и у меня начинают течь слезы.

— Это рак? — спрашиваю я его.

— Нет, легочная эмболия. Такое бывает даже после аппендицита! У меня у самого отец умер год назад от рака поджелудочной. Так что я тебя понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! — ору я на него.— Ты не понимаешь разницы: там *твой* отец, а это *мой* отец!

Зачем я на него орал, не знаю, но как-то равнодушно он к этому отнесся. Я достал сигарету, но ни спичек, ни зажигалки у меня не оказалось, а Колесников достал из кармана коробок, чиркнул и дал мне прикурить. Я заметил тогда, что коробок был увеличенный и надпись на нем латиницей. А главное: запахло горелыми спичками, как в детстве тогда, за сараями. И густо так пахло, прямо сейчас помню. И еще запомнил, что, когда прикурив, поглядел я в его глаза, они у него были разные: один серый, а другой черный: будто и глаза-то нет, а там бездна какая-то. Я ничего не обрадовал, хотел сразу ехать домой, но секретарь парткома Сучков уговорил меня за-

ехать по пути и подписать договор на Мосфильме, благо не надо было ни с кем ничего обсуждать. Прямо в секретариате дали мне три копии, я их и подписал — пять минут делов.

Так вот — чего я пришел-то сегодня к вам. Стала у меня в кухне раковина подтекать. Вызвал я вчера сантехника, а сегодня он пришел. Ковырялся он, ковырялся, сначала фонариком светил, потом лампу у меня настольную попросил, а в конце начал спичками чиркать, себе подсвечивать: говорит, что так удобнее ему. Устроил все, заплатил я ему, ушел сантехник, а на кухне запах этих горелых спичек так и стоит. И главное: оставил он пустой коробок из-под спичек на столе, опять импортный и не современный, а старый: на нем слово «Рига» латинскими буквами. И еще: вот сейчас я вспоминаю, что когда я ему деньги давал, он посмотрел на меня, и я увидел, что он косой. Ну напрочь косой! Как он мог сантехником работать, нет ли тут какого подвоха?

— Так что тебя смущает-то? — спрашиваю я соседа.

— Как что? — Мы помолчали, и он произнес: — В Китае моя книжка вышла огромным тиражом, два миллиона, и я гонорар хороший получил, а на днях моя внучка должна рожать, и вот я думаю: не к добру этот запах горелых спичек. Вот в детстве — я велосипед получил, а Илюха глаз потерял. Потом: я договор подписал, а отец умер. Вот и сейчас, думаю: как бы чего не вышло! А? Как ты думаешь? Что делать-то?

— Не знаю. Может — все-таки выпьешь? Чаю чего-то больше не хочется. А потом подумаем.

— Ну, давай! А чего у тебя?

— Найдем чего-нибудь поприличнее. «Хеннеси» будешь?

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

ВЗАИМОЗАЧЕТЫ

— *А ежели тот закон исполняться не будет?*
— *Тогда надо внушение распубликовать: лучше, дескать, совсем законов не издавать, ежели оные не исполнять.*

М. Е. Салтыков-Щедрин «Карась-идеалист»

◆ Виктор Лонгинов женился к самому окончанию университета, где учился по востребованной сейчас *айтишной* специальности по защите информации. Он все делал, не в пример большинству безбашенных сверстников, обстоятельно и продуманно — «весь пошел наш Витюша в своего деда, такой же основательный по жизни с малых лет!» — добрея глазами, говорила о нем мать заглаза, беседуя с подругами и сослуживицами. Дед же Витин, то есть ее отец, недавно ушедший на вечный покой, служил по интендантству, и выйдя в отставку с приличной офицерской пенсией, до конца советской власти и первые почти два десятка лет новой трудился по снабжению не в последних должностях. Вот в него-то и вышел копией Лонгинов-внук: и по солидной основательности суждений и поведения, и даже в чем-то внешне — крепыш с округлостью, даже очки носил в такой же, как у дела, под «роговую» оправе. И тональность голоса — не различишь: этакий смешливый фальцет в разговоре, а в официальном общении близко к контр-тенору. И Лариса, учившаяся с ним на одном курсе и факультете, подстать ему, хозяйственная, потому и приглянулась. Опять же все деды и бабки Вити сельского произрастания, может потому, переселившись примаком в частный дом Ларисы, хотя родители и уговаривали остаться с молодой женой в солидной, в сталинском доме в центре города «интендантской» квартире, он обнаружил в себе качество основательного крестьянина-собственника. Не то что протянуло тупо в земле копать, грядки выравнивать и яблони со сливами окучивать — на такие дела рук Ларисы и тещи в самом расцвете последней молодости «бабе пятьдесят, баба ягодка опять» с избытком хватало (тестя, тоже примака в доме, несколько лет назад удалили из семьи — хронически запил после неудачного «предпринимательства»). Нет, именно крестьянская хозяйственность ожила в Вите в основательном доме с огородом и садом, даже с огромным, отдельно расположенном погребом с цилиндрически выложенными кирпичными стенами трехметровой глубины — остатки собственной кузницы дореволюционного предка нынешних хозяек дома и участка, знатного мастерового-надомника, ковавшего на частные заказы железные фигурные ограды и ворота. Образец последних и посейчас украшал вход в домовладение.

Дела же хозяина многообразны, требуют неусыпного внимания, растущих из нужного места рук и деловой сметки. Дом, раза три уже перестраивавшийся и под-

новлявшийся со времен основания этого крепкого строения знатным мастеровым-надомником, стоял на крепком фундаменте, что называется в полтора этажа — с полуподвалом под съестные заготовки, всякий хозяйственный скарб, ремонтные для дома материалы... мало ли что потребно в собственном домовладении? Уже по первому году хозяйствования (теща, явно на сравнении с неудавшимся супругом, души в зяте не чаяла) Витя из несколько захлавленного подвала сделал конфетку: стройные ряды полок под банки с огурцами и помидорами, хитроумное кубастенькое картофелехранилище с автоматической регулировкой температуры — ведь электроник по профессии! Такое же для хранения «зимних» сортов яблок. В одном углу — целиковая мастерская со столярным и слесарным верстаками, сверлильный настольный станочек, а на полочках разложен весь потребный инструмент. В другом — все для выдельвания кадвадоса, то есть яблочной водки: от чана для браги с закрепленной на его борту электрической мясорубкой... в смысле яблокорубкой, до любовно изготовленного им самогонного аппарата со стеклянной витой трубкой Либиха, что используют для дистилляции в химических лабораториях, и сложного трехуровневого очистителя полученного продукта от сивушных масел.

Сам Витя по семейной традиции в трех поколениях почти не употреблял, но, справедливо полагая, что нынешние магазинные крепкие напитки фабрикуют на основе технического, из опилок с лесопилки, спирта, встречал гостей из родственников и знакомых только своей, экологически чистой. Тем более не доверял современным, сплошь порошковым из алжирского «виноматериала», что в черноморские порта танкерами привозят (как в советское время, но тогда это пошло как «алжирское» и продавалось) — бартер за поставки оружия,— «вином» с различными, как в пьесе Островского «какие хошь, барин, этикетки наклеим»; часть браги Витя перерабатывал, в смысле очищал и в бутылки разливал, в яблочное вино.

На второй год параллельно с кадвадосом и «яблочным», на поток была поставлена сливянка. Численность, «наполняемость», как говорят владельцы ресторанов и кафе, гостей неуклонно возрастала. С того же года к десятку традиционно содержащихся кур — казенные яйца химией и антибиотиками нашпигованы! — с их командиром, большевистской, как либералы в девяностые именовали, красно-коричневой раскраски петухом Игнатом, радением Вити добавилось отделение сарая с кроликами в клетках. Траву для них он скашивал на недалежном заросшем пустыре — через десяток таких же частных домов не то что город заканчивался, но разделялся, незастроенным, шириной в пару километров, клином дикой природы между двумя районами областного центра.

Подвал, сам дом и его крыша — добротные, но требующие постоянного хозяйского глаза, живность в сарае, погреб на месте старинной кузни, опилковка фруктовых деревьев и подправка ягодных кустов, все электрохозяйство, подведенные в последние советские пятилетки к дому — и по всей улице — газ и водопровод, банька и, пардон, туалет под общей с домом крышей... и миллион других забот, включая, вместе с женщинами, уборку урожая и зимние заготовки — другого современного бездельника в ужас бы при одном перечислении привели, но — Витя как будто очнулся от прежней, почти что сонной, монотонной городской квартирной жизни, почувствовав себя хозяином интересной и многоукладной жизни.

Сразу по получении диплома, испытывая осторожное недоверие к частным «лавочкам», с необременительной «для ответного добра» помощью боевых соратников деда-интенданта устроился на главпочтамт, в смысле в областное управление связи, по части компьютерного обслуживания. Сейчас, к описываемому времени, в свои двадцать восемь лет уже трудился заместителем начальника цеха с хорошей перспективой, как беспорочный и квалифицированный специалист.

...Когда по табельным дням кто-то из ранее не бывавших в доме гостей, из молодых поколений, указывая на лежащий на угловом столике вроде как даже чуть запы-

ленный ноутбук, интересовался причиной нахождения здесь, в доме «столь продвинутого айтишника», такой древней модели, то Витя кратко пояснял в том смысле, что возни с техникой ему и на работе хватает, а дома у него и без того *серьезных* дел невпроворот. «А как же с миром общаешься? Социальные сети всякие, наконец, надо же знать, что *там* о нас думают и говорят?» На что Витя еще более резонно пояснял, что общаться с миром — это самообман; социальные сети — ловушка для лохов-простаков. А если вражеские мнения надо знать, то на это есть программа «Еврорьюс», по утрам на телеканале «Культура». ...Когда же «Еврорьюс» прикрыли на «Культуре», Витя спокойно резюмировал, мол, *партии и правительству* виднее, что народу надо знать или не знать.

...И хотя домохозяйственная Лариса, уже счастливая мать четырехлетнего карапуза — весь тот в отца! — регулярно смахивала пыль с нераскрываемого месяцами старинчатого ноутбука, уже подумывая перенести его, ввиду ненадобности в хозяйстве, в кладовку, как вдруг он понадобился хозяину. И вай-фай ему тотчас подвели за счет главпочтамта, мол, служебная надобность, соответствующая должности.

♦ Одногруппник Вити по университету Вячеслав Добжик имел по линии матери хотя и дальнюю, но осязаемую солидную родню, нежели Витин интендантский дед, потому начал трудовую деятельность в областной администрации, на должности специалиста в информационной службе департамента — с недавних пор министерства (это как в России последней трети девятнадцатого века в «столицах и университетских центрах» трактиры переименовались в рестораны — шутовал Славин отец) — по части экологии, природопользования и еще чего-то: Слава не забывал, поскольку эта добавка «еще чего-то» раз в год переименовывалась.

На пятом году «министерского присутствия» (опять же веселый и умеренно-едкий по характеру его отец) на полтинный юбилей хозяйки семьи Добжиков была зазвана в почетные гости та самая благодетельница, какая-то троюродная родственница матери Вячеслава. В смягченной домашностью приема обстановке Аделаида Яновна — Добжики и их родня давних западнобелорусских корней — поинтересовалась успехами Вячеслава по службе, одобрила возрастание по должности до старшего специалиста, уже тройка человек в его подчинении, но наставительно заметила, что пора уже задуматься о переходе (троюродного) племянника из разряда сугубо технических специалистов в категорию государственных служащих: «...Там и перспективы шире, и общественный вес совсем иной, и круг занятий-обязанностей разнообразнее, наконец, хотя человек ты и молодой, а пенсионный возраст несколько сейчас повысился, впрочем, совершенно оправданно с позиций госстроительства и резкого увеличения благосостояния, а значит и средней продолжительности жизни наших сограждан (Аделаида Яновна испытующе повела взглядом по заскучавшим в один миг лицам гостей), но ведь дальномыслящий, серьезный человек должен заранее подумать и об уходе на заслуженный отдых. А у госслужащего, как вам известно, размер пенсии значительно поболее обычной. Конечно, не за звание лишь такая существенная льгота, но чиновник, как сейчас принято говорить, тем и отличается от обычного работника того же областного министерства, что не ограничивает свою занятость восемь-на-пять, как опять же сейчас принято говорить, а думает о своей работе и за рамками служебного времени. Опять же какая ответственность в части принимаемых решений!»

Вячеслав, уже приобвыкший к административному политесу, скромно поблагодарил (троюродную) тетюшку, полагая некорректным далее развивать эту тему, памятуя заповедь: выслушал — скажи спасибо за совет, намотай на ус, но не приставай с разъяснениями. Тем более на людях. Главное, мысль о переходе в разряд «полуне-прикасаемых» (опять шутованье отца с продолжением: «Только со взятками будь осторожен») и без того в голове сидела не на последнем месте в оперативной и базовой памяти, как Слава определял их на компьютерный манер. Но сколько бы он не

рассуждал на эту тему последний год, памятуя «правило Карнеги» из прочитанной книги этого знаменитого миллиардера об успехе в жизни и бизнесе, что каждый успешный человек раз в пять лет должен либо менять место работы, или в рамках ее переходить на качественно более высокий уровень, ничего толкового в голову не приходило. Анализ всех возможных ходов и ситуаций неизменно наткнулся на стену, достаточно высокую, чтобы преодолеть ее без ступенек приставленной к ней лестницы. А Аделаида Яновна, как он и сам четко понимал, из той степени родства и характера, что ограничилась в его карьере только единственной, начальной ступенькой. Дескать, малец, помогла тебе без расшибу спрыгнуть в реку, так дальше сам плыви, выбирая стрежень поровнее и быстротечнее, но пуще остерегаясь как тихих прибрежных омутов и затоней, так и опасных порожистых перекатов...

Но благосклонное наставление Аделаиды Яновны пришлось на тот обычный переломный момент домашнего, без официоза чиновничества, застолья, когда гостующие уже достаточно напробовались из бутылочек с напитками всевозможных расцветок содержимого под старинную селедочку под шубой, традиционный оливье и новомодный греческий салат, корзиночки с красной (на черную хозяева не взошли!) икоркой, шпроты с лимонными дольками, холодную разнорыбицу и домашнюю (мать мастерица на кухне) буженину, даже закордонный санкционный «имменталь» и «камамбер», а хозяйка с помощницей из числа близких к дому гостей уже освобождает от опустевших тарелок стол под главное горячее блюдо сегодняшнего торжества, вызвавшее всеобщий восторг у почтенных годами и знакомых по советским временам чтения русской классики: целиком запеченный в духовке («еле поместился!») — с торжественной скромностью как бы оправдывается хозяйка) месячный поросенок, фаршированный гречневой кашей и черносливом, а по лоснящейся, аппетитно хрустящей коже щедро одетый в шубку хрена, под которой попервоначалу даже и не различишь, что перед этим вызванный на кухню хозяин длинным, отточенным до остроты боевой шашки Семена Михайловича Буденного, ножом разрезал это полезное сельскохозяйственное животное, нащупывая межпозвоночные хрящики на поперечные порционные ломти — как колбасу.

Восторг! Тосты за именинницу! Стопки, рюмки и фужеры (по-нынешнему, американскому — бокалы) нелегально наполняются до краев «с мениском»! Каждый стремится удостоиться части чокнуться с Аделаидой Яновной.

И на таком переломе торжества, хватанув «с мениском» под поросенка, когда даже архидиетельная высокопоставленная гостья подобрела глазами и голосом — темперированным контральту, выкушав полфужера (эх, гулять так гулять!) патристичной уже который сезон массандровской сухой мадеры, утратившие начальную политкорректность гости приступились по теме предыдущих ее слов к Аделаиде Яновне: а как это можно еще молодому, даже не достигшему «тридцатника», человеку перешагнуть порог от специалиста-исполнителя к госслужащему! Со всеми вытекающими обязанностями и правами, включая усиленный пенсион?

Матерая чиновница поначалу отбрыкивалась обычными казенными словами, мол, трудолюбие, постоянное повышение общего и конкретного уровней знания и опыта, устремленность, дотошное знание законов, стремление работать не за страх, но за совесть... главное, особо выделила она, понимание того, что живем мы сейчас в новой стране, поражающей весь мир смелыми реформами, динамичностью и социальной направленностью развития. Гости поначалу слушали, но постепенно вновь переключились на бутылочки и поданные хозяйкой дополняющие поросенка горячие блюда: котлеты по-киевски и пожарские, жареная курица с ткемаливым грузинским (один из гостей носил фамилию Киквадзе) соусом.

Окончив основные хлопоты, хозяйка-именинница под села к высокопоставленной родственнице, уже по-женски доверительно, умащивая свои не прямые вопросы тонкой лестью, опять же перевела свой разговор на возможные шаги «нашего Славика»

к вожделенному переходу в разряд госслужащих. Не забывала и подливать в фужер гостю патриотическую мадерцу.

Другой день был субботний, выходной, и мать все в подробностях, прямой речи Аделаиды Яновны и собственных комментариях, донесла сыну о предпочтительности его усилий по преодолению стены, по другую сторону которой неустанно трудится на всеобщее благо класс чиновников. Со своим, конечно, табелем о рангах. Главное, как понял Вячеслав, затвердить для начала свое имя в памяти тех небожителей губернского бомонда, от которых следует ожидать лестницы, что для него представят к стене. Словом, *нужны инициативы*, которые войдут печатно в областные законы и указы.

♦ Витя Лонгинов и Слава Добжик после окончания университета, хотя бы они в студенчестве и не стали друзьями, скорее безобязательно приятельствовали, не теряли друг друга из виду не столько в части чисто деловых соображений, даже потенциально «на потом», хотя и это со счетов списывать не стоит, в наше деловое время, но... здесь каждый из них для себя правильно определил: близкое видится на расстоянии, так и в людском многообразном и разноликом общении для анализа такого близкого явления большую помощь может оказать некоторый старый друг, даже просто знакомый, который, как известно, лучше новых двух. Ибо наиболее верный совет дается бескорыстно, а какая корысть Вите со Славой друг в друге? Не считая, конечно, мелочей житейских. Никакой, тем более, что по относительному карьерному статусу они примерно равны, как одинаковы по доходами и, так сказать, общественному реноме, семей, в которых они выросли.

Понятно, Слава был не то что гостем на свадьбе Виктора, но шафером; сам он женился два года спустя, позвав Виктора алаверды также свидетелем в ЗАГС. И на родительских квартирах друг у друга бывали, пару раз Славу зазывали в усадьбу — иначе у них и не именовалось — Лонгинова. Ответные визиты Виктор наносил по деловому, без супруги, в двухкомнатную квартиру молодоженов Добжиков — совместный дар родителей с обеих сторон к свадьбе. Правда, последние год-полтора не виделись, а при необходимости созванивались, когда требовалась помощь в этих самых «мелочах житейских». Например, звонит старший специалист Добжик замначальнику цеха, то есть отдела в управлении связи, Виктору, просит по старой дружбе переслать ему файл новой инструкции, касающейся обеспечения информационной безопасности. Понятно, что документ этот Слава может получить в служебном порядке, но это требует времени, согласований, запросов... словом, обычная административная рутина. А здесь позвонил — и то что нужно уже по «мылу» получено, и принтер весело отшлепывает страницу за страницей пространной инструкции. Через пару недель, коль скоро долг платежом красен, в трубке Добжика характерный голос, с вежливым подкашливанием (хотя здоровье в полнейшем порядке): просит Витя Лонгинов, не в службу, а в дружбу, поинтересоваться в департ... то есть в министерстве связи, телекоммуникаций и еще чего-то (тоже год от года хвостик изменяется) насчет их запроса о квотах по части рабочего оборудования. Можно, конечно, официальным путем справку получить... но время-то сколько уйдет? И необременительно для Славы Добжика, вовсе не надо одалживаться у кого-либо информацией, тем более что-то просить, значит стать обязанным, в долгу... нет, достаточно подойти к знакомцу равного должности-звания в этом связанном министерстве, благо всего этажом выше, и попросить пощелкать на клавиатуре, найти нужный документ, вроде как по своей служебной докуке, и подсмотреть требуемое Виктору. А почему, спросит дотошный читатель, Витя и Слава, без обременяющих звонков друг другу, сами нужное в интернете не найдут? А потому, что документы эти внутренние, для служебного пользования, для сети всеобщей не предназначены.

Так бывшие однокашники и решали обоюдно мелочи жизни по методу *взаимозачетов*. Но зачет зачету рознь не только у студентов: случилось, что Виктор и Вяче-

слав, каждый порознь, но в одно время попали в более сложные ситуации, не мелочовые, когда старая дружба, которая не ржавеет, взаимозачетом помогла им в очень даже, можно сказать, жизненно важных, сложных делах. Хотя бы собственно «вещественное» содержание взаимной помощи всего-то и выглядело как ненавязчивые советы. Ну-у, это для непосвященных. Дальше почти детектив.

♦ Служебный телефон в кабинете, на двоих с другим замом, застал Виктора Лонгинова только что вернувшимся с обеда в учрежденческой столовой. Все друзья, знакомые и коллеги Виктора знали его «телефонную иерархию»: если звонящий пользуется кабинетным городским телефоном, то значит он подспудно проявляет уважение к абоненту. Мобильники же Виктор полагал баловством, хотя бы в своей должности и курировал по технической части от областного управления связи действовавшие в области компании сотовой связи. «Пусть бабы всех возрастов, школьники и студенты безотрывно трандычат по этим гэджикам, работая на частный капитал», — так он объяснял в узком кругу свое пренебрежение к мобилам. Поэтому, услышав голос Славы Добжика, тотчас сообразил: какая-то нужда во мне возникла. Слава же, ссылаясь на хорошую погоду и «давно не виделись, вспомним студенческие вольные времена, как посиживали когда-то компашкой в нашей славной «Наливай-ке!» А? Давай встретимся после службы в «Оливье», знаешь — немного вверх по проспекту. И тебе от главпочтамта, и мне от администрации в одну сторону всего-то с четверток часа идти. Как ты?» Виктор, поддержав предложение однокашника, еще раз убедился, услышав в трубке невольную интонацию если не радости, то удовлетворения, что у Славы Добжика явный интерес к нему. Что ж, помочь хорошему человек — и себе добро сделать.

...В уютном кафе «Оливье» на высоком, с подъемом по лестнице в полтора десятка ступеней, первом этаже дома сталинской еще постройки, прохладном без всяких кондиционеров в самые жаркие летние дни, рассчитанном на приличных, деловых посетителей, обычно завсегдатаев, приходивших сам-двое, реже троим-четвером, Виктор и Вячеслав с приятностью провели полтора часа. Угощал пригласивший с деловой ненавязчивостью: коньячок «Старый Кахети» гарантированного грузинского розлива под фирменный оливье — настоящий, с икоркой, рыбное ассорти. Обменявшись общими впечатлениями о текущем житье-бытье, малых служебных радостях и неизбежных огорчениях, Слава Добжик не то что издалека, но с необходимой предосторожностью, с подходом перешел к цели затребованной им «у старого друга и коллеги по студенческим шалостям» встречи. Уже дома Виктор еще раз прокрутил в памяти — по давно выработавшейся привычке — случившийся разговор. «...Зная тебя, друг мой Витя, как редкостного в наше... ну-у, скажем так, стремительное в действиях время человека с обстоятельным мышлением, умеющего аналитически взвесить ситуацию и подсказать правильное решение, решил просить своего совета. Конкретнее говоря: что можешь посоветовать насчет инициативы, о желательности которой, как только что тебе рассказал, рекомендовала Аделаида Яновна? Сам я вроде и не дурак полный, но уже с месяц голову ломаю, все проблемные ситуации в нашем министерстве и пересекающимся с нами по пограничным вопросам минздраве, так называемые по советской традиции «темники узких мест»* просмотрел, и ни на чем глаза так и не смогли остановиться. Все уже до последних мелочей схвачено и отображено в губернских законах, указах, распоряжениях. Ведь не зря же почти тридцать лет сотни чиновников в обл администрации свой оклад и грядущую повышенную пенсию оправдывают при пяти последовательно правивших губернаторах. А ведь каждый из них в первые год-полтора строго работу спрашивает!

* Действительно, это официальное название подобных документов, которые на заводах и фабриках, учреждениях и исследовательских организациях ежеквартально доводились до сведения всех сотрудников, например, вывешивая на досках объявлений.— Прим. авт.

Как ты раньше любил повторять? э-э, вроде как близкое с расстояния видится, правильно?»

Чокнувшись и закусив рыбкой, политой лимонным соком, оба дипломатично взяли паузу. «Если не сейчас, то может со временем что в голову придет?» — прервал молчание Добжик. «Отчего же, Слава, для начала сузим, так сказать, тематику поиска. Раз все серьезное и насущное уже в законах и других административных актах отражено, то следует обратиться... как бы это пополиткорректнее выразиться, к популистским темам. Вот, к примеру, ты ведь в студентах курил, помнился мне? По-нятно, пришлось бросить это дело при поступлении на службу в администрацию...» — «Но ведь здесь уже все застолблено, я сверял по областным дополнениям к общегосударственному закону о курении... в смысле ограничении его». — «Не торопись, Слава, для всякой мышки есть своя лазейка. Скажи, когда дома курил, например, летом, то где ты с сигаретой медитировал?» — «Обычно на балконе летом, зимой и в непогоду в сортире. Мои-то родичи не курят». — «Вот-вот, на балконе... А есть в губернских актах разрешение или запрещение курить на балконах многоэтажных, то есть не собственных, домов? Нет? Ну и давай быка за рога. И неважно, что балкон есть часть квартиры, где владелец волен хоть в три сигареты, трубки или кальяна дымить круглые сутки. Тем более, балкон — это и улица уже, где дымить не запрещено основным законом. Еще более неважно, что почти стопроцентно все балконы застеклены, черт глазастый не рассмотрит: курят там или водку пьют! Главное, дорогой Вячеслав, поторопись, пока конкуренты не опередили».

При расставании — Добжику до дома двадцать минут ходьбы вверх по проспекту и чуток, свернув направо, а Виктору перейти проспект и на автолайне в свою усадьбу в заречной части города — Вячеслав, с сердца которого упал давящий камень, а в голове уже лихорадило перебором возможных административных ходов действия, долго и с чувством пожимал руку приятеля своими двумя: «За мною не задержится, коль выпадет возможность и тебе помочь».

♦ И не задержалось. Спустя пару недель после достопамятной беседы в «Оливье», Виктор Лонгинов официальным письмом был приглашен в администрацию своего городского района, округа по нынешней американской мове. Принял его заместитель руководителя отдела строительства (с неизменным «и еще чего-то»), пожилкой, явно еще в советском райисполкоме, в этом же здании, трудившийся. Усадив посетителя, он обратил внимание на его своеобразную фамилию*:

— А вот, помнится, в восьмидесятые года на Механическом заводе снабжением заведовал Николай Игнатович Лонгинов, из интендантских офицеров. Мы с ним по райисполкомовской линии тесно сотрудничали, многому он меня, молодого и начинающего, научил. Так он...

— Это дед мой.

Приятно удивившись, ушлый чиновник, откинув административный политес, перешел на доверительность и обычными словами огорчил посетителя, что-де строительная компания, главный застройщик их района по сооружениям общественной инфраструктуры, сейчас согласовывает с администрацией района же строительство торгового центра рядом с трамвайным кольцом, где имеется пустырь, к которому одной стороной примыкает домовладение Лонгинова, а вместе — как раз под стройку.

— Понимаю, Виктор Сергеевич, и сочувствую. Но с компанией этого генерального застройщика сложно сражаться. И хозяин ее, Артур Есаян, вес в городе и облас-

* Лонгин — римский сотник (центурион), распорядившийся распятием Христа и проткнувший его на кресте, чтобы прекратить мучения Иисуса. Вскоре он стал христианином и сам был казнен римлянами. Его имя, как святого-страстотерпца, вошло в Византии в православные святыцы; отсюда и распространенность имени Лонгин в России до XX века (автор имел знакомое с отчеством Лонгинович). Копье Лонгина, церковн. *копье*, один из главных атрибутов пасхальных служб. — Прим. авт.

ти имеет, и, между нами говоря — все равно всем известно — пайщики в компании не совсем простые люди. Словом, помня твоего деда добрыми словами, советую, пока еще несколько месяцев в запасе имеется, от полюбовного соглашения, конечно, откажитесь, продумайте все возможные варианты. Нам эта компания тоже не кума родная, многое в нахапку стали делать. Может у вас, Виктор Сергеевич, какие связи в городской или областной администрации имеются? Словом, думайте, не опускайте руки!

...Уже не в «Оливье» с ее казенной деловитостью, но у себя дома, мол, «люди мы, Слава, простые, не роскошествуем, чем бог послал из хлеба-соли отобедаем», принимал Виктор должника-взаимозачетника Славу Добжика. Под домашний кальвадос специальной тройной очистки (куда там с ним сравнивать «Старый Кахетии» нынешней скороспелой выдержки!), тягучую десертную сливянку умелая на кухне Лариса подала салаты из овощей с грядки и изумительно приготовленный рулет из кролика. А к самому приходу Вячеслава (дело в выходной день, чтобы не торопиться) хозяин усадьбы на дворовом мангале довел до зрелости шашлык по-карски из настоящей баранины — единственное, что для гостевого обеда было не свое, но на ближнем рынке прикупленное.

Соответственно домашней обстановке, обедали истово, от двух часов пополудни до начала летнего вечера. Добжик совершенно искренно признался, что теперь-то понимает купцов из романов русской классики и ранних рассказов Чехова (имел он в виду, конечно, снятые по ним фильмы...), что после «закуски» в трактире из горки блинов с икрой, тарелки осетрины или семги, целикового расстегая и ухи из налима шли на именинный ужин к хлебосолу Потапу Силычу.

За обедом Виктор получил и конкретный «зачетный» совет, а уже на следующий день захлопотал о вай-фае для домашнего интернета, в котором и копался по вечерам и все выходные последующую пару недель, попутно расспрашивая тещу Нину Тимофеевну о семейных преданиях в части дальнего ее дореволюционного предка, мастерового кузнеца-надомника Пантелеймона Исидоровича Горнового. Имя это во всей полноте сохранилось по надписи выцветшими, пожелтевшими железисто-галлусовыми чернилами на шмутц-титульном листке* наследственной семейной библии, которую, судя по карандашным отметкам, внимательно читал кузнец в воскресные дни. Одновременно, при всем неуважении к гэджикам, фотографировал на Ларисин смартфон узорчатые ворота, сам дом в различных ракурсах, особенно — кирпичный цилиндрический кузнечный под, не поленись сначала освободить его от всей рухляди, а после съемки восстановить хозяйственное *status quo*. Подготовленный материал через Славу Добжика попал прямо на стол «культурной министерши», которая недавно объявила варваром строительную компанию Артура Есяяна — при сооружении очередного супермаркета строители снесли остатки ограды какого-то мемориального особняка... Одновременно минкульт области инициировал публикации в областных и городских газетах, в том числе в архичитаемой «Толоке». Словом, в этой ситуации друзей поневоле нашли коса на камень. Как назло (для себя) очень уж самоуверившийся в себе Есяян забыл «занести» куда положено.

♦ Закончилось боевое для наших героев лето, завершилась и слякотная осень. На последнем в уходящем году заседании облдума приняла постановление о запрете курения на балконах, а компания Артура Есяяна перенесла строительство торгово-развлекательного центра на другой пустырь района за рекой. Вот и оптимистичный 2020-й год! К концу февраля Вячеслав Добжик праздновал первый чин госслужащего (с грядущей повышенной пенсией), а домовладелец Виктор Лонгинов, понимая, что

* То есть чистый лист между обложкой книги и титульным листом, на котором обычно надписывалась фамилия владельца или ставился штамп экслибриса.— Прим. авт.

впереди еще много Есаянов случится, получил в областном минкульте право на охранную грамоту и уже любовно прорисовывал — в детстве полтора года мать водила его в художественную школу — эскиз таблички, которая скоро украсит фасадную уличную стену его дома: «Охраняется государством. Памятник надомной мастеровой культуры XIX — начала XX вв. Кузнечная усадьба мастера П. И. Горнового».

В виртуальном мире навроде того, в котором мы сейчас имеем счастье жить и творить, все делается наоборот от противоположного. Как в математических доказательствах. Особенно ярко это видно в провинции. Ведь теперь в каждой губернии куча департаментов, а то и просто местные министерства, и все они уже полтора десятка лет занимаются местным же законотворчеством. А люди-то разные в творцы губернских законоположений попадают, разными путями. Потом надо учесть, что при каждой смене губернатора обновляется и состав законотворцев, хотя они вроде как по линии думы идут, но... противостояние законодательной и исполнительной властей — это уже далекие 90-е годы. Народ и партия вновь едины! И так получается: чем больше губернаторов сменяется, тем меньше простора для законотворчества. Куда не кинешь взор — уже предшественник целых десять законов на одну тему насочинял!

И вот сидит, дымится-парится молодой чиновник-законник: надо до конца месяца выдать на-гора хоть один закон, а то переведут на нижеоплачиваемую должность. И придумал-таки, сам часто гуляя в выходные по парку. И ввели должность паркового кормителя парковых же птичек, а в отчетных ведомостях для финорганов получили эти птички статус муниципальных уничтожителей насекомых.

В прежние времена за такой закон самого бы его сочинителя и отправили кормить птичек. Но его повысили в должности.

СЕМЕНА НА ВЕТРУ

*Скучно, тяжело и вокруг столь подло и столь глупо,
что не знаешь, где и дух перевести... Все истинно честное
и благородное сникло,— оно вредно и отстраняется,—
люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная
родина! С кем она встретит испытания, если они сужде-
ны ей?*

Н. С. Лесков. Из писем к С. Н. Шубинскому
от 17 и 20 августа 1883 г.

◆ Николай Андреевич, бывший конструктор ракетно-пушечного научно-производственного объединения «Меткость», на пенсионном переломе лет перешедший доцентом кафедры ракетостроения на военно-технический факультет, «пентагон» по общегородскому прозвищу, Тулуповского университета, свой двухмесячный «преподский» отпуск проводил дома, как любил говорить товарищ Ким Ир Сен, «не завидуя никому на свете». Куда-то ехать, жить среди чужих людей в том же санатории... да пропади оно все (не люди, конечно — наш доцент гуманист). Как замечательно прогуляться свежим утром в центральном городском парке с тремя прудами, заполненными одомашнившейся дикой ранее птицей, что ровно в пяти минутах ходьбы от дома. Перед обедом принять наркомовские — ведь почти сорок лет на оборонку трудился! — сто граммов коньячку, дескать, ея же и монаси приемлют, часок-другой вздремнуть, а затем усесться на табуреточке на открытом, принципиально не застекляемом, приятно обдуваемом предвечерним ветерком балконе. Здесь же на супротивной табуретке «пара чая», то есть литровый заварной чайник, укутанный махровым полотенчиком, стакан тонкого стекла в мельхиоровом подстаканнике в узорах сканью, блюдечко с тонко порезанным лимоном. А в руках, как у истинного, с советских читательских времен, библиофила, что-нибудь из нового пополнения личной библиотеки. Что же лучшего себе желать? Кр-р-расота! — как по такому же поводу по-армейски громыкает с соседнего, тоже — и принципиально — незастекленного балкона отставной полковник Михаил Евстратыч Груденюк.

...Тем более, отпуск только начался: *все впереди*, как назвал свой роман очень уважаемый Николаем Андреевичем Василий Белов. Как и все шестидесятники-деревенщики, с подтекстом назвал, чем вызвал неудовольствие уже готовящихся на исходе советской власти к реваншу столичных либералов. С давним, еще со времени «Меткости» тех же советских времен, приятелем, ныне заслуженным профессором биофизики Игорем Васильевичем Скородумовым, тож ныне трудящимся в Тулуповском университете, и опять же страстным книголюбом, у Николая Андреевича образовалась привычка: к различным негромким датам и событиям одаривать друг друга каким-либо книжным раритетом, что называется, не по цене, а по занимательности, словом — кунштюкам. И вот пару дней назад забежал на биофак к профессору*, выпил с ним по паре стопок под традиционный тост «за окончание годовой трудовой каторги» и презентовал недавно купленный в единственном в городе букинистическом магазине переплетенный номер «Журнала министерства народного просвещения», часть ССХХIII, СПб за 1882-й год. «Ты профессор — вот и читай своих коллег позапрошлого века!» — сыронизировал даритель. И обратил внимание на первую фразу открывающего номер раздела правительственных распоряжений, гласящую, что император Александр III соизволил, согласно прошению руководства Импера-

* О том как инженер-радиолокаторщик Скородумов трансформировался в профессора биофизики читай в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

торского Московского университета, разрешить (своему родственнику, значит) великому князю Павлу Александровичу принять звание почетного члена такого университета. «Ничто не ново под луной в нашем отечестве,— усмехнулся Игорь Васильевич,— прямо как сейчас в нашем универе: поставят в область нового губернатора, так ректор его тотчас в почетные профессора. А как снимут того с посадкой в училище, так тихонечко и снимут фото с «почетной галереи!»»

«А мы алаверды, как говорится, тем же, но другим концом!» — и Игорь Васильевич протянул другу книжку тоже в потертом временем переплете. Раскрыв титул, Николай Андреевич приятно изумился: вот кунштюк так кунштюк! Это были «Педагогические лекции о преподавании в школах для солдат», изданные в Казани аж в 1869-м году. В подзаголовке значилось, что оные лекции читались в Казанском пехотном юнкерском училище. Мало того — что особенно ценится библиофилами, на титуле книжки сразу два библиотечных штампа значились: зачеркнутый Иркутской учительской семинарии, то есть царской еще, и новый советский «Библиотека Читпединститута». «Не иначе как колчаковский минпросвещения, отступая, библиотеку из Иркутска в Читу перевез? — предположил Николай Андреевич, но тут же спохватился,— постой, постой, а не мо... в смысле теперь на твоей книге чей штамп?» — «Той же библиотеки Читпединститута,— рассмеялся Игорь Васильевич,— так что мы, друг мой ситный, порознь в бумаге отоварились книгами, сданным одним и тем же человеком... явно освобождавшим свою квартиру под евроремонт от книжных полок и шкафов своего деда, заслуженного учителя, а может и полного профессора!»

...Сегодня на балконе, за чайком, дошли у Николая Андреевича руки и глаза до старинчатой книжки, в которой очень толково объяснялось юнкерам, будущим пехотным прапорщикам — и далее по карьере! — как им обучать в своих взводах и ротах солдатшек бравых ребяташек грамоте и самым общим сведениям по истории и географии Российской империи, тогда, уже без только что проданной америкосам в 1867-м году Аляски, даже поболее 1/6 части земной суши... С учетом успешно завоевываемой Средней Азии. С особым интересом прочитал Николай Андреевич, что «Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозой света...» Эк ведь правильно кадетов географии обучали тогда! Оно вроде как и сейчас к месту, если иметь привычку телевизор смотреть, но — это уже политика, а такая в нынешнюю эпоху глобализации, как обычно садится на своего конька профессор Скородумов, сугубо гибридная и столь зашифрована, что и человеку о семи пядях во лбу даже не стоит задумываться. Принимай все в мире происходящее как должное и кем-то данное. Возможно, что и тайным мировым правительством. Словом, трудись, ешь — лучше закусывай подо что надо, ночью спи спокойно, а за человечество и каждого отдельного индивидуума и без тебя кто надо думает. Может быть уже и сверхмощная компьютерная система, распределенная по 1/1 земной суши... Так убедительно говорит Игорь Васильевич на посиделках сам-двое в его уютном кабинетике на биофаке — особенно после второй стопки, разгонной, как ее называли старинные русские ямщики.

В пару часов внимательно просмотрев, а пару лекций и вовсе прочитав, Николай Андреевич, сам себе пообещав еще вернуться к наставлению для кадетов второй трети позапрошлого века, в очередной раз наполнив стакан чаем с опущенной долькой лимона, прошелся к книжным полкам, поставил в отведенное место «Педагогические лекции» и забрал с собою на балкон предпоследний том единственно изданного в советское время, а значит и посейчас, во второй половине пятидесятых годов одиннадцатитомного собрания сочинений (без антинигилистического романа «На ножах») его любимого писателя Лескова. Надо сказать, что в последний предшкольный год, когда семья проживала на крохотном маячном островке на выходе из Кольского залива в арктическое Баренцево море, мальчуган Николка учился читать по книгам Николая Семеновича, три книги рассказов и повестей которого имелись в

отцовской библиотечке... Собрание сочинений в темно-красном переплете с красным же обрезом верха блоков книг Николай Андреевич приобрел в той же тулуповской буккнижке в первые годы инженерства. И с тех пор раз в пяток лет полностью его перечитывал. В этот раз добрался до последнего тома — с письмами писателя, не менее интересными, чем те же «Соборяне», «Сказ о Левше» и «Запечатленный ангел». По крайней мере для умудренного жизненным опытом Николая Андреевича.

...Прихлебывая чай, он читал письма Лескова своему постоянному корреспонденту и неизменному приятелю Шубинскому. Жалобы Николая Семеновича на гнетущую скуку и глупость современной ему жизни, отвержение обществом благородной честности, преуспеяния в чинах и званиях людей посредственных и хитромудрых — понятно дело, смело можно переносить через все прошедшие года на нынешнее глобалистское безвременье. Здесь ничего с историей не поделаешь, не попишешь. Но вот строка из письма «Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?» заставила Николая Андреевича отложить книгу на колени и тревожно задуматься.

И было отчего. Сыновья-то выросли и в наше нелегкое время, что называется, уверенно встали на ноги. Тем более детским краешком советское время застали, воспитывались в советской же семье, не открестившейся от коллективистской морали с отрицанием частнособственничества. И сами посейчас иными не стали и уже не изменяют традиции воспитанной. Тем более профессии основательные, социально-государственные, не болтологические. Но вот внуки подрастают, вплотную к школе приблизились. И какие испытания грядут глобализованному человечеству? Как они подготовятся к ним? И возьмут ли они что-либо существенное от своих «полусоветских» родителей, тем более от полного «совка» деда? Когда-то лорд и писатель Честерфилд, передавая опыт своей жизни потомкам, создал великолепные свои «Письма к сыну». Но вот уже рожденные в эпоху глобализации, в самый паскудный и античеловеческий ее начальный этап, разве испытают необходимость и возможность руковождать такими «письмами»? Николай Андреевич махнул рукой.

♦ Глобализм, как авторитетно пояснял Игорь Васильевич, отводит человеку роль составляющей человеиника, это как муравью в муравейнике. Индивидуумы им не востребованы, то есть «и один в поле воин» — девиз прошедших времен. Здесь профессор Скородумов уселся на одного из своих коньков: подобно покойному эстраднему сатирику Мише Задорнову, он уважал любительски трактовать этимологию русского языка. Так он полагал, что пословицу эту со временем изменили по смыслу, а при переходе Руси от язычества к православию, когда коренное население тесно перемеживалось с рюриковыми викингами, пословица эта звучала как «и один в поле воин», то есть главный у норманнов бог войны Один при необходимости покидал свою запредельную для смертных Валгаллу и на поле битвы в качестве воина помогал подопечным ему викингам одерживать победы... Так Николай Андреевич и не сумел в ту беседу перевести увлекающуюся мысль своего друга на довлеющую в последние год-два, когда внуки начали активно оразумляться, в его голове тему о будущем новейших поколений. Но ведь и самому полезно подумать на досуге, проанализировать? Вот лето и обзор с балкона четвертого этажа собственного двора многое могут подсказать.

А квартал их хотя не в историческом центре города, но изустно именуется центром. Скорее всего в смысле культурном. С одной стороны — главный проспект города, пересекающий его от кремля до южной окраины. С другой — великолепный, огромной площади центральный городской парк. По линии север-юг квартал торцами четырех домов упирается в сквер с внушительным памятником классику русской литературы — с балкона Николаю Андреевичу виден, — а с другого окончания граничит с внушительным, в сорок с лишним корпусов, общежитий, служб, «городом в городе» — университетским хозяйством. Да еще наискосок через проспект МТС,

как говорят в городе — милиция, в смысле сталинской постройки здание областного УВД, тюрьма и центральный стадион. В культурном этом центре нет наглой рекламы, торговые точки в необходимо-достаточном минимуме, их помещения все унаследованы от советских времен. Как и две школы. Причин для праздного столпотворения не имеется.

И люди приличные в квартале проживают. В доме Николая Андреяновича двое со званием заслуженных: профессор по науке и театральная артистка. В доме напротив, с общим двором, родилась и выросла (мать ее только недавно к дочери убыла) вроде как белорусская министерша. Там же проживают родители известного московского шоу-телеведущего. Когда он навещает отца с матерью, дворовые младшие школьницы за ним бегут с криками: такой-то (называют фамилию) приехал! В следующем доме вырос известный советский космонавт. Профессора, доценты и преподаватели университета и других вузов города в достаточном числе в квартале живут. Николай Андреянович тож. Квартал застроен аккуратными кирпичными пятиэтажками, даже с торцевыми эркерами на сторону севера, поэтому большой торговой, чиновной, из братков девяностых годов перевоспитанной знати здесь нет. Так называемый средний класс пропорционально перемешан рабочими, служащими, разной интеллигенцией. Даже в те же самые «лихие девяностые» если порой и постреливали по вечерам и ночам, то только в бывшем, единственном в районе ресторане, где братва сводила свои профессиональные счета... Ну-у, каждая профессия имеет свои тонкости.

Еще их двор, общий с домом насупротив, с десятком тенистых деревьев, особенно конских каштанов, выросших повыше крыш, желанием и хлопотами жильцов по периметру тротуаров недавно огражден от постоя частных автомобилей. Изгородь металлическая, надежная. Правда, веселую зеленую травку во дворе регулярно, до самой земли скашивают китайскими бензиновыми косами гастарбайтеры от ЖКХ, функционеры которого на возмущение жильцов отвечают, что-де «сверху велено». Узбекским же арбайтерам эта монотонная работа по душе. И оплата по выходу, по площади остриженной земли. Но самое радующее глаз во дворе — изобилие, на заботливом прикорме у добротных пожилых жиличек, общественных кошек и котов, регулярно появляющихся на свет котят. Четвероногие не божжи, проживают в подвалах обоих домов, для чего в вентиляционных подвальных окошках заботливо предусмотрены лазы. Иначе, без котов, но особенно кошек, мыши жильцов одолеют, ибо пятиэтажки времен великого хрущевского квартирного строительства имеют систему вертикальных вентиляционных (естественных, разумеется) ходов, а мышки — известные в животном мире альпинисты-верхолазы.

Что еще? — Ах, да-а, дети, конечно, как одушевленный предмет размышлений Николая Андреяновича: в возрасте от колясочного младенчества до самостоятельного утверждения в жизни. И двор — место их взросления и самоопределения.

♦ Только Николай Андреянович, сидючи на балконе и попивая чаек, вспомнил в цепи своих размышлений о лучших друзьях человека (собака может и укусить), тут и они, переждав пик раннеиюльской дневной жары в прохладных подвалах, объявились на травке под деревьями двора. Чепрачной окраски Тайсон, которого жильцы первого подъезда, самостийщики не хуже хохлов, называют Котофеем, направился вдоль двора к торцу их домов с винным магазином «Красное & белое». Садится на боевое дежурство: то один благодетель вынесет пакетик вискаса, то другой; мир не без добрых людей даже в наше частнособственническое время. Его классовый враг, пятнистый бело-черный Барсик, уселся в травке посредине двора и зачем-то внимательно наблюдает за сорокой, обучающей еще воспитываемых в гнезде на самом высококом дереве двора сорочат стрекотать при опасности. Вернется с магазинной кормежки Тайсон-Котофей, и Барсик, забыв о занимательной сороке, затеет с ним драку. Из окошка подвала супротивного дома, как раз напротив подъезда Николая Андрея-

новича, выскочила кошка Маруся, за ней, джигитуя и вертя хвостиками, уже подросшие четверо котят майского приплода. Мыкается ошарашенный новым для него миром тоже подросший котенок, явно домашний, только сегодня утром подброшенный злодейской рукой на их двор. Подкидыш, с густой черно-лаковой лоснящейся шерстью, имеет все шансы быть водворенным на счастливое и долголетнее (как узнал Николай Андреянович от биологического профессора Скородумова, естественный срок жизни у кошек аж двадцать четыре года!) проживание. К шести вечера, по расписанию, выходят из домов кормилицы. Они идут к торцу супротивного дома, где в берлоге под трубами отопления наружной прокладки кошачья база, она же и столовая. Добродетельниц возглавляет Люся. Она окончила в Ленинграде высшую партийную школу немного поздновато, успела к завершению родной советской власти дорости лишь до инструктора обкома партии с правами замзавсектора культуры. Из двоих других штатных кормилиц одна — бывшая начальница заводского планового отдела, другая тоже в высоких чинах была. Каких? — Николай Андреянович все забывает поинтересоваться у супруги, хорошо знающей дворовый быт.

К этому же табельному часу из их и соседнего — по линии тротуарно-проездной дороги — дворов выводят владельцы на вечерний променад собак, мелкую квартирную сволочь. Некоторые на веере поводков ведут две-три особи. Между давно примелькавшимися друг другу домашними собаками и общественными котами и кошками осторожный нейтралитет. Как между нашей страной и Японией в войну. Матерые же коты, навроде Тайсона-Котофея и Барсика, вовсе собачонок не замечают, презрительно глядя на них, пробегающих мимо. Понятно, что по общему мнению выгуливать собак на *своем* дворе, тем более на соседнем! есть верх неприличия, поэтому со всей окрестности их ведут в сквер с памятником корифею русской литературной мысли, где по муниципальному закону выгул собак строжайше запрещен. Но ведь тому же немцу или англичанину и вовсе не сообразить, что в России граждане (о, этот загадочный русский характер!) и неособокарательные законы существуют в параллельных мирах. Не соприкасающихся даже в пространстве Лобачевского — Минковского.

Наблюдая с балконной высоты жизненный кругооборот двора в ранний вечерний час оживления, Николай Андреянович добро заулыбался: *всюду жизнь!* Или как тонко, с подтекстом иронизирует умеренно, по советской еще традиции, диссидентствующий русский патриот профессор Скородумов: *«Всюду жизнь»** — акцентируя на закавычивании.

Жизнь, жизнь... Ее дарят семена на ветру, разлетаясь, опадая на землю и давая всходы. Затем все повторяется уже три миллиарда лет земной жизни. Тож и люди-человеки. И как непохож на невинное семя на ветру выросший из него могучий ли дуб, человек со своеобразием своего характера? Николай Андреянович про себя прочитал шуточный по форме, но очень даже глубокий по мысли стихок, некогда, в юные годы, когда память еще не заполнена равно умью и дурью и потому очень цепка, где-то вычитанный:

*Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как рѣзвятся вокруг него ребята,
И думает: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»***

◆ Но вот с «милыми зверятами» на дворе пусто. С колен задумавшегося Николая Андреяновича, заставив его вздрогнуть, как вздрагивает чем-то внезапно раз-

* Имеется в виду картина Ярошенко, иллюстрация с которой непременно находилась в советских школьных учебниках истории.— Прим. авт.

** Это шуточный четверостишие принадлежит петербургскому литератору последней трети XIX века (и вроде бы издателю?) Шумахеру и обращено к известному памятнику И. А. Крылова со зверями-персонажами его басен на пьедестале.— Прим. авт.

буженный человек, упал на балконный коврик-дорожку под ногами том Лескова, раскрытый на письмах к Шубинскому. Тотчас вспомнилась до того прочитанная фраза о подлости времени и бедной родине с оттесненными на самый задний план людьми честными и благородными. И все это прочитанное перечеркнула молнией мысль о том, что времена Лескова и нынешние уже не связаны той непрерывной цепью, которая тянется из прошлого. А она порвалась — не на далеком расстоянии почти в полтора века, но на близкой памяти ныне живущих. И с этим разрывом ушли со двора и «милые зверята». Нет их в часы утренние и дневные, даже в летние вечерние, когда в наступившую к склону солнца над горизонтом прохладу народ выходит из квартир или приходит с работы и в этой, колеблемой налетающим ветерком прохладе не торопится покинуть двор и разойтись по своим домам. Даже пожилые женщины в такой вечер подзабывают о телеэкранах с тупейшими отечественными сериалами, по сравнению с которыми зарубежные мыльные оперы и спагетти-вестерны, господствовавшие у нас в девяностые годы, сейчас воспринимаются едва ли не высокой классикой. И солидные мужики, закупившиеся пивком в дворовом «Красном & белом», тоже призадержались у подъездных ступенек, покуривают, отодвигая на полчаса просмотр в «ящике» последних известий и «новостей-старостей», уже не обращая внимания на нелепости слов дикторов навроде «советская экономика держалась только продажей энергоносителей» и прочее. Где же дошкольники и школяры, студенты, рабочая молодежь? И хорошо ли им живется-может быть при разорванной цепи времен?

Вот поколению Николая Андреевича неуютно чувствуется. Словно на середине сознательной жизни попали в иной мир, некое Алисино Зазеркалье. А если говорить в главном и основном, то был мир бесклассового коллективизма, к тому же социально ориентированный. Стал же обиталищем и господством искусственно и насильно возвращенного атавизма частнособственничества. Не путать с собственностью личной, без эксплуатации человека человеком, без капитала, приносящего прибавочную стоимость. Молодым же поколениям все это представляется пофигизмом, отжившим свое время. Здесь они архиправы; как в телерекламе: пейте «лонгидазу» — не будет капать... в смысле не будет давить молодым на мозги назойливым напоминанием о некогда бывших временах, когда вода была мокрее, деревья были выше и сахар слаще... Впрочем, оговорился Николай Андреевич, насчет сахара-то как раз все наоборот. Вспомнил он, что в девяностые годы во всех магазинах и ларьках-сникерсных продавали какую-то южноафриканскую дрянь, что слаще сахара в тридцать раз. На предприятиях общепита, в смысле в столовых, пакетика хватало на ослащивание ведра чая. Потом очухавшийся к началу нового века и тысячелетия министр запретил к употреблению. По давности времени название этого снадобья Николай Андреевич запомнил. Но вот сейчас оно, как лыко в строку, хорошо ассоциировалось с молодым поколением: вроде парни и девицы как прежние, исключая одежку, макияж и птичий язык, но в то же время и другие, все в них пересахарено, причем в хороших качествах — лицемерно и приторно, но уже на бессознательном уровне автоматизма, а в дурных — столь же бессознательно, но вылощено политкорректностью, толерантностью и прочими американизмами. Как голливудская приклеенная к губам американская белозубая улыбка: извини, мол, Джон, должен тебя пристрелить — ничего личного, дружище, только бизнес!

Дойдя в мыслях своих горестных до американской улыбки, Николай Андреевич внезапно для себя громко расхохотался. Так что две пенсионерки с соседского двора, с мелкими собачками на поводках, возвращавшиеся с выгула в литературном сквере и остановившиеся перекинуться парой слов (у женщин это с полчаса занимает) напротив балкона почтенного доцента, с легким испугом посмотрели снизу на него. Николай же Андреевич вспомнил некогда коллегу по работе в «Меткости», молодого, что в девяностые годы подался в частники «купи-продай», желательно

родину — оптом и в розницу. Словом, его торгово-спекулятивное ООО что-то америкосам из неликвидов металлических с оборонных заводов Тулуловска, вроде как нержавеющей, по дешевке сплавляло. Понадобилось ему слетать в Штаты что-то там утрясти и подписать... Далее, при случайной встрече на улице с бывшим старшим коллегой, так живописно рассказывал.

«...Прилетел я в Нью-Йорк. Контора наших американских контрагентов там же. У меня на руках их адрес. Такси брать — деньги на ветер. Я же не владелец фирмочки нашей, где-то на третьих-четвертых ролях, командировочные в обрез дали, одним днем в Нью-Йорке обернуться — и в обрат лететь. Разговаривать по-английски, тем более на «пиджин-инглише», американском упрощенном диалекте (доллар, бизнес, ноу проблем, надрать зад и еще пара десятков слов), я могу. Поэтому расспросил в аэропорту как по адресу на общественном транспорте добраться. Оказывается, всего на двух автобусах, с пересадкой, за неполный час можно. Доехал, в час-другой все порешал, вышел, размышляю: билет на обратный рейс что ближе к ночи. Надо бы с пользой полдня провести, что-то посмотреть, пожрать в недорогом ресторанчике. А как ехал сюда, видел в окно автобуса небоскребы, ну, думаю, снова на нем же, выйду, осмотрюсь. Опять же к аэропорту близко, не опоздаю в случае чего. Сел в обратный «бус», как там называется, а как небоскребы завиделись, к выходу двинулся. Передо мной толстенная, центнера за два (у нас таких баб нет) негритянка. От массы такой с трудом по ступенькам спускается. Я обок ее на тротуар спрыгнул, протянул руку помочь, дескать, плиз миссис, серве ву, и нечаянно ее толстущей, в бревно, ручки коснулся. А она как заорет уробно, мол, эмергенси секс! Словом, сексуальное насилие, на помощь! Полисмен! И гляжу — все на меня злобно уставились, народ на остановке сгруппировался, а поверх голов вижу — точно полицией американский заинтересовался. Мордой на наш автобус уставился, носом вертит — след берет.

Вспомнил я рассказы бывавших а Америке про осторожность с бабами, что по дури своей, а чаще на бабки разводят, запросто мужика за решетку могут упрятать, особенно иностранца. И принял единственно правильное решение: рванул мимо толпы на остановке, забежал за угол, далее по прямой метров триста, за другой свернул, вскочил в какой-то автобус, с полчаса проехал, сошел у метро, на метро еще с пяток остановок, вышел — напротив кинотеатр, туда сунулся. У них фильмы по кольцу идут: один сеанс закончился, следующий сразу начинается. Так до вечера какую-то мутоту несколько раз смотрел, с дрожью еле справился: а вдруг уже всей городской полиции мои приметы растиражированы? Вышел уже в темноте, остановил такси, потом еще в аэропорту с час, забившись в уголок и отвернувшись к стене, мандражировал. При посадке в дьюти-фри взял полулитровку виски. Только сев в аэрофлотовский самолет, отошел душой и телом. Тогда еще на самолетах, особенно наших, гестаповских порядков не было, попросил стюардессу пожрать принести (извини, уважаемая, сутки не ел, по делам обегал весь Нью-Йорк), под закуску эту весь пузырь засадил, только в Домодедово проснулся. Больше в эту хренову границу ни шагу! Тем более, ООО наше кинули. Сейчас по мелочи кручусь, Андреяныч».

◆ Но как же молодежь? — чувствует ли она произошедший незадолго до их появления на свет коренной перелом? Это как бы на смену непревзойденному белькантисту Муслиму Магомаеву явился шоуменистый... впрочем, любого бери — все под одну гребенку с технически синтезированными «голосами»; на эстраде разодеты пелухами, бабы ниже пояса в одних трусах. Как раз мимо балкона, огибая огороженный двор, проехала машина Семенова из дома напротив, из опущенных по летнему времени окон которой неслись эти самые эстрадно-электронные вопли.

Но как нынешние, что от школьных лет до тридцати, парни и девыцы могут чувствовать то, чего они уже не застали? И то, что Николаю Андреяновичу тошнотворно в нынешнем человеичнике-муравейнике, облепившем экраны интернетовских «компов», так им, молодым, как будто так все и было от времен пирамиды Хеопса! Про-

фессор Скородумов, на то он и сверхзаслуженный и почетный (но только не в глазах университетского чиновничества), объясняет с прямоотой и логикой римлянина: «Человек давно уже не подчиняется законам биологической эволюции, поэтому приобрел качество сверхадаптивности и к доброму и, особенно, к негативному. Это как полудиссидент Губерман давно еще в своих «губариках» иронизировал: «Умом Россию не понять»... дальше малоцензурно. На что биоэволюции требовались миллиарды лет для переиначивания приспособляемости, то человеку достаточно жизни одного поколения, то есть четверти века. То есть не надо, Андреяныч, распускать сопли жалости, дескать, несчастные молодые дети-внуки, как вам тяжело живется придатками к интернету и прочие мерехлюндии. Живется им сейчас не хуже, чем нам с тобой в оны годы. В смысле они, так же как и мы с тобой в их годы, совершенно не ощущают какого-то мрачного давления, угнетения мыслей и пр. Особенно в части мысли, мышления — оно у них полностью отсутствует в обычном смысле, они «мыслят» компьютерно. Еще это кликовым мышлением называют. А ведь человеку без собственных усилий мышления и живется-то намного легче, а? По пословице: дуракам закон не писан. Про девиц нынешних и вовсе что сказать? Впрочем, их выручает все же сохранившееся женское биологическое естество. Если та же русская пословица, палочка-выручалочка во всяких объяснениях истин, говорит, что столько мужик возами не навозит, сколько баба горшками натаскает, то это в части расчеловечивания современного глобалистского мироустройства означает: мужчина сдает свои человеческие позиции в пользу кликового мышления и утраты исторического своего естества, так сказать, оптом — сразу, с потерей памяти о прошлом. Но женщина через рождение и начальное, младенческое воспитание детей такой переход растягивает, что-то до поры, до времени сохраняя в себе от человека биологического».

...Эк хватанул Игорь Васильевич! Впрочем, все правильно, как бы это жестоко не звучало, сказал.

На дворе кинематографически кадр сменялся кадром. Шли люди свои и мимоходящие, собачонки на поводках вежливо погавкивают друг на друга. Коты валяжничают, кошки опекают подрастающих котят. Все, люди, собаки, кошки с котами — друг друга знают. Миром и покоем веет от вечернего — еще до захода солнца — двора. Заулыбался Николай Андреянович, почувствовался, сходил на кухню, достал из холодильника бутылочку запотевшей, выкушал с наслаждением стопку, вернулся на балкон.

Но где же «милые зверята», взрослые от семян на ветру быстропеременной жизни современного человека? Лето в разгаре все же, неужели можно сутки напролет в душных квартирах растворяться в интернете? А если не в квартирах они заточены, то где сейчас обитают? — Одни вопросы самому себе задает Николай Андреянович. Предположить, что вся молодежь их двора и всего квартала, почти интеллигентного, но небогатого (ух-х! как ненавидит он эти слова про богатство...), все летние вечера проводит в клубах, лётает на курорты бывших «не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна»*, — маловероятно. Полеты дóроги, клубы, показываемые в сериалах, в Тулуповске, насколько понимал Николай Андреянович, отсутствуют. Бывший городской центр молодежного общения, напротив их дома, но с другой стороны, располагавшийся в бывшем же Доме культуры профсоюзов, уже пару лет как снесен под коммерческое актуальное строительство аквапарка. Да где же они, черти оцифрованные!

Вот и отставной полковник Груденюк вышел на балкон, кивнул Николаю Анд-

* Существует мнение (изустно слышал по центральному радио в девяностых годах, в печати читал), что эти знакомые всем слова песни в дореволюционные времена, то есть в оригинале текста, звучали «не нужен нам берег *тунисский*, вся Африка нам не нужна»... Что ж, вполне отвечает экспансии России на рубеже XIX и XX вв. в северо-восточной Африке: в арабском Тунисе и православной Эфиопии состояли на службе русские военные советники.— Прим. авт.

реяновичу, привыкшими к оценке диспозиций глазами осмотрел двор и тоже отметил беспорядок: «А чего это пацантвы не видно? И бабы молодые только на сносях или уже с колясками прогуливаются... Да-а, беспорядок». Впрочем, грубый армеец Михал Евстратыч долго на балконе не задержался: и у него запотевшая бутылочка в холодильнике дозревает.

...В конце концов всюду *жизнь* пока продолжается — в форме биологической, еще не перешедшей в мир бездушных автоматов. Для молодых нынешних прошлого нет — хотя сомнительно и будущее. Новый мир для них свычен, худо-бедно чему-то учатся, где-то работают, даже если с видимым отвращением, и вовсе не с худшей стороны показывают себя в нескончаемых гибридных войнах глобализма. А там — не судите да не судимы будем.

Николай Андреянович по причине наступивших сумерек захлопнул том писем Лескова, тоже по жизни своей человека неуспокоенного, все требовавшего от своего семейного и литературного окружения нравственного самоусовершенствования.

«Держись, сынок, за заводскую трубу, с ней не пропадешь!» — некогда наставляли молодых петеушников седоусые пролетарские деды, сами выигравшие свою скромную жизненную шахматную партию. Бог любит трудящихся людей, но трудящихся не маммоны ради, развращающего богатства, а для обретения душевного покоя и гармонии с миром. Это основная заповедь христианства, которое уже умерло в XX веке, но которая была подхвачена великой социальной идеей нашей страны. Но и эта идея была разрушена, что вовсе не является основанием для вселенского пессимизма: ход истории не остановишь; это лишь временная реставрация давно отжившего.

Урмат Саламатов
(г. Бишкек, Киргизия)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СОЛНЦА

Окончил Академию управления при Президенте Киргизии. Публиковался в журналах «Южная Звезда», «Нева» и «Литкультпривет!». Автор книги «Плата за рай» (Бишкек, 2019).

Где-то видела «технику счастливой жизни»: пишешь все синяки внутри себя на бумаге, а потом сжигаешь листочек. Говорят, помогает — прошлое отпускает. Ну что ж, пробую!..

1

Родители ругались. Постоянно. Как звери за территорию. Слово за слово и уже кричали с пеной у рта. Истерили. Шипели, как кипятильники без воды. Обязательно ломали что-нибудь — посуду или мебель. Махали руками, закрывали ладонями лица, вздымали головы, закатывали глаза. Как в театре. И я — актриса второго плана, которую не замечали главные герои драмы, самоотверженно отыгрывала свою роль — металась между ними, пытаюсь успокоить и примирить. А заканчивали всегда тем, что Папа багровел до потери здоровья и вне себя обвинял Маму в бесплодии. Когда она, не в силах ничего ответить, прятала лицо и уходила в другую комнату, он минут десять ходил кругами от одной стены до противоположной, недовольно качал головой и еле слышно шептал что-то. Брови его, будто спаянные воедино, не могли разойтись. В таком состоянии он ложился спать. До утра тяжело, отрывисто дышал и стонал во сне.

Уложив Папу и убедившись, что ему ничего смертельного не угрожает, я прокрадывалась в объятия Мамы. Прижималась к груди, гладила по спине и пыталась успокоить. После ссор она по обыкновению не спала ночами. Смотрела отсутствующим взглядом через пол, будто дьявола в глаза проклинала. А на меня и не взглянет. Слова не выронит. Лишь изредка произносила: «Спи, родная. Я еще чуть-чуть посижу...». Иногда я засыпала, но чаще не могла оставить ее одну и всхлипывала вместе с ней, чувствуя себя виноватой...

В день моего рождения Мама потеряла много крови и чудом выкарабкалась. Врачи долго боролись, но сохранить божественную искру не смогли. С тех пор она утратила возможность носить под сердцем детей. Это очень огорчало Папу. Он стал выпивать. И драться...

Папа в юности был чемпионом города по карате. Не думаю, что он растерял навыки, просто ему нравилось, когда его бьют. Что-то он от этого получал, как будто батареи внутри себя подзаряжал. Бывало кричат на улице: «Бей его!», «Сильнее!»,

«Во! Ух, хорошо». Мы с Мамой выбегали на балкон поглядеть, что случилось, а там Папа против троих дерется. Ну, как дерется?.. «Бей его!» — те трое кричат, а «Сильнее!» и «Во! Ух, хорошо» — Папа. Наутро весь в синяках, ссадинах сидел в кресле, читал газету, а у самого улыбка не сходит с лица, как будто выиграл в лотерею.

Мы даже научились предугадывать, когда состоятся Папины бои. Сначала он грустил. Понутив голову, мог часами смотреть в газету, не переворачивая страниц. Часто не отвечал на мои вопросы, не откликался на зов Мамы, пока она не ткнет его в плечо. И даже тогда он будто в тумане долго искал глазами, переспрашивал и только потом отвечал. Затем он ссорился с Мамой. Уходил из дома, чтобы найти противника и избить своим лицом его кулаки. Так повторялось по кругу и непременно в этой последовательности. Одно вытекало из другого. Только сейчас, спустя тридцать лет, мне стало понятно, почему Папа давал себя бить. Точнее, хочется верить — он винил себя за то, что ведет себя так с любящей женой на глазах любимой дочери. Мне думается, он не мог рассказать о своем чувстве вины, извиниться перед нами, чтобы не казаться слабым. Ах, эти дурацкие стереотипы о том, что мужчина не должен извиняться. Не извиняться — значит быть сильным. Брутальным. Это бабушка его таким воспитала. Но даже ей не удалось изменить натуру и переписать душу Папы.

Его мучили последствия своих действий — агрессии. Он понимал, что каждая ссора рушит семью, но ничего не мог с собою поделать, когда злился. А из-за того, что доктора поставили крест на его мечтах о сыне, он большую часть времени злился. Неосознанно. Не специально. Он совершал поступок, а потом убивался, укоряя себя за то, что не смог с собою совладать, и проклинал себя за низость — за то, что опустился до уровня животного, оскорбляя и обвиняя любимых в том, в чем они не виноваты. Он не мог сам избавиться от этих мыслей, сам себя наказать или избить физически. Поэтому он находчиво маскировал драками свои лечебные терапии. Нашел людей, которые помогли ему избавиться от мыслей, выбивая их из его головы.

Вообще, мужчинам конечно легче. Они могут выпить. Подраться. И еще кучу вещей им можно, чтобы выпустить накопившееся и ослабить давление на плотину души. Нам, женщинам, с этим приходится тяжелее. Да и вообще, нам в жизни труднее: стирать, гладить, готовить, дом в чистоте содержать и, умирая с тряпкой в руках, еще быть красивой — желательное, когда моешь пол, чтобы лицо не потело, а то мажешь потечет, на колени не вставать, чтобы платье не помять, и губы от обиды не кусать — помаду зря не переводить. Про роды, детей, кормление — вся в молоке, многолетней недосып — вообще молчу. Семейный очаг хранить тоже мы должны, и если тухнет от того, что в него мужчина мочится, — все равно мы виноваты. А если невзначай плохо стало на душе, то только поплакать позволено. Вот Мама и плакала. Много плакала. И я. Слезы уже не помогали. И не рассказывала она никому. И со мною не говорила. Наверняка думала — маленькая еще. А я тогда уже — будучи пятиклассницей — все понимала. Несправедливо. И мне было обидно за нее до царапающих, черных кошек внутри. Главное, было бы за что на нее сердиться! Вот в чем была ее вина? В том, что Бог не давал ей детей? А?.. И сделать она ничего не могла. Бедная. А ведь никто не мог. Ни врачи, ни целители, ни народная медицина с их проверенными штучками. Вот и ходили все — страдали. Папа от того, что не было наследника. Мама от того, что подвергалась моральным пыткам из-за неспособности ошастливать мужа и подарить ему сына. Она постоянно винила себя во всем и была уверена, если сумела бы вопреки воле с небес родить братика, то черная полоса сменилась бы белой. И вся семья зажила бы счастливо. Без драк. Без отравляющей злости внутри каждого из нас.

Мне всегда не хватало тех минут, когда ты полностью свободна. Ничего не волнует, и ты отдаешься с головой в то, что делаешь. Я никогда не каталась на качелях вдоволь. Вот шла домой со школы, видела качели и думала: «Дай-ка покачаюсь». Раскачивалась и начинала радоваться тому, что колышутся бантики на голове, разле-

таются косы, развивается платишко. Я ощущала себя маленькой тумбочкой, с которой дуновения ветра сдувают накопившуюся пыль, и чем сильнее я раскачивалась, тем чище, свободней становилась. Я запрокидывала голову и видела без единого облачка небо. Мне казалось, что не законы физики, а именно оно — небо качает меня своими невидимыми, необъятными руками. Стоило мне закрыть глаза, чтобы насладиться полетом, вдруг я как наяву видела сцены домашних ссор. Пробуждаясь, будто от плохого сна, я прыгивала с качелей и бежала домой. По пути трясла головой, чтобы прогнать дурные мысли. Те самые, которые по наследству передались мне от Папы. Только вот от них так просто не избавиться. Они-то и есть настоящие убийцы развлечений. Чем бы я ни была занята, даже чем-то очень интересным, мысли не оставляли в покое. Тогда у них даже появились цвета. Серые — ссора, крики, оскорбления. Темно-серые — драка, синяк, разбитая губа. И черные — свернула шею (паралич), порвалась селезенка от удара (кровоизлияние, трубка), вытек глаз (слепота) или смертельный исход (повесилась, выпрыгнула из окна, перерезала вены). Конечно, цвета этих мыслей существовали только в моей голове. И я научилась терпеть серые мысли. Закрывать глаза на темно-серые. Но когда приходили черные, я невольно вздрагивала, сердце билось — не успокоить, грудь сдавливалось так, что тяжело дышалось. Тогда бросала все и бежала домой. И вот знала — дело во мне, но проскальзывало предательское: «А, вдруг!..», и я уже мчалась на помощь, не жалея сандалий и белых колготок.

В реальности в нашей семье цвета мыслей никогда не воплощались в жизнь дальше серых. Не хвастаюсь. Просто это — так! Честно! Так я и жила в то время. Хоть и было невыносимо, а все же лучше, чем сейчас... Э-эх! Если бы я только знала, посмела бы желать?..

Иногда жутко хотелось погулять с одноклассниками, поболтать о неважных пустяках, поиграть в «догонялки» с мальчишками или в «резиночки» с девочками, а не могла. Только начинала вливаться в коллектив, как окутывали эти самые дурные мысли и я, как льва увидевшая, бежала домой. Так и получила свои прозвища — чудачка, дикарка. А, вот еще хорошее вспомнила — полоумная. Впервые, услышав это слово, я понятия не имела, что оно означает. Когда меня нарекли полоумной, я подумала, что это комплимент. Подумала, оно значит — полом умная, женским полом умная. Даже спасибо сказала. Радует, что тихо произнесла и никто не услышал.

Ладно бы, если терпела все эти презрительные взгляды неодобрения, осуждения ради какой-то великой цели. Любви, например. А тут... приходила домой, где холодная война в разгаре. Слова под запретом, иначе битва проиграна. Кто добрым взглядом наградил врага, тот предал себя. Во имя чего бы то ни было милость проронил — расстрел. Желчью захлебываются и прям до умопомрачения соревнуются. Как в игре «Кто дольше», только на кону больше. А черти — восседающие на шкафу зрители — смеются, кувыркаются, хлопают в ладоши, пляшут и радуются представлению, как рождественской песне в злобе.

В эти моменты обострения со мной были холодны. Редко говорили предложениями. Били словом, словно кнутом секли. Коротко. Хлестко. Тем самым не давали повода врагу радоваться от пророненных слов, которые собирало, словно сонар, чуткое ухо бойкотируемой стороны.

И ничего не могла я сделать с ситуацией в доме, что разум мой подавлял и душу терзал. А от этого и сама страдала. И в школе на уроках многое пролетало мимо ушей. Ничто не радовало. Ничего не хотелось. И даже когда интересно было, не могла забыть про Мамины слезы и страдания Папы. Когда смешное что-то случалось, не могла смеяться во весь голос, только хихикну пару раз, и то становилось не по себе. Как будто предала, променяла семью, любимых ради потех мимолетных. Тут горе у семьи — несчастна она, а мне, видите ли, не до этого, я веселюсь.

Учителя те, что из хороших, видели неладное и заботливо оставляли после уро-

ков. Наедине пытали, как пленного, своими расспросами. А что я могла им сказать?.. Ничего. А что учителя смогли бы сделать? Чем смогли бы помочь, если я им все рассказала? Ничем. И все равно спасибо им за внимание. Приятно было ощущать себя видимой. А ведь были и злые учителя: «Але! Очнись, Жезай! Все время где-то летаешь. Небось, все о принце мечтаешь?». Эх, знала бы Марина Витальевна, что мечтала я о братике, который положил бы конец нашим семейным ненастьям, никогда бы не стала так говорить. Но она и знать не хотела. Никогда не останавливалась, пока не доходила до крайности — ее личного триумфа. Пока не обидит каждую клетку существа моего. Пока не сыграет на сокровенных струнах души мелодию, оскверняющий сам инструмент. Пока не заставит убиваться и плакать. А когда достигала цели — испивала кровь до костей, в назидание другим, не успокаивая меня, хладнокровно продолжала урок. Чуть не забыла, вот еще, ее фирменное: «Знай! Дурочек принцы не любят. Будешь так сидеть, обязательно душой вырастешь. Поверь мне, я знаю. Видела таких. Сначала сидят в школах вот так, как ты. А потом, когда подрастут, на панель идут... И вид у тебя усталый. Че ночью делаешь? Работаешь, что ли?». И обязательно кто-нибудь из одноклассников выкрикивал: «Грузчиком». Весь класс смеялся, а я со стыда и обиды сгорала, солеными соплями давилась, щеки обжигали горькие слезы и все рукава до предплечья были мокрые от них. Сама виновата. Нет бы встать и на весь класс осадить шутника. Правдой своей жизни пристыдить горе-учительницу. Вылить чувства свои, чтобы их тяжестью утопить навсегда проклятых врагов. Чтоб в соленом море жизни моем штормовом захлебнулись их крохотные души. Но нет. Сидела, в клубочек сжавшись, голову опустив, молчала, как небо немо, когда обращаешься к нему с мольбами.

2

Как сейчас помню тот день. Я прибежала домой впопыхах, вся в тревоге от своих страшных мыслей. Не успела снять сандалий, как Мама обругала за грязь на колготках и следы брызг на юбке.

— Что за вид?! Посмотри на себя. Ты что, в луже купалась?

Мама была в своем черном платье-тунике, которое одевала только на выход. В прихожей смиренно дожидались нежных ног Мама того же цвета туфли, также давно не издавшие света. Это наблюдение заставило меня справиться о Папе.

— Он ушел,— безапелляционно отрезала Мама.

— Куда? — робко спросила я.

— Откуда я знаю. Переодевайся скорей, опаздываем уже! — сдернула с меня портфель.— Куда! Куда! Одевайся, тебе говорят.

Далее я повиновалась без возражений, но молчание только усиливало тревогу. Неизвестность всегда порождала во мне дурные мысли и сомнения. Мама была чрезвычайно возбуждена. Быстро двигалась. Невпопад перебирала ногами в одну, в другую сторону, словно многочисленные нерешенные задачи, требующие неустанного внимания, перекрывала другая, вновь пришедшая на ум и более важная мысль. Когда искала мои колготки, она опрокинула на пол сложенные в шкафу вещи и не стала укладывать их обратно. Это было очень на нее не похоже. Складывалось впечатление, что нас преследуют и мы не успеваем убежать. «Будь Папа рядом, мы не стали бы спасаться бегством. Может, мы бежим из-за него? От него?» — вдруг промелькнуло в голове. Не успела я ответить на свои вопросы, как упала на колени и, протянув руки к матери, стала плакать и просить:

— Пожалуйста, Мам, давай останемся... Я не хочу никуда уходить. А Папа?

— Совсем больная, что ли? Что Папа?

— Я знаю, он ведет себя плохо. Иногда. Но он хороший. Пожалуйста, Мама, мы не можем его бросить. Он не сможет без нас.

Мама встала на колени и обняла меня, прижав к груди.

— Не хочу, чтобы ты от него уходила. Не хочу его терять. Не хочу... Не хочу. Не хочу!

— Дунька! — сказала Мама и засмеялась.— Все, перестань. Никуда мы от Папы не уходим. Наоборот, ради него идем. В одно очень интересное место... самой не терпится увидеть. И тебе понравится. Нет времени объяснять. Пусть это будет сюрпризом для нас обеих. Давай скорее. Опоздываем.

Мы наскоро оделись и отправились в путь навстречу неизведанному. Тому повороту в жизни, преодолев который, оставляешь весь пройденный путь позади в незримом прошлом. После которого дорога жизни делится на «до» и «после».

Мы ехали в автобусе. Никого из пассажиров не осталось, кроме нас. Водитель заглушил мотор и в недоумении уставился на Маму через стекло заднего вида. Она, как обычно, сильно задумалась и не заметила, что мы приехали. Не успела я одернуть ее, как водитель крикнул: «Але! Конечная, как бы!». Мы наспех покинули утопающий корабль, капитан которого закрыл посудину и бросился в местную столовую. Оказавшись за городом, где маленькие горы из окон нашей квартиры стали большими, Мама достала из сумки клочок бумажки. Развернула его и, прочитав адрес, стала глядеть по сторонам. После справилась у прохожего о маршруте. Тот долго что-то объяснял, а в конце указал пальцем в сторону единственного крохотного домика на вершине небольшой горы.

Мама посмотрела на нужный нам домик. Тяжело вздохнула. Затем, поблагодарив за помощь, сделала несколько шагов и замерла в раздумьях. Резко встрепенувшись со словами: «Ай, ладно! Раз уж приехали... Не ехать же обратно», потянула меня в сторону аула, через который лежал путь к вершине горы.

На протяжении всего пути местные жители — бабушки, сидящие на самодельных, деревянных скамейках, дедушки, идущие мимо сторбившись и заложив руки за спину, пастухи на конях, погоняющие отару овец, мальчишки, играющие в футбол, пиная пластмассовую бутылку вместо мяча, женщины, копающиеся с тяпками в огороде — с улыбкой приветствуя, подсказывали нам путь. И даже с их помощью нам пришлось идти больше часа по грязи бездорожья. Торчащие из земли камни то и дело норовили нас опрокинуть наземь. Я поскользнулась и потянула Маму за собой. Она ушибла колено. Схватившись руками за ногу, корчилась от боли и горько охала. Массируя ногу, я предложила ей вернуться домой и хотела позвать на помощь, но она отказалась. И уже через несколько минут была полна решимости идти дальше. «Наверно, очень интересное место»,— подумала я.

Когда аул остался позади, пред нами предстала небольшая сопка. Узкая тропинка вела к домику на вершине. Заросшая поросль очистила от грязи нашу обувь и покрасила мои колготы в зеленый цвет пока мы дошли. Сказать, что подъем крутой,— не сказать ничего. Мы стояли перед дверью деревянного домика и не могли отдышаться. Взмокшие до нижнего белья, с заложенными от давления ушами слышали, как бьются наши сердца. И все же я успела запомнить окрашенные в синий цвет окна — единственный отголосок искусственности в этом месте. Все остальное в одноэтажном домике — стены, крыша, навес, крыльцо, лестница — были выполнены из дерева. Дом был таким старым, что даже древесина потеряла свой первоначальный цвет и стала маслянисто-черной. Казалось, что он выстоял так долго только из-за того, что сильный ветер обижен на этот домик и видеть его не желает.

Не успели мы взойти на крыльцо, лестница заскрипела как веселый, но бездарный оркестр, состоящий из трех человек и одного инструмента. В дверях появилась маленького роста бабка с виду лет шестидесяти, укутанная в белый шерстяной платок поверх джемпера. Обута была в блестящие лакированные галоши, будто новые. Ноги прикрывала широкая, толстого покроя юбка, цветом напоминавшая запекшуюся кровь.

— Здравствуйте! Мы... — не успела договорить Мама.

— Проходите! Чего так долго?.. Все уши извел. Тыщу раз уже спросил про вас,— ворчала бабка, ведя нас за собой.

Мы прошли в маленькую комнату, где в кресле сидел старик по грудь с белой, нечёсаной бородой. Глаза у него были закрыты, но веки судорожно подергивались. Руки, брошенные на подлокотники кресла, тоже тряслись. Ноги были согнуты под прямым углом. Туловище находилось в вертикальном положении и не касалось спинки кресла. Все его существо было напряжено и создавало впечатление человека, сидевшего на электрическом стуле.

— Захар, проснись. Проснись, говорю!.. Они? — бабка указала на нас пальцем.

— Они,— не шелохнувшись, ответил старик.— Пусть посидят,— повелел он и, не открывая глаз, переставил миску с дымящимися травами поближе к нам. Бабка удалилась и закрыла за собою окрашенную в синий цвет, как окна, деревянную дверь. Мы молча сели на обветшалый, весь потертый, в сальных пятнах, местами в дырках диван.

Что именно за травы там были, я не знаю, но наряду с деревянным запахом самого дома, дым из миски приятно пах. Стоило несколько раз вдохнуть и как-то сразу полегчало. Я забыла, как труден был путь, что привел нас сюда. Сердце стало биться размеренно. Впервые мои мысли, моя неотступно преследовавшая тревога, отступили. На душе стало спокойно. Я почти улыбалась. Когда я взглянула на Маму, поняла, что она испытывает то же самое. Никогда я не видела ее улыбку такой. Глаза были закрыты, и она словно парила в небе, кружась, разгоняя тучи ей ненавистные, что делали ее погоду на земле. Будто получила высшую независимость — нет души, плоти, ума, а лишь чистая энергия и она, будучи маленькой, является неотъемлемой частичкой вселенной. Вот так она улыбалась. Я так обрадовалась за Маму, и мне захотелось, чтобы Папа был здесь и ощутил такое же удовольствие. Захотелось, чтобы внутри нас, в семье всегда царили именно такие чувства. Я молила Бога, чтобы это внезапно взошедшее солнце внутри меня и Мамы навсегда осталось в зените, и чтобы оно никогда не исчезло в бездонной пасти горизонта, снова возвращая нас тьме.

Вдруг старик пришел в движение. Губы его затряслись. Глаза увлажнились. Затем он резко, испугав нас, согнулся в пояснице, будто от удара, и, схватившись за грудь, стал жадно глотать воздух. От увиденного Мама отшатнулась с такой силой, что диван сдвинулся с места и, задев рядом стоящий небольшой письменный стол, чуть не опрокинула белую статуэтку какой-то женщины. Точнее, может когда-то она ею была. Сейчас же у неё не осталось ни рук, ни ног и даже голова отлетела. Видимо, будучи очень хрупкой, она много падала. Одно туловище осталось. Хорошо, что не уронила. Хотя что ей было терять-то, если только не грудь. Да и того у неё не было. Я же крепко прилипла к Маме, обхватив ее, как спасательный круг.

— С вами все хорошо?..— тихо спросила Мама.

— Да. Ща. Минуту,— с трудом выдавил из себя старик.

Но потребовалось больше времени. Мы сидели в ожидании и не знали, что же нам делать и как реагировать на сгорбленного старика. Когда он выпрямился, Мама попыталась представиться:

— Здравствуйте! Я...— она не договорила.

— Знаю! Знаю. К сожалению, все знаю,— многозначительно покачал он головой.

Мы переглянулись с Мамой. На ее лице уже не было и следа того блаженства, которое поразило и меня.

— Зря пришла,— задумчиво начал старик.— Поберечься тебе надо. Малыш в утробе.

Мама встрепенулась и подвинулась ближе к предсказателю. В волнении перебила его. Голос ее дрожал:

— Малыш?! Вы сказали малыш! А когда...

Он, останавливая ее, поднял руку и раскрыл ладонь.

— В один из майских дней, с восходом солнца, мальчик явится в этот мир. И солнце, раб его миссии, усилит свои лучи, станет светиться сильнее, согреет вашу семью и растопит толстые льдины, что преградили сердца.

Мама вскинула было руки вверх от радости, но сдержалась. Глаза ее прослезились. Она обняла меня до боли в ребрах.

— ...Но душою он будет вечный ребенок. Судьба у него такая. Жизнь его всех близких затронет и судьбы их перепишет,— голос его задрожал, на глазах засверкали слезы. Он отер их и продолжил.— За тем и идет сюда, в мир этот. И в этом поможет ему женщина-цветок. Станом и волосами одуванчик. А ликом — пушечные ядра вместо глаз.

— Подождите... как в мае? Уже же октябрь,— спросила Мама.

Старик, лишь улыбнувшись, покивал в ответ. Затем посмотрел на меня, и лицо его искажилось гримасой боли. Он, покраснев, горько заплакал и закрыл лицо руками. Снова, согнувшись, спрятал голову в коленях. Все его тело тряслось, и даже седые волосы дрожали. Не поднимая головы, он глухо произнес:

— Я сказал все, что видел. Пожалуйста, уходите!

В недоумении мы поспешили оставить его. В самых дверях я остановилась.

— Спасибо! — сказала я.

Тогда он поднял голову. Лицо его опухло и на нем были видны следы от ладоней. Он несколько секунд смотрел на меня, а потом губы его задрожали и, ничего не ответив, он снова спрятал свое лицо и зарыдал. Мама одернула меня. Мы быстро вышли на улицу. Стали ждать бабу. То ли чтобы что-то спросить, то ли чтобы попрощаться, но входная дверь захлопнулась, и мы, так и не увидев ее, побрели вниз по тропинке к автобусной остановке.

Мама о чем-то думала и, казалось, не замечала дороги, по которой ступают ее ноги. Не отвечала на мои вопросы, так что я перестала их задавать и шла молча. Но когда мы сели в автобус и он тронулся, Маму как будто пробудили от лечебного сна. Она проснулась, подмененная лучшей материнской версией себя. Она обняла меня и поцеловала. Склонила свою голову к моей. Затем, прижав меня, стала показывать пальцем и рассказывать, что когда она была маленькой, автобусы сюда не ездили, потому что всех этих домов здесь не было, а лишь дикие поля расстилались до самого города. Мы слезли на две остановки раньше и пошли пешком. Купили мороженое, которое отказывалось таять, заручившись поддержкой непогоды. А я подумала про себя: вот бы почаще ездить к этому странному дедушке.

3

Тяжело отпустить прошлое. Особенно когда не помнишь иной жизни. Точнее, не знаешь. Свет ослепляет, причиняя боль глазам, что привыкли к темноте. Даже когда тебе говорят, что эта дверь приведет в новую жизнь, стоит только переступить ее порог, сделать волевой шаг трудно. Тяжело просто поверить в волшебство, способное все изменить по щелчку пальцев. Невозможным кажется искоренить годами ковавшую боль в одночасье. Скажите мне, кто?.. Кто этот всемогущий волшебник, который способен искусно оперировать судьбами и наполнять счастьем так, чтобы люди наслаждались жизнью настоящей, как будто прошлой вовсе и не было?.. Вот и я не знаю. Но, если увижу, напомните мне сказать ему спасибо за эти мгновения...

Из услышанного от старика мне стало ясно, что братик у меня все же будет. В мае. Но верилось в это с трудом. Одиннадцать лет не получалось, а тут нате, распишитесь, не благодарите. Получается, если бы мы раньше нашли старика-провидца, ясновидящего, колдуна, предсказателя, прорицателя (до сих пор не знаю, как правильно его называть), я могла бы и не переживать весь этот семейный гнет? На один вопрос старик ответил тысячей вопросов. Но мне было все равно. Хоть

миллион вопросов пусть терзают меня, лишь бы Мама всегда была такой радостной, как тогда.

Мама не спешила рассказывать Папе радостную весть, чтобы он не освирепел, если оно не сбудется. Но по ее неуместным, безотчетным улыбкам было видно, что она радуется. Никогда не слышала, чтобы Мама пела, когда стирает. Даже тихо. Чтобы улыбалась, оттирая унитаз или драя полы в подъезде.

А в тот день она настолько увлеклась, что даже Папа заметил. Мы сидели за столом и ужинали. Точнее, мы с Папой ели суп, а Мама и ложки не отведала. Прибором она с улыбкой гоняла кусок морковки туда-сюда, как Бог подвергает корабль испытаниям, волнуя море. Она не заметила, как мы перестали есть и уставились на нее, пока Папа не съязвил:

— Слышь?! Нормально все?.. Может, тебе Скорую вызвать?

— Себе вызови... Дурак! — Мама высунула язык и засмеялась.

Э-эх, видели бы вы Папу в тот момент, который так истосковался по такой радостной Маме. Он поспешил ответить взаимной теплотой и засмеялся в ответ. При этом не отводил от нее глаз, будто увидел гору из бриллиантов и боялся, думая, что стоит ему отвлечься, она может исчезнуть. И он больше никогда ее не найдет.

Но уже через мгновение что-то пошло не так...

— Соль подай! — вдруг, как пушечное ядро в бою на кулаках, выбросил отец.

У Мамы улыбка с лица сошла так, будто ее пнули в зубы. Она демонстративно кинула ложку на стол, та, звеня и подпрыгивая, остановилась на середине стола. Резко встала и направилась к навесному шкафу, где лежала соль. Сделав два шага, зашаталась, раскинула руки в стороны и, не найдя опоры, присела на пол.

Скорую все-таки пришлось вызвать. Она то, точнее, врач бригады скорой помощи, и подтвердила деликатное положение Мамы. Папа был в восторге. Казалось, он не мог поверить и бесконечно переспрашивал: «Точно?.. Это уже точно?.. Вот прямо точно-точно?». И смотрел на Маму, безмолвно спрашивая ее: «Но к-как?». Когда его все-таки убедили, он прослезился и стал нервически, неестественно смеяться. Даже пару раз подпрыгнул от радости, обхватив руками затылок. Во всеуслышание благодарил Бога, уставившись в потолок, на котором обвалился кусок штукатурки. Затем и вовсе, в знак благодарности за благие известия, налил супа в литровую банку меда-работникам, а когда те запротестовали и отказались принимать, ссылаясь на то, что нечем есть, Папа подарил каждому по ложке из серебряного набора. Они не смогли отказаться. Папе пришлось принять валерьянки, чтобы успокоиться. А после он лежал и, как молоком досыта накормленный щенок, терся о Маму, заискивая и благодаря. Та отвечала взаимностью.

И все изменилось, как по взмаху волшебной палочки волшебника, которого при жизни нам не суждено увидеть.

Родители перестали ссориться. Совсем. Папа бросил выпивать и драться. Он стал больше времени проводить с Мамой и со мной. Каждые выходные мы часами гуляли в парке. Не было недели, чтобы Папа оставил Маму без цветов — ромашек, ее любимых. И жизнь стала сладкой, как те пирожные, что мы ели каждую субботу. В тот год я съела столько сладостей и мороженого, сколько не видела за все одиннадцать лет моей жизни. Папа стал неотступно заботиться о Маме, всячески предостерегая ее от переутомления, и взялся лично выполнять большую часть ее домашних обязанностей. Даже Мамины подруги стали кусать губы от зависти и приводить Папу в пример своим мужьям. Он совсем не стеснялся массировать ей опухшие ноги. Готовить еду для нас. Убираться дома. Мне очень понравилось вместе с ним очищать от пыли книжный шкаф. Он то и дело останавливался, чтобы рассказать про очередную книгу и чувства, которые испытывал после ее прочтения. Тогда мы выбирали с ним наиболее интересную, которую он перед сном читал нам с Мамой. Он стал помогать мне с уроками, стараясь изо всех сил. Иногда я, заведомо зная ответ, притворялась, что мне

нужна помощь и наслаждалась его участием, отвлеченными рассказами из Папиного детства. Даже волосы помогал расчесывать и одевать бантики. Хотя, по началу, делал он это неумело. Когда расческа застревала в волосах, он, пытаясь расчесать клубок, говорил: «Да что ж такое!.. Это у тебя в меня — волосы мощные», и смеялся. А я вместе с ним. Еще стал провожать в школу. На удивление всем я стала хорошо учиться, но так и не наладила отношения с одноклассниками. Мне было некогда, а потому я не задерживалась после уроков и со всех ног бежала домой, чтобы наверстать упущенные годы радости, тепла, нежности от семейной близости и родительской любви.

Как-то раз Папа сделал мне сюрприз. Он дождался меня после школы, и мы поехали на автобусе за город. В руках у него был пакет, в который он не разрешал заглядывать. Мы доехали до конечной и дальше пошли пешком. Когда мы миновали небольшой лес, я увидела зеленое поле, раскинувшееся до самых гор вдаль. Солнце отливало оранжевым, и одинокое облачко, повинувшись, принимало ее свет, окрашиваясь и будто превращаясь в апельсиновое мороженое. Дул теплый ветерок. Папа велел закрыть глаза и не подсматривать. Я сделала как он просил, но не выдержала долго и стала подглядывать. По-моему, он заметил, что я нарушаю условия, но не подал виду. И я не стала выдавать себя. Он вытащил из пакета самодельного воздушного змея, который спустя минуту послушно завис в небе. Передав конец веревки мне в руки, он разрешил открыть глаза. Когда он присел на корточки, обнял и щекой прижался к моему уху, я не выдержала и заплакала, отирая рукавом слезы. Он перехватил веревку и, развернув меня к себе, обнял со словами:

— Доченька, ну ты чего?..

— Не хочу!..— выдавила я из себя.

— Чего не хочешь? Не понравилось место? Змей? — вопрошал он.

— Не хочу, чтобы это кончалось...

— Что именно?

— Все это!

Он помолчал несколько секунд и, сильнее сжав в объятьях, произнес:

— Не кончится... Теперь не кончится. Обещаю!

Тогда-то в голосе Папы — в этой едва уловимой нотке я почувствовала искреннюю веру в то, что все изменилось навсегда. Я почувствовала ту необъяснимую связь между Папами и дочерьми, о которой все говорят, и поняла, что через них он знает про мои надежды и никогда не подведет. Не обманет. Не предаст. В объятьях сильных рук я ощутила себя в той безопасности, которой мне всегда так не хватало. Впервые я почувствовала себя любимой и нужной.

Со временем мои дурные мысли отпустили меня, и я научилась жить, радуясь настоящему и не заглядывая в будущее. И, да, я наконец покачалась на качелях вдоволь. Угадайте, кто меня покатал?.. А Мама смотрела на нас, улыбалась, кушала мороженое, сидя на скамейке напротив, уже с выпирающим животом. «Ух, как высоко. Доча, держись хорошенько!.. Любимый, я тоже так хочу», — просилась она. «Но, но, но... вам нельзя, мадемуазель!» — шутил отец. Мама строила смешную гримасу обиды. И мы от души смеялись над нею.

Иногда на меня все же находили моменты, когда мне становилось страшно. Я боялась, что это может закончиться, стоит мне проснуться завтра. Тогда я искала спасения в объятьях Папы, стараясь, на всякий случай, утолить жажду счастьем наперед, как верблюд напивается про запас.

Когда родители стали чаще улыбаться, смеяться, грея мою детскую душу, старое было быстро забыто, как дурной сон, который вылетел из головы сразу после пробуждения. Большого для счастья мне и не нужно было, но, когда родился Аман, солнце возшло по-настоящему, озаряя и показывая истинную красоту жизни, которой мы слепо жили. Он показал, как дорог каждый миг жизни, и каким счастливым можно

быть, если умеешь увидеть бесценное в моментах настоящих. Как ярко ты можешь светиться изнутри, если научишься видеть настоящее в жизни, в ее считанном времени и конечном течении.

4

Роды дались тяжело. Трое суток Мама мучилась схватками. А в конце так обесилела, что врачи решили делать кесарево сечение. Братик, как и предсказывал старик, пришел в этот мир с боем. Мама выносила его все девять месяцев, но несмотря на это, вес при рождении составил всего лишь восемьсот граммов. Врачи не верили в возможность такового и бесконечно задавали странные вопросы Маме, чтобы установить причину явления. Как сказал главный врач родильного дома, всегда находившийся в окружении молодых докторов: «Это всего лишь формальность. Необходимо её соблюсти, чтобы защитить нас. А когда мы защитим себя, тогда уже и вас удовлетворим». Но вопросы эти, как и ответы на них, не сильно помогли Аману. Точнее, совсем не помогли.

Его поместили в специальную капсулу с дыхательной трубкой и поддержкой нужного уровня температуры. Он тяжело набирал вес, и врачи сказали Маме, что его шансы крайне малы. Однако, через месяц упорной борьбы всех — Мамы, Папы, врачей и самого Амана — он быстро пошел на поправку. И уже через две недели лежал дома в бывшей когда-то моей деревянной кровати, которую по случаю собственноручно собрал Папа.

Когда впервые увидела братика, я сразу почувствовала необъяснимую связь с этим белым комочком. Лицо его напомнило мне солнышко из детских книжек — сказок про колобок: круглое, почти правильный круг, рыжее, с румяными щеками, и светлыми кудрями вместо лучиков. Когда я сказала об этом родителям, те засмеялись и со словами: «Точно! А ведь вылитое солнышко!» подтвердили мое наблюдение.

Папа с Мамой были счастливы и так радовались рождению наследника, что стали танцевать. Представляете?! Тан-це-вать! Я часто ловила их в комнате, где спал Аман. Они кружились в медленном танце под песню, которую пел Папа, переделывая ее на колыбельный лад. Мама подпевала.

Я прибежала со школы, бросала портфель, не переодеваясь и не обедая, часами любовалась братиком, который кряхтел и улыбался, стоило мне с ним заговорить. Я часто замечала, что даже в дождливые майские дни стоит мне полюбоваться братом, как серые тучи в душе отступали. А когда он улыбался, свет в комнате становился ярче, как будто Бог поставил на паузу фильм, который сам отснял, чтобы прибавить контрастности изображения на телевизоре. На удивление, он редко плакал. Мог часами лежать, смотреть на люстру и, дрыгая маленькими ручками, что-то кряхтеть на своем детском языке.

Шло время. Аман научился ползать, вставать, открывать двери, класть в рот все подряд, танцевать, делиться вещами, кормить нас. Он просто доставал из своего рта кусочек чего-нибудь и протягивал маленькую ручку ко рту Мамы или Папы и ждал пока те отведают предложенное яство. А еще он чистил туалетным ершиком Папины туфли. Мыл руки в унитазе. Совал мозаики в нос и уши. Облизывал пол. Жевал ковровые катышки. Бил посуду. Отрывал обои. Тыкал пальцами в розетки. И еще кучу всего, что присуще обычным детям. Ничего необычного. Все как у всех. Однако...

Ему стукнуло пять...

Он никогда не плакал. Только от обиды. Увидел как-то бомжа и говорит:

— Кто это?

— Это бомж.

— Ему плохо? Он болеет?

— Ему негде жить, он не работает, поэтому грязный и кушает с мусорки.

Тут он заревел так, что долго пришлось его успокаивать. Отбивался от нас, не желая ничего слушать. И объятий ему не надо было. Прохожие глядели на нас, как на похитителей. Слава Богу — он уснул. А когда проснулся, долго был сам не свой. Сидел, молча уткнувшись в одну точку, как Мама в те дни из моего грустного прошлого. Приходилось подолгу ему объяснять и даже иногда обманывать, чтобы вырвать его из объятий пожирающих мыслей. И всего чаще он отходил только тогда, когда слышал что-то доброе, хорошее... то, что хотел услышать. Например, в случае с бомжом мы сказали, что бездомный сам выбрал такую жизнь, и он счастлив жить свободно. Не надо рано вставать, идти туда, куда не хочется. Он делает все, как ему хочется. И только тогда, рассмешив нас, он оттаял со словами: «Везет. Хочу стать бомжом, когда вырасту». А затем, будто радуясь за него, стал самим собой — веселым, неунывающим — моим младшим братиком с огромным сердцем.

Как-то в один из знойных дней лета Мама попросила меня протереть подоконники от пыли. В обмен за труды я выторговала себе денег на сок. Но купила питье раньше, чем приступила к работе. Очень пить хотелось. Жара невыносимая стояла. Душила. Пришла с магазина, а майка к телу прилипла, глаза заливают струйками пота, из волос разбег берущими, ладони взмокли. Плюхнулась на диван. Проткнула трубочкой треугольный пакет и жадно впилась, утоляя жажду. Меньше половины осталось, когда я увидела Амана, стоявшего и со скромной улыбкой ожидающего, чтобы сказать:

— Жезай эже, можно мне тоже?.. Пожалуйста,— он сложил руки на животе.

— Конечно можно...— протягивая сок, я одернула руку. Прищурилась.— Но сначала протри-ка пыль с подоконников.

— Со всех? — уточнил он.

— Конечно со всех! Не с одного же,— возмутилась я.

А он лишь радостно хихикнул и с энтузиазмом, вприпрыжку побежал за тряпкой. Уже через минуту он, позабыв о соке, вытирал подоконники, вникая в сам процесс, все время аккуратно сгибая тряпочку, чтобы не выронить собранную пыль и тщательно вглядываясь в поверхность места, чтобы не упустить малейшую песчинку. Он выполнял это задание от всего сердца — на совесть. И долго. Пока он закончил с одной комнатой, я нестерпимо захотела снова пить и глотнула соку. И еще раз. Так незаметно, я осушила пакет почти до дна и с досадой обнаружила это слишком поздно. Когда Аман закончил с делом, он встал передо мной и, заложив руки за спину, с радостной улыбкой произнес:

— Готово! — в предвкушении, поглядывая на пакет с соком.

Я в попытке усмирить совесть нашла оправдание и сказала себе: «Количество не было оговорено. Так что все честно!», и, откинув в сторону чувство стыда, протянула ему остаток сока. Он схватил пакет и, всего разок глотнув, вместе с издающимися звуками понял, что пакет опустел.

Я была готова ко всему — к любой реакции, но только не к той, которая последовала. Я ждала, что он обидится, заплачет, расскажет Маме об обмане, Папе о моей недобросовестности, стукнет меня от злости, кинет в меня тряпку, пакет от сока швырнет, начнет прыгать на месте, кататься по полу от злости, разобьет стекло от шкафа. Всего, что угодно ждала!.. А он... Не возроптал. Лишь с благодарностью уставился на меня, как на человека, воплотившего в реальность все его сокровенные мечты. И радостно взглянув на пакет, сказал:

— Спасибо!.. Очень вкусный.

Прошло не больше месяца после этого события, как приехал дядя по родственной линии Папы и привез нам — детям — игрушки. Аману плюшевого медведя, а мне железную, красного цвета машинку — ГАЗ-24 «Волга» — сувенирную. Так было написано на деревянной подставке.

Аману она полюбилась много больше, чем медведь. Просил меня поменяться с

ним. И даже родители уговаривали отдать. А я не менялась намеренно, чтобы подарить на его день рождения, через три месяца. И, как мне казалось тогда, чтобы усилить радость от получения игрушки, я запретила ему прикасаться к машинке. Заперла подарок на ключ в серванте, через стекла которого бедный ребенок каждый день любовался столь желанной машинкой и не мог коснуться ее. Когда я приходила со школы и заставляла его скромно стоящего на стуле, восхищенного, но не смеющего слушаться и поддаться искушению (он знал, что ключ от дверцы лежит в одной из полок того же серванта), сердце мое замирало, а глаза мгновенно намокали. Но я твердо решила стоять на своем.

До дня рождения оставалась неделя, когда к нам наведались гости — из села — дальние родственники, вместе со своими друзьями. Всего человек пять — три женщины и двое мужчин. Родственники — как родственники, друзья — как родительские друзья. Посидели, как всегда, шумно. Громко смеялись, облобызали нам с Аманом по очереди все лицо, а одна женщина и вовсе посадила его к себе на колени и не хотела отпускать. Обнимала. Целовала. Угощала сладостями. Щекотала. Смешила. Да так к нему подладилась, что братик и сам уже не прочь был находиться в ее компании.

Последние тосты сорвались с уст. Папа с братиком проводили гостей. После все вместе стали прибираться. Мы с Аманом носили все со стола из гостиной на кухню, где Мама мыла посуду, а Папа сразу сушил ее полотенцем и расставлял на место. Закончили мы поздно. Стоило мне прикоснуться подушки — сразу уснула. Ночью я проснулась от громких разговоров чужих людей в родительской комнате. Когда я направилась к ним, увидела распахнутой входную дверь и на пролете стояли мужчины. В комнате стоял Папа и женщина в халате. Мама сидела с Аманом на руках. Братик заболел.

— Ничего страшного. Типичное отравление. Не переживайте!.. Промывание желудка мы сделали. К утру поправится,— заключила женщина и стала собираться уходить.

— А если...— не договорила Мама.

— Женщина, не надо загадывать! Вот когда «если», тогда и поговорим,— потрясла она рукой.— До свидания!

Весь следующий день Аман пролежал без сил. Лицо его было бледным и даже зеленым, как вены под кожей. Когда я звала, он открывал опухшие глаза и удивленно смотрел на меня, словно не узнавая, и только через несколько секунд с трудом пытался улыбнуться. За день он с трудом проглотил пару ложек супа и выпил неполный стакан воды. Разговаривать он не мог, разве только шепотом. Конечности обессилили и будто увяли. Ночью этого рокового дня он стал тяжело дышать и обливаться потом. Мама держала его на руках. Сама не зная, для чего... скорее, чтобы себя успокоить, нежели ему помочь, она покачивала братика и едва сдерживала слезы. Ее полный отчаяния взгляд искал помощи от кого угодно то и дело, устремляясь к двери. Отец побежал встречать Скорую.

Вдруг Аман перестал дрожать, дыхание выровнялось, он открыл глаза и сосредоточенно осмотрелся. Увидел Маму и, высвободив руку из окутывавшего пледа, приложил ладонь к ее лицу со словами: «Не плачь, Мама! Все будет хорошо. Вот увидишь». Затем нашел меня взглядом и, улыбнувшись, произнес:

— Жезай эже, можно я поиграюсь с вашей машинкой? Пожалуйста!

Я дернулась бежать за игрушкой, но он остановил меня в дверях.

— Не сейчас! Завтра!.. Когда я выздоровею,— он закрыл глаза и с улыбкой, спрятавшись в халате Мамы, добавил: — Какая же все-таки машинка классная...

Мои дурные мысли, про которые я давно забыла, снова накатили, будто и не уходили вовсе. В панике я бросилась за игрушкой. Не помня себя, силясь скорее открыть сервант ключом, разбила стекло и порезала руку. Я не почувствовала боли. Мама

вскричала навзрыд. Я бросилась к ним. Мама рыдала, склонив голову над мертвым братом, чья маленькая, пухлая ручка безжизненно свисла к полу.

Кровь из порезанной руки текла и, разливаясь по машинке, капала на пол до тех пор, пока я не потеряла сознание. Когда я проснулась, страшные сны воплотились в реальность. Рука еще болела в области кисти, и я не совсем могла управлять пальчиками. Папа пришел на помощь с медработниками. Те привели меня в чувства, перевязали рану и констатировали смерть Амана. А Папа все спрашивал их: «Точно?.. Это уже точно?.. Вот, прям точно-точно? Может, укол сделаете? Просто побольше какой-нибудь, помощнее? Прошу, ну, сделайте! Что вам жалко, что ли!..», а потом, обняв Маму, горько заплакал, как Аман когда-то. От обиды. От того, что не может ничего сделать.

Амана похоронили. Через три дня не стало Папы. Он напился и в пьяной драке нарвался на нож. Попали в сердце. Скончался на месте. Что-то мне подсказывает, что он намеренно не увернулся — специально дал себя ударить, как раньше. Подзаряжать было нечего — сгорели батарейки внутри.

Маму забрали в психиатрическую больницу. Ее отстраненные, отсутствующие взгляды вернулись с новой силой, но со дня смерти братика она перестала смотреть в недостижимость через пол. Теперь смотрит только вверх, через потолок. Бога в глаза проклинает, а может братика ищет. Кто знает? Не говорит же совсем. Только «Несправедливо!» и произносит без конца. До сих пор не узнает меня. Много лет прошло, прежде чем я узнала от врачей, которые и сейчас Маму лечат, что брат испустил последний вздох свой с улыбкой, сказав: «Несправедливо!».

А еще, спустя много лет, я вспомнила ту женщину из села, которая у нас гостила — чрезмерно покрашенная, черная краска вокруг глаз, будто пушечные ядра, тоненькие талия, руки, ноги и шея, а прическа — кудри, пышно накрученные, вьющиеся вокруг головы. Одуванчик...

Как я могла забыть?! Я во всем виновата!

Ну, вот и все! Вроде, пока работает. Осталось найти огонь, чтобы сжечь написанное и уже навсегда распрощаться, отпустить прошлое. Надо уговорить Ваню одолжить спички. Хотя, вряд ли получится. Другие тоже не дадут. Заведение серьезное — правила здесь строгие. Шутить не любят — сразу в рубаху оденут. Так-то я нормальная. Единственное, как только вижу солнышко — впадаю в беспамятство.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

**ИЗ ЦИКЛА МИНИАТЮР:
«Я, ОНА И ШАХМАТЫ»**

Наш постоянный автор.

ДЖЕНТЛЬМЕН

Поздняя осень в Брянске, что может быть тоскливее? Но если едешь туда на соревнования, предварительно получив освобождение на две недели от посещения школы, то такая поездка в радость. Командный полуфинал России, престижные соревнования.

Мне семнадцать лет. Ей — тринадцать. Мы — шахматисты. Я старший в команде. Она младшая. Тренер нашей команды, отец моей подопечной, доверил мне приглядывать за ребенком, чтобы не потерялась, чтобы никто не обидел. Партии закончились. Остальные «доски» — члены команды — уже отыграли и сбежали город смотреть. А что там смотреть? Все советские города из глубинки однотипные. Это вам не Москва и не Ленинград.

Вот и я «отстрелялся». Она крутится вокруг вьюном.

— Отвести тебя в гостиницу?

Мотает головой.

— Есть хочешь?

Снова отрицательный жест.

— В кино?

Радостно кивает.

Смотрели северокорейскую муть «Приказ 027». Купились на заграничный фильм про войнушку, про азиатов. Думали, будет как про шаолиньских монахов. Китайцы, корейцы... кто их различит? В фильме даже по советским меркам оказалась развесистая клюква. Пять северокорейцев с алюминиевыми вилками перебили по меньшей мере пару взводов южнокорейских автоматчиков. Смешно. Выходим из кинотеатра.

— Мороженое? — спрашиваю спутницу.

— Пломбир в вафельном стаканчике за двадцать копеек! — хлопает она в ладоши.

Довольная, как будто впервые видит сладости.

— Вкусно? — смотрю, как она с наслаждением запускает кончик языка в талую белую массу и, зачерпнув круговым движением, отправляет в рот. Сглатывает, причмокнув, и тянется за новой порцией.

— Очень вкусно! — хвалит она.

В чужом городе сладкое всегда вкуснее.

Становится ветрено. Как ей не холодно в коротеньком демисезонном пальто и капроновых колготках? Хочет выглядеть взрослее. Говорит, что ей даже немного

жарко. Так я и поверил: носом шмыгает, зуб на зуб не попадает. Вижу вывеску «Универсам», веду ее туда, чтобы согрелась. Она идет послушно, куда скажу, кроме гостиницы. Забавная девчушка. Болтает без умолку. Объела вафельный стаканчик на треть. Конус мороженого тает в руках. Она губами по окружности собирает подтеки. Жмурится от удовольствия.

— Согрелась, идем?

— Ага.

На улице уже начинает смеркаться, колючий ветер. Наверное, лучше было ей купить шоколадку. У нее липкие руки, мороженое натекло. Чихает, вся трясется.

— Стой,— говорю. Расстегиваю на ее пальто две верхние пуговицы, стягиваю с себя шарф и укутываю ей шею.— Так-то лучше будет. А то простынешь.

Топаем в сторону гостиницы. Почерневшие, свалывшиеся в грязную, мокрую кашу листья липнут к обуви. Зябко без шарфа. Вот ведь глупая девчонка, взрослой хочет быть. А мне теперь мерзнуть.

Приходим в ее номер. Галантно снимаю с нее пальто. Она скидывает сапожки и забрасывает на полку вязанную шапочку. Кидает в меня моим же шарфом — задорно смеется. Идет в ванную комнату. Встряхнула головой, раскидала волосы по плечам. Красивые, шелковистые. Смотрит на себя в зеркало, улыбается.

— Тебе понравилась наша прогулка?

— Да, сегодня был классный день! Папа звал с ним, а я сказала, что пойду гулять с тобой.

— Знаю, он мне сказал. Я обещал ему заботиться о тебе.

— Спасибо, мне очень приятно!

Вижу, она счастлива.

— Ну, значит, я свой долг выполнил.

— Какой?

— Перед твоим папой, конечно. Я же слово давал — честное джентльменское!

— А сейчас что?! — она как-то странно меняется в лице.

— Сейчас ты отдохни. Почитай или поспи, а я свободен на весь оставшийся вечер.

Она в недоумении пожимает плечами.

— Ты устал? Спать еще рано.

— Я не устал. Обещал к девчонкам из Ярославля зайти.

Если бы шеф мне свою дочь в сопровождение не назначил, я давно бы впитывал дух древнего русского города. В ярославской команде десятиклассницы. Может, чего еще интересного наклюнется.

Я вдруг заметил, что она смотрит на меня с явной враждебностью. Ее лицо исказилось, как будто начались рези в животе. Я даже испугался.

— Ненавижу тебя! — кричит она.— Ты мерзкий, ты гадкий! Ты предатель!

И рукой со стола смахнула стакан в стену. Ненормальная какая-то! Целый день я должен ее развлекать, что ли?! Вот тебе благодарность за труды... Обиделся! Вышел и закрыл за собой дверь. Даже шарф забыл на дверной ручке. В комнате что-то упало. Кажется, стул грохнулся на пол.

Точно — психическая!

ПИНГВИН ИМПЕРАТОРСКИЙ

Валяюсь с шахматным учебником «Каталонское начало» у себя в гостиничном номере. Приходит она, мнется у порога.

— Я тебе шарф принесла.

— Кинь на полку.

Молчит. Ждет, что я приглашу войти. Я тоже молчу. Обидела она меня внезап-

ной неблагодарностью. Даже к девчонкам из Ярославля вчера не пошел, настроение испортилось. Правда, обидно. Не отрываю взгляд от страницы.

— Мне скучно одной.

— Угу,— не смотрю на нее.

— Прости, а? Ты такой вчера внимательный был. А потом мне просто обидно стало. Я так больше не буду!

Ну вот как они, девчонки, это делают? Еще минуту назад собирался выставить ее за дверь — я ей не нянька,— а теперь как бы и не злюсь, и жалко выгонять.

— Ладно, заходи. Чай будешь с печеньем?

— Ага!

Наливаю из крана воды в граненый стакан. Сунул кипятыльник. Вода быстро запузырилась.

А девчонка зря времени не теряет. Уже хрустит оберткой с узором в красный и бежевый треугольники, со знаком качества СССР посредине — это печенье «Юбилейное». Россыпью летят на стол прямоугольные пластины нехитрого лакомства. Она берет печенье, вглядывается в надпись. Спрашивает:

— Почему его назвали «Юбилейным»?

— В честь юбилея... — кидаю щепотку заварки в стакан кипятка, размешиваю, чтобы набухшая чайная стружка быстрее осела на дно.— Юбилей пятидесятилетия Октябрьской революции. Это печенье стали выпускать в 1967 году на фабрике «Большевик».

— Ты умный!

— Не, я просто печенье люблю.

Она пытается отхлебнуть кипяток, дует, разгоняя пар. На самом деле я польщен ее словами, поэтому деловито продолжаю.

— Я еще слышал, будто «Юбилейное» печенье стали выпускать какие-то обрусевшие французы в честь трехсотлетия дома Романовых, аж в 1913 году.

— В честь царей, что ли? — она от удивления изогнула брови.— А куда же КГБ смотрит?

Я развел руками. Куда смотрели компетентные органы, я понятия не имел.

— Наверное, ушами хлопали... Вот и твой папа думает, что мы к партии готовимся, а мы тут чай гоняем!

Она засмеялась:

— Поиграем в карты?

Раскинули в «дурака». Весело на соревнованиях, пока тренер не видит... Раздается стук в дверь.

— Эй, вы, открывайте, я вас слышу! — звучит строгий и требовательный голос.

— Шифруемся! Прячь карты! — скороговоркой шепчу ей в ухо.

— Это папа! Он злится на тебя, называет балдой и картежником.

Времени выяснять не оставалось, за что ее папа на меня злится. Открываю дверь. Заходит грузный, хмурый мужчина с крупными чертами лица и недобрый, в мой адрес, взглядом.

— Чем вы тут занимаетесь?! — смотрит по сторонам.

Кровать заправлена, мы одеты. Никаких компрометирующих улики.

— Папа! — ее щеки вспыхнули румянцем.

— Молчи... — его взгляд становится на мгновение мягким, но когда тренер снова поворачивается ко мне, вижу, как от негодования раздуваются его ноздри.— О твоих, негодяй, гулянках с командами из Череповца и Волгограда — с отдельными их представительницами — разве только Московская шахматная федерация еще не знает, а мы тут очень наслышаны! Видели тебя. Ты зачем в чужой огород полез?!

— А в какой еще огород мне лазать? — парирую я.— У нас, извините, на девчачьей доске ребенок прописался.

Мы оба смотрим на дочку тренера. Она, кажется, не поняла, о чем мы говорим. Тренер в гневе, тренер надулся, тренер нервничает.

— Ты это, смотри мне, огородик! Шахматами не думал заниматься?

Отмазываюсь, вру без зазрения совести.

— Мы ферзевый гамбит разбирали.

— Зачем ей твой ферзевый гамбит, если на «d4» она раскатывает защиту Бенони?! — он смотрит на меня почти с ненавистью. — И почему я не вижу шахмат на столе?!

Действительно. Как-то некрасиво получилось. Карты спрятали, а шахматы расставить не успели. Но если уж врать, так врать легко, душевно, с огоньком.

— А мы в уме варианты прокручиваем, внутреннее зрение развиваем, как у Александра Алехина. Он мог вслепую играть на нескольких досках...

— Ты мне внутренним зрением голову не морочь! Давай-ка вот без этих своих фортелей. Ты капитан команды или пингвин императорский?!

Тренерское напутствие прозвучало более или менее убедительно.

Достаю доску, расставляю фигуры. Поехали разыгрывать защиту Бенони: 1. d4 Kf6 2. c4 c5 3. d5... Тренер удовлетворенно покачивает головой. Кажется, отлегло. И еще его дочь твердит, какой я хороший и внимательный наставник.

— Ладно, смотрите мне...

Интересно, чего он больше тревожится: «неуставных отношений» в команде или пробела в шахматных знаниях. Тренер выходит, и я закрываю за ним дверь. Он оглядывается.

— ...нет, не от вас закрываюсь! — уверяю его. — Это чтобы чужие не зашли... а вы, вы-то свой, родной, вы наш любимый и мудрый...

Кажется, его сейчас вырвет от грубой лести. Машет руками, уходит.

Возвращаюсь. Она хитро мне улыбается. Шахматы в сторону — достает из-под подушки колоду карт. Большой вопрос, кто тут главный картежник. Хм, шесть пик — ходит с мелкого козыря, чтобы выбить у меня единственного туза. Бито? Мой ход. Зайду двумя валетами. Если в масть не попаду — выбью у нее козырей и всякой мелочевки подкину. Бьет королями. Дело плохо. Сейчас сбросит мелочь и козырем завалит. По любому мне здесь кирдык. Так и есть, ходит парными...

— Можешь сдаваться! — ликует она. — И готовься выполнять мое желание!

— Только не как в прошлый раз!

Тогда получилось не красиво. Я полз по коридору на карачках, подкрался сзади к горничной и миролюбиво сказал: «Але! Я пингвин императорский, мне бы льда и рыбки?»

Тетенька юмор не оценила — шарахнулась в сторону, завопила «ай-ай», а потом кричала мне вслед: «Это же откуда такие идиоты берутся?!» Еще и милицию грозила вызвать.

На стол легла козырная семерка. Забираю. Жизнь наполнена вселенской несправедливостью. Мелкая семиклассница второй раз подряд «обувает» меня в дурака. Кидает пиковую даму — тут я вспомнил Пушкина и дом для душевнобольных: «тройка, семерка... дама!»

Дверь с шумом распаивается. В номер неудержимым торнадо врывается тренер. За его спиной маячит обиженная горничная:

— Да-да, вы уж проследите, чтобы этот хулиган ничего плохого с девочкой не сделал!

Вот же мстительная крыса! Не поленилась — своим ключом открыла. Небось под дверью подслушивали.

— Карты?! — вопит тренер, как будто видит их впервые в жизни.

— Папа!

— Карты?! — он поворачивается ко мне. — Ты, проходимец, обещал разобрать с

ней защиту Бенони, а вместо этого в дурака режетесь! Разлагать мою команду не позволю! — он хватает колоду со стола и швыряет в форточку.— Вот вам безобразия! Кто теперь дурак?!

Разворот на сто восемьдесят градусов, и он так же стремительно выходит из номера. Горничная ликует. Дверь с шумом захлопывается. Я поворачиваю ключ в замке.

— Ну вот, не дал доиграть, сгорело мое желание! — огорчилась победительница.

— Облом, конечно, но, с другой стороны, спасибо ему, и даже колоды не жаль,— смеюсь я.

— Вообще, блин! — она надула губки, схватила печенье и зло откусила половину. Шепелявит с набитым ртом: — Если бы он карты не выбросил, ты бы точно не открутился выполнить мое главное желание.

— Какое?

— Ну, ты помнишь, я просила...

— Нет!

— Да!

— Ты еще маленькая. Я не могу.

— Я не маленькая!

— Ты девочка.

— Я не... — она поперхнулась.— И что из этого, что девочка? Почему другим можно, а мне нельзя? Давай, я даже готова дать тебе шанс — принесу карты из номера, и мы сыграем снова? Если я проиграю, то выполню твое желание.

— Нет.

— Ну, хочешь, я выполню твое желание, даже если выиграю? А ты выполнишь мое, только если проиграешь.

Ладно, думаю, не могу ведь три раза подряд проигрывать. Достāju из сумки новую колоду. Опытный. Во всех городах, где с приятелями по команде побывал на соревнованиях, пригостиничные клумбы завалены картами. Кто же с одной колодой на соревнования ездит? Садимся играть... Опять проигрываю. Может, она шулер? Еще недавно бегала малявкой, под ногами вертелась, а теперь... Тренер говорит, что у нее феноменальная зрительная память.

— Ладно, сначала мое желание выполняем,— говорю ей.

Крадемся на цыпочках по коридору, прямо в отсек для персонала. Видим, злая горничная там. Прячемся за углом возле лестницы и затеваем разговор так, чтобы ей слышно было.

Она: «У тебя змея выползла из коробки».

Я: «Да, гадюка сбежала! В номер не пойдем, пусть сначала горничная придет убираться, тогда...»

Она: «Скажем ей?»

Я: «Нет!»

Она: «А если змея ее укусит?»

Я: «Ничуть не жалко...»

Она: «Кого — горничную?»

Я: «Змею».

Она: «Какую?»

Я: «Обеих».

Выскакивает перепуганная горничная, а мы бежим вниз по лестнице и хохочем под ее ругань:

— Ах ты напасть, хулиганов на моем этаже поселили?! — слышны еще чьи-то голоса.— И девица — не смотри, что тихоня, такая же негодница, как ее долговязый патлатый приятель!

Хохотали. Вернулись в номер. Пришло время исполнять ее «главное желание».

— Уточни детали, чтобы потом не говорила, будто я обманул.
— Хочу выступление оперного певца, которое ты парням в купе поезда показывал, откуда меня, по твоей милости, кстати, по-свински выгнали!
— Потому что там гадости...
— Хочу гадости! — перебивает она. — Я из соседнего купе слушала через стакан: «Тихо в лесу, только не спят дрозды. Знают дрозды, что получают...» А дальше я не расслышала. Там еще про барсука что-то было. Завяжи один глаз полотенцем, как пират, встань на стул и пой мне арию про лесных животных!
— Некрасиво же. Давай я тебе другую песню спою?
— Нет, так не честно! Это мое желание — пой арию. И накинь простыню на плечи, это будет твоя мантия. Теперь ты... кто там арии поет?
— А черт его знает.
— Ладно, пой.
Я взгромоздился на стул и, хотя не дотягиваю вокальными данными до оперного певца, запел с выражением.

*Тихо в лесу, только не спит кенгуру.
Моль в ее сумке проела дыру —
Вот и не спит кенгуру.*

Дверь опять распахнулась. На пороге снова появился тренер в пылающей огнем сопровождении горничной.

— Вот, полюбуйтесь, эти двое пугали меня змеей! А теперь вообще неизвестно, что вытворяют.

Я хотел было скинуть простыню и снять пиратскую повязку, но тренер меня остановил.

— Проиграл — пой, Энрика Кутузов! Я же говорил, у моей дочери абсолютная зрительная память. Умница, девочка! В дурака я сам научил ее играть.

— Ага, вот кто виновник...

— Ты не отвлекайся — пой.

*Тихо в лесу, только не спит лиса.
За нос ее укусила оса —
Вот и не спит лиса.*

Я сорвал бурные аплодисменты. Не хлопала только горничная.

— Шахматисты — ужасные психи, включая тренера! И голос у тебя противный, — потом немного успокоилась. — Но вы лучше борцов. Вы хотя бы вонючие носки не разбрасываете.

РЫЖИЕ УСИКИ

Советские города для меня, участника многих соревнований, делились на две категории: «съедобные» и «несъедобные». Например, Казань — не самый гастрономически избалованный город, но там в середине-конце 1980-х имелась аппетитнейшая пельменная напротив одноименной гостиницы. Кормили сытно, вкусно и недорого. В Ташкенте, в кафе «Голубые купола», подавали не только изысканные восточные яства, но и самую настоящую западную кока-колу, которую я не встречал ни в одном другом городе СССР. В Новосибирске продавалась пепси-кола, но кока-колы нигде, кроме Ташкента, я не видел. В Москве, в первом в СССР Макдональдсе «наливали» спрайт. В Алма-Ате кормили чудесными, сочными мантами, сытным гуляшом и фаршированными перцами со сметаной. Даже заброшенный далеко в Восточную Си-

бирь Братск, хоть и отличался простотой блюд, но там следили за качеством и не скупилась на размеры порций. От картошки и котлет в гостиничном ресторане ломились столы. Кормили даже черной икрой.

На фоне всего этого прекрасного изобилия и индивидуального колорита, Брянск, куда занесла нас нелегкая, казался сиротой цивилизации. Вот уж где не ступала нога кулинара!

Заходим в гостиничный буфет, рядом с входом в который по чьей-то злой иронии висела табличка «ресторан». Но рестораном то заведение язык не поворачивается назвать. Впрочем, как и буфетом. Тесная и мрачная комната, заляпанный соусом пол и прилавок. Пышных размеров тетка в несвежем халате и с отсутствующим выражением на лице.

— Можно меню? — спрашиваю я.

— Все перед вами, — фыркает в ответ.

— У вас есть котлеты? — спрашивает моя спутница.

Тетка смотрит на нас ледяным взглядом, как будто война еще не закончилась, и мы не советские дети, а злобные бургеры.

— Девушка, разуйте глаза. Вы видите тут котлеты? Нет. Так чего спрашиваете?

— А что это за блюдо? — снова беру слово.

— Еще один... — нервно вздыхает хозяйка заведения. — Вы слепой или тефтелей с макаронами никогда не видели? Брать будете? Мы скоро закрываемся. Никто ждать не станет, пока вы глазеете. Стоят, перебирают — ажрались, барчуки!

— А вы даже когда разговариваете не перестаете жевать! — парирую.

Ее челюсти-жернова на мгновение прекратили перемалывать казенные продукты.

— Ах вы... шахматисты! — выдавила она с такой ненавистью, с какой не говорили об американском империализме на уроках политинформации. — Слышала я, поселили умников на нашу голову. Не зря говорят знающие люди, что противные вы, едкие. Заказывать будете?

Мы были последними в тот день посетителями. Тетка сняла с прилавка две тарелки и сунула нам под нос. Сама удалилась на кухню и вернулась с чем-то, похожим на салат из капусты, вполне приличного вида, который отсутствовал на прилавке. Она уселась у окна и стала задумчиво, не нарушая темпа, хрустеть.

Я ткнул вилку в спрессованную макаронную массу. Холодный желеобразный блин повис на зубцах, как будто вилами подцепили автомобильную крышку.

Моя спутница поддела тефтелину и взвизгнула. Прямо под ней покоился, как под надгробным камнем, усатый таракан. Бедная девушка чуть не расплакалась. Я забрал у нее тарелку и направился к уплетающей за обе щеки толстухе.

— Это что?!

— Где? — она равнодушно посмотрела на таракана.

— Вот это!

— И что?

— Я вас спрашиваю, что это с рыжими усиками?

Она подняла на меня мутный взгляд и повторила:

— С усиками... с рыжими... Ты тоже с рыжими усиками.

Признаюсь, я не нашел, что возразить на ее аргумент. Вернулся к своей спутнице.

— Так противно! — сказала она.

— Месть? — спросил я.

— Месть! — подхватила она.

План созрел мгновенно. Мы снова направились к тетке.

— Может быть, вы замените нам блюда на то, что едите сами?

То не была просьба, а последний шанс для тетки чистосердечно раскаяться в злодеяниях. Как мы и предполагали, матерая грубиянка-рецидивистка не только не раскаялась, но и заявила довольно ядовитым тоном:

— Не нравится — не ешьте!

В глазах моей подруги я прочитал: «приговор окончательный, без права на апелляцию!»

— Ой, что это у вас, — крыса! — закричала она.

— Где?! — подскочила толстуха.

— Вон там, вон она... хвост!

— Да где же?

— Наверное, показалось.

— В общем так, если вы поели, то выметайтесь отсюда! — потребовала хозяйка мрачной столовки.

Мы оставили тарелки и вышли...

Через пару секунда послышался крик. Тетка плевалась и верещала не своим голосом. Собственно, пока моя спутница отвлекала злодейку выдуманной крысой, я эксгумировал тело таракана из-под тефтелей и, перегнувшись через прилавок, перезахоронил бранные останки в салате поварихи — накормил ее стряпней ее же изготовления.

С того дня столовку мы обходили стороной и не забывали купить бублики к вечернему чаю.

Николай Макаров

(г. Тула)

РЯЗАНЬ

(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...Рязань. Первая моя попытка покорить есенинские места оказалась неудачной. С «волчьим билетом» в радиотехнический институт не брали. И меня не взяли. Но, видимо, не просто так мне эту «краснокожую книжицу» не дали. За мои красивые глазки, что ли? Вот, глаза-то меня и подвели весной-летом, после первого курса в Симферополе. Пришлось срочно (а как не хотелось!) переводиться в Рязань...

...Не помню по какой причине мне вдруг захотелось ознакомиться с книгой... аж и сейчас страшно сказать: муха ли укусила какая, моча ли ударила в голову.

Не помню...

На голубом глазу прямо со входа в областную библиотеку у дежурной администраторши интересуюсь, где можно взять эту одиозного, мягко говоря, автора книгу.

Как по мановению волшебной палочки рядом со мной возникли почти все сотрудники библиотеки, задавая всевозможные вопросы, касательно моей биографии, моего происхождения и т. д., и т. п. И чуть ли не силком, повели меня в кабинет заведующей библиотекой.

Тут, наконец, до меня дошли возможные последствия безумно-авантюрной идеи просто подержать в руках эту книгу. Вырвавшись из окружения работников библиотеки, я во всю прыть спринтера-перворазрядника выскочил из здания, благо, не назвал себя: кто и откуда я такой умный взялся.

Только через год я осмелился записаться в эту библиотеку, не боясь, что кто-то вспомнит безбашенного студента с его нелепой просьбой...

...На втором курсе, уже в Рязанском медицинском институте, я начал «баловаться» журналистикой (отцовские литературные гены, пожалуй, сыграли свою роль). Первый мой материал пошел почти без правки в молодежной областной газете «Рязанский комсомолец».

Писал обо всем. Как чукча, что видел, о том не пел, а писал. Написал и рассказ — былль о своем тренере по парашютному спорту, о мастере спорта Борисе Байзере, учившимся на курс старше меня в Симферополе.

О великом Человеке, Борисе Байзере, который разбился на тренировочных прыжках. И этот рассказ-быль (к сожалению, безвозвратно утерянный) на конкурсе, устроенном обществом Советско-Болгарской дружбы, занял второе место. Правда, без права публикации (цензура «зарезала»: не могут наши парашютисты на самых надежных парашютах в мире разбиваться. Измени, дескать, финал и печатай на здоровье. Не стал я менять: былль все же). Первые три места награждались путевками в Болгарию (!!!). Но... срок путевки приходился на октябрь семидесятого года. А октябрь семидесятого — это третий месяц моего пребывания в Томске. На пятом курсе

Военно-медицинского факультета. Оказалось военным, простым советским курсантам, выезд даже в наши, братские страны категорически запрещен. Вместо меня поехал кто-то другой. Но, надо отдать должное рязанцам,— они привезли мне кучу, очень большую кучу подарков и вручили мне их на зимних каникулах...

...Однажды, на четвертом курсе, за одну мою публикацию в «Рязанском комсомольце» было такое, такое было... Но, по порядку... Эту заметку привожу полностью.

«День из жизни «одинадцатой»

«Нас тринадцать — «незвучное» число. Но мы не сетуем на иронию судьбы: тринадцать так тринадцать. Группа как группа. Их сотни, тысячи таких групп. Но каждая чем-то отличается от остальных, чем-то своим, чем-то неповторимым. Свои, пусть небольшие, традиции, свои неписанные законы, свои порядки. И главное, как и у всего в жизни, — свое лицо и свой характер.

Учебные дни порой кажутся братьями-близнецами. Но, если взглядеться, вдуматься в каждый прожитый день, то окажется, что близнецов совсем и нет. Каждый день — это новая жизнь.

Сегодня четверг: занятия по радиологии. Обычный рабочий день. И первая его страница — политинформация. Сергей Кошеляевский рассказывает о поездке на целину, иллюстрируя рассказ красочным фотоальбомом, в котором отражена жизнь ССО-69 на Казахстанской целине. Очень интересны его комментарии с присутствующим только ему юмором. Слушать такого докладчика — одно удовольствие.

Теперь приступаем к занятиям. Они проходят как обычно без «неудов», без срывов.

После занятий — сообщение «разведки» о воскресной вылазке на лыжах в Солотчу.

Сегодня после лекции групповой просмотр нового кинофильма в «Молодежном», куда срочно командирован за билетами один из тринадцати. На завтра обеспечен диспут по просмотренному фильму.

Пока прямо из кинотеатра, наспах перекусив, спешим в спортзал на второй «матч века». В первом, еще осенью, одинадцатая уверенно победила своих соперников из 12-й группы. После игры судья объявил: «Со счетом 8:2 в этом историческом футбольном матче «железную» победу одержала одинадцатая, которой присваивается отныне звание «чемпион окрестностей»...

Теперь 12-я пригласила нас на матч-реванш, но уже по баскетболу. Победа, можно сказать, достигнута еще до игры: болеть за своих пришла вся группа, ибо чемпиону играется всегда труднее. А у соперников болельщиков нет. Поэтому-то наши ребята и чувствуют себя уверенно. И вот опять во второй раз наш бессменный судья Олег Ситников фиксирует победу группы. Матч-реванш не удался. На очереди встреча по волейболу и ручному мячу. Коля Преснов, организатор и инициатор этих матчей, обещает договориться с кафедрой физкультуры о регулярном проведении подобных соревнований.

Можно считать, что день уже закончился? Да нет, Преснов остается в спортзале — у него сегодня тренировка по легкой атлетике. Сергей с Володей Кузнецовым идут помогать Наде Андрюшиной переезжать в общежитие. Валя Баркина, наш комсорг, спешит на кружок по топографической анатомии. На кружок по терапии идет Люся Черняева. Валерий, лучший художник курса, отправляется оформлять курсовую стенную газету. У нашего профорга Нади Мошаровой свои профсоюзные заботы... Остальным же сегодня придется провести трудную ночь — дежурство по больнице. Возможно, кое-кто даже будет ассистировать на операции.

День заканчивается. А еще надо сделать домашнее задание, почитать книгу, подготовиться к лекции, посмотреть по телевизору хоккейный матч, помочь по дому.

Н. МАКАРОВ, студент РМИ».

...О своей группе я подал материал в газету где-то в декабре шестьдесят девятого. Материал не срочный, не слишком актуальный. Может полежать в портфеле у редактора, дожидаясь какого-то окошка в газете. Другие мои работы печатали без задержки — информация уходила «слета». И долежал этот материал о моей группе, аж, до 8 Марта семидесятого года. Вернее, купил я в киоске «Рязанский комсомолец» 7 марта. Купил, в аккурат, на перерыве между практическими занятиями и лекцией. «О моей группе» — на второй полосе. Радоваться должен, но какое-то нехорошее предчувствие вдруг охватило меня, засосало под ложечкой, сердце зашло в перебоих. Тут как тут староста нашей группы Нинка Пирогова подваливает:

— В пять часов тебя ждут в Парткоме (!) института.

Налицо картина Репина «Приплыли», вернее «Отплыли и утонули».

А в чем проблема? С чего ажиотаж? С чего сыр-бор?

Ларчик открывался просто: в новой общаге (открытый только под Новый год) на Высоковольной улице в первых числах марта произошла крупнейшая «разборка». Наших с городскими.

В результате этой разборки мои одноклассники (что это за слово такое — «одноклассники»?) Серега Кошеляевский и Коля Преснов с примкнувшим к ним из параллельной группы Юркой Синевым (в будущем — главный эндоскопист страны) изгонялись из института. Без права восстановления. Чтоб другим неповадно было, понимаешь. Приказ об их отчислении уже лежал на столе у ректора, который на тот момент, к счастью, был в отсутствии присутствия. Но восьмого вечером должен быть в присутствии и подписать «приговор» нашим возмутителям «Багдадского» спокойствия.

Но нехоти (нехоти ли?) появилась «писулька» в газете о «преступниках», в которой они и примкнувший к ним Синева выглядели вовсе даже не нарушителями социалистической законности, а, наоборот, образцово-показательно-комсомольскими студентами: будущие врачи. И «писулька-то» — какого-то Макарова. По чистой случайности не оказавшегося в их компании. Заодно.

И что главное, а может даже и основное, этот Макаров в свою институтскую многотиражку «За врачебные кадры» ни одного материала не представил. Негодяй эдакий! Перепечатывали его только из областных газет, акулу, этого самого, пера. Зажрался, гад! Пора вправить ему мозги по всем правилам комсомольско-партийной диктатуры пролетариата.

Более двух часов, не предложив мне присесть (прокурор, дескать, посадит), триумвират (секретарь Парткома института Григорьев, секретарь Комитета комсомола института Сеницын и председатель Профкома института Славка Сливин — мой одноклассник и тамбовский земляк) срывал с меня все маски, обвиняя... В чем меня только не обвиняли...

— Что будем делать? — подводя черту обвинениям, задал непростой вопрос секретарь Парткома.

— Вам виднее.— Мой нейтрально-глубокомысленный ответ не произвел на их каменно-обличительные лица абсолютно никакого эффекта.

— Конечно, мы можем написать опровержение в газетенку эту ср... но... — в председателе Профкома на глазах погибал (или рождался?) последователь Станиславского в растягивании паузы до бесконечности.

— Вам виднее.— Перед таким карающим триумвиратом счел наиболее благоразумным не оригинальничать и спокойно ждать приговора, тем более, по большому счету, мое мнение никого не интересовало.

— Ректор не будет подписывать приказ об их увольнении,— секретарь Комитета комсомола тяжело вздохнул,— по комсомольской линии мы с них спросим по всей строгости Морального кодекса строителя Коммунизма.

— Вам виднее.— Да-а-а! Вовремя, как ни парадоксально, как ни мистически, ох, как вовремя газета с этой моей заметкой-зарисовкой появилась.

— Хотя, жаль, что ты в Томск уезжаешь! — их печали не было предела.— Мы тебе за пятый-шестой курс такую бы жизнь устроили.

— Вам виднее.— Теперь настала моя очередь торжествовать, что незамедлительно отразилось в моей нагло-победной ухмылке.

— Но еще не все потеряно! И если ты за эти оставшиеся месяцы не будешь писать в нашу газету, то...

А чо, чо-то? Я оказался недоступен им, как в знаменитом фильме Фанфан-Тюльпан стал недоступен несостоявшемуся тестю за непреодолимой оградой тогдашнего Министерства обороны Франции.

Главное — ребята, мои товарищи, мои одноклассники и примкнувший к ним Синев остались в институте...

...И все же меня «прищучили» на экзамене. На последнем экзамене за четвертый курс в Рязанском медицинском институте. На экзамене по факультетской терапии.

Экзаменатор (то ли Рабинович, то ли Абрамович, то ли еще какой «-ович») когда-то, давным-давно, на третьем курсе попытался ухаживать за моей девушкой... Нахал какой! Но я-то не знал тогда, что он препод в нашем институте. Хотя, честно говоря, даже если бы знал этот его биографический штришок, разговор бы с ним был не менее болезненным для его организма. А может даже и более... Но он запомнил меня. Хотя и преподавал на другом факультете: то ли — на санитарном, то ли — на фармацевтическом, не в этом суть-то. Он и пришел на этот, мой последний экзамен. И персонально, почти силой, усадил меня перед собой. Экзамен — это не разборка на темной улице или в подъезде. Здесь, на экзамене, шансы явно были в его пользу. Здесь он меня, этот, с окончанием на «-ович», и подловил, как казалось ему, нокаутировал, поставив мне, конечно же, «неуд».

«Неуд», так «неуд»... Что, из-за него жизнь кончилась, что ли? Через пару дней делаю вторую попытку. Но с предосторожностями: крадучись, а где-то и попластунски, пробираюсь на экзамен. Но его национальное око было и на этот раз бдительным. Оно не спало! И хотя мне достался тот же самый билет, что и на первой попытке (тот же!!! — не мистика ли опять?), участь моя была предreshена.

Зачем тогда существует его величество «случай»? Зачем мне тогда достался тот же билет? Зачем?..

Моего врага (а как его, простите, называть) срочно вызывают из аудитории по неотложным делам. И в какие-то две-три минуты я объясняю ситуацию другому преподавателю-экзаменатору. Женщине. Естественно, «отбарабанив» без запинки все вопросы билета.

— Пятерки вам, конечно, будет много, тем более на пересдаче, да без дополнительных вопросов...

Тут в дверях появляется, как черт из табакерки, он (то ли Кацман, то ли Лоцман, то ли как еще на... «-ан»), а я шепчу экзаменатору (не поворачивается язык назвать ее экзаменаторшей), понятливой, доброй такой женщине.

— Ставьте скорее «тройку»! В ведомость! А потом в зачетку! И роспись!

Опа-на! Онаотреагировала мгновенно... Спасибо ей!..

...Другой случай. Тоже женщина. Другая женщина. Тоже преподаватель. По микробиологии. Такая дисциплина, изучающая всяческих невидимых гадов, которые кишмя кишат вокруг нас, на нас, внутри нас — везде. Которых видно только в микроскоп. Которые вызывают разные инфекционные болезни.

Надо такому случиться, что на первом же занятии я Серебряковой (такая вот у нее фамилия) по какому-то пустяку попался на «крючок». Только потом я узнал, что такой «карась», как я, у нее был в каждой группе. Но мне-то от этого было не легче — сидеть у нее на кукане. Или — на крючке. Что одно и то же.

Ваш покорный «карасик» ходил ей сдавать итоговый зачет перед экзаменом восемнадцать (!!!) раз. За малейшую неточность в ответе, не давая мне как следует по-

думать, осмыслить ответ, в конце концов, поправиться, она меня выгоняла из аудитории.

Но, как известно, против каждого лома, то есть шуки... далее по тексту, а я пошел «ва-банк»!

Экзамен по «микрухе» первой сдавала группа, где учился староста курса. И я, нагло вклинившись в их первые ряды, досрочно, за две недели до своего экзамена, без итогового зачета, почти врываюсь в кабинет заведующего (или, вернее, заведующей) кафедрой микробиологии профессора Ребровой (на тот момент — самый молодой профессор института), симпатичной миловидной тридцатилетней (или около того) женщине.

Беру билет. И отвечаю без подготовки! Все-таки — восемнадцать (!!!) раз сдавал зачет. Реброва берет мою зачетку:

— Пару-тройку дополнительных вопросов или ставить «четверку»?

— «Четверку!» — Не веря благополучному завершению своих мытарств на этой кафедре, еле слышно шепчу в ответ, боясь спугнуть удачу.

Реброва, самый молодой и самый симпатичный профессор института, выводит в зачетке свою подпись, ставит отметку и только тогда замечает, что у меня отсутствует запись о сдаче зачета. Недоуменно смотрит на меня и, опережая ее вопрос:

— Понимаете, небольшие разногласия с Серебряковой вышли по вопросам рыбной ловли.

Она заразительно смеется, эта самая замечательная профессорша института, и ставит свою подпись в другой графе, означающей, что и зачет мной тоже сдан. Ей сдан. Профессору Ребровой.

— И группа у тебя одиннадцатая, а не десятая,— отсмеявшись, она просто констатирует сей факт...

Выходя из ее кабинета с раскрытой зачеткой, я нос к носу сталкиваюсь с Серебряковой:

— Ты что тут делаешь?

— Ничего больше не делаю! Сорвался с крючка и слетел с кукана.

И показываю ей зачетку с двумя росписями профессора Ребровой...

...Весна. Четвертый курс. Скоро последняя сессия в Рязани. Скоро в Томск. На Военно-медицинский факультет. Иду на занятия. В КВД, кожно-венерологический диспансер, что на Галенческом шоссе. Занятие, понятное дело, по кожным и венерическим болезням.

Догоняю впереди идущую по своим девичьим делам девушку. Симпатичную, очень симпатичную, стройную девушку. Завожу разговор. Знакомлюсь. Договариваемся о встрече вечером. В кафе. Или еще где. Весна же на улице!!!

А пока... Пока, переодевшись в белый халат, захожу вместе со своей группой и преподавательницей в кабинет. Смотреть, принимать, назначать лечение больным. Кожным и венерическим. Вернее, только — венерическим. А точнее — больным сифилисом. Сифилитикам. Тема у нас сегодня такая — «Сифилис». Болезнь как болезнь. Больные, они — и венерические больные. И отношение врача к ним должно быть как к больным. Без эмоций, личной заинтересованности и неприязни.

Итак, поток пошел: мужчина, женщина, женщина, мужчина, жен... Она, моя недавняя знакомая. Девушка, с которой я должен был вечером пойти в кафе с последующими весенними мероприятиями.

Она же — она! она! она! — ни мало не смущаясь, раздевается до пояса (снизу до пояса раздевается), забирается по-свойски на гинекологическое смотровое кресло, раздвигает ноги... А там... А там полная иллюстрация темы нашего сегодняшнего занятия. В самом, что ни на есть, классическом виде...

Мистика?..

...Что-то мне захотелось уехать в Томск женатым человеком. С женой уехать. По

слухам, женатым на Военно-медицинском факультете давали временную квартиру (не комнату в общежитии, а именно квартиру). Но не это главное.

Она немножко походила на Софи Лорен из кинофильма «Брак по-итальянски». К тому же: спортсменка, комсомолка, скрипачка и... И!!! Дочь крупного партийного чиновника. Можно сказать: одного из крупнейших в Рязани. И что она во мне нашла? До сих пор не могу понять... Своя квартира. Машина — после визита в ЗАГС.

Вот так-то! Два месяца я с ней встречался почти ежедневно. Два месяца она меня не только не оставляла у себя с ночевкой, два месяца мы и не целовались-то. Во, как!

— Только после свадьбы! — непреклонно шептала она мне.— Потерпи! Ну, хочется мне такой романтики.

Терплю. Бог терпел и нам велел. Что мне оставалось делать. Через два месяца нашего знакомства она решает познакомить меня со своими родителями. Завтра собирается знакомить, а сегодня... сегодня состоится посещение драмтеатра, где идет премьера какой-то оперы.

Почему не сходить? Ради будущей жены. Невелика жертва, хотя эти оперы-балеты, мягко говоря, мне до «лампочки». Что тогда, что и сейчас.

Идем в театр. Начинаем с вешалки, раздеваемся, т. е. снимаем верхнюю одежду. На ней огромное декольте, что спереди, что сзади. Чтоб золота с камнями вмещалось как можно больше. Как у остальных женщин: и старых, и средних лет, и молодых.

Садимся в ложу (куда еще?). До начала спектакля считанные секунды. Поворачиваюсь к ней, и в этот момент...

В этот момент один из прожекторов вырывает ее своим лучом из начинающегося полумрака. Я наклоняюсь к ней, готовый поцеловать в лебединую золотоцепочную шею и... и меня разом прошибает холодный пот.

Во всей красе на оголенных плечах, шее, особенно на спине, проступают... сифилитические пятна. Вторая стадия сифилиса. Недавно проходили. Чуть с одной девушкой не обжегся... Вот вам и закон «парных случаев».

...Не знаю, как я досидел до окончания спектакля, а не убежал сразу же из зала театра. Не знаю! Но в квартиру к ней — впервые она пригласила меня с ночевкой — бульдозером было меня не затащить. А тут и отъезд в Томск, кстати, подоспел...

Мистика?

...Перед отъездом в Томск, аккуратно, перед самой летней сессией проводился День эстафет среди высших заведений Рязани: медицинский институт, радиотехнический институт, сельскохозяйственный институт, педагогический институт и четыре военных училища: десантники, автомобилисты, связисты и эмвэдэшники.

Мне предстояло бежать первый этап эстафеты 4 × 100 м, последний — стометровый этап — в большой шведке (800—400—200—100), с чем я справился очень и очень достойно.

Последняя эстафета: 4 × 400 м. Перед нашим институтом стоит задача не пропустить вперед радиотехнический институт; остальные команды нашим институтам давно не конкуренты. Все бы ничего, но на старт не приходит, вообще не появляется на стадионе, мастер спорта, член сборной страны именно на четырехсотметровке Игорь Хлопов.

Тренеры обращаются ко мне с предложением пробежать третий этап этой эстафеты. Отнекиваюсь, дескать ни разу не бежал этой дистанции, не знаю тактики и стратегии, да и устал после двух предыдущих эстафет.

— Ты главное — не пропусти радийщика, а там...

Получаю эстафетную палочку вторым, первым с разрывом метров на двадцать бежит какой-то военный — не до него. Палочку получил и рванул как стометровку. За двести метров до финиша я достал этого военного — еще пару шагов и его обгону...

Не тут-то было: ноги стали стопудовыми, не могу сделать и шага, задыхаюсь от нехватки воздуха, в глазах темные круги. Как передал палочку на четвертый круг —

абсолютно не помню, но отчетливо в беспамятстве помню, что радийщиков не пропустил вперед.

Кубок наш!

...«Чем больше в Армии дубов — тем крепче оборона!»

С мудростью этой пословицы-поговорки я впервые познакомился, будучи еще сугубо штатским, гражданским человеком. На четвертом курсе медицинского института. В Рязанском областном военкомате.

Нас, семнадцать студентов, добровольно изъявивших желание связать дальнейшую свою судьбу с армейской службой, направляют в Томск. На Военно-медицинский факультет. Где на пятом-шестом курсах обучаются в курсантских погонах такие же, как и мы, студенты со всего Союза. Из многих медицинских институтов. Своеобразный филиал Ленинградской Военно-медицинской академии в урезанном виде.

Из семнадцати студентов, т. е. из нас (все — одногодки, плюс-минус год) у меня только одного (!) военный билет. Красного цвета. В коленкоровой обложке. С убийственным штампом на соответствующей странице: «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное время». Статья. Подпись председателя ВВК (Военно-врачебная комиссия). Печать. Синяя. Гербовая. Закрывающая шлагбаум перед моей попыткой прорваться в ряды Красной Армии.

У остальных шестнадцати (!) будущих офицеров медицинской службы — приписные свидетельства. На грязновато-белой бумаге. Мятой бумаге. Без коленкоровых обложек.

И ни у одного военного: ни в военкомате, ни в Томске — ни у кого не возникало не то что там подозрения какого, не возникло простого любопытства: «Почему это у одного из них такой красивый военный билет, а у остальных — серенькие приписные свидетельства?» Почему? Ладно, в Рязани нас было семнадцать человек, а в Томске-то?.. Более трехсот студентов приехали и у всех, считай, приписные свидетельства.

Да...

Хотя, открой кто мой военный билет, ничего бы там компрометирующего и не обнаружил. Не было в билете ни статьи, ни подписи председателя ВВК, ни синей гербовой печати. Ничего не было. Листика этого не было в военном билете. Вырвал я его. И прослужил в Воздушно-десантных войсках, будучи «Не годен к службе в мирное время», больше двадцати лет.

...С деятелями (иначе их не назвать) из Рязанского военкомата, сто процентов подтверждающих пословицу-поговорку о дубах, мне пришлось еще раз столкнуться, когда я оформлял документы по увольнению из Армии. На пенсию. Посылал в вышеупомянутый военкомат запросы (не я посылал — отдел кадров посылал), несколько раз приезжал сам (благо, близко). И что же?

Не было в архивах военкоматов Рязанского областного и городского моей фамилии в списках, отправленных в том, далеком семидесятом году в Томск. В списках, призванных в ряды Советской Армии. Не было моей фамилии. Как не было ни одной фамилии тех семнадцати человек. Не было такого списка. Не существовал он в природе. Вот так! А приказ был. В котором гласило, что в Томск отправлена команда из семнадцати человек. И все! Ни одной фамилии. Кто? Зачем? Для чего? Отправлено семнадцать человек. По разнарядке. Отчитались пред вышестоящим командованием. И баста!

Мне же было сказано, что раз фамилии нет, то и «неча» качать права, ишь, самозванец какой выискался, много вас таких тут шляется, и нечего, понимаешь, безобразиями безобразничать в нашем образцово-показательном военкомате. Людей от непосильного труда отрывать (ковать оборону и мощь Красной Армии... мешать им).

Вот, говорите, супостат НАТОвский нас завоюет!?!.. Подавится — с такой-то дубовой обороной...

Нина Левина
(г. Керчь)

ФЕРМА

Член Союза писателей Крыма. Финалист и лауреат различных литературных конкурсов. Автор фантастических романов и детских книг. Публиковалась в литературных журналах.

Выбирая мороженое, Ника отвернулась всего на несколько секунд, а повернувшись, застыла от ужаса. Трехлетний Захар свесился с бетонного парапета (когда только успел взобраться на него?) и рукой тянулся за слетевшей панамой к темно-синей морской поверхности.

— Захар! — крикнула Ника и бросилась к малышу.

Он поднял светло-русую головешку, покачнулся и свалился бы в воду, если бы не молодой мужчина в белоснежной тенниске. Одной рукой тот подхватил Захара, а второй ловко достал из воды его панаму.

— Я же велела тебе стоять рядом! Что за непоседа! — Ника забрала малыша из рук незнакомца.— Спасибо вам большое за племяшку!

— Так это племянник! А я думал сын,— улыбнулся мужчина,— похожи вы очень. Шустрый мальчонка. За такими тяжело уследить.

— Да, на месте не стоит, все время куда-то тянет. Зачем я только повела его на набережную? — вздохнула Ника.

— Вы, кажется, хотели купить мороженое? — Мужчина кивнул в сторону лотка.

— Да, но...

— Я тоже, идемте.

Они оба выбрали фисташковое и медленно пошли вдоль набережной. Захар снова забрался на парапет, но теперь мужчина крепко держал его за руку, пока малыш прыгивал на тротуар с веселым заливистым смехом, а потом снова карабкался вверх.

— А вы хорошо справляетесь с ребенком,— заметила Ника.— На своих научились?

— У меня своих пока нет,— улыбнулся незнакомец.— Для начала нужно женой обзавестись.

— Тогда откуда столько терпения и энергии?

— Наверное, навыв с работы. Приходится много с молодым возиться. Кстати, мы ведь еще не познакомились. Я — Глеб, Захара уже знаю, а вас как зовут?

— Ника.

— Победа. Хорошее имя, вам идет.

Как же, идет! Победа представлялась Нике высокой женщиной с правильными чертами лица и длинными темными волосами с крупными локонами. Ника была полной противоположностью — невысокая, чуть полноватая (на ее взгляд), со вздернутым носом и светло-русыми кудряшками до плеч. Она недоверчиво посмотрела на

Глеба, но в его серых глазах не было ни капли насмешки. Наоборот, он смотрел на Нику с теплотой и нескрываемым интересом.

— Ладно. Спасибо, Глеб, мы пойдем домой. Племяшке пора на дневной сон,— сказала Ника, беря Захара за руку, но он вцепился в Глеба и захныкал, не желая расставаться с новым другом.

— Придется пойти с вами,— рассмеялся мужчина.

— Ну что вы,— запротестовала Ника, но он уже не слышал ее, подхватил мальчика и понес его, жужжа, как взлетающий самолет.

Ника шла следом и потихоньку наблюдала за Глебом. На вид он был лет на пять-шесть старше ее, крепкий и загорелый, с обветренным приятным лицом. Очень симпатичный молодой мужчина, с умным взглядом и доброй улыбкой. Вот только его руки смущали девушку — покрытые ссадинами и порезами. Странно, сказал, что по работе с молодым возится — тогда почему столько мелких ранок? Впрочем, какая разница. Сейчас ответит Захара домой и отправится дальше по своим делам, оставив о себе лишь легкое воспоминание, которое вскоре вытрется из памяти.

Но Глеб никуда отправляться не собирался и, как только Захар был передан маме, предложил Нике прогуляться и выпить кофе. И разве она могла отказаться от прогулки в такой чудесный день? Июньское солнце еще не обжигало, а ласкало теплом, не прогрешее море дарило прохладу, а в голубой вышине плыли игрушечные облачка. На черноморском побережье царила идиллия, так располагающая к мечтам и романтическим знакомствам.

— Очень люблю море,— сказал Глеб, когда они устроились на открытой террасе кафе.— И когда оно синее и нежное, как сегодня, и когда злое и бурлящее, и когда серое и хмурое. Так бы и смотрел на него часами.

— Тогда тебе надо в рейсы ходить моряком дальнего плавания,— заметила Ника, делая глоток капучино и жмурясь от удовольствия. Во время прогулки они с Глебом много разговаривали и незаметно перешли на «ты».— Не часами, а месяцами будешь морем любоваться.

— Зачем же моряком? У меня высшее образование, специальность судомеханика. Я и ходил в рейсы,— усмехнулся Глеб.— А два года назад сменил работу. Устроился на ферму.

— На ферму? — Ника поперхнулась от удивления.

— Да. Тоже хорошая работа. Ухаживаю за молодым на грядках.

Так вот почему у него руки в ссадинах! Он простой рабочий, занимающийся грядками на ферме. Нике даже пить расхотелось, когда она представила, как Глеб ползает на четвереньках в поле и прорывает молодые всходы морковки или свеклы. Она отодвинула чашку и в немом изумлении уставилась на мужчину. Кто в здравом уме откажется от работы на рейсах? Все мечтают попасть на суда дальнего плавания. Там ого-го какие зарплаты платят! И девчонки счастливицы те, кому удастся выйти замуж за плавающего мужчину. Живут в свое удовольствие, работу находят для души, только чтобы от скуки не помереть, ни в чем себе не отказывают. И вот после такого клондайка — работником на ферму. Что-то, видать, с этим Глебом не в порядке. Может, пьяница? Но нет, совсем не похож. Алкоголь быстро наносит заметный отпечаток на лицо, меняет повадки, ломает голос. Скандалист? Вряд ли. Говорит спокойно, держится с достоинством. Тогда что с ним не так? Глеб, видимо, заметил отразившуюся гамму чувств на лице Ники и спросил:

— Удивлена?

— Немного,— девушка пожала плечами.— Странная смена занятий.

— Разве? Ну, тут я не первопроходец,— усмехнулся мужчина.— Один римский император отказался от власти и стал огородником. Впрочем, я ведь не на совсем обычной ферме работаю.— Глеб задумался на минуту, а потом неожиданно спросил: — Ты с аквалангом нырять умеешь?

* * *

Старый, запыленный внедорожник Глеба медленно, но уверенно преодолевал рытвины и ухабы грунтовой дороги вдоль побережья. Спокойное Черное море яркой синевой простиралось до самого горизонта и, словно усыпанное бриллиантами, сверкало в лучах солнца.

— Так и не скажешь, куда мы едем? — в который раз спрашивала Ника, любуясь видом и вдыхая солоноватый воздух. — На дикий пляж?

— Скоро увидишь, — загадочно отвечал Глеб, одной рукой притягивал девушку к себе и целовал в губы.

Раскрасневшаяся от счастья и солнца Ника отвечала на поцелуй, а потом кричала:

— Не отвлекайся! Держи руль крепче!

Они встречались уже почти месяц, но Нике казалось, что знакомы всю жизнь. С Глебом было хорошо и легко, она и сама не заметила, как влюбилась в него. А он признался, что как только увидел Нику впервые, сразу понял, что она именно та, единственная, о которой мечтал. Любовь стремительно подхватила их и закружила в водовороте упоения друг другом.

Машина совершила крутой поворот, и неожиданно перед глазами Ники открылась небольшая бухта, защищенная с трех сторон отвесными берегами. Недалеко от воды, на песчаной почве со скудной растительностью, расположились несколько строений, напоминающих добротные сараи. Вокруг были развешаны сети, канаты, лежали бухты тросов и какие-то ящики в мелкую сетку. В море уходил причал, возле которого покачивался маленький катер. На его борту суетились двое мужчин с голыми загорелыми торсами. Один пожилой, усатый, в широкополой соломенной шляпе, второй — молодой парень, в повязанной на голове бандане. Глеб припарковал машину возле домиков.

— Приехали, — сказал он и помог Нике выйти.

— Осталось понять — куда? — спросила девушка, оглядываясь.

— На ферму. Здесь я работаю.

— Шутишь? — Ника недоверчиво взглянула на мужчину. — Ферма среди песка на берегу моря?

— А ты посмотри во-он туда, — мужчина указал рукой вдаль. — Видишь, ряды темных буйков? Это и есть грядки с молодняком, за которыми я ухаживаю. Это морская ферма. Тут выращивают мидий и устриц. Пойдем, я тебе все покажу.

Он помог Нике подняться на борт катера и поздоровался с мужчинами.

— Это Ника, моя девушка. А это Данила и Тимофей Петрович.

Данила учтиво пожал Нике руку, а Тимофей Петрович только одобрительно кашлянул, огладив усы.

— Очень приятно. Так что, Глеб, можно заводить?

— Заводи. Бери курс к дальнему ряду. Проверим, как там у малышни дела.

Катер заурчал, медленно отшвартовался от причала и пошел, набирая скорость, в море.

— Буйками обозначены специальные многоярусные клетки, в которых растут устрицы, — пояснял Глеб Нике, надевая гидрокостюм. — Клетки подвешены к натянутым канатам, которые по аналогии с земляными можно назвать грядками.

— А зачем их подвешивать? Разве нельзя установить на дно? — спросила Ника.

— Нельзя. Важно, чтобы клетки были сильно погружены в воду, но при этом не касались дна. За этим мы внимательно следим. На дне для устриц таится серьезная опасность — рапаны. Их завезли в море в сороковых годах прошлого столетия на днищах судов, и это стало настоящим бедствием для черноморских устриц, гребешков и мидий. С мидиями проще — они цепляются в море к любой поверхности, поэтому часто недоступны для рапанов. А устрицы и гребешки практически полностью

уничтожены, потому что лежат на дне. А ведь раньше в Черном море было полно этих деликатесов.

— Надо же! А я и не знала.

— Да, вот к чему приводит нарушение экосистемы. С виду красивые ракушки рапаны — прожорливые хищники, к тому же очень сильные. Они легко вскрывают устриц и поедают их мясо, либо пробуравливают отверстие в раковине, впрыскивают яд и ждут, пока моллюск сам раскроется.

Тем временем Тимофей Петрович подвел катер к первому бую последнего ряда, заглушил мотор и бросил якорь. Глеб закончил экипировку к погружению под воду и весело подмигнул Нике:

— Может, все-таки согласишься взять несколько уроков подводного плавания? Я бы тебе показал, как выглядят грядки. Под толщей воды они смотрятся очень красиво.

— Я тебе верю на слово,— поспешно сказала Ника. Она ужасно боялась глубины, и мысль о погружении в полумрак да еще и с трубкой во рту приводила девушку в ужас.

За ее спиной что-то загудело. Это Данила привел в действие установленный на борту подъемник, и вниз, к морской поверхности, медленно опускался грузовой крюк. Глеб махнул рукой, закрыл лицо маской, вставил в губы трубку для дыхания и плюхнулся за борт. Вместе с крюком он скрылся под водой.

— А зачем он нырнул? — спросила Ника Данилу.

— Надо отсоединить клеть, чтобы поднять ее на борт. Пора проверить спат, промыть и почистить.

— Спат?

— Да, так называют малышей устриц. Прибыли к нам аж из Франции,— с гордостью произнес парень.

— А разве у вас нет своих малышей? — удивилась Ника.

— Слишком затратный процесс,— покачал головой Данила.— Надо специальную ферму строить, условия создавать. Гораздо проще заказать готовых.

Подъемник снова загудел, и из воды показалась большая клеть прямоугольной формы, заросшая водорослями и мелкими ракушками. Данила аккуратно поставил ее в специальный отсек на палубе и отцепил крюк. Следом за клетью на борт поднялся Глеб.

— Ну, что там?

Тимофей Петрович счистил морскую траву и снял верхнюю крышку, выполненную из мелкой металлической сетки. Вся клеть состояла из такой сетки. Ника заглянула внутрь и улыбнулась, увидев разложенные на первом ярусе маленькие раковины. Малышня, как есть.

— Хорошо подросли,— заметил Глеб, перебирая крохотных устриц.

Они с Данилой ловко, но аккуратно счистили с них водоросли, промыли и положили обратно. Ника теперь поняла, откуда на руках Глеба мелкие ссадины. Не всю работу было удобно выполнять в перчатках, и мужчины часто снимали их. Открыв второй ярус, Глеб нахмурился.

— А эти как здесь оказались?

На его ладони лежали две маленькие рапаны.

— Штормило сильно месяц назад,— пожал плечами Данила.— Наверное, забросило сквозь отверстия.

— Черт! — не сдержался Глеб, вытаскивая пустые ракушки.— Половину сожрали, не меньше.

— И что теперь? — спросила Ника.

— Добавим спат с других ярусов для равномерности.

— У вас будут большие убытки?

— У нас? — переспросил Тимофей Петрович.

— Ну да. Это ж ваша ферма?

Мужчины переглянулись и весело рассмеялись.

— Увы, Ника, но ферма не наша,— обнял девушку Глеб.— Мы лишь незаменимые, но хорошо оплачиваемые работники. Ты даже не представляешь, сколько нужно денег, чтобы завести подобное хозяйство! И хотя государство частично поддерживает морские фермы, но вложения все равно требуются капитальные.

— Видела я цену устриц в ресторане,— пожала плечами Ника.— Эти вложения, наверняка, прибыль приносят огромную.

— Наверняка. Только далеко не сразу. Знаешь, сколько растет устрица до товарного вида?

— Сколько?

— Два-три года. И дорастает не вся. При разных обстоятельствах потери могут составить половину. И все это время нужно содержать грядки в порядке, чистить, перебирать, сортировать раз в два месяца, платить работникам зарплату, чинить оборудование, закупать новое. На крупных фермах, там, где содержатся тысячи клетей, окупаемость гораздо быстрее и доходы высокие. Они самолетами по всей стране свою продукцию поставляют. А на маленькой ферме, как наша, все намного скромнее. Ведь помимо денег, сколько нужно терпения, влияния и связей, чтобы тебе позволили взять в аренду на длительный срок часть береговой полосы и выделили кусок морской акватории! Одного желания работать — недостаточно. Слишком много тонкостей и нюансов.— Глеб вздохнул.— Я бы хотел, чтобы таких ферм было как можно больше. Чтобы устрицы не пугали ценой в ресторане и были доступны каждой семье. Чтобы мидии продавались в любых уголках страны свежие, а не только замороженные, и люди легко могли покупать их вместо жуткой курятины, напичканной стимуляторами роста и антибиотиками.

— Но тогда устрицы и мидии перестали бы считаться деликатесами и перешли бы в разряд обычной еды,— пожала плечами Ника.

— И это было бы правильно! Люди стали бы намного здоровее и жили бы дольше. Устрицы и мидии — практически чистый белок, содержащий море полезных микроэлементов. Употребляя их в пищу, легко можно восстановиться после тяжелой болезни или операции, не говоря об онкологии. Морепродукты в рационе — это снижение количества онкобольных. Нужно не сотрясать воздух лозунгами о заботе населения и при этом завозить пальмовое масло тысячами тонн, а развивать морские фермы.

— Ты хочешь сказать, что здесь вы не пичкаете устриц гормонами роста? — спросила Ника.

— Устриц гормонами? — Глеб с удивлением посмотрел на девушку, а потом рассмеялся.— Мы их вообще ничем не пичкаем. И даже не кормим.

— Не кормите? Но как же они растут?

— Еда — в воде. Устрицы питаются планктоном. Им этого достаточно.

— А ты думала, мы их каждый день подзываем — цыпа-цыпа-цыпа? Как цыпят? — усмехнулся Данила.

— Что-то вроде того,— кивнула Ника.

Мужчины снова рассмеялись.

— Ладно, повеселились и работаем дальше.— Глеб с нежностью посмотрел на Нику.— Можешь расположиться на корме и позагорать. А если возникнет желание искупаться в самой чистой воде Черного моря — я помогу тебе спуститься с катера.

— Тут самая чистая вода?

— Конечно. Устрицы и мидии — отличные фильтраты. Каждая пропускает через себя за день в среднем около шестидесяти литров воды.

— Я лучше посмотрю, как вы работаете.

Ника с улыбкой наблюдала за погружением Глеба, когда к ней подошел Тимофей Петрович.

— Глеб у нас молодчина,— сказал он.— Хозяин хотел его своим замом назначить, но он не согласился. Не хочу, сказал, бумажками заниматься и общаться с чиновниками. Море — это все для Глеба.— Мужчина помолчал немного, а потом добавил: — После матери, конечно.

Ника взглянула на Тимофея Петровича с любопытством — Глеб редко говорил о маме, но всегда с какой-то особой теплотой. Обещал их познакомить, как только та вернется из санатория.

— Два года назад у нее диагностировали рак,— продолжал Тимофей Петрович.— Врачи беспомощно развели руками и дали месяцев пять-шесть от силы. Глеб как раз тогда вернулся из рейса и бросил все силы на лечение. От следующих рейсов отказался, решив, что деньги — это не все, любовь и забота сына для матери важнее. Он не хотел верить, что ей осталось совсем немного, перелопатил горы информации о лечении онкобольных и где-то наткнулся на упоминание о пользе белка свежих морепродуктов. Узнал о существовании этой фермы и уговорил хозяина взять его на работу. А у нас тогда как раз первый урожай созрел, да и то только мидий. Устрицам еще минимум полгода расти надо было. Глеб согласился поначалу на смешную зарплату и частично брал мидиями. Дома выпаривал из них бульон каким-то хитрым способом и поил мать. Потом добавил в рацион свежие устрицы. Уж не знаю, что стало причиной — чудо, любовь сына или белок моллюсков, но женщина пошла на поправку. Сейчас вообще молодцом держится, вроде как и не было приговора от врачей. Только рак — штука коварная. Он умеет ждать и выпрыгивает спустя время, как черт из табакерки. Потому Глеб и держится за эту работу.

— Какая необычная история,— прошептала Ника.— А я ничего не знала, он мне не говорил.

— Он об этом не любит рассказывать. Слишком личное. Зато теперь ты знаешь, девочка, что надежнее и вернее Глеба — вряд ли найдешь. Вот так-то.

Тимофей Петрович отошел к подъемнику, а Ника едва сдержала слезы, когда представила, как ее сильный загорелый Глеб ухаживает за умирающей матерью, не теряя надежды на выздоровление. И ведь не сказал ей ни слова! Милый, любимый Глеб! Мужчина предстал перед девушкой в новом свете, и она с тревожным ожиданием всматривалась в синие воды, поглотившие его. Но Глеб вскоре вынырнул и весело помахал Нике. Они с Данилой и Тимофеем Петровичем вычистили еще около десятка клеток, прежде чем сделали перерыв. Данила и Тимофей Петрович устроились с бутербродами и лимонадом на корме, а Глеб решил угостить Нику свежими устрицами. Несколько штук лежали в холодильнике катера, погруженные в воду.

— До отправки на стол они должны профильтровать очищенную воду,— пояснил Глеб, тонким острым ножиком вскрывая раковину.

— А почему она не пицтит? Умерла? — спросила Ника, глядя на мясистое полупрозрачное содержимое.

— Это все из области сказок,— рассмеялся Глеб.— Как и то, что устриц можно есть в месяцы с буквой «р» в названии. Выращенных на ферме и доставленных к столу с соблюдением температурного режима можно есть всегда. Даже без лимонного сока и соусов. Просто так. Вот, попробуй! Только не сразу глотай, а пожуй немного, чтобы почувствовать вкус.

Ника зажмурилась и внутренне напряглась, чтобы не скривиться, но неожиданно для себя поняла, что ей нравится это нежное, чуть солоноватое водянистое мясо.

— Вкусно,— удивленно проговорила Ника.— Очень необычно. Кажется, я начинаю понимать гурманов. Но ты говорил, что на ферме выращиваются и мидии. С ними вы так же возитесь?

— Нет, с мидиями гораздо проще. Они быстро размножаются и мальков в наших водах полно — достаточно только предоставить место для заселения,— улыбнулся

Глеб.— Мы опускаем в воду вертикально деревянные бруски, обмотанные канатами — мидии сами к ним цепляются и растут большой дружной семьей.

— А жемчуг в устрицах часто находят?

— В наших, к счастью, не находят. На самом деле это плохой признак. Значит, в раковину попал песок. Как тебе устрица? Вскрыть еще одну?

— Давай,— согласилась Ника.

— Сюда вставляем нож, погружаем его, потом проводим, срезая ножку, и раз — створки открываются,— пояснил Глеб, раскрывая устрицу.— А теперь сама освободи от второй ножки, и можно наслаждаться.

Ника осторожно взяла устрицу, поддела ножиком мясо и вдруг воскликнула:

— Ой, там что-то есть!

— Неужели жемчужина? — улыбнулся Глеб.

— Нет,— девушка достала из-под устрицы тоненькое колечко с маленьким, сверкнувшим на солнце камешком.— Что это? — Она с удивлением посмотрела на Глеба.

— Это — предложение руки и сердца.— Мужчина взял колечко из руки замершей Ники и надел его ей на палец.— Ты выйдешь за меня?

Ника обвела задумчивым взглядом берег и сияющую морскую синеву, посмотрела на небесную лазурь, подернутую светлыми перьями облаков, и обвила руками шею Глеба. Наверное, для приличия надо было бы сказать, что она должна подумать, но Ника для себя уже все решила.

— Да,— прошептала она, целуя Глеба.— Да,— повторила она, растворяясь в его крепких надежных объятиях.

Светлана Чернышева
(г. Вологда)

Занимается литературоведением, разрабатывает методики изучения произведений детьми, пишет сценарии, а также стихи и рассказы. Проза для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

В середине декабря дед засобирался в лесное путешествие: машину починил и лыжи намылил. А потом подмигнул мне, потому что молодость вспомнил: как он в лесниках ходил...

— Кругом,— говорит,— птицы летают, под ногами снег пушится, а облака шапку задевают и пахнут парным молоком с медом. Чудеса, да и только.

Все бы хорошо, только я, как представил, что без деда останусь хоть на пару денечков, тут же заныл:

— Дедулечка, мне без тебя никак нельзя. Родители до поздноты работают, а потом отдыхают — в телевизоре. Их только пультом и можно оттуда вытащить. Щелк! — экран потух, родители ужин побежали готовить. Я как-то раз этот пульт три часа искал, проголодался не на шутку. Но это ничего, нашел все-таки!

Смотрю, дед призадумался, потому что бороду стал рукой теребить. Борода у него обыкновенная, но от волнения резко начинает расти. Чего только не приключится от переживаний. И напридумывается всякого! И вдруг дед от бороды отступился и предложил мне с ним вместе отправиться. Вдвоем-то веселее!

— Дедуля,— говорю,— это ты правильно решил, поехали скорее, а то я тебя страсть как уговаривать устал.

И он меня в старую-престарую машину посадил и термосный чай-неостывайку в стакан-колпачок налил, для удовольствия и теплоты. И вот, не успел я глаза закрыть на пару часиков, как машина дедова заглохла. Бывает же такое в дороге! А потом и вовсе заводиться передумала. Сижу я в машине и чаем греюсь, а дед лыжи готовит и сани достает, потому что приключения не всегда комфортными бывают. Жалко, конечно, что не все неприятности пультом можно исправить. А то бы я звук у вьюги убавил. А через час кружения по лесу и совсем выключил бы эту историю. Потому что очень мне захотелось в иную сказку, летнюю и теплую.

— Терпи,— уговаривает дед,— до лесной сторожки совсем чуть-чуть осталось. Как туда доберемся, сразу и в сказку попадем.

Я, конечно, сомневался, потому что сказки разные бывают. Иногда они мне вообще не нравятся. Поэтому я книжку на самом страшном месте захопываю. Бывает, что и снова открываю, когда попугаться захочу. Но не тут-то было, там как раз мило-та и начинается. Так что всякая сказка полна непостоянностей. А дед все тянет-потянет меня за веревочку прямиком в свою сказку.

— Смотри, лежебока,— говорит,— вот он, зимний лес, настоящий край чудес.

Оторвался я от санок, ноги поразмял, проваливаясь в сугробы. Смотрю и ничего особенного увидеть не могу. Елки и березы от снега гнутся, а ветер им вьюжные песни поет. Да дед лопатой дорожку к маленькому домику разгребает.

— Сторожка,— говорит дед, вытрясая снег из своих большущих валенок,— как новенькая стоит, словно время никуда не умчалось.

— Только твоя борода отросла, а так ничего не изменилось,— съязвил я.— Да и на лесном домике тоже седина появилась.

А потом я подумал немножко и добавил:

— От вьюги, наверное...

Первую ночь я спал как бесчувственный. А дед, наоборот, будто молодость вспомнил, тут же сон потерял. Все по лесу на лыжах носился, даже до речки добежал. Правда, помолодеть у него не получилось, но зато спокойным и улыбчивым стал. Совсем уютным.

Вскоре и в нашем домике появился уют: шелкала угольками печка, пахло маминими пирогами и папиной ухой. Мы весело наводили порядок вокруг. Порядок стал частью нашего лесного существования. С утра — бег на лыжах, он же лесная гимнастика. Ближе к обеду мы с дедом уже на речке — рыбу ловим. Ух ты — какую большую поймали! Только теперь самим и чистить придется, чтобы ухой побаловаться. Зато вкусотища, пальчики оближешь. Главное, чтобы к вечеру еще погулять успеть и с елками поболтать... Я как раз про эту прогулку первую сказку и расскажу.

СКАЗОЧКА ПРО ЕЛОЧКУ

Думаете, что елки — «зимой и летом одним цветом»? Стоят себе зелененькие и счастливо шишками побрякивают. Ошибаетесь, потому что зимой, я теперь точно знаю, они белые-белые, вроде как достающие до небес сугробы. И постоянно цепляются... Первое время я пугался, когда они колючими ветками за куртку хватались. И туда-сюда лыжами елозил, чтобы вырваться. От страху-то всякое бывает! А один раз я даже язык показал, чтобы знакомая елка обиделась посильнее. Только не тут-то было, она тоже не растерялась. Взяла и запустила снежком прямо за шиворот. Я обычно шарфом повязывался и капюшон на глаза опускал, а тут беззащитным оказался. Вот она и заприметила. Безобразница!

— Чего,— говорю,— дергаешься?

А она иголки сморщила и запричитала:

— Язык не для того существует, чтобы его высовывать и дразниться...

Тогда я свой язык еще сильнее высунул. Потому что он устал во рту без дела валяться. И как начал им всякие выкрутасы закручивать: тря-ли-маку-лу — ка-ра-ра-ра... Тут уж елка замолчала, наверное, не знала, чего ответить. Победил я ее в споре! У меня таких ответиков штук сто найдется. Намолол с три короба и дальше по лыжне побежал. А когда я свои обычные круги по лесу намотал, разматывать их не стало получаться. Лыжня будто в паутину превратилась, путаную и непонятную. И лес перестал быть веселым. А все из-за этой елки, которую я найти никак не мог. Я по ней всегда ориентировался. Сама огромная, а длинной кривой веткой в сторону сторожки показывает.

Сидел я теперь в сугробе весь заиндеветый и был, наверно, похож на монстра. Ни о чем не думал и замерзал потихоньку. И вдруг слышу: в заледеневшие уши шепот пробивается.

— Иди, покажу дорожку,— наконец-то объявилась знакомая елка. А потом и веткой замахала, вроде как прятаться передумала. И я поплелся греться в сторожку.— Придешь, выпей чайку теплого с медом,— прошелестела вслед она, вроде как подружка.

Одна беда, деда в сторожке не оказалось, он по лесу бегал и меня искал. Так елка все про меня и разболтала... Сами посудите, как бы дед догадался меня горячим чаем отпаивать, а уши шерстяным шарфом оттирать.

СКАЗОЧКА ПРО ЗАЙЧИКА

В городе я все кролика выпрашивал. Он в зверином магазине жил, на соседней улице. Я туда деда каждый день за руку тянул, только не тут-то было. Дед, собственно, не очень подтягивался, а больше отбрыкивался.

— Видал,— говорит,— какой этот кролик с клеткой дорогуший? Хорошо, что в лесу зайцы бесплатные.

Я тогда не очень-то поверил, что зайцы такие доступные, в отличие от кроликов, но спорить не стал. Наверное, иногда стоит и прислушаться. В конце концов, при случае можно и припомнить... И вот в лесу принялся я про зайца вспоминать. А дед как раз оказался подготовленным: в теплой куртке, в лыжных ботинках и с огромным вещевым мешком на спине. Я ему только морковку в рюкзак и сунул. Крупную — в большой карманчик. Маленькую — в боковой, с замочком. Чтобы заяц при случае сам забрался, уши сложил и застегнулся для спокойствия.

Смотрю, дед уже по лыжне побежал, и мешок-рюкзак на его плечах поехал, от удовольствия покачиваясь — туда-сюда. Тогда я тоже за хозяйственные дела взялся: чайник с речной водицей на печку поставил и принялся ждать деда с зайцем. Чайник очень быстро запыхтел и стал нетерпеливо шуметь, побрякивая: «Пши-буль-ля»... Он, наверно, тоже хотел узнать: что дальше будет. Я его слушал-слушал, а потом на стол составил, а то он весь себя изболтает, от нетерпения. До последней капельки.

Я уже и скучать начал, и дрожать от каждого шороха. А дед все не возвращался и не возвращался. Я даже дверь настежь открыл, чтобы удобнее ждать. Вот, трясуясь уже от холода, или еще от чего-то. Стою на пороге весь скукоженный, с зайца ростом. И об одном только мечтаю, чтобы дед быстрее на горизонте появился. А дед мою тревогу чувствует, сквозь темноту пробирается и кричит:

— Петька!

Хорошо так кричит, по-настоящему. Или это сердце в моих пятках брякает?

— Держи своего зайца!

И как только я заснеженного деда обнял, у меня сердце на место вернулось, прямоком в левый бок. А мешок дедов в этот миг запрыгал, словно заведенный. Потом еще высоко-высоко подскочил и задрожал, а дед глазами заулыбался:

— Заяц что надо, трусливый от хвоста до ушей.

Смотрю на мешок и удивляюсь, потом за мешковую веревочку потянул и сразу этого горемыку из плена высвободил. Только заяц дружить со мной не собирался, поэтому под скамейку забрался и уши спрятал.

— Вылезай,— говорю,— играть будем... в догонялки.

Только заяц все дальше под скамейку прятался — не хотел со мной водиться. Я тогда здорово на него обиделся и спать отправился. Ничего, пусть один посидит, все равно соскучится. И только я сон подходящий выбрал и с интересом стал его смотреть, как этот заяц мне по носу лапой давай настучивать.

— Пошли,— говорит,— в снежные догонялки играть.

— А можно я во сне с тобой поиграю,— решил схитрить я, но глаза так и не открыл. В конце концов, я же на него обиделся. Да и спать, как назло, хотелось.

Вот только заяц не унимался и продолжал звать на улицу. Тогда я решил, что можно и побегать, вокруг сторожки. Так и отправился с ним ночью на улицу. Я, правда, лыжи забыл надеть, поэтому быстrehонько в сугроб провалился. А заяц и без лыж туда-сюда неплохо носился. Натренированный оказался, заячий спортсмен. А потом подскочил и вытащил из сугроба сначала мою шапку с помпончиками. Ну, а

потом и меня, уже без шапки. Зато заснеженного очень. Я уже понял, что заяц только в гостях стеснительный, а дома, в лесу — настоящий спортсмен, и силач, к тому же. Что нельзя его из леса в сторожку забирать или, еще хуже, в город увозить. В клетке он совсем перестанет на лесного зайца быть похожим.

— Беги,— говорю с грустью.— Только ты там волка не сильно обижай. И с медведем потихоньку...

— Спасибо! — запрыгал от счастья заяц, а потом унесся от мигающих огоньков сторожки...

Ну, а я спать пошел. В тепло, к печке.

В общем, с утра дед зайца ругал сильно. Потому что ушел плут, и непонятно, как дверь открыл. Наверное, нужно было рассказать деду, как было по правде. Только в моей голове все перепуталось. И ночное приключение стало на сон похожим. Сам себе верить перестал.

СКАЗОЧКА ПРО ТАЙНУ

У деда всегда истории позапрошлогодние. Вроде как он был молодым и работал лесником, тогда все птицы его в лицо знали. И синички, и поползни, и снегири... Бывает, не успеешь историю дослушать, как дед новую начинает, потому что теряет прежнюю. словно рукавицы в снегу, попробуй разыщи, когда на улице вьюга.

Дед стоял посреди лесной опушки и птицами любовался. Может, он переглядывался с ними? Тут же и кормушки свои примерял — нравятся ли крылатым? Птицы с удовольствием клевали зернышки и, прежде чем улететь, чивикали деду на ухо. Ах, каким он становился счастливым!

— Дедуля,— шептал я, глотая вьюжные хлопья, нечаянно залетевшие в рот,— а что она тебе рассказала, птичка эта?

Дед смотрел загадочно и не очень-то птичьей тайны выдавал.

— А, что? — переспросил.— Она, вроде как, про волшебные превращения рассказывала.

«Ничего себе,— подумал я,— в кого, интересно, птичка с красной грудкой может превращаться? В Деда Мороза, что ли?»

— Очень может быть,— читал мои мысли дед.— Скорее, в Снегурочку.

Я тут же представил, как птичка скачет по снежной тропинке, а потом ее начинает кружить вьюжный вихрь. И бац — на тропинке Снегурочка. Красота! И тут же подарки представляются, конфеты всякие. Потому что зимние волшебники всегда со сладостями приходят.

— Здорово, что Снегурочка и снегирь так похожи.

— Здорово! — согласился дед.— Только ты никому не рассказывай, тайна, все-таки.

Я потом этих таинственных птиц каждый день зернышками кормил и песенки им новогодние пел, издали глядя, как они кормятся. И все время представлял, как они кружатся в волшебном вихре. Как говорит мой дед:

— Сказка, она всегда рядышком живет. Главное, приметить...

СКАЗОЧКА ПРО ЗВЕЗДОЧКУ

По вечерам дед смотрел на небо. Он любил наблюдать за звездами. Кругом темнота, а лесная опушка чуть-чуть поблескивает и дрожит в отсвете небесного сияния.

— Я тоже дрожу,— шепчет дед. И расставляет руки, как крылья, наверное, готовится взлететь.

— Что это ты? — спрашиваю.— Разве можно добраться до звезды, когда она так далеко?

Вместо ответа он качает головой и начинает спускаться на землю... Дед знает, что я прав. И поэтому я достаю большое увеличительное стекло, которое всегда ношу с собой в кармашке. Дед, как настоящий знаток, настраивает это маленькое окошко и весело улыбается. Потому что звезда начинает качаться на лучиках близко-близко. Чуть поскрипывает только что окрепший наст, и тишина в небе такая, что устаешь к ней прислушиваться. Дивный вечер в лесу превращается в ночь.

— Дедуля,— шепчу я,— а звезда горячая?

Минуту он молчит, а потом начинает потирать нос:

— Как картошка из котелка!

И я представляю, как маленькая звездочка пылает небольшим костром, возле которого легко погреть ладошки.

СКАЗОЧКА ПРО ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я уговариваю деда остаться, вдруг еще какое приключение с нами здесь случится. Печально шепчется с ветром моя подружка-елочка, а я хожу вокруг и разглядываю следы:

— Может, хоть заяц попрощаться приходил?

— А откуда ему знать, что нам возвращаться нужно? — удивился дед.— Заяц есть заяц. Наверно, на лесном соревновании выступает за первенство.

Нашел время. У меня глаза на мокром месте, а он медали на грудь вешает. Или звезды, всего скорее. Прибежал бы, посидели рядышком, может, и в догонялки сыграли. Я теперь в снег не проваливаюсь.

— Ничего,— сказал дед.— Нам с тобой раскисать не пристало. Нужно еще машину из снежного плена достать. А это дело нелегкое.

И помчался по лыжне, а я за ним. Очень отставать не хотелось. Дед мне такого жару задал, что я чуть машину не проскочил. Даже не заметил сначала, а потом удивился, что не в плену снежном она, а на самом видном месте стоит. Да еще и ехать домой готова.

— Молодец, заяц! — похвалил дед.— Я его следы сразу заметил. И помощь, и знак внимания оказал. И теперь мы едем, едем...

Так и посадил меня в машину, вместе с лыжами и палками. Я из них все вылезти не мог. И только машина загудела, как у меня голова кругом пошла, от восторга! Очень мне хотелось эту красоту с собой увезти...

— Да,— говорит дед.— Вот это была сказка. Мы домой вернемся, а там елка наряжена. Расскажем ей про лес.

— Она, что, тоже разговаривать умеет? — интересуюсь я.

Дед долго молчит и смотрит на дорогу, ему отвлекаться не положено. А потом начинает насвистывать знакомую мелодию. И в ней слышится хруст наста, и шорох костерка, и шепот заснеженных деревьев...

Яков Шафран
(г. Тула)

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Душа путешествует в жизни
не только по горизонтали, но и по вертикали,
и лишь по мере раскрытия сознания человека
может осознать это и причины
данного перемещения в ту или другую сторону.
Такое редко происходит в детстве,
чаще в уже зрелом возрасте.*

Мальчик жил в небольшом поселке, стоящем на песке, в глубокой лесной провинции, и тайне мечтал о большом городе, о каких слышал по радио — крупной черной картонной тарелке, висевшей над его постелью. Однако таковых поблизости он не знал, ведь родители из своей местности не выезжали. Тети, родные младшие сестры матери, учившиеся в медицинском институте в далеком краю, приезжая к ним на летние студенческие каникулы, рассказывали о жизни в нем. Но потом, после окончания усердной учебы, они, не имея ни «внушительной», ни «волосатой» руки, по распределению уехали в сельские больницы и тоже никуда оттуда не ездили. Одна из них, отработав три обязательных года, получила в городе, где родилась и из которого ребенком уехала в эвакуацию, квартиру как мать-одиночка с младенцем на руках и как врач, необходимый на тот момент для оборонного предприятия...

Однажды мальчик, его звали Леней, сильно обиделся на суровый и даже жестокий, во всяком случае, вроде так показалось, несправедливый поступок матери, когда она единым махом сбросила с письменного стола на пол фигурки героев любимой им книги «Волшебник изумрудного города» и ее продолжений, частью вырезанные из дерева, частью вылепленные из пластилина, кропотливо изготовленные своими руками. Он ожидал хотя бы скупой похвалы рукоделию, а вместо этого фигурки, с большой любовью исполненные, теперь основательно искалеченные, валялись по полу. Леня написал обстоятельное и взволнованное письмо, и не «на деревню дедушке», а как раз тете, получившей квартиру, слезно жалуясь на беспричинную, холодную безжалостность матери, описывая все, далеко не единичные, а во множестве имевшие быть в прошлом случаи несправедливого отношения к нему. Мальчик просил забрать его к себе, чтобы там окончить среднюю школу и поступить в институт, в который, правда, еще не решил.

И все удалось будто по легкому мановению послушной волшебной палочки: и тетя согласилась принять, и мать отпустила, в чем определяющую роль, что после стало ясно, сыграли два весомых для нее аргумента: тот край, естественно, являлся и ее малой родиной и заманчивая перспектива серьезной учебы сына. Только на этом

чудесное волшебство не кончилось. В памятный вечер, когда пришло ответное письмо с сердечным согласием, Леня лежал в постели, но не спал. Комната наполнилась молчаливым сумраком. Стояла глубокая осень, однако необычно мягкая и теплая, и форточка была открыта настежь. За окном погромыхивало — неслыханная редкость в данное время года,— тем не менее, ожидаемый дождь не начинался. Вдруг через форточку медленно всплыл небольшой огненный шар и направился прямо к нему. На середине пути он неожиданно остановился. Они как бы неотрывно и пристально глядели друг на друга. Минуло, наверное, несколько мгновений, казавшихся продолжительными, по крайней мере, так чувствовалось, и шар поплыл к окну и исчез за ним....

А в морозном, суровом январе, после окончания второй учебной четверти в школе, Леня с матерью ехал в город к тете. Неизвестное, но перспективное будущее, многообещающая, мечталось, жизнь в новой среде, иная, несельская школа, заманчивые перспективы затмевали в возбужденном подростковом сознании невольное сожаление о родном доме, любимых местах, где читал и играл, откуда любил обозревать близлежащие, милые сердцу, живописные окрестности; о поселковой библиотеке, в которой, несмотря на несовершеннолетие, был записан в предыдущем году во взрослое отделение; о близких друзьях детства. Это, в совокупности своей, оставалось позади, а он на скором поезде все быстрее и быстрее устремлялся вперед.

Во время езды Леня буквально прилип к вагонному окну и любовался очень красивыми, проплывающими мимо зимними лесными, полевыми и жилыми пейзажами. С крупными и пышными шапками снега на растущих одиноко и группами деревьях, на крышах — как на экране поселкового кинотеатра и вместе с тем Дома культуры, куда он часто бегал за десять копеек вместо покупки любимого мороженого. И эта неподдельная и несказанная радость от увиденного, уходящего вдаль, в прошлое, хотя и вроде закрывающего от него интересное и увлекательное новое завтра, рождала в нем, казалось, неизбежную жизненную, еще не до конца осознаваемую им, но созидательную силу. Однако невдомек Лене тогда, что она являлась в основном не мужской, ибо полученное воспитание в раннем детстве и отрочестве и, видимо, такое будет и далее получать,— порой строгое, порой доброе,— а все же чисто женское. Только женщины довели над ним — мать, пусть и суровая, и одинокая строгая тетя, к кому он ехал. Отец был мягким, безобидным человеком, жившим подобно редкому и нежному домашнему растению и не касавшимся развития детей во всех столь необходимых аспектах — физическом, половом, умственном и нравственном. В их немалом семействе имелись двое настоящих мужчин — двоюродный дед и дядя, его сын, но те жили далеко, да и семейство не представляло собой сплоченный род... И не понимал мальчик в ту далекую беззаботную пору, почему именно такие родители даны ему как проблемные дети, которых он должен воспитывать, будучи выше по духу, а с другой стороны, учиться их положительным человеческим качествам, чтобы синтезировать в себе. Тонкие материи в настоящем роде не стали для него в ту пору еще понятными.

...Минуло время. И вот свершилось. После ничем не примечательных двух с половиной лет старательной школьной учебы Леонид поступил в политехнический институт, и на перспективную специальность. В тот год и семья перебралась на родину матери. И у парня оказалась отдельная, непроходная, просторная комната в трехкомнатной, удобной планировки, квартире, в доме, расположенном в зеленом районе. Красивый, уходящий вдаль вид открывался из его окна.

Зимне-весеннее полугодие второго учебного курса Леня закончил блестяще, на одни «отлично», что являлось немаловажным, ибо давало право на получение повышенной стипендии. А это для весьма небогатой семьи с сорока рублями на человека — неплохое дополнительное подспорье для бюджета размером в десять рублей. Данный семестр вообще выдался для Леонида праздничным, чему способствовало и одобрительное отношение ряда преподавателей, и друзья-одногруппники, и увлека-

тельные книги — особенно одна из них о повсеместности разумной жизни во Вселенной — и многое иное. В каникулы он по нечаянной путевке поехал отдыхать в студенческий оздоровительный лагерь, действительно, полностью соответствовавший определению «оздоровительный» — кругом выдыхающие озон хвойные леса, величаяя река — приток Волги, теплая и солнечная погода, чистое голубое небо. Леня наслаждался освежающим отдыхом и восстанавливался от шести экзаменационных напряжений: выпускных в школе, вступительных в вуз и четырех за два года обучения, будучи прилежным студентом. Необходимо было набираться и благотворных сил на близкое будущее.

Огромная, захватывающая радость — ежедневное и частое купание в реке. Нужно сказать, что, благодаря неполноценному, «женскому» воспитанию, Леонид не приучил себя куда-то ходить или ездить, чтобы окунуться в водную стихию. А тут рядом река — большая, многоводная, с ровным, чуть положим у лагеря дном. И однажды, хотя не умел плавать, решил применить свои навыки плавания без дыхания и лицом в воду, приобретенные в дни короткого гостевания — кратко, но незабываемого мига свободы от влияния женщин — у двоюродного деда в Ташкенте, на изрядных размеров чистейшем озере Центрального парка. Проплыв по довольно широкому кругу далеко от песчаного пляжного берега, пока хватало воздуха в легких, — а хватало надолго, объем их позволял, — он захотел встать на уже ставшее привычным неглубокое дно, и... дна не оказалось.

Как потом выяснилось, Леня попал в речной омут, вода была очень холодной, но для не умеющего плавать и это стало достаточным. Резкий холод, полная неожиданность произошедшего привели к внезапной потере отчетливого ощущения «лево-право» — «верх-низ», сковали движения, его закрутило и потянуло вглубь. Воздух в легких кончился, парень начал задыхаться и заглатывать воду. В сознании замелькали ключевые, подобные кадрам кино, эпизоды недолгой жизни, только почему-то в обратном хронологическом порядке — с сегодняшнего дня и до рождения, причем появление на свет представлялось осмысленным. И удивительно, никакого страха неминуемой физической смерти, ни предсмертной воли жить не ощущалось. Имел место лишь всепоглощающий оценочный интерес души к видимому им, и живое сожаление о не свершившемся будущем посетило на краткий миг.

И в этот момент Леонид почувствовал, что чья-то сильная рука обхватила за талию и вытащила на ровную поверхность спасительного дна. Однако, выйдя на берег и получив от своего спасителя помощь в восстановлении дыхания, он ограничился одним «спасибо» и рукопожатием и, встречаясь с ним в следующие дни, не поблагодарил, как положено, и не спросил ни имени, ни номера телефона. После случившегося Леня ни с кем не общался, ни о чем не думал, находился будто в вязком тумане. И ранним вечером, несмотря на громкие оживленные разговоры соседей по палатке и громкую бодрую музыку на танцплощадке, неодолимый сон объял его.

...И приснилось. Он являл собой некое могущественное Существо, высокой духовной степени, до какой возвысился длительными, сознавал, эпохами предшествующего существования. Глубокое уважение равных ему и порой благоговейное поклонение занимавших более низкий иерархический уровень — вот это его и окружало. Но не настоящее наполняло существование, а многочисленные священные обязанности служения, лежавшие на нем и на верных соратниках. Обязанности по всемерному развитию и непрерывному совершенствованию сферы, за которую те несли ответственность, включающую постепенную эволюцию индивидуального и коллективного сознания ее бесчисленных обитателей, братское сотрудничество с непосредственными кураторами других эволюционных сфер и дальними обитаемыми звездными мирами. Мощное неземное свечение, излучавшееся Леоном, — Существо звали именно так, — было видно в ближних и дальних, высоких и более низких горных слоях, в прошлом и будущем, ибо там времени, в обычном смысле сего слова, не су-

уществовало. Он обладал колоссальными возможностями, вполне заслуженными своим бессмертным духом...

И вдруг Леон увидел бескрайнюю тьму — та объяла пространство вокруг него, и в данном окружении понял себя исключительно единственным, непревзойденным светом. Вслед за этим пришла мысль, показывающая его главным, наибольшим, словно нет, не существовало и не будет, даже Свыше, подобных в целой Вселенной, и могущим все делать, всем управлять без чьей-либо посторонней помощи, не нуждающимся ни в ком.

...Разноголосый шум и резкие толчки кровати разбудили Леонида. Оказалось, в палатку подселили еще одного парня (профсоюзные путевки давались на двенадцать дней, но не по твердому, а по скользящему графику) и сдвигали их металлические разборные кровати, чтобы разместить новую. Сон, как он ни старался, более не возвращался.

До конца двухнедельного отдыха в лагере и по возвращении домой Леня так и находился в глубоком и непонятном трансе, не реагируя на происходящее вокруг. Когда состояние прошло, пришло ощущение больших и кардинальных, качественных изменений. Во-первых, возникло настойчивое и неодолимое стремление, логически ничем не подкрепленное, отсоединиться от ребят из институтской группы, от близких, без каких-либо внятных объяснений порвать знакомство с девушкой, с которой познакомился нынешней весной и влюбился в нее — даже пламенные стихи ей посвящал. Во-вторых, вдруг началось резкое и решительное неприятие страны и ее социалистического быта. Причем, это являлось и неприятием встречаемых на улице и в транспорте людей, касалось и незначительных мелочей. И мало того, в сознании все не принимаемое в стране и жизни социума быстро вытеснялось и заменялось противоположными образами и категориями. И сокровенные мысли с чувствами в данном направлении постоянно текли и укреплялись.

А родные увещевали Леонида, мол, хорошая, порядочная девушка, и у нее может развиваться чахотка от горьких сердечных переживаний. И ребята из группы пытались вернуть его в прежнее нормальное, живое общение. Однако предпринимаемое было тщетным, душа не отзывалась на сердечную доброту и любовь, на дружеское доверие и самое дружбу. Он день за днем более и более погружался в мутный и вязкий сумрак полной отсоединенности, обособленности и самости...

И в то время ему приснился второй сон. Существо, Леон, пал с огромной духовной высоты светлого существования и неумолимо опускался ступень за ступенью Иерархической Лестницы ниже и ниже. На каждой ступени он задерживался на достаточно продолжительный срок и активно, огненно противодействовал Светлым Силам, хотя поначалу не осознавал их таковыми, а даже наоборот. Затем упорное противодействие стало осмысленным, именно ожесточенной борьбой со Светом. И все-таки внутри в нем что-то постоянно сопротивлялось, и приходилось преодолевать сопротивление. Но падение, или, вернее, постепенное, и тем не менее безудержное, низвержение продолжалось. И вот уже Леон достиг той ступени, где потребовалось разделение на две отдельные половины — мужскую и женскую...

Резкий и требовательный звонок старенького будильника — надо сказать, в те его юные годы будильники были механическими, то есть с однообразным и сразу же на полную мощность, без постепенного нарастания звука, как у нынешних сотовых телефонов и смартфонов с айфонами, звонком — разбудил Леонида, властно вырвав из сна. Накануне он поздно лег, а утром предстояло идти на «важную» лекцию, где доцент отмечал непришедших, нерадивых студентов (а их всего-то имелось две группы, не трудно провести короткую переключку), потом на экзамене корректируя в связи с этим оценку. На лекцию Леня благополучно успел и, увидев недалеко от входа в аудиторию свободное место, сел рядом с самой красивой девушкой из четырех симпатичных на сорок парней по избранной им специальности. Она сочувственно

взглянула на него, невыспавшегося, и шепнула, чуть коснувшись расслабленной руки на колене: «Хочешь, я помогу тебе?» Леонид вопросительно воззрился на нее. «Нет, не в качестве “скорой помощи” сейчас, а вообще... А ты мне с курсовыми и другими работами...». Он промолчал.

Тети, очень ответственные, у которых Леня рос до поступления в институт (вторая из них тоже переехала в свой родной город и устроилась в нем), и заботливая бабушка, их мать, запугали доверчивого провинциального паренька. Мол, девицы, современные, лишь и думают, как окрутить молодого человека, женить, тем более интеллигентного, и так и норовят забеременеть для пущей верности. И, мол, если парень откажется, могут исключить из комсомола и, соответственно, автоматически из вуза. Послушный Леня принял все за неукоснительную программу действий в отношении противоположного, девичьего пола. А родители, когда он уже жил с ними, никакой воспитательной работы не только в интимном плане, а и в целом не проводили. И парень рос, можно сказать, «тарзаном», без не то что мудрого, но и в целом без какого-либо водительства. Настоящее во многом вытекало и из обособленности и затворничества...

Леонид не ответил той девушке, и далее в общении принимал отрешенный вид, будто ничего такого и не слышал.

Парень старался все очередные, переходные экзамены, с семестра в семестр, с курса на курс, сдавать на «хорошо» и «отлично», чтобы не остаться без стипендии и не отяготить и без того нищую жизнь крупной, по тем временам, семьи из пяти человек. И это—на фоне полного одиночества. Сердобольные люди познакомили его с девушкой — некрасивой, но доброй, образованной и культурной, интеллигентной. Однажды они устроили небольшую вечеринку на четверых: кроме них — еще ее близкая подруга с парнем. Леня, подвыпив, пригласил подругу на танец и... поцеловал. Дружеская вечеринка, естественно, в момент стала недружественной и закончилась. В дальнейшем девушка простила, и тем не менее он оставил ее.

...И тут ему приснился третий сон. Существо, вернее, это уже был «он», покинул свою женскую, вторую половину на том исходном уровне, где разделились, и опустился на более низкий, физический план, где жил как мужчина — Леон, все более опускающийся, что называется, от плохого к худшему, проявляя внутреннее духовное зло, а данное, несомненно, гораздо хуже физического.

...А Леонид дальше и дальше уходил в себя, озлоблялся против страны и лелеял потаенную мечту перебраться на Запад. В озлобленном и фактически болезненном сознании возникали различные планы — найти людей, с кем похитили бы самолет, проникли на пароход, идущий за границу, на худой конец жениться на девушке, семья которой хочет выехать в Израиль, и тому подобное. Одногоруппники и сокурсники, не догадывающиеся о его воинственных помыслах и замыслах, но видевшие отчужденное одиночество, пытались вывести на товарищескую беседу, только... напрасно.

В итоге он, сдав заключительный, строгий государственный экзамен и защитив диплом (а руководитель по дипломной работе предлагал непосредственную помощь — устроить в хорошую, престижную «фирму» по специальности), оборвав все связи, не явился на «последний звонок» — прощальную товарищескую вечеринку в ресторане в завершение длительного обучения в институте. Нужно сказать,— Леонид получил справку о свободном трудоустройстве, то есть возможность выбора: либо устроиться на работу по месту жительства, либо обратиться с этой целью к дяде, обитавшему в другом краю, но в те годы занимавшему одну из главных должностей на авиазаводе, либо... Он выбрал третий вариант, и, собрав необходимые вещи, уехал наобум Лазаря в Одессу, имея лишь один контактный адрес, добытый через родственников. Люди, проживавшие по сему адресу, и другие, с кем Леня, поставивший себе целью найти работу, чтобы закрепиться в портовом (читай, пограничном) горо-

де, знакомился, не смогли помочь и очень мягко, доброжелательно и ненавязчиво так или иначе советовали вернуться в родные места, в благоустроенную трехкомнатную квартиру, устроиться там на работу, жениться, ну, в общем, остепениться. Не обосновавшись в Одессе,— не на вокзале же жить,— парень вернулся обратно домой.

И в первую ночь Леониду снова приснился сон из серии предыдущих снов данного содержательного плана. Женская половина Леона, Леонелла, длительное время существовала в сфере, где рассталась с ним. Однако неодолимое бессознательное, буквально магнитное влечение к своей мужской части побудило Леонеллу, знающую, что он пребывает где-то на Земле, воплотиться на физическом плане. И она смогла это сделать, сохранив значительную долю высшего сознания и, после длительных упорных и неустанных поисков, обнаружив Леона. Но в результате нескольких активных взаимодействий с ним поняла — тот, уже сильно погрязший в бесчисленных тайных и явных пороках, не нуждается в ней и его совсем ничего не тянет к ней. И хотя Леонелла не прервала общения и постоянно находилась рядом, он тесно общался с явно демоническими личностями обоего пола. В итоге Леон совершил тяжкое умышленное преступление, приведшее к четкой грани, за которой могло быть одно — полное исчезновение.

Известно, демонические слои — а у них строгая темная иерархия,— питаются негативной энергией живущих на Земле людей, энергией бесчисленных и всевозможных страданий, любого горя, запущенных болезней, бурных ссор и конфликтов; энергией многолюдных сборищ, например, корриды или футбольного стадиона и так далее; энергией, излучаемой жертвами при различных, и тем более массовых катастрофах и крушениях, тех или иных войнах и прочих кровопролитиях. Для данных целей они используют и земных помощников, способствующих организации подобных явлений. Леон мог встроиться в одну из функциональных структур и также получить свой энергоинформационный канал питания, только для этого необходимо было поступиться личной независимостью, какую он ставил превыше всего, и тратить определенные усилия на необходимые по обязанности занятия, чего ему делать не хотелось. И решив раздобыть персональный канал надлежащего питания «незаконным» путем, Леон соблазнил мелкого «клерка» одной из функциональных демонических организаций, обманув того: якобы ждет высокого назначения и после возьмет его на значительно большую, «хлебную» должность, чем занимаемая теперь. Задуманное свершилось. Но действия их оказались настолько самонадеянными и настолько шитыми белыми нитками, что результат не заставил себя долго ждать. Однако Леон потянул за собой к наказанию и того бедного «клерка», свалив на него большой объем вины.

... Леонид проснулся в некоем вязком тумане и от непонятного сна, и от полного незнания о дальнейших действиях. Так и лежал в постели, когда в комнату медленно вошла сестра, присела рядом и предложила познакомиться со своей школьной подругой, братья которой якобы желают уехать в Израиль. Он очень ухватился за столь «полезное» знакомство, и оно состоялось. Леонид, весьма различаясь с новой знакомой и образованием, и интеллектом, будучи несовместим и психологически, невзирая упорно шел к цели — то есть к женитьбе с предполагаемой предстоящей выгодой. В итоге и женитьба случилась. Как и следовало ожидать, жили молодые супруги крайне плохо — даже кошка с собакой порой живут дружнее. Бурные ссоры по сущим мелочам, крики, постоянные унижения с ее стороны, часто и на людях (чего до брака и в помине не было!), следовали почти ежедневно, а между ссорами наступало угнетенное состояние, когда не хотелось ни думать, ни разговаривать,— какое-то небытие. И сразу, когда Леонид выходил из подобного состояния,— опять ссоры, крики, унижения. И так происходило всегда... А старые идеи, несмотря на все, властвовали над ним. И он нашел людей, желающих того же и думающих подобным образом... Началось осязаемое психологическое давление соответствующей структуры

уже вне семейных рамок. В то время Леня совершил ряд серьезных ошибок на работе, повлекших порчу электронного оборудования, и встал вопрос о его предстоящем увольнении.

Однажды молодой человек в полном разладе сознания вернулся домой и, не открывая ключом, нажал кнопку дверного звонка. «Вам кого?» — спросила жена. В другой раз Леонид, может, и не обратил бы на это излишнего внимания, только сейчас, на эмоционально безрадостном фоне всего происходящего, сказанное сильно подействовало на него. Не обедая, он крепко выпил, что довольно редко случалось, и завалился спать.

...Многосерийный сон, столь долго, но с длительными и неравными промежутками, приходивший к нему, продолжился. Леонелла терпя всюду следовала за Леонидом. И в самый последний, решающий миг перед исчезновением того, собравшись и призвав на добровольную помощь Светлых, оставленных им, кого она тоже, естественно, знала, оживила крохотную искру Света, еще тлеющую в нем. Леон же, озлобившись, убил ее. Невзирая на то, искра была активирована. Леонелла ни мало не сомневалась в его поступке, а тем не менее пошла на героическую жертву ради грядущего спасения Леона.

...Леонид проснулся в тяжелом, угнетенном состоянии. Одно наложило на другое: и жесткое психологическое давление, и конфликтная ситуация на работе, и всякие гадости, неоднократно сообщаемые ему с явным, недвусмысленным намеком на жену, и созвучные всему этому мысли. И он принял спонтанное и жесткое решение — развестись. Выбрав время, когда супруга с шестилетней любимой дочкой уехали отдыхать на юг, Леонид взял грузовую машину и со своими вещами и книгами сбегал к матери. На настойчивые, непрерывные телефонные звонки жены, вернувшейся с отдыха, не отвечал и домой старался приходиться поздно, чтобы звонки не заставали, поменял место работы, вплотную занявшись оздоровлением...

Каждодневная работа стала легче, менее ответственной, и Леонид больше внимания уделял ежедневному вдумчивому чтению книг в определенной, интересующей его области физического, психологического и духовного совершенствования. Мысли сменились, сделались более здоровыми, более мудрыми, более возвышенными, и сам он изменился и менялся далее. Можно сказать, что Леонид теперешний и прежний все более становились как небо и земля. И в тот год ему сделали предложение: «Нам нужен писатель!», произведшее лестное впечатление, — ранее, до начала самосовершенствования, он хотел этого, — и сейчас не имел ничего против, однако, думал: о чем станет писать теперь, ведь та неземная высота, на которую поднялся, будет заметно занижена художественным творчеством. А именно небывалый духовный подъем на более значительную высоту занимал тогда все его мысли. И Леонид, чему научился ранее, принял отрешенный вид, будто не слышит сказанного. Далее ему неоднократно и явно намекали на то, чего от него ждут. Но он не отзывался. А рядом не оказалось близкого человека, кто мог бы вразумить. И выходило — Леня, словно в дурном сне, зашел в автобус дальнего следования, купил билет у кондуктора, переоделся в салоне и вышел там же, в пункте отправления...

И тут наступил момент, когда Леонида покинуло высокое сознание, мысли упростились, оздоровлением продолжал заниматься лишь по инерции. Духовных произведений уже не читал, если не считать книги по психологии. Допустимо было говорить даже о некоем помрачении ума. Что и послужило возвращению Лени на прежнее место работы, да на самую низшую ступеньку в штатном расписании. На старой работе тому не обрадовались, включая тех, кому он когда-то помогал...

...А сон все продолжал сниться... Леон спас соучастника того «служебного» преступления, признав всю вину полностью за собой, и освободил его от несения наказания. В итоге, получив безоговорочное осуждение, Леон, зная — произойдет именно так, — смирился с этим и скончался страшной физической смертью. И та

мучительная смерть достаточно искупила тяжкий грех ложного обвинения и предательства доверившейся ему души.

...После пробуждения повседневная жизнь Леонида, не могущего жить по-старому, снова начала меняться, только теперь в качественно иную сторону, что привело к уходу с той работы, на которую вернулся. Пошли, как позже обозначилось, многие мытарства. Леня занимался еще одной работой по специальности, потом трудился менеджером, розничным продавцом в кооперативе, окончил курсы массажистов и работал в данной сфере, распространял книги и где-то с полгода жил на проценты с отданных в ссуду в одну организацию своих скромных денежных накоплений. Далее судьба забросила в российский сетевой маркетинг, где, по большей части из-за серьезных этических нарушений руководства, вначале успешные компании или разваливались, или постепенно сходили на нет. И он переходил из одной в другую, пока не решил порвать с этим неблагодарным делом и устроился охранником. Однако утомительная работа фактически бессонными сутками подорвала и без того не крепкое здоровье. И Леонид сократил до минимума текущие потребности и стал жить на одну скромную пенсию...

...Серийный сон, ряд лет не посещавший его, однажды все же приснился... В заключительные, считанные мгновения после смерти Леона Леонелла собрала всю свою жизненную энергию и бросилась на объединение с астральным телом Леона, и тот тогда, на миг, увидел, как видит утопающий, что именно делал и откуда пришел. Полностью постигший произошедшее мятежный дух не был разложен на первоначальные атомы и постепенно поднимался вверх по эволюционной лестнице...

...Не связанный более никакой работой для зарабатывания необходимых средств к существованию, Леонид снова вернулся к тому сокровенному целостному и живому Учению, которое оставил много лет назад, и начал продвигаться в нем с не великим, но несомненным успехом, целенаправленно работая над собой. Кроме того, он по мере физических сил способствовал неуклонному продвижению истинного Знания среди людей, в основном через Интернет.

Эти занятия помогли ему осознать в той или иной степени и роль женщины в настоящем и будущем, светлый образ Матери Мира, стоящий за ними, а также роль Иерархии Света, значение Ее для индивида и плачевные следствия для него из-за отхода от Нее. Помогли осознать то, каким должен быть человек и каким должно быть общество.

«Серийный сон» более не снился...

Александр Ралот
(г. Краснодар)

КТО ТАКОЙ ШВЕД?

Александр Ралот — псевдоним Александра Петренко. Наш постоянный автор.

Сдается мне, что любой человек моего поколения, живший в СССР в середине 60-х годов и позднее, хотя бы раз посмотрел знаменитый фильм «Мертвый сезон» с Донатасом Банионисом в главной роли. В то время это была бомба. Фильм — откровение. Он рассказывал о работе советского разведчика за рубежом в мирные послевоенные годы. Но я хочу вам поведать не о самом фильме и о его кинематографических достоинствах, а о нескольких кадрах в начале. После титров к зрителям обращался настоящий советский разведчик Рудольф Иванович Абель.

В далеком 1957 году американцы разоблачили, поймали и осудили его, о чем громогласно заявили с экранов своих телевизоров и страниц многочисленных газет. Спустя много лет мы узнали, что настоящая фамилия этого выдающегося человека не Абель, а Вильям Фишер. Зачем человеку, лицо которого не сходило со страниц газет, называться в самый критический момент своей жизни чужим именем и фамилией. Ведь совершенно понятно, что осудят и очень надолго, а то и вообще расстреляют.

Вернувшись на Родину (его обменяли на американского летчика Пауэрса), на этот вопрос Фишер ответил предельно коротко, одной мало понятной фразой:

— Я проверял Шведа.

* * *

В конце прошлого века водолазы известной английской фирмы достали из трюма затонувшего во время второй мировой войны золотые изделия времен открытия Америки. Удивительным было то, что эти драгоценности принадлежали Государственному банку СССР и отправлялись в Соединенные Штаты в уплату за поставку товаров по договору «Ленд-лиза». По всему выходило, что статуэтки из чистого золота и прочие ацтекские украшения спустя столетия отправлялись почти туда, откуда они когда-то были вывезены бравыми моряками Колумба. Но как они попали в Советский Союз? Наша страна в те далекие времена даже не помышляла о том, чтобы приобретать на аукционах дорогие заморские финтифлюшки. Этот вопрос задал корреспондент советского телевидения одному седовласому отставному генералу.

— Скорее всего, это дело рук Шведа,— ответил ветеран,— более мне сказать нечего.

Прошло еще четверть века. Я наконец-таки прекратил скитаться по миру, осел в родном Краснодаре. Стал разбирать многочисленные ящики и на дне одного из них обнаружил пожелтевшую от времени записку: «Разобраться со Шведом!». Как разобраться, где искать информацию об этом загадочном человеке? Не писать же мне запрос в ФСБ?! На ум пришла только одна мысль, вернее даже не мысль, а одна фраза моего сына:

— Гугл и Яндекс тебе в помощь.

Поиски продвигались туго. Компетентные товарищи ушедших времен, надо отдать им должное, умели хранить вверенные им секреты. Однако, права наша Алла Борисовна, которая поет: «Если долго мучится, что-нибудь получится.»

* * *

Куда Колумб доставлял награбленное индейское золото? В Испанию, своему любимому королю. А когда республиканцы свергли своего монарха, куда они отправили заморские украшения? Конечно же, в банк. Затем на далеком Пиренейском полуострове началась гражданская война. Советский Союз как мог помогал одной из воюющих сторон: поставлял оружие, принимал у себя осиротевших детей, отправлял на фронт многочисленных добровольцев. Чем за все это расплачивались благодарные испанцы. Конечно же, золотом.

Вроде бы все логично и понятно. Республиканцам некогда было переплавлять золото, добытое конкистадорами, вот и расплачивались тем, что было под рукой. По всей видимости, просто на вес. Затем и у нас началась война. Теперь уже нашим банковским служащим было не до изготовления слитков. Но причем тут Швед? Какова его роль во всем этом? Я продолжал рыться в глубинах интернета, забираясь в самые что ни есть «непроглядные кущи».

Есть ли среди вас, дорогие мои читатели, те, кому не нравятся романы Эрнеста Хемингуэя?! Если таковые и найдутся, то их будет явное меньшинство. Кто из вас в молодости не любовался знаменитым портретом седовласого бородача в теплом вязаном свитере. А какая книга лучше всего описывает гражданскую войну в Испании? Конечно же, «По ком звонит колокол». Есть в ней персонаж по фамилии Варлов.

Мне всего-то и оставалось узнать, кто же послужил прототипом этого самого Варлова. Добываю списки советников при Испанском республиканском правительстве, читаю: советник по вопросам безопасности, майор государственной безопасности (это, считай, генерал-майор по общевоинским меркам!) Александр Орлов.

Ого! Полагаю, что именно этот человек и был способен организовать и провести операцию по вывозу золотого запаса Испании в нашу страну.

Красавец с точеной внешностью и аристократическими манерами, в совершенстве владеющий несколькими европейскими языками.

Александр Орлов — или, судя по метрическим записям — Лейба Лазаревич

Фельдбин, известен был под псевдонимами Никольский, Николаев, «Лева». А кличку «Швед» придумал для него лично Сталин. Понятное дело, что именно она и стала основной, вытеснив все предыдущие.

В воюющую Испанию «Швед» попал, в общем-то, случайно. В 1936 года молодая сотрудница НКВД, по уши влюбленная в красавца Орлова, взяла да застрелилась прямо перед входом в знаменитое здание на Лубянке. Накануне этого печального события Орлов честно сообщил любовнице, что их роман завершился, и он никогда не разведется со своей законной супругой. Чекисту грозили очень крупные неприятности. Но друг и соратник, начальник иностранного отдела Слуцкий очень быстро организовал Шведа спец. командировку подальше от Москвы. Так Орлов в одночасье оказался резидентом советской разведки, а по совместительству еще и советником республиканского правительства в Испании.

* * *

Я обязательно должен упомянуть, что Советский Союз в те годы входил в состав международного комитета по невмешательству в дела Испании, состоящего из 27-ми стран, кроме этого, наша страна всегда позиционировала себя в качестве бескорыстного помощника испанских республиканцев.

Швед лично провел переговоры с министром финансов Испании и очень убедительно сообщил ему, что никогда и ни за что не подпишет никаких официальных документов и расписок. В противном случае это может обернуться для Советского Союза грандиозным международным скандалом.

Погрузку золота будут проводить только советские моряки. Испанский министр вынужден был согласиться. Швед умел убеждать, да и выхода другого попросту не было. Армия генерала Франко быстро приближались к столице, и испанское правительство приняло решение эвакуировать золотой запас страны в приморский город Картахена.

Франкистам стало известно, куда именно грузятся ценные ящики, и они начали нещадно бомбить порт. Однако нашим судам удалось завершить операцию, благополучно выйти в открытое море. Золото прибыло в Одессу, а затем и в Москву.

Спустя годы испанское правительство подняло вопрос о возврате вывезенного золотого запаса страны. И только в 1960-е годы прошлого столетия была наконец достигнута договоренность. СССР компенсировал часть вывезенного золотого запаса поставками нефти в Испанию.

* * *

А как же Швед: что стало с ним?

9 июля 1938 года ему вручили шифровку под номером 1743. В ней приказывалось прибыть в Антверпен. В те годы это означало только одно — насильственное возвращение в СССР, следствие и смерть. Разведчик и дипломат слишком много знал и поэтому должен был замолчать навсегда.

Швед это понял. Он не попал в приготовленную западню: разведчик и сам был великим мастером устраивать ловушки для других. Уехал во Францию, а оттуда без промедления перебрался за океан, в Канаду.

Именно туда Швед и пригласил своего дальнего родственника, которому поручил чрезвычайно важную миссию: не мешкая, отправиться на пароходе в Европу, прийти в Советское посольство в Париже и вручить дежурному заранее приготовленное письмо.

Что было в письме? В нем Швед объяснял причины своего поступка. Он перечислял все то, что он знает, и какие секреты Страны Советов ему ведомы. В этом же послании Орлов давал торжественную клятву. Если не тронут и оставят в покое мать,

то он обязуется «до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии и стране».

Многие годы руководители советской разведки сомневались в искренности Шведа. Не стал ли он за долгие годы, проведенные за границей, предателем? Не выдал ли секреты государства? Но как же это проверить? И вот случай представился. В 1957 году с телеэкранов и со страниц газет на престарелого разведчика смотрело лицо соотечественника, подлинное имя которого он хорошо знал. Он также прекрасно знал, что настоящего, подлинного Рудольфа Абея давно нет в живых, и он похоронен на секретном кладбище КГБ. Швед в свое время не один год работал с обоими. Только он мог выдать американцам настоящее имя пойманного резидента советской разведки. Как поступил Швед? Швед промолчал. Он остался верен единожды данной присяге и своей письменной клятве.

Виктор Бек
(г. Тула)

СКАЗКА ПРО КОТА

Жили-были старик со старухой. И был у них кот, которого они научили говорить. Они часто разговаривали обо всем. Кот был умным, но никак не мог понять, для чего существует человек.

Он утверждал, что человек нужен для того, чтобы котам было где жить и чем питаться. Как ни старались старик со старухой, не смогли переубедить кота. Шло время. Кот повзрослел и стал требовать к себе уважительного отношения, считая старика и старуху своими слугами.

Терпели-терпели старик со старухой. И вот однажды старик посадил кота в корзину, отвез в лес и оставил его там.

Сперва кот возмущался. Потом, осознав свое положение, пытался найти дорогу домой, но не смог.

Наконец, он нашел какую-то деревню и пристроился к хозяевам. Но больше никогда не показывал, что умеет говорить.

СВОБОДА

Она вылетела в приоткрытую створку окна и сразу почувствовала: вот она, свобода. Ее было столько много, что трудно было себе представить. А какие перспективы маячили ей! Она летала, стараясь все увидеть и осознать свое место в этом прекрасном свободном мире.

А старая муха все продолжала жужжать за окном в своей старой квартире. На что она надеется — не понятно, думала молодая муха.

И вот, наконец, она нашла. Нашла то, о чем мечтала. Из этого большого и красивого помещения исходил такой вкусный запах, которого она никогда не ощущала. Она влетела в него и стала искать то самое вкусное место, перед которым невозможно было устоять.

Но, вот ужас, она попала и запуталась в сети. Попробовала вырваться — не получилось. Ну, ничего, здесь ни как там, — обязательно помогут.

И правда, не успела она подумать, как появился паук и заявил, что обязательно прямо сейчас и поможет. И приступил сосать из нее кровь.

— Ай, ааай! Ты что делаешь, разве эта помощь!?

— А ты что думала? У нас свобода для всех! Поналетели тут всякие... И продолжил свою работу.

КАКИЕ ЖЕ СТРАННЫЕ ЭТИ ЛЮДИ!

Вот стою я около стены уже много лет и думаю: какие же люди странные! Если задумают что-либо сделать, то обязательно стараются разрушить то, что было сделано ранее.

Вот и мне досталось от молодой хозяйки, когда та решила дом перестроить. А вместе с этим и меня выбросить.

Я от возмущения даже дверью хлопнул. А она все твердит: не нужен нам старый шкаф, он не модный!

Хочет поставить на мое место современную импортную мебель. Да я с этими фанерными ящиками даже рядом стоять не хочу! Я же из дуба сделан!

А она не понимает! Отдала меня какому-то мужичку, а тот продал меня за большие деньги.

Меня тщательно упаковали и долго везли.

Теперь я стою в роскошной комнате. За мной ухаживают и регулярно пыль вытирают. К нам приходят какие-то люди: тщательно меня рассматривают и восхищаются.

Вот только я еще не очень их язык понимаю.

Все-таки, какие же странные эти люди!

МУДРЫЙ ДЕД

— Ты скажи нам, мудрый дед:
будет дождичек в четверг?

Отвечал на это дед:

«Может — будет, может — нет»!

— Раз ты мудрый, то ты знаешь:
Буду счастлив в жизни я?

Отвечал на это дед:

«Может — будешь, может — нет»!

— Хорошо, тогда скажи мне:
буду жив я через год?

Отвечал на это дед:

«Может — будешь, может — нет»!

— У тебя один ответ:
может — будешь, может — нет.

Все считают тебя мудрым:

Ты скажи нам, почему?

Дед сказал, что очень важно
быть готовым ко всему.

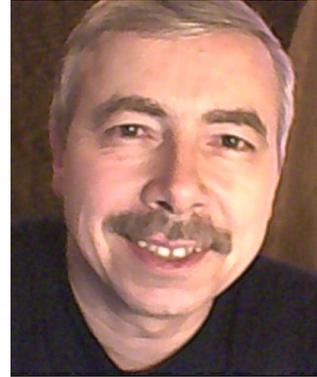
Мудрый мыслит по-иному,
суть проблемы видит всей.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ПУАТЬЕ»

Наш постоянный автор, дважды лауреат (в жанрах поэзии и публицистики) Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

КЛЯТВА МУНУЗЫ

Из Кордовы летит
для Мунузы приказ
Собираться в поход
на врага сей же час,

Дождаться прибытия
сил основных,
А затем выступать
из ворот крепостных.

...У берберов к арабам
в душе неприязнь,
Но молчали они,
с приниженьем мирясь.

Мог эмиром Испании
быть, например,
И Утман. Но ведь он
не араб, а бербер!

Потому-то араба
ему предпочел,
Не вникая, в Дамаске
высокий престол.

И теперь этот старый
тупой дикобраз,

Обнаглев, присылает
подобный приказ!

Гнев Мунузу объял,
брань гремела из уст.
Содрогался дворец
от неистовых чувств.

На колени упав,
чудом спасся гонец:
Меч его пощадил,
а уж думал — конец.

Славя милость Аллаха,
от ужаса сед,
Вез посыльный обратно
в Кордову ответ...

Гнев немного остыл.
Размышленьям черед,
И Мунуза расхаживал
взад и вперед.

Вся в слезах, отворила
Лампагия дверь.
Прошептала: «О, муж мой!
Что будет теперь?..»

Храбрый воин с любовью
супругу обнял.
Нежно глядя ей волосы,
тихо сказал:

«Ты же знаешь, живу
для тебя лишь одной.
На отца твоего
не пойду я войной.

Ни за что не нарушу
с ним кровный союз.
Защищать вас обоих
до смерти клянусь!»

ВЕРНОСТЬ МУНУЗЫ

У эмира в Кордове
от чтенья письма,
Что пришло от Мунузы,
вспотела чалма.

Он, не веря глазам,
десять раз перечел:

Не с ума ли в Аль-Бабе
наместник сошел?..

Люди в ярости
не выбирают слова:
«Сын Иблиса!
Свинья твоя голова!

Как ты смеешь такое
приказывать мне,
Чтобы зло причинил я
любимой жене?!

Если совести нет,
то мозги-то хоть есть?
Аквитанский эмир,
ты ведь знаешь, мой тесть.

И идти не него
не позволю никак!
А пойдешь — буду драться
с тобою, ишак!»

Кто б додуматься мог
до подобных депеш?!
И воскликнул эмир:
«Да ведь это мятеж!

О, ты, подлый изменник!
О, ты, сын греха!
Да покажет палач мне
твои потроха!

Ты, собака, решил
мне идти поперек
И за это себя
на погибель обрек!»

Путь в Европу закрыл
для эмира Утман.
Под угрозой весь
стратегический план...

Был в решеньях эмир
энергичен и скор.
Протрубил он для воинства
экстренный сбор.

И, назначив главою
Гехди ибн Зию,
Объявляет, воинственный,
волю свою:

«Войску срочно на север,
к Аль-Бабу идти
И мятежных в покорность
мечом привести.

Предводитель, изменник,
да будет пленен
И, плененный, немедленно
тут же казнен!»

Рать ускоренным маршем
вел преданный раб.
Вот и стены столицы
мятежной. Аль-Баб!

Но ворота Мунуза
закрыл на запор,
Не успев подготовить
пришедшим отпор.

Вся надежда на храбрость
и стен монолит...
Оборона удачу
Ему не сулит!

Враг намного сильней,
чем его гарнизон.
Храбро бьется Мунуза,
но он обречен.

Крепость пала. И сразу —
резня и грабеж.
В суматохе кровавой —
себя не найдешь!

Нет Мунузы нигде.
А кого упрекать?
Но Гехди в исступлении
крикнул: «Искать!!!»

...Ах, Утман ибн Наисса!
Как видно, звезда,
Что светила тебе,
закатилась... Беда!

Но с падением крепости
ты уцелел
И с женою и слугами
скрыться успел.

Лишь один остается
у спасшихся путь —
К Аквитании стопы
свои развернуть.

Вместе с Эдом все заново
можно начать.
Только вот за Мунузой
не следует рать:

Большей частью побита,
а выжившим— плен...
Позади черный дым,
разрушение, тлен...

Значит, надо ускорить
движения ход,
Побыстрей миновать
Ронсевальский проход!

Слуги — это не воины.
Каждый устал.
И взмолились они,
просят сделать привал.

Их бы бросить к шайтану
и дальше идти...
Но страдает *она*
в бесконечном пути.

О, как много сказал ее
любящий взор!..
«Ладно,— бросил Утман, —
разводите костер...»

Тьма, сгустившись, накрыла
собой Ронсеваль.
Где-то птица кричит,
умножая печаль.

Нехорошее место...
Здесь пахнет бедой...
Как зловеще в ночи
тарахтит козодой...

Все уснули давно,
а Мунузе невмочь.
О, какая стоит
бесконечная ночь!

Нет покоя душе,
и никак не заснуть.
Хоть бы утро скорей,
и продолжился путь!..

Славно греет костер,
да видать далеко.
Не заметить его
в темноте нелегко.

Загасить бы его,
чтоб несчастье отвести...
Что за шум нарастает?..
Враги?! Так и есть!

Слышен радостный гогот,
стучат сапоги.
На огонь, словно бесы,
слетелись враги.

Скалят весело зубы
в щербатой красе...
Вы вернетесь в Кордову,
да только не все!

На погибель сюда
вас отправил эмир!
В Пиренейских горах
будет воронам пир!

Храбрый воин тотчас
надевает шишак.
Он себя и жену
не отдаст им за так!

И булат из Дамаска,
проверенный меч,
Засверкал, чтобы головы
недругам сечь!

Слуги брызнули в стороны
блохам сродни.
В рукопашном бою
бесполезны они.

С каждым взмахом клинка
тут же валится труп.
Был отважный бербер
на удары не скуп.

У него самого
кровь хлестала из жил,
Но с десятков врагов
навсегда уложил...

Клятву, данную свято,
Мунуза сдержал
И у ног ненаглядной
под копытами пал.

Алексей Гусаков
(г. Тула)

PERSONALIA

Алексей Владимирович Гусаков родился в Туле. По окончании десятилетки поступил в мореходное училище Лиенаи. Работал на флотах СССР, служил на Кольском полуострове. Автор шести сборников поэзии. Лауреат премии им. Л. Н. Толстого и Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ГУСИ

В осень вытянули гуси
лета траурную медь.
Сколько мне осталось грусти
до того, как умереть?

Не дыша, чужую лиру
собирал — струна к струне.
Что я мог поведать миру?
То, что мир поведал мне.

В небесах качаясь, гусли
дразнят смертного — сыграй!
Это гуси... Просто гуси
льются медленно за край.

КОСМОС

Текут во мне густые реки,
ленивый космос шевеля.
Должна быть в каждом человеке
непостижимая Земля.

И, черный холод раздирая
когтями пламенного льда,
стремит из вымершего рая
все уцелевшее туда;

и оставляет здесь тревоги,
мечты и помыслы свои
воспоминанием о Боге
как о несбыточной любви.

РЕКЛАМАЦИЯ

Сколько раз сырые кущи
дымной зорею зажглись!
Будто кто-то всемогущий
вновь и вновь дарует жизнь.

Из полей, болящих глиной
и призретых муравой,
бьется, бьется дух былинный
небу в пузо головой.

Небесам и так не сладко,
меркнут звезды на челе
от отсутствия порядка
на измученной Земле.

Там мечеть, там синагога,
там — седой шаманский чум.
Люди рвут на части Бога,
целый — им не по плечу.

Есть ли то, чего не купишь,
не прохлещешь на ветру,
притаив под схимой кукиш
инфантильному добру?

ЕМЕЛЯ

Видишь свет в конце тоннеля —
ты не умер, не кричи:
катит гоголем Емеля
на распаренной печи.

Печка русская накормит
всех соседей и врагов —
у нее в широком горне
всяко-разно пирогов.

Дыма мягкая солома
долгой лентою висит.
Отчего ж не стало дома
У Емели на Руси?

Так он жил все время в убыль,
в полушаге от сумы —
отдавал последний рубль,
и его же брал взаймы.

Нет в запасе Богу свечки
и для чорта кочерги,
и вот-вот лишится печки
за дорожные долги.

РАБОТА

За выбитых, затоптанных, забитых
на выгонах раскормленной войны
мы никогда не будем с прошлым квиты,
пожизненно безумию должны.

На время до небесного чертога,
висящего над правдой налегке,
указывает новая дорога
на всяческой протянутой руке.

Ты мне твердишь, что Бога нет на свете,
а, если есть, то Он всему виной.
А я раскинул руки по планете
и адский холод чувствую спиной.

И как тебе, живущему на квоту,
могу я объяснить что и к чему?
На эту многожильную работу
Он вызывает нас по одному.

ДАНО

Я готов расставаться до встречи:
мне любить, не любить — все одно.
Может, время кого-то и лечит,
а меня убивает оно.

И для прошлого, нет, не хочу я
попристойней выдумывать вид,
чтобы время, мне раны врачую,
бинтовало безпамятством стыд.

Пусть душа негодует и помнит
все, что я переделал дотла —
что еще мою душу заполнит,
если ей позабыть, чем жила,

чем боролась, страдала и мстила,
как любила она и лгала?
Что за страшная, дикая сила
в ней захочет расправить крыла?

Все века навалились на плечи —
как могу я не знать, что дано?
Время только от совести лечит,
чтобы после убить все равно.

БЫДЛО

Боюсь, что секретов больших не открою,
когда расскажу, как взаправду все было:
заморское быдло разрушило Трои,
в которой царило такое же быдло.

В истории столько гуляет примеров,
хранящих людей недостойные нравы,
вот только на всех не хватило Гомеров —
придать грабежам героической славы.

Но все-таки, все же в родимом пространстве
таится поэт, умудренных не плоше,
сумеющий спеть о седом окаянстве,
в котором паслась деревянная лошадь,
и ткались, визжа и толкаясь, в корыта,
и солнце из глаз вытекало повидлом...

И если все это зовется элитой,
то что же тогда называется быдлом?

ИЗБРАННЫЕ

Вечный мир — до первой драки,
а потом — не голоси.
Приглядели вурдалаки
шею матушки-Руси.

Люд разлит по звонким избам,
с малым солнышком в печи,
а народ клыкастый избран
шастать татями в ночи.

Их страдания не внове,
хворь древнее, чем чума:
по священной русской крови
сходит избранный с ума.

Все известно друг о друге:
сотни лет, за сыном сын,
тешим колья на досуге
из молоденьких осин.

ПЕРЬЯ

Стоит только с небес опуститься
и коснуться юдоли земной,
как картавые серые птицы
застилают дорогу домой.

Клювы их тяжелы, как долота,
и зрачки их — измены черней.
Если ты о любви помнишь что-то —
то как раз время думать о ней.

Ты уверуешь, будто все снится,
и захочешь очнуться сперва,
но разверзлые в небо глазницы
разорвет молодая трава.

Никого твоя смерть не затронет,
только вдруг, как один, соловьи,
отряхнувшись от перьев вороньих,
вспомнят лучшие песни твои.

ЭНТРОПИЯ

Крыльями рубят мельницы
по ледяной стене.
Женщины — это стрельницы,
выбитые извне.

Женщины страшно молоды
от моровой тоски,
женщины сушат головы
до гробовой доски.

Женщины — те же проруби
на белизне реки:
в них пропадают голуби,
камни и рыбаки.

Двигутся числа грустные
беглою чередой.
Тянутся реки руслами
за неживой водой.

БРАХМАПУТРА

Хрустящее синее утро
в вонючую липкую грязь
несет, торопясь, Брахмапутра,
о черные камни биясь,

туда, где по линии русла,
под сонными чарами будд,
не так, чтобы очень, но грустно
нерусские люди живут.

У них ни пиастра, ни драхмы,
ни рупии нет про запас,
а только сияние Брахмы
и, собственно, личный экстаз.

Зайдя в этот мир ненадолго,
расслабленный мозг изменив,
увидишь усталую Волгу,
ползущую в Финский залив.

СУЩНОСТЬ

Публичные истерики о вере
не каждому придется по нутру —
не перевесит тысяча мистерий
одной березы тонкой на юру.

А буйный гнев настолько лицемерен,
насколько не препятствуешь ему,
рискуя дискутировать о вере
в угоду недалекому уму.

Грядущей мукой ближнего пугая,
религия униженно слаба:
раз чей-то бог боится поруганья,
так чем он совершеннее раба?

На этом свете грезится о многом,
но не меняет сущности вовек...
Любой из нас хоть завтра станет Богом,
когда сумеет жить как Человек.

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор, председатель Липецкого отделения Союза писателей России.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Летящий шум от миро сотворенья,
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.

Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме,
На мрачные панельные скрижали,
Пятиэтажек в тихой стороне.

У времени — замашки святотатца,
Бредущего на миражи огней.
В желании скитаться и расстаться,
Среди бетона, ветра и камней.

Так где живут согласные стихии
И ломятся от праздников столы?
Рога где поднимая золотые,
Бредут в тиши библейские волю?

Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо
Гудя в Иерихонскую трубу.

Там произносят тайное известье,
Оно и есть краеугольный пласт,
Земной дороги тяжкой, перекрестье,
Сжимает нас и проникает в нас.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажи,
Сотворив еще чудес,
Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.

Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих,
В толкование печалей,
Или радостей благих.
Обостряет восприятие,
Познавать явленья суть,
Это странное занятие —
Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

МЕЛКИ НА АСФАЛЬТЕ

На асфальте цветными мелками,
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой, голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг,
У курносого облика странствий,
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пестрой клумбе, похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазера во лжи,
Мальчуган дураком вырастает,
И зареванный дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если гостем случайным в дому,
Вера общая схожа с любовью?
Но противна хмельному уму.

Александр Волков
(г. Москва)

НЕПРЕДНАМЕРЕННО СЧАСТЛИВ

Родился в Москве. Проживает в родном городе. Стихи начал писать в юности. Пишет в жанрах любовной и пейзажной лирики. В творчестве также есть место и гражданской лирике. Публиковался в ряде журналов, альманахах и сборниках стихов. Первая книга стихов «Простыми словами» вышла в свет в издательстве «Образ» в начале 2022 г.

ГОЛОС

Застыла осень в ожидании тревожном,
Лишь только изредка срываются листья.
Кружась, ложатся на дрожащие кусты
И разметаются на камне придорожном.
Тревожно облако скользит над мостовой,
Я прижимаюсь к оголенным нервам года.
Дыханье лета — увядающего плода.
И все же в осени я вижу образ твой.
В безумном танце разбитного листопада
И в тонких линиях печального дождя,
Который ласково касается меня —
И глаз, и губ. И для души моей отрада
Тебя так чувствовать, дышать одной тобой...
Пусть с неба льет, и в этом миге осторожно
Застыла осень в ожидании тревожном...
Я знаю, рядом ты, я слышу голос твой...

НЕПРЕДНАМЕРЕННО СЧАСТЛИВ

Как же выразить теплое чувство щенячье?
Когда счастье бушует от мысли несобранной,
Что ты есть, что ты любишь любовью особенной,
Не такой, как у всех, и так бережно скроенной
Из фрагментов от нежности нами удвоенной,
Из дыхания страсти, вулкана горячего...
Как же выразить теплое чувство щенячье?
Я наполнен тобой, этой тайной сплетения
Доброты и родимого прикосновения,
Сопряжения душ вне печалей торжественных,
Единения рук — мускулистых и женственных.
Просто полон тобой, счастлив непреднамеренно
С этим тактом сердец в упоении трепетном.

ВСТРЕЧА

Мы таили в ладонях счастье,
Нежно глядя его сквозь кожу.
Обвиваясь вокруг запястья,
Проливалось тепло на ложе.
А дорожки твоих мизинцев
В колее безымянных линий
Застывали, и свет на лицах
Загорался, что таял иней.
Таял лед на губах, волнуясь,
Превращаясь в капель несмело.
Улыбался, тобой любуясь,
Так беспечно. И между делом,
Прикоснувшись ресницей сердца,
Обняла ты его дрожанье.
Во мгновенье опять согреться
Помогло это прикосанье.
Снова счастье держу в ладонях,
Где бороздки влюбленных пальцев
Заплетаются в сладком стоне,
Испаряя мороза жальца...

БОКАЛ МЕЖСЕЗОНЬЯ

Возьмите бокал за изящную ножку,
Не тронув прозрачность стекла.
Вглядитесь в напиток,
Как смотрят в окошко,
Еще до начала глотка.
Смешались в палитре усталое лето
Мазками раскидистых трав
И юная осень душистым букетом,
Еще не раскрывшая нрав.
В палитре лесных и озерных созвучий
Да в роскоши зябкой красы
Увидьте пейзаж, где смыкаются тучи
Осенней и летней грозы.
Веселость с печалью в союзе дуэтом
Играют пленительный вальс.
Послушайте сладкую музыку эту
Единственный выпавший час.
А после вдохните, услышите медовый
Нектар этих слившихся душ.
Глотните всем сердцем
Знакомый и новый
Вкус листьев кленовых и груш,
Дождей затяжных,
Перезревших колосьев
И бархата дивных лучей,
Запомните всю глубину послевкусья
Чарующих ласковых дней.

Мгновенье еще — и они разбегутся,
Бокал будет спрятан за брус.
Пока они здесь,
Я спешу прикоснуться
К напитку, что сладок на вкус.

МОСКВА

Москва, ты снова дышишь небом —
Свободным даже от дождя.
Гостей встречаешь теплым хлебом
Сентябрьским днем, тепло храня.
Ты, словно заново родившись,
Цветешь над росписью аллей,
И мы прошли, с тобой сроднившись,
Огнями скверов, площадей,
Сквозь суету центральных улиц
И вдоль больших кремлевских звезд,
Что к небу властно прикоснулись,
Через забитый пробкой мост.
Но мы обманем гул колесный,
Скользнув под арку в ближний парк,
Где есть свободы воздух звездный,
Где тишину разносят в прах
Неутомимые подростки
На самокатах и бордах...
Здесь нет вокруг машин громоздких,
Дорожки не внушают страх.
Танцуют пары, фильмы крутят,
Беседы, йога, рок-н-ролл.
Смеются люди, дремлют, шутят,
Играют в теннис, волейбол.
Фонтаны радугой искрятся,
Гуляют пары, на траве
Детишки весело резвятся...
Так мило в этой кутерьме!
Московский воздух терпкий, сытный
Нас в путешествие завлек.
Москвою новой, самобытной
Мы насладились, видно, в прок.

АЛТАЙ

Свежайший воздух здесь таится...
Я не дышу им — жадно пью.
Поток колышется, струится,
Играет музыку свою.
Играет звонким перекатом
Через расщелины камней,
Срываясь шумным водопадом
В перину солнечных лучей.
На сердце пряность ароматов

Сосновых лап и горных рек,
Еловых россыпей косматых
И ледников застывший снег.
Скалистый нрав речного бега
И норов дремлющих озер
Гипнозом держат здесь у берега
Мой устремленный в горы взор.
Ты ворожишь красой своею,
Алтайский край, Катунь шум.
Я растворяюсь, таю, млею,
Тобою наполняя ум.
И заливается неслышно
Твоя чудесная душа
В мою, пока я неподвижно
Пью тишину, едва дыша...

Владимир Хохлев
(г. Санкт-Петербург)

КОГДА ВСТРЕЧАЮТСЯ ВСЕЛЕННЫЕ

Родился в Ленинграде. Член Союза писателей России и других творческих союзов и объединений, лауреат литературных премий, главный редактор журнала «Невечерний свет / Infinite».

О.М.

Когда встречаются Вселенные... И происходит их слияние...
И образуется единое пространство жизни для двоих...
влюбленные не знают времени, их не волнуют расстояния,
которые — по старым правилам — разъединить способны вмиг.

Когда приходит понимание, что прежний мир уже не сложится,
и не захватят души прежние, совсем не стойкие мечты...
влюбленные живут по-новому, их радость бесконечно множится,
и счастье выражают сложное слова простые «я и ты».

Когда никто не знает способа предотвратить соединение,
и люди смотрят с восхищением на двух восторженных людей...
весь мир волнуется Вселенными... И радуется за спасение
любви — как будто бы утерянной — первичной сути всех затей.

* * *

Закатный час. Природа на замке.
Над горизонтом — золотистый блик.
Утих прибой, уснули на песке
следы людей. Балтийский ветер сник.

Не держит ноту соловьиный хор,
мир замирает... В сонной тишине,
молчанию небес наперекор,
ты говоришь о чем-то важном мне.

На этой крыше, как на корабле,
мы уплывем в заветную мечту,
представив отдыхающей земле
невиданного чувства красоту.

Взлетев у горизонта в облака
мы белой парой в круге, над водой
мелькнем — от счастья пьяные слегка —
и растворимся в дымке золотой.

Подъемной силой крыльев и сердец
преодолев земное притяжение,
мы Вечности услышим, наконец,
призывное, восторженное пение.

И разогнавшись на космическом пути,
до нереальных ста восьмидесяти трех,
мы к солнцу — не ушедшему — взлетим,
устроив звездный спор-переполох.

Как верноподданные солнечной земли,
сойдем с невероятной высоты...
Рассветный час. В сиреновой дали
шумит весна... Ей подпеваешь ты!

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Что может растопить снега
и развести на небе тучи,
сойти лавиной с горной кручи,
и скрыться в поле за стога?

Что может нежной, мягкой силой
поэта душу разбудить?
Заставить петь и не забыть
глаза счастливые любимой?

Что невесомой позолотой
покроет тайные мечты?
Поток духовной чистоты
сопроводит ума работой?

.....

Она, как шелковая ткань,
прохладой прикоснется к сердцу...
Легонько приоткроет дверцу
в безоблачного мира рань.

Она — ромашки тонкий лепесток,
дыхания таинственного шелест.
Желаний ласковых весенний нерест,
сердечной пылкости бурлящий ток.

Она — поэзия высоких нот.
Возвышенное мира восприятие —
безумное на первый взгляд занятие...
Родник животворящих вод.

Она — фантазия, прекрасная мечта.
В быль воплотившаяся искренняя вера.
Земного счастья внутренняя мера.
Души отважной стать и красота.

Она — незримый, не вечерний свет.
Пространство чувств и время ожиданий,
лучей невидимых тепло касаний...
Смирение и верность многих лет.

Она — источник новых вдохновений —
художника надежная подруга.
Гармония и завершенность круга...
Восторженная радость изумлений.

Она — невидима и мимолетна.
Пик настоящего, грядущего исток...
Осуществления реальный срок.
Она — из Вечности...
Поэтому бессмертна!

БЕЗ ВАРИАНТОВ

Вы пили кофе... Над айфоном
летал пьянящий сердце взгляд.
Я защищался телефоном,
листая сообщений ряд.

Вы временами, через окна
улыбкой провожали свет.
Я тер очков не модных стекла,
и проверял их на просвет.

Вы подозвали официанта,
чтоб рассчитаться за уют.
Я с видом записного франта
обжегся водкой «Абсолют».

Вы рассчитались, но однако
не уходили из бистро.
Я был готов от счастья плакать,
что вижу вас... Жетон метро

вы прокатили по салфетке,
как будто открывая мне —
где вас искать... Качнулся в клетке
зеленый попугай во сне.

Я, окрыляясь и робея,
поймал ваш осторожный взгляд.
Вы отвели глаза, не смея
зарядом встретить мой заряд.

Стряхнув невидимые крошки,
оправив юбку, вы ушли.
Я не доел свой суп из плошки.
В камине съезжились угли.

Я краем глаза вас заметил
в окне, на шумной мостовой.
Вас молодой мужчина встретил...
Меня — насмешка...
Над собой.

СНЕГИРИНАЯ СВАДЬБА

Насупилась сосна, стряхнула снег с иголок —
гремит лесной оркестр с зари и до зари.
Ворчит сердитый пень, торчащий между елок —
над ним, который день, порхают снегири.

Рябин облюбовав натруженные ветки
пируют снегири, не помня про мороз.
По насту разбросав оранжевые метки,
пьянит сердца любовь... О силе брачных грез

поет зима... Опять сосне мешает старой
с невестами возня заправских женихов.
Залюбовался свет торжественною парой
огнем горящих птиц, среди снегов и льдов.

Насупилась сосна, стряхнула снег с иголок —
гремит лесной оркестр с зари и до зари.
Кряхтит сердитый пень, торчащий между елок —
который день, над ним порхают снегири.

ДВОРНИК

С радостью карманника-пройдохи,
счастья жизни собирая крохи,
я сметаю мусор с мостовой.

Памятью высвечивая строчки,
ставлю в них пропущенные точки,
и смеюсь тихонько над собой.

Снова я упрям и неприкаян,
прочно с мостовую жизни спаян,
дней веду неудержимый счет.

Ноги топчут старые афиши,
солнца луч высвечивает ниши,
облаками музыка течет.

Открывая вечности начала,
жизнь мне о бессмертии кричала...
Я не слышал... Вдруг поверил ей.

Как упруги водяные токи,
как верны назначенные сроки.
Вновь скрипит космическая дверь.

Я всего лишь дворник, на подряде...
Петербург в классическом наряде
празднует бессмертья торжество.

Всматриваюсь в город днем и ночью,
что ему сегодня напророчу?
Дождь... Ветра... Мороза волшебство...

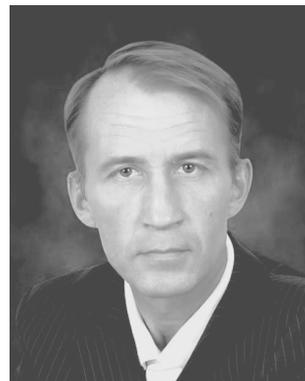
С радостью карманника-пройдохи,
счастья жизни собирая крохи,
я сметаю мусор с мостовой.

Памятью высвечивая строчки,
ставлю в них пропущенные точки,
и смеюсь тихонько над собой.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ»
Новые переводы
Большой цикл стихов «Поэзия семьи Бронте»

Поэт, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член редколлегии журнала «Приокские зори» (Тула) и альманаха «Ковчег» (Тула), награжден алтайским отделением Союза писателей России памятной медалью «Николай Рубцов», автор многих книг.

* * *

Бронте Шарлотта (*Bronte, Charlotte*) (1816—1855)
(английская поэтесса и романистка, старшая из трех сестер Бронте,
автор роман «Джейн Эйр», а также ряда стихотворений)

Шарлотта Бронте

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИЦА

Вошла несмело в этот класс,
Воспитана так я.
Но интерес возник тотчас,
Ведь ждали все меня.

И так понравился урок,
Хоть раньше раздражал.
Я заготовила все впрок,
Карандаши, журнал.

Меня учитель похвалил,
И выделил из всех.
Другим ответ мой стал не мил,
Не радовал успех.

А то, что он прощал другим,
Мне не «сходило с рук».
Бывал учитель часто злым
И раздраженным вдруг.

Но с остальными все не так.
Им легче было с ним.
За мной следил он. Каждый шаг
Мой для него — раним.

Нельзя мне было заболеть,
Уроки пропускать.
Он был готов схватить хоть плеть,
Чтоб все опять начать.

Однажды я была без сил,
Болезнь свое взяла,
Но он тогда меня просил:
«Живи — ты мне мила.

С тобою будем мы шагать
Плечом к плечу сто лет».
Увидев от меня опять,
Улыбку лишь в ответ.

Я не могла поднять руки,
Но был со мною он.
И мне уже не до тоски.
Казалось, он влюблен...

И он ушел. Лишь шум шагов
Заполнил коридор.
Переживу своих врагов,
Судьбе наперекор.

А вскоре излечилась я,
И возвратилась в класс.
Смотрел учитель на меня,
Как будто в первый раз.

Нежданно прозвенел звонок.
Помчались все гурьбой
Из класса, но сказать он смог,
Тихонько: «Джейн, постой!

Я вижу, как устала ты.
Так отдохни сейчас
От вечной школьной суеты.
Вернешься завтра в класс.

Сходи и глянь наш летний сад,
Учить уроки — лень.
Пойдут дела твои на лад,
Ведь так прекрасен день!»

И был он, правда, чудным днем,
Все зелено кругом.
Счастливою я стала в нем,
Вдыхая воздух ртом.

Но он позвал вдруг: «Джейн, иди!»
Я кинулась бежать.

Другого не было пути,
Как в дом идти опять.

Я чуть его не сбила с ног,
Ведь он стоял в дверях.
Учитель отойти не мог,
Смеялся впопыхах.

«Смотри, уже ты весела,
Здоровая совсем.
И хороши твои дела,
Весна на радость всем».

Смогла исправить за три дня
Пробелы все, как есть.
Он много спрашивал с меня —
Всего не перечесть.

Хотя была всему виной,
Проблемы не во мне.
Ведь подавала Джейн собой
Пример всей ребятне.

Я не люблю похвальных слов.
Пусть лучше напрямик,
Он скажет про учеников,
Кто и чего достиг.

И часто я от грубых слов
Рыдала в тишине.
Но принцип жизни был суров
Не до поблажек мне.

Бывало, с «барского стола»
Читала что-то я.
И многое пережила,
И стала как броня.

Учеба завершилась — так
Стихает в поле бой.
Венок из лавра — добрый знак,
Надела как святой.

Учитель выстроил «бойцов»,
Но выделил меня.
Венок из лавровых листов
Стал словно из огня.

Гордиться я должна собой,
Но радости-то нет.
Ведь завтра ехать мне домой,
Наступит лишь рассвет.

Была я счастлива в тот час,
Всего-то на чуть-чуть.
Разлука ожидала нас,
Готовилась я в путь.

Позвал меня учитель сам,
В рабочий кабинет.
Там волю я дала слезам,
Не мил стал белый свет.

Не мог сказать он и двух слов
Расстроился уже.
Ему ведь без учеников
Тоскливо на душе.

Мне прокричали: «Джейн, пойдем!»
«Иди», — сказал он вдруг.
Но лишь остались с ним вдвоем,
Повел себя как друг,

Промолвив: «Джейн! Куда же ты?
Что ждет тебя в дали?
Ты воплотишь свои мечты
Там, на морской мели?»

О, господи, храни ее,
Спаси от разных бед.
Для Джейн обустрой жильё
Вперед, намного лет.

Ну, все, спеш! Уже пора.
Зовут тебя опять.
Когда лишишься вдруг двора,
Вернись, я буду ждать...»

Шарлотта Бронте

МОНОЛОГ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Лишь мысли в тишине. И нет
Со мной здесь больше ни души.
Груз с плеч сошел тяжелых бед,
И можно помолчать в тиши.
Из моего окна сейчас
Я вижу, как чудесен мир.
Он бесподобен, без прикрас,
Магический, как эликсир.
Я вижу холм уходит в даль,
Теряется в тумане он.
За ним мой дом, его мне жаль,
Мне кажется, все это сон.
Увы, его не увидеть,
От глаз чужих он угаен.

Но мысль ведет меня опять,
 Как в детстве, в старенький мой дом.
Я выросла среди болот.
 Все детство утонуло в них.
Печаль по прошлому берет,
 Так жаль ушедших дней моих.
И сердце зачерствело вдруг,
 Вокруг меня одна тоска.
Со мной друзей нет и подруг,
 И, кажется, смерть так близка.
Мираж мне видится во всем
 И он преследует меня.
Ищу напрасно я свой дом,
 Одну себя опять виня.
Реальность кажется, порой,
 Плохою, грубою совсем.
А жизнь — часто лишь игрой
 Со множеством больших проблем.
Чего от жизни ждать теперь?
 Уходят только зря года.
Держу распахнутою дверь,
 В надежде, что хоть иногда
Свое я встречу счастье вмиг,
 Лишь надо только выждать срок.
И, кажется, я слышу крик:
 «Богатство все твое — песок!»
Кошмары ночью снятся мне,
 Что стал другим уже мой дом.
Пытаюсь изменить во сне,
 Хоть что-нибудь в жилище том.
Что если ждет очаг меня,
 Остывший уж совсем давно,
Не сохранивший след огня,
 Но дорогой мне, все равно?
И как же поступить тогда?
 Забывать, что было навсегда?

* * *

Устала думать о плохом
 И волю собрала,
Чтоб помечтать смогла о том,
 Как жить, не встретив зла.
Не слышать крика чтоб его,
 И чтоб без грубых фраз.
Пусть кроме песни ничего
 Не зазвучит в тот час.
Она украсила бы ночь,
 Когда нет сна совсем,
И прогнала печали прочь,
 Не стало бы проблем.

Но на душе уже гроза,
 А мысли — как мороз.
И, кажется, сбежит слеза,
 Но нет ни капли слез.
И только лишь огонь души
 Согреет в скорбный час,
Чтоб я смогла уснуть в тиши,
 Сил накопив запас.
А время — улетает в даль.
 И юность вместе с ним.
Хоть лет истраченных так жаль —
 Процесс необратим.

Надеяться зря смысла нет,
 Все это ни к чему.
Что не вернуть мне прошлых лет,
 Как данность я приму.
Течение жизни словно свет,
 Который не поймать.
И кто бы только дал совет
 Как долго мне опять
Томиться этой суетой,
 Страдать и ждать конца?
Но выход должен быть простой —
 Прогнать печаль с лица.
Я смерти не боюсь, ничуть.
 Она придет в свой час.
И станет мой последний путь —
 Дорогой на Парнас!

Олег Голодный
(Hallandale Beach, USA)

В 2019 году вышла моя первая книга стихов «У открытого окна». В 2020 вышел сборник стихов и короткой прозы «Запоздалая Любовь». В 2021 году — сборник стихов «Осенний вечер». Книги вышли в издательстве «Образ». Публикации в альманахах и журналах. Диплом III степени премии «Образ» в номинации «Книга 2020 года» и «Книга 2021 года» за книги стихов «Запоздалая любовь» и «Осенний вечер». Диплом II степени в основной номинации премии «Образ». Литературно-музыкальная Международная премия «Старая пластинка» имени Леонида Осиповича Утесова. Второе место в номинации «Песня».

ДОМОВОЙ

В моем доме живет домовой,
Как положено, где-то на аттике*.
И скрипит, и стучит, и порой
Бродит в стареньком, сером халатике.

А когда засижусь допоздна,
За спиной слышу шорох нечаянный.
Ведь ему, как и мне, не до сна,
Он такой же, как я, неприкаянный.

Он вздыхает со мной и грустит —
Мажордом моей маленькой крепости.
Он всегда и поймет, и простит,
И откроет окно в мир нетленности.

А когда я рюмашку налью,
Половица скрипит с пониманием.
Я и ночь, вопреки бытию,
Виски пью с домовым, с прилежанием.

ВСЕ СУБЪЕКТИВНО

Уходят идеи. Уходят надежды.
И лишь облака проплывают, как прежде.
Но ветер как будто чуть-чуть холоднее,

*аттик (англ) — мезонин, мансарда.

И дни покороче, и ночи длиннее.
Друзьям за столом было тесно в квартире,
С годами он стал и длиннее и шире.
А вместо застолий веселых и шумных,
Беседы о подвигах прошлых, безумных.
О том, что хотели, могли и успели,
И кости к дождю никогда не болели.
О жизни активной, в пределах разумных,
Без пошлостей всяких о девицах юных.
О пользе диеты без сахара, соли.
О сексе, что можно раз в месяц позволить.
Вот так и живем, до предела активно,
Ведь все относительно, все субъективно.

ДУША

Душа ложится на бумагу
Не легким росчерком пера.
Она, как старая дворняга,
Побита жизнью и мудра.

Душа судьбу не проклинаят,
Она на исповедь пришла.
Ей не нужна судьба иная,
Побольше б света и тепла.

И льются строки на бумагу —
Души неспешный разговор.
Она не будет рвать рубаху,
Лишь в глубине немой укор.

НИТИ

Боль проходит, остается пустота
И травой заросшая тропинка,
Безнадежная, наивная мечта,
На щеке застывшая слезинка.
На́ душу ложится белый снег,
Белизной врачебного халата,
Время ускоряет жизни бег
И несется мимо где-то рядом.

Струйкой тонкой тянется песок,
Словно куклы нить марионетки.
Он невидим — жизни волосок,
Все в руках подброшенной монетки.

И ложится новая строка,
Память перелистывает годы.
И спешит усталая рука,
Волосок в руках у кукловода.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Все казалось просто и обыденно:
Возраст, одиночество, печаль.
Кто-то вилку из розетки выдернул —
Темнота окутала, как шаль.

Было все уютно, по-домашнему,
Будто годы прожиты вдвоем.
И надежда, как свеча угасшая,
Затеplилась синим огоньком.

Белый снег ложится наземь бережно
Оренбургским ласковым платком
И подснежник, как-то неуверенно,
Вдруг прорвется нежным лепестком.

ДОЖДИ

Дождь бывает радостный, печальный,
Лиственный и даже золотой.
Дождь бывает зимний и хрустальный,
Летом теплый, осенью седой.

Каждый дождь идет своей походкой,
Каждый барабанит свой мотив.
У весенних клавирина полька,
Осенью — органа негатив.

Дождь смывает страхи и упреки.
Дождь с лица смывает фальш и грим.
Все уносят вешних вод потоки,
Жизни бег на «бис» неповторим.

МОЙ ТРАМВАЙ

И снова вижу сон — трамвай гремющий,
А на кольце бурьян и лунный лик.
И в пустоту в беспамятстве летящий
Не крик души, а рвущий душу крик.

И холод одиночества щемящий,
И волчий вой истерзанной души.
А на кольце трамвай мой дребезжащий,
Я в нем заложник памяти и лжи.

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХИ

Олег Николаевич Зайцев родился в городе Новополоцке Витебской области. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор четырех книг поэзии, сборника пьес и рассказов, книги критики и литературоведения, книги поэзии в переводах на украинский язык. Председатель Оргкомитета и жюри Международного литературного фестиваля «Славянская лира», лауреат международных литературных премий им. Молодой Гвардии, С. Полоцкого, М. Матусовского, «Славянских традиций», Всероссийской литературной премии им. Н. Лескова «Левша», ордена «Культурное наследие», медалей им. Е. Замятина, Алишера Навои. Стихи автора переводились на английский, белорусский, итальянский, казахский, украинский, фарси (персидский) языки.

* * *

Август — месяц звездных ливней,
Щедро посланных земле.
Небо все в штрихах от линий,
Словно угольки — в золе.

Мчатся, мчатся персеиды,
Как заложники судьбы.
И несут в себе флюиды
Этой искренней борьбы.

В темном небе — вспышки «молний»:
Бьют планету наугад.
И желаний наших полный
Утопает в мгле закат.

Не объять людских фантазий,
Как Вселенной не объять...
Мчат в магическом экстазе
Метеоры к нам опять.

Мы им рады, как софитам,
Как предвестникам любви.
— Эй, кто в небе есть, зови там
Всех на праздник к нам! Зови!

* * *

Господь нам завещал: чти непременно
Отца и мать — и я стараюсь чтить.

Пусть будет их судьба благословенна,
Как можно дольше жизни держит нить.

Казалось бы, «отец» и «мать» простые
Слова, а ведь за ними скрыта суть:
Без них все речи о семье — пустые,
Без них и жизни нет, не обессудь.

Я говорю благоговейно: «мама»
И с придыханьем молвлю я: «отец»...
На совесть нас растили вы, упрямо,
Даря и душ тепло, и жар сердец.

Пусть седина и годы только красят
Родителей моих, их скромный быт.
А я как школьник, тот, что в первом классе
Зубрю заветы их, чтоб не забыть.

Внучата подрастают неуклонно,
За бабушек и дедушек держась.
Отцам и матерям кладем поклоны
За то, что не прервалась жизнь вязь.

* * *

В наморднике пришел к нам год двадцатый:
Здоровых стало вдруг наперечет —
«Пневматики» заполнили палаты,
И ужасы пророчит «звездочет».

Скучающих от праздности туристов
И алчущих Мамоны сгоряча
Небесной карой поразила быстро
И вмиг атаковала саранча.

И жалит, и дыхание спирает,
То в жар бросает, то валит в озноб...
Ах, как же далеки ворота рая,
Но ад вдруг под собою всех погреб.

Дымит, чадит и в жар иных бросает,
То в горле ком, то буря в животе...
Она грядет, косая и босая,
И страшная в костлявой наготе.

Такой вот мы застали високосный,
Помолимся же, чтобы избежать
Лихих годин, чтоб не такие весны
Встречали, не такая сеножать.

Мы истово у Господа попросим,
Как милости, спасения души.
Пусть вирус, пав, вдруг разобьется оземь...
А мы себе прошепчем: «не греши»!

* * *

Закольцована вся Вселенная:
Есть в ней подвиги и позор.
Житие человека бренное —
Как с подмостков глядит позер.

Как со сцены судьба куражится,
Время-место на миг забыв.
А пространства вязкая каша
Растекается в тени ив.

И течет, и сечет по темечку...
Душу точит грех, словно ржа.
Под лозой не зароешь семечко,
В рай не ступишь, камень держа.

За эстрадою кто внимательно
Смотрит, зная роль и сюжет?
Только воля и слог Создателя —
На изгибах тугих манжет.

Без меня, Бог сказал, не можете
Ничесоже творити вы.
Но добро добротой множите,
Ни хулы боясь, ни молвы.

Знаю, волос и тот не свергнется
С нас, когда не попустит Дух.
А фортуна в том не подельница
И, возможно, даже не друг.

Снова вперю взор в мироздание
И крестом себя осеню:
Мир, спокойствие, созидание
Дай, Господь, а я сохраню.

* * *

Голое тело — совсем не предлог
Прясть пряжу и ткать холсты,
Пусть тот, с тобою, уже полубог,
Но не полюбила ты.

Он выглядит томно и крутит прядь
Твоих упрямых волос,
Но время свое на него не трать:
Подарит лишь море слез.

Узлом завяжется ваш разговор,
И станет тянуть в шатер.
Но знай, собеседник — обманщик, вор:
Он к чести руки простер.

Азарт играет в миндалинах глаз,
И похоть дыханьем жжет...

Твой грот разомлел, вот сорвется в «пляс»,
Челнок напился, ждет...

Ты юбки холщовой расправь подол
И гребнем локон поправь,
А он пусть гуляет, откуда шел,
Пусть море осилит вплавь.

Такая вот story love.

ГОРОСКОП

Асцендентен ли по натуре
Или просто себе внушил:
Круговой склоняясь фигуре,
Я эклиптику рву из жил.

То Лилит на меня влияет,
То Селена к себе влечет...
Что астролог мне снова бает,
Вдруг запутаюсь: нечет, чет.

Космограмме своей под стать я,
Чту небесный меридиан.
Подскажите, друзья и братья,
Ну, зачем гороскоп мне дан?

Меж домами его давно уж
Я слоняюсь туда-сюда:
То вдруг Дева выскочит замуж,
То Коза прибавит года...

Мне понравилось быть Каштаном,
У каштанов харизма есть:
И его соразмерно данным
Я свою соблюдаю честь.

Но как будто на пиктограмме
Улыбается в унисон
Обаятельной Обезьяне
Безобиднейший Скорпион.

Вот какой полином небесный,
Не распугаешь сходу. Стоп!
Что пророчит, узнать полезно,
Мне Тибетский мой гороскоп.

* * *

Знайτε одно: я не «наш» и не «их» —
Клятв не давал, не чеканил присягу.
Я не оракул, но я и не псих,
Если возможно, то лучше прилягу.

С радостью буду я есть бланманже,
Кислые щи, подрумяненный хрящик...

Мудрости ныне хватает уже
Фальшь различить в словесах снисходящих.

Зерна бы мне отделить от плевел,
Чтобы понять, кто стоит за спиною.
Пусть говорят «поправел», «полевел»,
Лучше спастись, уподобившись Ною.

Выдам, поверьте, таких кренделей,
Что хоть сейчас — под секиру, на плаху...
Свой приговор излагайте смелей:
Судно запрячу, заправлю рубаху...

...Лежа мне проще добраться до звезд,
В волнах житейских плывя наудачу.
Раз визави оказался прохвост,
Точно его я не переиначу.

Главное — дальше держаться от врак
И не зависеть от истин подлеjších...
Вам — не судья, но себе-то — не враг,
Так что ступайте «излечивать» леших.

* * *

Мила мне царственная осень
За разноцветье и размах,
Когда небес курчавых просинь,
Как головой качнувший маг.

Когда деревьев пышных кроны,
Как подбоченившийся фронт.
Полей желтеющих иконы —
Как хлеба ситного гарант.

Гуляет ветер, что бездельник,
Гоняет листья по земле.
Лишь неизменно мрачный ельник —
Как страж застывший в стылой мгле.

Горланит осень птичьим клином,
По бабы мажет кистью все.
Алеет озеро чин чином,
Жир нагулявшим карасем.

День обкорнав, темнеют ночи.
Танцует солнце, как шаман.
Да чернотроп вдруг сыпнет в очи
И — горизонт ушпыл в туман.

* * *

На то, что нам положено, давным-давно наложено,
Давным-давно наложено, накладено, увы.
И что теперь печалиться, когда по жизни чалиться,
Когда по жизни чалиться от шконки до сумы.

Адвокаты, адвокаты, почему вы так пузаты,
Почему вы жадноваты, плутоваты, пусть не все.
Что бы ни было в начале, впереди — одни печали.
Вот и бегаем по кругу, словно белка в колесе!

Друзьями обрастают все, и жизнь встает во всей красе.
Но не друзья, а недруги нам портят кровь всегда.
Когда вокруг пройдохи лишь, то хоть возьми махни в Париж,
И если выйдет не компот, то странная «Бурда».

Прокуроры, прокуроры на расправу нынче скоры,
Беспощадны и надменны в заседаниях всегда.
Что не скажешь, все — не к месту, ждет сюрприз тебя к отъезду,
И сюрприз тот, если честно, беготня туда-сюда.

Не охая, не ахая, ведь повидали всякое,
Мы вновь спешим на красное, по-разному грешим.
Фортуна, словно женщина, но с нею мы повенчаны,
И как не плохи времена, от них не убежим.

Эй, служители Фемиды, мы прощаем всем обиды,
Так за что же не прощают нас в обычных мелочах.
Кто умеет не споткнуться, избежать и увернуться,
Тот в яслях, поди, родился и живет на небесах!

* * *

Полвека там, а что же впереди?
Какой зигзаг душе моей отпущен?
Весь мой багаж, еще того гляди
Отправится не в рай, а Тартар жгущий.

Шел поперек, не вглядываясь в даль,
И говорил, порой себе не веря:
Не ждал ни званий громких, ни медаль,
В себе искоренить пытаюсь зверя.

Писал, как вдох глубокий делал вдруг,
И выдыхал катреном безыскусным...
Ценил тех, кто не велся на испуг,
Кто не был сладко-приторным и гнусным.

Был скуп в любви и скуп на похвалы,
Работая до звона в перепонках...
В горячке мог ответить: «Отвали!»,
И глаз прищурить тоже: «Эво, вон как?»

Что сделать мог, то сделал, как умел,
Мне главное, — чтоб счастья было гуще...
Не дай, Господь, мне выглядеть, как мел
На свете том. Даруй святые кущи!

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

Валерий Николаевич Савостьянов — поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Автор 12 книг и многих публикаций. Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» вошла в Список лучших произведений русской художественной литературы 2014 года. Лауреат литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Победитель литературных фестивалей и конкурсов.

ОКРАИНА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ

*Околица родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село...*

Анатолий Передреев. «Окраина»

*Окраина,
Ах, окраина,
Ты в сердце мое выросла!
Навек
Молодая да ранняя
Со мною твоя весна!..*

Валерий Савостьянов. Из первых стихов

Окраина фабрично-заводская,
Ты городом была нам
И селом.
И, в сердце корни цепкие пуская,
Рабочим одарила ремеслом.

Нам, пацанам,
Еще игравшим в «жостки»*,
Сказала:
«Ваше время, мужики!»

* «Жостки» — весьма популярная в 60-е годы прошлого века мальчишечья игра, заключающаяся в умении «начиковать» (набить большее число раз без падения на землю) «жостку», небольшой кусочек кожи (двойной) со вшитым внутрь свинцовым грузом.

Вложила в руки шаберы*, ножовки,
Доверила напильники, тиски.

Издержки ученического брака
Простила нам,
Чудесно осветив
«Слесарку» пэтэушного барака
Мечтою
Инженерных перспектив!..

И вот завод,
Где труд не понарошку,
Профком,
Где нам с другими наравне
Участки выделялись под картошку —
И мы ее сажали по весне.

А осенью нам подпевало эхо,
Сияли солнца
Штыковых лопат,
И нас везли «коробочки» из цеха
В поля, к участкам —
Урожай копать...

Когда беру картошку из подвала,
И в будний день —
Мне праздник за столом!
Спасибо,
Что за нас переживала,
Что городом была нам
И селом,
Окраина фабрично-заводская!

Здесь новые рабочие растут, —
Чтоб, как и мы,
Судьбу не упрекая,
Понять, что ты —
Наш главный институт!

И мы тебя не спросим,
Что случилось —
Не огорчим
Беспомощностью фраз:
Мол, что-то там из нас
Не получилось!
Родная, все получится из нас!

Припев ты наш —
Во всех грядущих песнях!

* Шабер — слесарный инструмент.

Недаром вновь мальчишка заводской —
Как я когда-то,
Благодарный крестник —
Уже с гитарой ходит над рекой:

«Окраина,
Ах, окраина,
Ты в сердце мое вросла!
Навек
Молодая да ранняя
Со мною твоя весна!..»

БЕГ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ

*Памяти руководителя
одного из тульских клубов любителей бега
и здорового образа жизни —
марафонца
Николая Ивановича Овчинникова*

Держит нас он в черном теле,
Приговаривая строго:
«Больше — ножками, а меньше — языком!».
Потому-то раз в неделю
Ждет нас дальняя дорога,
По которой Лев Толстой ходил пешком.

Лев Толстой ходил неспешно,
Дали впитывая, доли
Долгим взглядом ясновидца-мудреца.
Мы пешком смогли б, конечно —
Но у нас иная доля:
Километры беговые без конца.

И, не мудрствуя лукаво,
В марафонские атаки
Тренер водит нас: мол, каждому — свое.
И вослед не крики «Браво!» —
Лай скучающей собаки
Да разбуженной Воронки воронье.

Но зато задорным «Здрате!»
Иногда наш путь украшен,
И бежит, нам подражая, детвора.
Но зато — какое счастье! —
У Въездных Парадных Башен,
Поворачивая, выдохнуть «Ура!».

Ждет обратная дорога —
Знаю: радоваться рано!
Но считаю эту жесткую игру —
Вроде яркого пролога

Для поэмы и романа,
До сих пор не поддающихся перу.

Начинаем ускоряться,—
Тренер, друг мой — парень страстный! —
И поют под нами гулкие мосты!
Мне бы только не промчатся
Мимо сути, цели ясной,
Где о главной моей книге все мечты!

На дороге этой строгой,
То крутой, а то пологой,—
Да простит меня великий наш мудрец —
Помню только друга локоть,
Друга клич: «Еще немного!»,
И презент его —
Бесценный леденец...

КРИВОЛУЧЕНСКИЕ ИЗЛУКИ

*...Вы не трогайте русские реки,
Ибо на руку это врагам:
Посмотрите, какие калеки
По спрямленным идут берегам!..*

В. Савостьянов.

Из ранних опытов, восходящих к началу
неудавшейся попытки строительства
так называемого «тульского моря»

Коль в беду я, как в сети паучьи,
Попадаю,
И вот он — паук,
Я подмоги прошу, Криволучье,
У твоих, сердцу милых, излук.

Наши дни — словно мины,
И в мире,
Где за три бы — засчитывать год,
Как я рад, что пока не спрямили
Твоих древних русалочьих вод!

И в стихах напишу я,
И устно
Всем напомним:
Родная река
Здесь по Божьему промыслу русло
Выбирала себе на века.

И не кажется мне оно узким
С той минуты, когда я дитем
Здесь по Божьему промыслу —

Русским
И широким одарен путем!

Все я сдюжу, хоть загнан и взмылен, —
Здесь в тиши камышовых излук
Дерзкий ум набирался извилин,
Состраданье возрастало из мук.

Здесь мечта моя рыбкой искрила,
И здесь — утицею из гнезда —
Вдохновенно душа воспарила!..
Но однажды —
Вернется сюда.

Ибо нет ничего на вершинах,
Возле славы сверкающих скал,
Чище —
Тех ее детских кувшинок
И честнее —
Кривых тех
Зеркал.

БЫЛ СТАДИОН В КРЕМЛЕ

1

Был стадион в кремле.
На стадионе этом
Давным-давно я выступал легкоатлетом.
Был, как Борзов, я быстр,
Как Брумель, был прыгуч я,
Престиж родного защищая Криволучья.

Уж сколько лет прошло, а помню результаты:
Я стал призером по метанию гранаты!
И хоть нам грамоты вручали — не медали,
Я не забыл, как я стоял на пьедестале,
И как с трибуны кто-то крикнул —
Может, спьяну:
«Теперь уж точно нас не взять Гудериану!..»

Простите мальчиков, кремлевские трибуны,
Наивных мальчиков, что были слишком юны:
Наш пьедестал переглянулся удивленно —
Никто из нас не знал такого «чемпиона»!
«Кто ж он такой: метатель, спринтер, стайер?
Он что — стоял на олимпийском пьедестале?
Ах, шел на Тулу танковым походом —
Тогда, простите нас: мы связи не находим!..»

2

А связь была!
С трибуны нам кричавший
И эту связь всех зорче подмечавший
Был связью этой!
В Битве под Москвою,
С винтовочкой, с гранатой боевою,
Он выдюжил, упрямый, непреклонный,
Став нашей славой, Тульской обороной!..

Потом, конечно, мы об этом прочитаем:
Потом пойдем, зачем гранаты мы метаем —
И почему, по крайней мере, странно
Не помнить и не знать Гудериана!
Нет, странно — мало!
Глупо, бесшабашно
Не помнить то, что помнят эти башни,
Не знать, что знают эти стены вековые —
Судьбы, истории уроки роковые!
Ведь без кремлей, сокровищ времени, держава
Как древний Рим, давно в руинах бы лежала!..

3

О, сколько их еще, Гудерианов,
Ждут ныне нашей памяти изъянов,
Беспечности, наивности и дури —
Вставая на шпионские ходули,
Заглядывают: что там, за стенами,
Нейтронными играя кистенями.

Доносят им их спутники-шпионы:
Россия обновляет бастионы!
Кремлевское — кремлям!
Пусть изумятся
Искусству и размаху реставраций!

Для страсти ж стадионной и аренной
Нам хватит нашей Родины-Вселенной:
Просторы олимпийских стадионов
Уже готовят новых чемпионов!

И песня возникает над полями:
То души наши, ставшие кремлями,
Поют!
Ни подкупом теперь их, ни подкопом
Не взять!
Совет: задуматься Европам —
Окоротить своих Гудерианов
С блицкригами их атомных таранов!..

4

Был стадион в кремле.
На стадионе этом
Давным-давно я выступал легкоатлетом.
Был, как Борзов, я быстр,
Как Брумель, был прыгуч я,
Престиж родного защищая Криволучья.

Я был легкоатлетом — стал поэтом,
И вот стихи читаю здесь я каждым летом.

Я был легкоатлетом — стал поэтом,
К Европам обратившимся с советом:
Окоротить своих Гудерианов
С блицкригами их атомных таранов.
Надеюсь, не ответит мне отказом
Самодовольный европейский разум —
И разглядит из Бельгий, из Италий:
Мы здесь давно гранаты не метаем.

Мы здесь теперь гостей встречаем,
Ждем туристов,
Сюда поэтов приглашаем и артистов.
Здесь фестивали, форумы и даже
Здесь книжные развалы, вернисажы,
Здесь мастер-классы глиняной игрушки,
Уроки инкрустации...
«А пушки?
А где же пушки, — спросят, — где пищали,
Какими вы Россию защищали?»
Здесь пушек нет!
Зачем? — Все пушки, все фузеи
Теперь в Заречье, в «Шлеме» (так зовут его), в музее...

5

Как много музыки, улыбок, много солнца!
Вы не поверите: я встретил тут знакомца,
Того, из детства, с кем стоял на пьедестале,
Чей взгляд, как молния, чьи мышцы, как из стали!
Фаната армии!
«Ты где теперь, — спросил я. —
«В «Толстовском обществе» и в «Мире без насилия!»

«Ты и Толстой?
А как же, друг метаморфозный,
Твои кумиры: Сталин, Петр и Грозный?
Как без насилия нам на фоне блока НАТО?»
А он смеется:
«Я — спортивная граната!

Я тренируюсь, наслаждаться успеваю!
Но если что — то я граната боевая!..»

Так что пожалуйста из Франций, из Испаний
В наш город — в общество объятий и братаний!
Ведь вера в Господа нас учит, чтоб не мстили:
Простили прошлое, достойное Бастилий!

И сразу — в кремль наш!
В кремль, врагом не побежденный,
В кремль, в правоте своей и силе убежденный,
Как наша Русь, как наша вера, возрожденный,
В красавец-кремль —
Что с мудрой кротостью иконной
Весь мир наш крестит
Возрожденной колокольней!..

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

ПОЭМА О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Наш постоянный автор.

*Посвящается моему дяде,
Бусову Ивану Леонтьевичу,
без вести пропавшему в боях
в мае 1942 года*

Глава 1. Родина

1

Крестьянский сын, он младшим был,
В честь деда наречен Иваном.
В деревне рос, где отчий дым,
Река окутана туманом.

Раздольный край лесов, полей
Достойный кисти Левитана!
Осенних красок не жалея,
Ты, край родной, в душе Ивана.

Здесь он впервые произнес
Святое слово, слово «мама»,
И мать, в любви с которой рос,
Как память светлая Ивана.

Бежал он на зеленый луг,
Встречал весенние рассветы,
Читал стихи душевно вслух,
Влюблялся и мечтал при этом.

2

Отец Ивана — середняк,
В хозяйстве лошадь и корова:
Пришла в то время не за так
Обобществленная «обнова».

Не слыл Григорий простаком,
Смекнул, учиться сыну надо,

Чтоб не работать батраком
Всю жизнь за трудодни в награду.

Сначала старший брат, Андрей,
Отправлен на учебу в город.
Затем Иван, став повзрослей,
Науки взял тяжелый молот.

3

И все бы было хорошо,
Но вот труба войны пропела:
«Вставай, страна...» —
на фронт меньшей
Ушел, такое, значит, дело.

Глава 2. Война

1

На фронте, на передовой:
Иван — два кубика в петлице —
Он в обстановке боевой,
Но в памяти родные лица.

Жене короткая лишь весть —
Мол, я здоров, как ты, родная?..
Тех треугольников не счесть,
С переднего идущих края.

Их ждали в селах, в городах,
Их ждали матери и жены
С молитвой тихой на устах,
Надежды, веры не лишены.

2

Минул год первый, шел второй...
Стране такое испытанье,
Измотана она войной,
И тяжело противостоянье.

Столицу взять не удалось,
Враг топчет неньку-Украину.
На поле боя довелось
Узнать Ивану вражью силу.

На этом поле рдел огонь,
Вздымался к голубому небу.
Летел он, словно алый конь,
Чтоб хлеб врагу добычей не был.

Там шли с пожитками в руках
И чьи-то жены, чьи-то дети.
В глазах и ненависть, и страх,
Спасение от пуль — в кювете.

Но юнкеры летят опять,
Бьют, гады, по колонне метко.
Достанется, едрена мать,
Получите вы, фрицы, крепко!

3

О людях думал лейтенант,
Приказ комдива выполняя,
Склонившись у планшетных карт,
Курил махорку на привале.

Не мог Иван помочь в беде,
Не находил для них ответа
И мысленно он у людей
Просил прощения за это.

4

Кольцо сжималось все сильнее,
Попали наши в окруженье.
Под хутором, в огне степей
Случилось жаркое сраженье.

Он вместе с рядовыми был,
На первом рубеже, пытаясь
Прорвать кольцо и выйти в тыл,
Но сил уже не оставалось.

Бой продолжался, фрица «зиг»
Звучал, развязку приближая,
Жене и дочке в смертный миг
Иван шептал слова прощанья.

5

Так в том бою он погибал...
Пришло известие лихое
Марии — без вести пропал
Ее Иван — беда и горе...

Глава 3. Память

1

Как вдовам было нелегко!
Марии — тоже с дочкой малой.

И жить от дома далеко,
И выживать с надеждой главной.

С надеждой негасимой той,
С надеждой, что Иван вернется,
Ее Иван, родной, живой,
И сердце радостно забьется.

2

Шли дни, недели без конца,
Все мысли только о пропавшем,
Но нет у дочери отца...
Нет мужа у жены скорбящей.

И трудно на Востоке жить,
Хозяйничает малярия.
Но,— «Все для фронта!» — стало быть,
Мы сдюжим — верила Мария.

3

Когда вестей, казалось, нет,
Ивана друг-однополчанин
Явился с фронта и «привет»
С передовой привез печальный.

Жена узнала о часах,
О тех, последних для Ивана,
Когда еще в людских сердцах
Жила, боролась сила рьяно.

Тогда приказ из штаба был,
Чтоб комсостав по «коридору»
Из окруженья выходил:
Держать сухим — сказали — порох.

Но кровью обогрен прорыв,
И лейтенанту взвод не бросить...
Сражались до конца, комдив,
Пред Родиной чиста их совесть.

4

Остался в глубине души
И в сердце без вести пропавший,
Он в памяти Марии жив —
Солдат, Отчизну защищавший.

Валерий Виноградов
(г. Алексин Тульской области)

Валерий Виноградов — член Союза писателей России, лауреат литературных и музыкальных конкурсов. Проживает в Алексине Тульской области. Более 30 лет проработал на шахтах Подмосквовного угольного бассейна. Прошел путь от горного мастера до директора шахты. Полный Кавалер знаков «Шахтерской Славы», почетный работник угольной промышленности СССР, почетный работник «Минтопэнерго России». Были изданы книги стихов и песен. Его произведения включены в сборники Москвы, Тулы, Щекина, Новомосковска, Алексина. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

МОЯ ДУША

Летит моя душа
К тебе, расправив крылья,
Над пропастью кружа,
Без страха и унынья.

И будто бы с небес
Ко мне слетают звуки,
И легче тяжкий крест,
И сердце терпит муки.

О, сколько в жизни раз
На части душу рвали,
И слезы милых глаз
Дотла испепеляли.

Но не иссяк запал,
И раны рубцевались,
И голос твой звучал,
Надежды возрождались.

Пока горит огонь
И солнце ярко светит,
Моя к тебе любовь
Всего сильнее на свете.

Глаголы сердце жгут,
Слова слагают песни,

И вдвое легче путь,
Когда идем мы вместе!

* * *

Уже пришло весны цветенье
И мир, который насквозь продрог,
Находит Божье утешенье
От всего, что взято под залог.

И оттого все так прекрасно,
И сердце трепещется в груди,
Душе безоблачно и ясно
От переполняющей любви...

Судьба покрыта вещей тайной,
Сверкают манящие огни,
Дорога кажется бескрайней,
Еще бездонней благие дни.

Мечты, сердечные страданья,
Дела, заботы, житейский быт,
Нашли достойное признание
И каждый все — не позабыт.

И задуманное — свершится,
Счастье в жизни к нам еще придет,
То, к чему так душа стремится,
Обязательно произойдет!

СУДЬБА **(на гибель М. Ю. Лермонтова)**

Зовет кремнистая дорога
Туда, где высится Эльбрус,
Усталый путник молит Бога,
И жар молитв слетает с уст.

Орел кружит над головою,
Внизу — строптивая река,
И Демон властно рукою
С пути сбивает ходока.

И у того растет смятенье,
Плывут по небу облака,
Готовит гибель провиденье
Не от чеченского клинка.

Не манит блеск Санкт-Петербурга,
Вдали Кавказ встает грядой,
Там повстречал наш гений друга,
Их встреча стала роковой.

Изгнанье в пыльный Пятигорск
И гусарские забавы...
Жизнь угасала, как талый воск,
И все ближе час расправы.

Вот и настал тот миг кровавый:
Раздался выстрел среди гор,
Померк навек наш Светоч славный,
Но свет тот виден до сих пор!

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия грустной порой
Больно бьется в грудь по ночам,
Что когда-то было со мной,
Достается тревожным снам.

И возвращаясь в те годы,
Будто вижу со стороны,
Вешние талые воды,
Отблеск от набежавшей волны.

Все встает перед глазами:
Детство, юность и отчий дом,
Омывается слезами
Уставшее сердце тайком.

И преследуют виденья,
Предрассветные миражи,
Как болезнь и наважденье —
Судьбы крутые виражи.

Снова, сестры и братья,
Мама вся в заботах о нас,
Годы выпавшего счастья
Не уходят, рядом сейчас.

Вновь листаются страницы,
Мелькают тени чередой,
Близкие, родные лица
Стоят незримо предо мной.

И не рвется тугая нить,
Что соединяет времена,
Пусть нелегко с памятью жить,
Но без нее — жизнь не нужна!

МАМИНА ЛЮБОВЬ

Золотое детство,
чудные года,
Память жжет мне сердце,

манит вновь туда,
Где остались сказки,
рук родных тепло,
Где дарила сказки
мама мне давно...
Канули те годы,
как в песок вода,
Отшумели всходы
раз и навсегда.

Но на сердце нежность
до сих пор жива,
Детства безмятежность,
мамины слова...
Не забыть мгновенья —
память все хранит,
С легким дуновеньем
жизнь вперед летит.
Вера и надежда
помогают вновь,
Бережет, как прежде,
мамина любовь!

Валерий Сухов
(г. Пенза)

А АНГЕЛ ПЕЛ ПОЭТУ ПРО ЛЮБОВЬ

Валерий Алексеевич Сухов родился в селе Архангельском Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Беллинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. В 1997г. защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Работает на кафедре литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» и Купринской премии «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер», редактор отдела поэзии журнала «Сура».

КАТАРСИС*

Сбывалось все, как он и предсказал...
Мартынов подходил все ближе, ближе.
А Лермонтов остался неподвижен.
Катарсис — вот трагедии финал!

Пробила пуля легкие и сердце.
Дымила рана, и сочилась кровь...
А ангел пел поэту про любовь.
Так после смерти началось бессмертье!

И хлынул дождь! Омыло небо рану.
Лиловой тучей Демон пролетел.
И темный дуб, посаженный в Тарханах,
Как древо жизни, на ветру шумел.

Рожденные из пламени и света,
Как молнии — июльской грозой,
Два слова стали русской судьбой:
С заглавной буквы оба: «Смерть Поэта»!

* Катарсис в переводе с греческого — очищение.

КРАСНАЯ РУБАХА

Ранним утром я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубахе, украшенного цветами. Комната была пуста, и в углу валялась его канусовая малиновая рубаха с кровавыми пятнами на левой стороне под сердцем.

А. И. Арнольди

Столь письменный, как плаха.
Распят поэт на нем.
А красная рубаха
В углу — и смята в ком.

Под сердцем пятна крови
Все высохли уже.
Непросто жить, панове,
С Демоном в душе.

Так ураган заносит
За самый край!
В себе вития носит
И ад, и рай.

Мартынов — лишь мартышка.
Пародий едких цель.
Поэт — совсем мальчишка —
Звал Бога на дуэль!

И наказанье тяжко —
Весь опален огнем!
И смертная рубашка
Белым — бела на нем.

Коль ты рожден поэтом,
То сам себе палач!
Схоронят не отпетым.
Ты, ангел, хоть поплачь...

Казачью колыбельную,
Казачка, песню спой.
За службу его верную —
Он был «казак душой»!

В рубахе своей красной
Брал яростно завал.
Стих написал «ужасный» —
И царь негодовал!

От ссылок и гонений
Господь не уберег.
Погиб так рано гений.
Затравленный пророк.

Характер окаянный!
И гроб друзья несут...
Вот вам и покаянье.
Вот вам и Божий Суд!

Столь письменный, как плаха,
Перо-топор — на нем...
А красная рубаха
Горит огнем!

ПОЭТ И КРИТИК

*Создалось в душе художника как бы наитием
какой-то высшей, таинственной силы.*

В. Г. Белинский.

Журнальной каторги рассвет.
Перо гусиное, как парус.
Открылся критику поэт —
И душу озарила радость!

Во тьме кремнистый путь блестит.
Беседуют поэт и критик.
«Звезда с звездой говорит»
На языке одних наитий,

Окинув Русь единым взглядом
В сиянии рассветных рос...
Тарханы и Чембар, вы — рядом.
Всего четырнадцать лишь верст!

ПРОФИЛЬ ГОРЯ

*7 августа 2021 года исполнилось сто лет со дня
смерти Александра Блока.*

Мышиному внимая шороху,
Услышали вдруг: «Умер Бог».
На самом деле — умер Блок!
Наверно, не хватило воздуха.
А может, здесь вмешался рок?

«Мне пусто, мне постыло жить!» —
Последняя строка поэта
Была оборвана, как нить.
Устал себя за все казнить!
Осталась песня недопетой...

Как страшно смерть меняет лица.
В тени незримого креста,
Портрет посмертный — плащаница.

У Блока — силуэт Христа.
Весь исхудалый — профиль горя...

И девушка в церковном хоре
Усталые сомкнет уста.

ЖАР-ПТИЦА

Как занесло Везувий
В Ела-бу-гу?
«Люблю тебя безумно».
Жить больше не могу!

За беды и обиды,
А было их — не счесть.
За мифы правды-кривды —
Кипящей лавы мечь!

Начертано коряво
Посмертное письмо,
Как жизнь...
Не укоряло,
А ранило оно.
Прет по России лихо.
Горит рябины гроздь.
Из тупика есть выход —
В сенях граненый гвоздь,

И долго будет биться
В силке тугой петли
Заморская Жар-птица
Среди родной земли!

Сергей Прохоров
(г. Нижний Ингаш, Красноярский край)

Поэт, член Союза писателей России, автор 24 книг стихов и прозы, основатель и редактор двух литературных журналов: «Истоки» (с 2005 г.) и «Литкультпривет!» (с 2012 г.). За вклад в русскую словесность и национальную культуру награжден орденом «Культурное наследие». 16 июля 2022 года отметил свое 80-летие.

ЖИЗНИ КРУГ

За вехою веха
И зримо, и слепо
Шел, падал и пел.
Споткнулся об эхо,
Упавшее с неба,
И весь зазвенел.

СТРАДАТЬ И ПЕТЬ

Душа пуста,
Когда нет боли,
Она должна
Страдать и петь.
И все пусть так,
И даже боле —
Всю боль до дна
В себе стерпеть,
Страдать и петь,
Страдать и петь.

ТАК НАМ ДАНО

Так выпало, так нам дано:
И радость в сердце, и обида.
Снимают в Космосе кино,
Хоронят павших от Ковида

Сюжет явлений сих не нов.
Кому-то боль, кому-то стимул —
Несостыкованность умов,
Добра и зла несовместимость.
Кого-то будем укорять
И множить наградные списки,
И Космос будем покорять,
И хоронить родных и близких.

ЖИЗНИ КРУГ

Круг своей жизни очертя,
Соединив конец с началом,
Пойму, о чем душа кричала,
Страдая, радуясь, шутя.

И этот круг не разомкну,
А растворю в нем свое сердце,
И эту жизнь всего одну
Я раздарю легко и щедро...

* * *

В нас до поры звучанье скрыто
Всех чувств, что сдерживают нас.
Душа во мне, порой, как скрипка —
Лишь тронь ее и струны в пляс.

* * *

Известным быть, конечно, лестно,
Парить приятней на коне.
Быть незаметным и полезным,
Куда, наверное, трудней

ДОМ ДЕТСТВА

Уколось как вживую
Я на острие дня
И еще поживу я
У родного огня,

Где родимые лица
Там и тут на стене,
И поют половицы
В ночной тишине,

Где герань на окошке
Уют сторожит,
Где мамашин кокошник
Под иконой лежит.

Дух вчерашнего детства —
Золотые года.
От него мне не деться
Никуда. Никогда.

ПО НАКЛОННОЙ

Как будто сквозь линзу: далеко-близки'
Тропинка, дорога, дни, месяцы, годы.
Грузнеет походка, белеют виски,
И ноют суставы на сход непогоды.

А время бежит, по наклонной скользя,
Меняются люди, законы, привычки.
Стареют подруги, уходят друзья,
Все меньше и меньше их на перекличке.

Вся жизнь — то вверх, а то вниз, на излом,
То где-то греховна, а где-то невинна.
Зачем уходя мы грустим о былом?
Наверно, о будущем было б наивно.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Вернуться если б мне туда,
Откуда столько лет я шел.
Чего бы сделать мог тогда
Такого нужного еще?

О чем все время забывал
Среди никчемной суеты,
И с кем не раз, порой, бывал
Скупым на ласку доброты.

О ком в мечтах не говорил,
Но с кем мне было хорошо,
Калитку б к дому отворил:
— Ну, здравствуй, мама! —
Я пришел!

ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК

Утром дождичек прошел
По деревне нагишом,
Приставал ко всем подряд:
От прохожих до оград.

Меж дворами в пляс пустился,
Во все стороны пролился.
Млели крыши и кусты
От небесной чистоты.

ВКУС ДЕТСТВА

Припаду я ничком
К детства давним годам.
Черный хлеб с чесночком
И в прихлебу вода.

Зовы дальних дорог
Манят, бегом пыля,
И к ступням босых ног
Припадает земля.

Липнут ветры к виску.
Мелодичность у строк...
Детства давнего вкус
И напевность дорог.

Черный хлеб с чесночком
И в прихлебу вода.
Этих лет нипочем
Никому не отдам.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ЖИВАЯ РУССКАЯ ДУША

**К 170-летию издания «Записок охотника»
И. С. Тургенева**

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Цикл рассказов **«Записки охотника»** (1852) Ивана Сергеевича Тургенева (1818—883) — одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражены духовные стороны личности простого русского человека, «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и “кашки”»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» (**«Лес и степь»**)*.

В рассказе **«Певцы»** Тургенев пишет о своем герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворенно-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно И. А. Гончаров (1812—1891), прочитав **«Записки охотника»** во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая — за тысячи верст от России — ощутил ее дух, ее живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Гончаров также отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда»**.

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 3.— С. 355. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

** Гончаров И. А. Собр. соч.— М., 1955.— Т. VIII.— С. 262; 108—109.

В год кончины Тургенева его друг и земляк, поэт Я. П. Полонский (1819—1898) говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

Ф. И. Тютчев (1803—1873) пронизательно уловил в «**Записках охотника**» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»*.

Известно, какое глубокое впечатление произвели «**Записки охотника**» на земляка Тургенева — Н. С. Лескова (1831—1895), заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей»**. Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав цикл тургеневских рассказов: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством»***.

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889) справедливо считал, что «**Записки охотника**» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции»****.

Рассказы тургеневского цикла, по признанию Л. Н. Толстого (1828—1910), открыли ему еще в юности, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом»*****.

В. Г. Короленко (1853—1921) вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «**Записками охотника**», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те „простые“ слова, которые дают настоящую, неприкрашенную „правду“ и все-таки сразу поднимают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали, <...> озаренные особенным светом»*****.

М. Горький (1868—1936) называл «**Записки охотника**» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив ее от шелухи»*****.

Сходное впечатление испытывает и современный вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «**Хорь и Калиныч**» (1847) минуло более 165 лет и более 160 лет — со времени первого отдельного издания «**Записок охотника**» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остается»*****,— говорил Б. К. Зайцев (1881—1972) о восприятии тургеневского творчества в статье «**Непреодолимое**» (1961).

Доминантой приведенного выше отзыва Лескова о «**Записках охотника**» является слово «правда» во всей его полисемантической объемности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворенный романтической традицией; и главное — правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, возвестившего: «*Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь*» (Ин. 14: 6).

Герои «**Записок охотника**» — русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не поврежденного чувства национального достоинства — народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции — «хрестьяне», то есть «христиане» — верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье всеприсутствие. Христос — в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!» (3, 37); «ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «прости, Господи, мое прегрешенье!» (3,

* Тютчев Ф. И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма.— Тула, 1984.— С. 186.

** J. von Guenter. Leskov.— Russlands Christlichster Dichter.— Jahrgang 1.— 1926.— S. 87.

*** Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 12.

**** Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М.: Худож. лит., 1970.— Т. 9.— С. 459.

***** Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.— Т. 66.— С. 409.

***** Короленко В. Г. Собр. соч.— М., 1954.— Т. V.— С. 265—266.

***** Горький М. Полн. собр. соч.— М.: Наука, 1972.— Т. 15.— С. 373.

***** Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т.— М.: Русская книга, 1999 — 2001.— Т. IX.— С. 375.

137),— то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («**Малиновая вода**»), Калиныч («**Хорь и Калиныч**»), мужик Анпадист («**Бурмистр**»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «**Бежин луг**» ограждают себя крестом, именем Божьим. Все герои «**Записок охотника**» молятся, осеняют себя крестным знаменем, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т.д.

Все это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: *«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* (Ин. 1: 1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба — теплятся лампадки перед святыми образами: «перед тяжелым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («**Хорь и Калиныч**» — 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («**Уездный лекарь**» — 3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любой кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома — Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошел в фельдшерovu комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («**Смерть**» — 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные уголья — с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «заказанных» (с образами обойденных) пустырях» («**Смерть**» — 3, 198). «А с Богом-то завсегда лучше» (3, 352), — так выражает убеждение всякого православного человека Филофей — герой рассказа «**Стучит!**».

На Руси в каждом селе — в таком, например, как Шумихино, «с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («**Малиновая вода**» — 3, 31) — была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Храмы являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешествующих. Так, рассказчик-охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («**Льгов**» — 3, 77), и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («**Контора**» — 3, 139).

Все крестьяне в «**Записках охотника**» — люди Божьи. Каждый наделен своими талантами и дарованиями. Особо одаренные натуры: Яков Турок («**Певцы**»), Павлуша («**Бежин луг**»), Матрена («**Петр Петрович Каратаев**»), Акулина («**Свидание**»), Лукерья («**Живые мощи**»); главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие — выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут что называется «святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради» (3, 31), как и другой герой рассказа «**Малиновая вода**» — Степушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и все же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) (1880—1961) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Все больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «**Записок охотника**», где «изображены

преимущественно люди из “простого народа”, немало хороших людей. Из всех выделяется истиннопреподобная Лукерья (“Живые мощи”)*.

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех ее ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах — всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу мое изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков главный герой рассказа «**Касьян с Красивой Мечи**» — образ странный и удивительный. В нем ярко выражены христианские черты, и в то же время — много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный прием в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясен встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <...> Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого,— он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землей, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном,— хранитель леса и его обитателей.

Гибель вековых деревьев ради корыстных коммерческих интересов, проплешины в лесу после вырубki (на орловском диалекте — «ссэчки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищническому уничтожению леса, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рошу купили,— Бог им судья, сводят рошу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, погибающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...» (3, 114).

Касьян живет в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на ее языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок* <*молодой перепел.— Примечание Тургенева.— А.Н.-С.> полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая,— Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки — Божии» (3, 118). Вместе с живительными «чистыми», «Божьими» травками Касьяну ведомы и другие растения — загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве...» (3, 118).

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстает как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника,

* Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня.— М.: Отчий дом, 2010.— С. 166, 172.

таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделен открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <...> — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом Апостолам, — о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «*Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте*» (Мф. 10: 8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека — все в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это все от Бога. <...> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует — спасется, — прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя — сокровенная убежденность в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа, «*если вы будете иметь веру с горчичное зерно*», «*ничего не будет невозможного для вас*» (Мф. 17: 20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «*Не бойся, только веруй, и спасена будет*» (Лк. 8: 50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделен чертами праведника. С другой стороны — сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней — «сродственница», скрывая ее происхождение, хотя их кровная связь, внешнее сходство для всех очевидны. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, ее пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «*не убий*»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «*Отче наш*»: «*хлеб наш насущный даждь нам днесь*» (Мф. 9: 11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка охотников, данная Лукерьей — героиней рассказа «**Живые мощи**»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занято! Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от

жестокой забавы: «много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6: 33). Так хлеб — одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: «Аз есмь хлеб жизни» (Ин. 6: 35), «ядущий его не умрет» (Ин. 6: 50). «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 27), — заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделен поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: «И ныне, Господи, <...> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением» (Деян. 4: 29, 31).

Одухотворенно-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза. <...> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика» (3, 116). Так удивлялись словам Апостолов «начальники народа и старейшины» в Новом Завете, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <...> между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян. 4: 13).

Касьян говорит как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного» (3, 116—117). Слова мужика по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъемом выражены представления о святости и грехе: «Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!» (3, 116).

Герой старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «кровь есть душа» (Второзаконие. 12: 23); «душа тела в крови», «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17: 11, 14). Бог заповедал Ною: «только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9: 5). В Новом Завете Апостолы проповедуют язычникам «воздерживаться от идоложертвенного и крови» (Деян. 15: 29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасенного человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «придут времена отрады от лица Господа» (Деян. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции несправедному устройению социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощенности свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали простонародные странники, но и — прежде всего — духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определилась в русском фольклоре, народнопоэтическом сознании.

Касьян — один из таких странников — получил в народе еще одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным пе-

ремещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище — отсылка к паразитарному насекомому — снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка <...> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно все подпрыгивал на ходу» (3, 113).

«Человек я бессемейный, непосед» (3, 119), — говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...» (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «**Записок охотника**» становится сквозным, находит свое разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «**Живые мощи**» явственно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси... <...> Мало что переменилось, хоть сменялись, шли века»*, — в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова (1966—2006) «**Русский крест**» (1996). Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной»**. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, ее грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

«Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молюсь...
Если все попросим Бога
За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд —
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? —
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда — никто не знал...»***.

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, — вот оно что...» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полечит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъем, духовное раскрепощение соединяются с патристическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель — деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворенная красота родной земли, любуясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена ее городам и рекам —

* Мельников Н. А. Русский крест. — М.: Отчий дом, 2011. — С. 33.

** Там же. — С. 4.

*** Там же. — С. 36.

всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с *Красивой Мечи*. Места, где протекает эта река — Красивая Меча (или Мечь) — приток Дона,— считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестает удивляться дивному чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, такие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <...> Эко солнышко! — промолвил он вполголоса,— эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119—120).

Любование героев «**Записок охотника**» своей Родиной, русской землей сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе цикла художественные картины природы, «прозрачные, будто сотканные из воздуха образы»*. Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. Эти живые образы словно сливаются с дыханием, с биением сердца русского человека. Картины природы настолько одухотворены, что в них отчетливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трехмерном пространстве, а с выходом в некое четвертое — духовное — измерение, становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла рассказов, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, Богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе» («**Лес и степь**» — 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <...> Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи», и, «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («**Бежин луг**» — 3, 90; 86).

В народнопозитивском сознании живет неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесатом царстве» — мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду.

Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошел...» (3, 119).

* Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч.— Т. XVIII.— М.: Гослитиздат, 1939.— С. 144.

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грезы засыпающих в ночном маленьких героев «**Бежина луга**». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «теплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

«— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда ж они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Простонародные русские скитальцы в чаянии «довольства и справедливости» ищут те заветные места, где, Христос «низложил сильных с престолов и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем» (Лк. 1: 52—53). Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица — Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте сказочное «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Отк. 21: 4, 24, 25).

«Юродивец» — третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с малства» (3, 117). Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признается: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже слышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название “юродивца”» (3, 119).

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлен более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своем участии в церковных Богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» — особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать эгоистический, корыстолюбивый интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2: 5)

В душе герой ведет напряженную внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это все под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» — «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья — героиня рассказа «**Живые мощи**».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочел „Лукерью“ три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ **«Живые мощи»** позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514).

Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный **«Касьяном с Красивой Мечи»**, Жорж Санд так отозвалась об авторе **«Записок охотника»**: «Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять». После прочтения рассказа **«Живые мощи»** знаменитая французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель,— все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев ее, охотник буквально «остолбенел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини — в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: *«Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”*. <...> *Посему я благодушествою в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен»* (2 Кор.12: 9—10).

С героиней рассказа — жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой — незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины — без малого семь лет (семь — священное число духовного порядка) — обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетеном сарайчике на пчелиной пасеке. Медоносная пчела, когда завершает свое благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает. Так и Лукерья настолько внешне иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи».

Охотник, знавший девушку раньше, ошеломлен жутким зрелищем, контрастирующим с его прежними впечатлениями: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которую ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отлетела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время девушка думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328—29). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выскивающей беззащитную жертву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям — время разгула нечисти, ее особой активности) Лукерье-невесте, замороженной ночными соловьи-

ными трелями, почудился зов жениха: «зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: “Луша!..”. Я глядь в сторону, да, зная, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось... <...> — С самого того случая,— продолжала Лукерья,— стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже» (3, 329).

М. М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастливая случайность», но и «слабый намек, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство»*. Из приведенного рассказа Лукерья не «слаба», а вполне явственно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечет ее в гибельную бездну («так прямо <...> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены — в рассказе «**Бежин луг**», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели — зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: “Павлуша, а Павлуша!”. Я слушаю; а тот опять зовет: “Павлуша, подь сюда”» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападения нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живет убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «**Бежин луг**»: «Эка! — проговорил Федя после недолгого молчания,— да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное миросозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини — также совершенно бестелесный — вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327).

По определению В. И. Даля, «мощи — нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», еще при жизни становится «истиннопреподобной» угодницей Божией.

Охотника также крайне изумило, что мученица не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «от нее никакого не видеть беспокойства; ни ропота от нее не слышать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив — за все благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338),— рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Героиня принимает Божью волю со смирением, с благодарением и молитвой: «— А то я молитвы читаю,— продолжала, отдохнув немного, Лукерья.— Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно» (3, 332). Страдалица-крестьянка, едва ли это сознавая, в точности следует заповеди Господа о немногословной молитве: *«молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что*

* Дунаев М. М. Православие и русская литература.— М., 1997.— Ч. III.— С. 37.

в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6: 7—8).

Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».

Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «*Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна*» (Мф. 26: 41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «*мир Божий, который превьше всякого ума*» (Фил. 4: 7): «Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332).

В народе поговаривают, что испытание тяжелой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <...> — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее — нет, мы ее не осуждаем. Пушай ее!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская — в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию — во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание русского народа вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «*страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией*» (1 Пет. 4: 1, 2). В этом суть православного аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо ее душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намедни отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: “Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?” Но я ему ответила: “А мысленный грех, батюшка?” — “Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий”. — Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна» (3, 330—331).

Более того — она самим своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335—336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б. К. Зайцев, назвав ее заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных»*.

Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. «*Посему мы не унываем, — учит Апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня*

* Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т.— М.: Русская книга, 1999—2001.— Т. IX.— С. 436.

на день обновляется» (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветле-ла и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверх-мирного бытия»*, — справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепи-скоп Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).

Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. В своем уединении она вступает в область сверхрационального позна-ния, религиозного откровения: «Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление — даже удивительно. <...> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как гучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не бы-ло и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запре-дельным миром на пороге инобытия. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки — намек на любовь к земному жениху Васи-лию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием — как нимбом святого: «Наде-ваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом ос-ветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущ-ности Христа: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12: 36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь — по самым верхушкам ко-лосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узна-ла, что это Христос, сказать не могу, — таким Его не пишут, — а только Он!» (3, 335).

Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначаю-щее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Не-бесном хоровады водить будешь и песни играть райские. <...> тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — бо-лезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того со-стояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рацио-нальным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», — комменти-рует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)**.

В своем отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотво-ренно-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своем личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величай-шим усилием, но *умиленно* <курсив мой.— А. Н.-С.> произнесла она. — Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бед-ные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно — всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не му-чается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и

* Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом.— М.: Ладья, 1998.

** Там же.

обездвиженная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свой внутренний мир. Наоборот, ее душа вся светится добром, участливым отношением к людям. В ее положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому еще труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает. <...> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий ее в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24: 13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», — так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий»*.

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек, — также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» (3, 199).

Для православных день земной кончины — день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая ее не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные поработители народа — изощренный изувер помещик Пеночкин и его подручный — бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны — матери Тургенева («Живые мощи»). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных — до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть» — 3, 201—202).

Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишенных по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и

* Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом. — М.: Ладыя, 1998.

мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрена («Петр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Диккенса (1812—1870) — английского писателя-христианина, наиболее родственного по духу русской классической литературе,— высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <...>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опозтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409).

Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадежного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право — рабство внешнее — не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей — по слову Апостола Павла: «не делайтесь рабами человек» (1 Кор. 7: 23). Люди не рабы, а дети Божьи: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал. 4: 7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплен даром истинной свободы — в Боге и от Бога: «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1).

Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла. Вот почему Апостол Павел призывает: «братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:10—12).

По апостольскому слову, Христос, «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1 Кор. 15: 24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного — всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

Яков Шафран
(г. Тула)

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ — АНТИПОД РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(Из цикла статей «Нацизм — инструмент объединенного Запада против
Русской цивилизации»)

*«Не найдется такое жестокое сердце,
чтобы сказать: не мысли о Родине».**

Рерих Н. К.

Концепцию, выраженную в заголовке данной статьи невозможно, признаться, осознать без того, чтобы не разобраться в истоках возникновения Западной и Русской цивилизации как таковых. А истоки их находятся, насколько видится, в Античности, в Римской империи, а точнее после ее окончательного раздела соответственно в Западной, захваченной германскими варварами, и в Восточной, подвергнувшейся эллинизации. Обратимся, друзья, к истории.

Читатель может не согласиться с утверждением, изложенным в данном заголовке. Не будем спорить с несогласными, а зададимся вопросом — как же возникла Западная цивилизация, ставшая ныне современным объединенным Западом, куда входят, кроме США и Западной Европы, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония и прочие малые сателлиты? Если мы обратимся к истории, то увидим, что возникла она на развалинах западной части некогда могучей Римской империи, и развитие ее прошло через все предшествующие века в постоянном противостоянии православной части империи и далее Русской цивилизации, ставшей ее преемницей. Каким образом сие происходило? Заглянем в те времена.

А там, вслед за установлением тогдашним, уже не языческим, а христианским императором Константином христианства в качестве официальной религии, данное вероучение стало новой внутренней сутью повседневного существования великой державы. И дабы, в связи с этим, обозначить в истории новую эру, глава империи создает второй Рим, новую столицу — Константинополь на востоке государства. Что, к слову сказать, было сделано весьма своевременно, так как вскоре в западной части его, захваченной воинственными варварами-германцами начали учреждаться независимые королевства.

Восточная часть, ставшая затем по самоназванию Державой Ромеев или Византией, каковой именовали страну позднее на Западе, в отличие от западного «варварско-римского котла», устремляется на неуклонное и последовательное продвижение Православной веры, на просвещение окрестных народов, и среди них россос. Из этой могучей христианской цитадели, почтенной матери современной человеческой культуры и права, шло православное ведение о Боге, о едином мироздании и об индивидуальном и общем спасении.

Западная же часть занялась незаконными агрессивными действиями, направленными против государственной воли подлинного Главы империи — на то время императора Византии — и Господней воли, транслируемой через Единую Церковь. И началась Западная Европа с провозглашения главы *отмежевавшейся* церкви Папой Римским и «назначения» короля варваров-франков Карла, фактически узурпатора, титулованным римским аристократом и затем «римским императором». Рим слишком долго жил по руководящему принципу полной трансформации грубой силы в безоговорочное, неотъемлемое право — у кого сила, того и право, — чтобы это не оказалось пло-

* Рерих Н. К. Нерушимое. Рига: Угунс, 1936. С. 317—318.

тью и кровью старой аристократии. Но поскольку в описываемые времена она обессилела, то передала данную привилегию свежей силе, свежей крови германских племен, захвативших империю. А те с этим, естественно, с удовольствием согласились.

Если глядеть из нынешнего времени,— как говорится, большое видится на расстоянии,— делается понятным, что путем отделения завоеванных германцами западных земель и создания «особой» церкви была реализована цель неких сил, неких акторов, действующих по известному негласному правилу «разделяй и властвуй». Поэтому ни о каком *modus vivendi* — условиях, обеспечивающих совместное сосуществование, речи быть не могло. Началось упорное и ожесточенное противостояние с Православной Церковью, Православной Цивилизацией.

Для сего Запад, ставя все с ног на голову, принялся доказывать, будто именно Германская Римская империя является единственной законной правопреемницей Рима в качестве единственно правильной и целостной, от которой якобы откололась Византия. Это их собственное дьявольское измышление не было экзистенциальным, но стало краеугольным камнем, положенным в вековой идеологический фундамент всего высокомерного и враждебного отношения Запада к Православной державе. И поскольку доказать неоспоримую реальность этого не представлялось возможным, то росло явно маниакальное, неискоренимое стремление уничтожить ее.

Не потому ли Запад с невиданным всеобщим подъемом организует и проводит именем Христа крестовые «освободительные» войны? И что характерно, эти военные кампании повсеместно отличаются неблагоприятными деяниями так называемых рыцарей-крестоносцев, как то: легкая личная нажива, откровенное насилие, хищнические разбои, прямое искоренение, истребление жителей: греков, славян, арабов и африканцев на покоренных территориях.

Как же случилось, отчего такое высокоразвитое, религиозное и цивилизованное царство кануло в историческое небытие? Давайте по закону дедукции перейдем от общего к частному. Источники говорят нам о возникновении сразу после первого крестового похода по всей Византии, особенно в больших полисах и на всем восточном побережье, множества венецианских и генуэзских коммерческих, торговых организаций («в деньгах родства нет»), политических обществ и ассоциаций, занимавшихся во всевозможных аспектах целенаправленными слаженными действиями против Византии. Было постоянное и инклюзивное отрицание, вплоть до полного выкорчевывания и, в конце концов, уничтожения Православной религии, с заменой ее повсюду воинствующим католицизмом. Сюда относится и крайняя, небывалая агрессивность мусульманского мира, появившегося на обширных пространствах изначально старинного, многовекового христианства и стремящегося к окончательной ликвидации Православной империи. Это весьма играет на руку Западной Европе во исполнение вожделенной цели. Настоящим апофеозом того стало тщательное планирование в середине XII века «крестового» похода уже не против мусульман, а против христианской Византии! И вот в 1204 году в нее ворвались дальние, но вполне достойные потомки неотесанных германских варваров — «крестоносцы». Взяв Константинополь, они разрушили законную власть в Империи, разрушили значимые культурные и религиозные объекты при гробовом молчании и, мало того, при полном попустительстве папы и при единодушном и громогласном одобрении всего западного мира. И такие разбойные деяния, в результате которых Византия в скором времени никогда уже больше не сможет оправиться от такой страшной, лихой беды, как гибель, являлись вполне закономерными, ибо западные «воины» — совершенный антипод византийцам, никогда не кичащимся, всегда проявлявшим особую тактичность и немалую терпимость в религиозных вопросах,— в противоположность западной инквизиции — и использовавшим местные языки. Более того, византийские святые Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность! Не были ромеи и ксенофобами, подобно Петrarке, «пламенно» призывавшему генуэзцев и весь Запад безотлага-

тельно смести с лица земли Византию с «малодушными гречишками» и называвшему жителей Азии и Восточной Европы полуживотными и «недочеловеками». В Империи Ромеев* похожего *contumelia*** и неприкрытой лютой ненависти нельзя, как ни постараться, даже вообразить.

И вот, в итоге, на растерзанных останках некогда могущественного Православного государства Константина Запад учредил латинскую империю, нещадно бившую ромеев по их благородным чувствам любви к Родине. Но «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», — начался латентный период в истории Византии. Новоявленные, по сути, латинские руководители той в течение двух последующих столетий могли, невзирая на нескрываемую неприязнь и явную антипатию греков, по требованию папской церкви назначать Константинопольского Патриарха из числа западных католических епископов, организовывали на православной земле католические монастыри и стремились подчинить Православную церковь западной, римскому папству. Стремилась вынудить ее на униатский союз и проделывали для этого все мыслимое и немислимое: применяя и щедрые заманчивые обещания, обнадеживая значительных православных священнослужителей кардинальскими шапками, и крупные взятки, а касательно нерешительных прибегали к влиянию итальянских «гуманистов»... Тяжко было православному священнику осуществлять свою церковную службу. Ромеи страдали от неуклонного вытеснения их из по-настоящему значимых областей человеческой и общественной жизнедеятельности, от безжалостного угнетения. И на этом фоне закономерным стало принятие в 1369 году в Риме императором Иоанном V католичества, свершилось неслыханное публичное национальное унижение, бесчестье Византии. А далее, как всегда в таких случаях водится, началась длительная упорная, каждодневная борьба между подлинно православными и латинофилами из среды византийцев, во всем ориентировавшимися на Запад, возлагавшими на того радужные надежды, в том числе что он защитит от неотвратимой, грозно нависшей опасности масштабного тюркского вторжения. А были и такие — «пятая колонна» противоположного рода, — что образовывали нераздельный идеологический фронт с имевшимися в изрядном числе поклонниками врага. Запад же перед нешуточной и для него самого угрозой, руководимый указанным ему императором, не отклонился от определенного генерального направления на насильственное разрушение Византии и образования из нее полной своей вотчины. И это при недостаточной военной и экономической мощи для действенного сопротивления тюркам.

Данное положение и стагнация в развитии Византии привели к вынужденному («нет, нет, и еще раз да!») согласию на организационное объединение. Рим достиг желаемого, принудил ромеев принять католическое вероучение во всех спорных в течение пятисот лет ключевых вопросах. Дата 6 июля 1439 г. навсегда останется позорной в истории Византии. В сей день в кафедральном соборе Флоренции произошло помпезное мероприятие по заключению церковной унии. Греки во главе с императором в торжественных одеяниях преклоняли колени перед папой и лобызали его руку. В стране существовало вполне обоснованное глубокое убеждение, что произошел прямой подкуп многих высших священнослужителей «врагами истинной веры». Монахи Афона в красноречивом послании русскому Великому Князю Василию II писали: император и духовенство «какову мерзость въсхотеша очима своима увидети свою благочестивую веру в продате на злате студным латинам...»***.

* Следует сказать, что византийцы называли себя «Империей ромеев». А Византия — не более как ученая кличка, введенная в обиход западными, а по их примеру, и российскими либеральными идеологами около ста лет после гибели империи как бранное слово. Отсюда и производные термины — «византизм» (или «византинизм») и «византийство».

** *Contumelia* (лат.) — поношение.

*** Послание прота и иноков Афонской горы к Великому Князю Василию Васильевичу о правоте Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора. — «Летопись занятий археографической комиссии за 1864 г.» СПб., 1865. Приложения, стр. 29.

Вернувшись в Константинополь народ откровенно осуждал за предательство своей родной и истинной церкви и родины, ибо «от свечи и дом сгорает». И, когда произошла первая попытка осуществить достигнутый флорентийский договор, негодующий и гордый народ устроил восстание под сводами Святой Софии и изгнал продавшегося патриарха... Запад, в итоге, будучи не в силах полностью покорить Византию, отдал ее под безраздельное чужеземное владычество тюркам. Выходит, главную, определяющую роль в падении Державы ромеев сыграли объединенные западные силы — католическая церковь и Венецианская с Генуэзской республики совместно с пролатинскими силами внутри страны.

Несомненной, очевидной истиной является и то, что и духовное состояние граждан Византии того времени далеко оставяло желать лучшего и в свою очередь привело к обскурации. «Сами друг перед другом величаются, а другого чтоб унижить ни во что не вменяют... хитрейшие обманы делают... с кичливой надменностью ... грех да соблазн и вере поношение...»*.

Так общими усилиями — *viribusunitis* — из двух неотъемлемых частей бывшей Римской империи — Восточной и Западной — осталась только Западная, сделавшаяся фактически реальной основой Западной цивилизации. Достойной преемницей Восточной Римской империи — Византии стало Православное Русское государство (как говорится в народе: «глубокая вода не мутится»). «Москва — третий Рим и четвертому не бывать!» Этот девиз был реализован, и, таким образом, с тех пор непримиримое длительное цивилизационное противостояние начало происходить между Западной Европой и Русским царством. Данная конфронтация сохранялась и сохраняется в отношении Российской империи, Советского Союза и современной России на протяжении более чем пяти веков. Наиболее ярко оно проявилось во время лихого Смутного времени начала 17-го века, в гнилой период царствования Анны Иоанновны (1730—1740 гг.), во время наполеоновского двенадцатизычного нашествия, Крымской войны, в гибели великой Российской империи в феврале 1917-го года, в действиях активных троцкистов и их союзников в 20-е и 30-е годы двадцатого века, во время Священной Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в тайной разрушительной деятельности «хрущевых», «сусловых», «пономаревых», «андроповых» и иже с ними с 57-го по 85-й гг., в пресловутой «катастрофке» Горбачева, в период бесславного правления Ельцина и до сих пор во враждебной работе «пятой» и «шестой колонны» в нашей стране. Ныне на международном, планетарном уровне это выливается в противостоянии объединенного Запада и России с союзниками. И вот на авиабазе Рамштайн в Германии в сентябре 2022 года собрались официальные и полномочные представители пятидесяти союзных западных стран в едином неудержимом порыве покончить с российским государством, о чем они мечтали все эти минувшие века и предпринимали неоднократные настойчивые и неустанные попытки сделать сие; в едином неудержимом порыве окончательно решить мучивший их днями и ночами русский вопрос.

Почему? Почему Запад формировался в духе жесткого антипода России? Настоящее происходило недаром, так как цивилизация России является для него во все времена «кинопланетной», она самобытна, в противовес западной — это духовная цивилизация. Фундаментальная основа глубинной России, независимо от формы правления,— ее духовность, которая космична, представляет собой духовную систему, олицетворяет базовую идею создания совершенного Царства Небесного на земле в качестве осуществления полной правды — полного единства спокойной совести,

* Н. С. Лесков. Запечатленный ангел. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы.— М.: Литература, Мир книги, 2005.— 464 с.— (Золотая серия.Русская литература). С. 87.

мировой истины, сердечного добра и земной красоты,— социальной справедливости и гражданского равноправия людей в обществе, служащего совместному делу, четко определяющих достойное место человека во Вселенной, его высокое предназначение в жизни в настоящем и будущем.

Но Русская цивилизация есть не только православие и богатое культурное византийское наследие, у нее имеются и другие неповторимые особенности, и многие другие значимые факторы. Например, показательно, как в советское время религиозный образ мыслей видоизменился в пролетарский русский мессианизм, когда Ленин стал долгожданным мессией, Сталин — апостолом Петром, Троцкий — Иудой, Мавзолом — гробом Господним, ревизионисты — еретиками, мировой коммунизм — грядущим Царством Божиим, марксизм и ленинизм,— соответственно, Ветхий Заветом и Новым Заветом, знаменитый моральный кодекс строителя коммунизма — Нагорной проповедью Иисуса Христа, а коммунистическая партия — хорошо организованной общиной верующих и так далее. И повседневное поведение — в быту и в труде,— и менталитет советских людей оставались в разумных и соизмеримых рамках базовой православной модели. Потому и современная Россия, несмотря на малое количество воцерковленных, несмотря на подлое время перевертышей, сохраняется по смыслам православной.

Да, ментальность беспрекословно считается важнейшей составной частью остова цивилизации. Она определяет текущее решение животрепещущих вопросов, связанных с характером глубоких смыслов, их местом в реальной действительности, говорит об очевидной тесной связи разных смыслов между собой и с определяющими общественными и культурными факторами.

Русский народ — изначальное, историческое ядро российской державности — сформировался и совершенствовался между Византией — соединением самобытных цивилизаций восточного Средиземноморья и Ближнего Востока и Степью — культурой кочевых народностей, как *aureamedia** между ними. В результате выработались такие отличительные, определяющие народные черты, как постоянное стремление к длительному мирному сосуществованию с соседями, терпимое и гуманное отношение к лицам иной национальности и к их образу жизни, поразительное умение усваивать привлекательные индивидуальные черты различных народов. Кроме того, суровые природные условия мест обитания привели к выработке правил и обычаев коллективизма, общинных связей и артельности.

Следующими уникальными качествами Русской цивилизации, если кратко, являются удивительный органичный и креативный синтез европейского и азиатского, самая протяженная в мире граница с порядочным количеством сопредельных стран, расположение на двух континентах, разреженность расселения и большая неоднородность территориального размещения населения в крупных городах и в сельско-провинциальных ее частях.

Таким образом, мы видим, насколько различны Русская и Западная цивилизации. К слову сказать, разница между ними хорошо показана на следующем конкретном и поучительном примере. Примечательно, европейцы во время интенсивной колонизации Северной Америки не смешивались с индейцами и устраивали все возможные искусственные преграды для этого. И далее текущая политика и реальная практика американского государства касательно коренных племен и несчастного негритянского населения заключались во всяком разъединении их и белого «христианского» населения, а в отношении первых — вплоть до уничтожения. А что творили англичане в Индии и во время англо-бурской войны, что творили «цивилизованные» народы в своих африканских, американских и полинезийских колониях, что творили наговцы в Югославии, Ираке и Ливии?! И это немудрено, ибо их прародители — германские

* *Aureamedia* (лат.) — золотая середина.

племена англов и саксов активно вырезали местных бритов и норманов (кстати, спасшиеся норманы и основали на континенте землю Нормандию, ныне являющуюся частью Франции), да и наименование «вандалы» (одно из германских племен) недаром стало нарицательным. Русские же простые воины и казаки, богатые промышленники, отважные и пытливые исследователи и так или иначе попавшие туда крестьяне, идя по Уралу и Сибири, перенимали домашнюю и хозяйственную утварь, традиционную одежду, местные способы и рецепты приготовления пищи, типы жилища у коренных обитателей. Кроме того, в Сибири произошел уникальный сплав культур. Различие между Россией и США состояло еще и в том, что вместо изгнания тамошних аборигенов с их исконной земли, Россия интегрировала новых подданных в свою разумную христианскую цивилизацию. Русские женились на молодых местных женщинах, и смешанные браки эти сплошь и рядом являлись согласными и крепкими. И православная церковь осуществляла народное просвещение и проповедовала гуманное, доброжелательное отношение к иноплеменникам, тем самым значительно помогая прочному союзу с ними.

Итак, Российская цивилизация — именно цивилизация, ибо она является особым континентом на Земле, особым миром, — никогда не занималась, что каждому из истории может быть ясно видно, любого рода насилием, территориальными и прочими жестокими захватами, в отличие от германо-романской и англо-американской цивилизаций, и проявляется как собирательная, культивирующая дружбу окружающих и малых народов. Россия изначально строилась не в виде «единой расы», а в качестве свободного братского содружества народов, говорящих на множестве различных языков, и в этом ее неизбывная притягательная и созидательная сила. Это создало уникальность России — в своей трудной и славной многовековой истории она аккумулировала в своем эгрегоре неистощимую потенциальную, креативную энергию развития. Потому-то ее и избрала, не избавив от всевозможных серьезных препятствий, испытаний, страданий, противоборств, конфликтов и войн, непрерывная Планетарная Эволюция для движения к Новому Миру, когда индивидуальное сознание и интеллект, внутренняя духовность и нравственность людей станут соответствовать космическому сознанию и космической ответственности, — к Миру, за которым грядущее, ибо духовный разум непобедим. Реальная альтернатива ему одна — неминуемая гибель человечества, так как голый, циничный потребительский прагматизм, «делание денег» и безудержное стремление международного финансового капитала к тотальному господству над планетой ни к чему хорошему привести не могут, противостоя в том числе и природе Земли. Запад, согласно своей по определению антирусской природе, совершенно независимо от того, какие партии и лидеры будут стоять у власти (что еще раз подтверждает их роль в качестве пешек в «большой игре»), будет предпринимать все возможное и невозможное против России. И непрекращающаяся глобальная война с целью любой ценой добиться унижения и разрушения Русского народа и Русской цивилизации, которые по традиции мужественно встают против открытого вызова, предъявленного всему человечеству (в отличие от предшествующего исторического периода упорного поиска «государством» благоволения «господ мира сего», что неминуемо привело к неслыханному унижению и потерям), явится последним, драматическим действием в данной вышеуказанной парадигме. Результатом же будет построение Новой Страны, Новой России, полностью соответствующей природе Русской Цивилизации.

Валерий Румянцев
(г. Сочи.)

В ПОИСКАХ ФОРМ И СМЫСЛОВ
(заметки о современной поэзии)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В ходе горбачевской перестройки активизировались творившие в то время молодые стихотворцы, в том числе и в плане поиска новых форм и смыслов в поэзии. Например, появились «метаметафористы», среди которых заметную роль играл Алексей Парщиков. Многие его стихи вызывали недоумение и своей формой, и своим содержанием. Прочитал я у него как-то следующее стихотворение:

Поэт и муза

*Между поэтом и Музой есть солнечный тяж,
капельницею пространства шумящий едва, —
чем убыстренней поэт погружается в раж,
женская в нем безусловней свистит голова.
Сразу огромный ботинок сползает с ноги —
так непривычен размер этих нервных лодыг,
женщина в мальвах дареные ест пироги,
по небу ходит колесный и лысый мужик.*

Такие строки не могут оставить равнодушным ни одного читателя. И написал я тогда на этот поэтический продукт пародию под названием «О сокровенном»:

*Меж поэтом и Музой — уж так повелось изначально —
Существует искрящийся солнечный тяж.
Только звякнет поэт своей лирой печальной,
Тут же Муза его тянет весело в раж.
Изливаются рифмы дождями на грешную землю,
Замирают эстеты, читая стихи нараспев...
В мире нет простоты, и я это с восторгом приемлю
И кормлю пирогами украшенных мальвами дев.
Грандиозность ботинка, скользящего с нервной лодыги,
Неразгаданность тайн, что еще предстоят впереди,
И потоки стихов, уходящие в новые книги,
Наводнение чувств вызывают в груди.
И свистит голова, погруженная в душу поэта,
И колесный мужик шлет тепло с высоты...
Если кто-то прочтет и осмыслит все это,
Мне придется добавить еще темноты.*

Ну а дальше — больше. Сво-бо-да! Всплыли из небытия новые футуристы, акмеисты. Стал «поднимать голову» новый декаданс. И даже открыли Академию Зауми, — и, представляете, там есть свои академики. Некоторые литературоведы даже называют это «Эпохой Возрождения русской поэзии». Появились многочисленные исследования, где подробно описываются новые течения в русской поэзии, такие как: концептуализм, постконцептуализм, нулевой стиль, неопрIMITив, шаржированно-гротесковая поэзия, метареализм, континуализм, презентализм, полистилистика, поэзия исчезающего «я». Не будем копаться в этих «измах» и отбирать «хлеб» у литературоведов, да и рядовому читателю это вряд ли интересно.

Ясно одно: дальнейшая литературная жизнь показала, что в ходе «эпохи возрождения русской поэзии» не появилось новых Пушкиных и Маяковских. Потому что узок круг этих революционеров в поэзии, страшно далеки они от читателей.

Говорят, что поиски новых форм и смыслов в поэзии продолжают и сегодня. Воспользуемся лексикой нашего великого литературного критика. «Бросим взгляд» на поэзию 2017 года, которая присутствует в некоторых современных литературных журналах, и посмотрим не только на формы, но и на содержание.

Константин Кедров. «Журнал ПОэтов», № 1 за 2017 год.

Фуга для органа с роялем

*Ах Бах был страстный хулиган
Был хулиган к тому же
Он музыку вгонял в орган
Она рвалась наружу
Он ей конечно доверял
Но и не доверял он
Вгонялась музыка в орган
И стал орган роялем
Рояль орган — орган рояль
И я не ты и ты не я ль
Орган-ор гам
Ор гам ор-гамм
Орган-оргазм
Оргазм-орган.*

Глупость часто вырывается наружу с помощью языка. И она никогда не успокаивается на достигнутом. Тут не только форма, но и содержание отсутствует, хотя К. Кедров — доктор философских наук. (Впрочем, один неглупый человек сказал так: «У нас сегодня нет философов, а есть только профессора философии»). Оказывается, блудливые мысли тоже требуют свободы слова. Прочитав этот опус, ни один читатель не испытает оргазма, если, конечно, не состоит на учете в ПНД. И уж понять образ «рояль органа», так же как и «орган рояля» вряд ли многим под силу. Нам бы чего попроще: гармошка, балалайка...

С самого начала нам не повезло с поиском интересной формы и содержания. Но, как говорил в известном фильме Юрий Никулин, «будем искать».

Андрей Торопов. «Дети Ра», № 9 за 2017 год.

У этого автора читаем такое стихотворение:

*Поэзия не эпичнеет
До философского труда.
Элегичнеет, лиричнеет,
Не эпичнеет никогда.*

*И мы не будем эпичнеять,
И мы останемся детьми.
Балбесно будем чародейть
Своими дряхлыми костями.*

Хочешь, чтобы над тобой смеялись,— иди в клоуны, а не в поэты.

Поэзия никогда и не претендовала, чтобы ее называли философским трудом. Как раз поэзия есть и эпическая, и лирическая. И придуманные автором словесные «загогулины» не убеждают читателя в авторской правоте. Единственно, в чем прав А. Торопов, так это в том, что такие авторы, как он, в поэзии действительно «останутся детьми».

Однако, не будем расслабляться и продолжим поиск.

Максим Амелин. «Октябрь», № 7 за 2017 год.

Всего одно его стихотворение:

*Свобода уходит нагая,
Такая же, как и пришла,
хромая, изнемогая,
обобранная догола,
а мы... остаемся обломки
сухих пустоцветов собирать,
приветливых предков потомки,
земли безмолвная рать.*

Люди, не умеющие рассуждать, обожают это демонстрировать.

Более корявую метафору и не придумаешь. И чего это ради свобода «нагая», а не одетая. А какие это «обломки сухих пустоцветов» мы остаемся собирать. На что намекает автор — не понятно. И почему «сухих», а не сырых пустоцветов. А почему «безмолвная рать»? У нас сегодня болтунов очень даже немало: и на официальном ТВ, и на телеканалах «Дождь» и «Эхо Москвы», и на Болотной...

Продолжаем наше литературное путешествие дальше. «Октябрь», № 6 за 2017 год. Стихотворение Д. Осокина «Ты моя лягушка» начинается такими строками:

*я называю
любимого человека
лягушкой,
мешкожаберным сомом,
сусликом спящим...*

А заканчивается так:

*я не могу любить тех
кто не понимает
такие сравнения.*

Я, хоть убей, не понимаю таких сравнений. Так что мне надеяться не на что: меня Д. Осокин не полюбит никогда.

А вот следующее его стихотворение из очень большой подборки.

*Скатерть
рифмовать надо так:
льнянка — мыльнянка.*

*полка — заколка.
ушко — ватрушка.
платье — без платья.
катит — прикатит.
пара — самара.
скатерть — и хватит.*

Вся беда в том, что подобная белиберда печатается в одном из «ведущих» литературных журналов. Читают юные поэты подобную галиматью и думают: «Оказывается вот как сегодня надо писать, чтобы тебя печатали, а не так, как Лермонтов, Есенин, Евтушенко ...»

Что это? Поиск новых форм и смыслов? Или в попавшихся мне журналах окопались враги русской литературы? И как долго это будет продолжаться?

Есть литературные журналы, ежегодно публикующие сотни стихотворений, в которых присутствуют признаки поэзии (какая-никакая метафора, ритм, рифма и т. д.), а настоящей поэзии в них нет.

А, может, именно такую поэзию на страницах литературных журналов жаждет видеть сегодня основная часть читателей? И потоки «зауми», которые СМИ вот уже три десятилетия обрушивают на российский народ, не могли остаться безрезультатными? Не зря же Александр Кузьменков в своей статье «Фигню заказывали?» пишет:

«21 процент россиян считает научно-технический прогресс явлением в той или иной мере вредным (ВШЭ, 2016), 29 процентов уверены, что люди появились одновременно с динозаврами (ВЦИОМ, 2011), 25 процентов считают Солнце спутником Земли (ВЦИОМ, 2017), 64 процента считают себя православными, но половина из них не заглядывала в Библию (Фонд «Общественное мнение», 2015), 59 процентов верят в колдовство («Левада-центр», 2012).

О каком квалифицированном чтении можно говорить при таких «вводных»? Если в современном литературном процессе дела пойдут так и дальше, то Дарья Донцова со своими книжками будет лидером продаж еще лет тридцать. И тогда русской литературе уж точно — хана. И это будет беда не только для читателей и писателей. Это будет катастрофа для всей России.

А этого бы очень не хотелось!

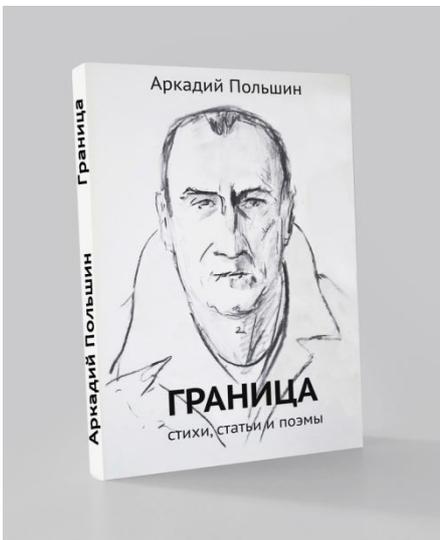

Борис Григорьев
(г. Москва)

НА ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК А. О. ПОЛЬШИНА «ГРАНИЦА»

Каждый из пишущих — будь то поэт или прозаик — отображает в своих произведениях, как правило, то, что он сам пережил, увидел или услышал, т.е. основывается на своем жизненном опыте. Не является в этом отношении исключением и Аркадий Олегович Польшин, автор нескольких поэтических сборников, тепло встреченных и читательской публикой, и специалистами, член СП РФ, занимающий активную гражданскую позицию.

Рецензия на письменное произведение предполагает выявление в нем основных идей и мыслей и характеристику применяемых автором художественных средств и приемов. В данном случае рецензент предполагает сосредоточиться в основном на содержании поэтических произведений.

Сразу стоит отметить, что главной чертой содержащихся в сборнике произведений — их патриотическая направленность. Патриотизм Аркадия Олеговича — истинный, горячий и безусловный, что, на мой взгляд, представляет главное достоинство сборника. В наше сложное и сумбурное время это дорогого стоит.

Диапазон тем, которые автор затрагивает в сборнике, довольно широк.

Он включает в себя и историю средневековой Руси, в частности, период борьбы с татаро-монгольским игом (поэма «Князь Федор», «Воля», «Вечное поле»), и Великую Смуту XVII века (поэма «Монах»), и гражданскую войну и Великую Отечественную войну 1941—1945 г.г. Его сердцу близки и дороги малая родина, родной город Лебедянь и завод ЛЕМАЗ, на котором он трудится. С величайшим почтением он относится к дру-

зьям своей юности и к людям, с которыми столкнулся на своем жизненном пути. Для него важна память об ушедших из жизни членах его семьи, представителей старшего поколения. Он не проходит мимо уродливых явлений нашего общества. И какой бы темы ни касался, непременно проявляет свой горячий темперамент, непримиримое отношение к недостаткам и истинно русскую пассионарность.

Поэма «Вечное поле», тоже написанная в былинном стиле, посвящена Куликовской битве. Зачин по условиям жанра драматичен:

*Разгулялося полюшко дикое —
Не иначе войско великое:
То татары с драконами-гидрами
Улетают на бой с московитами.
А над Доном встает Богородица —
Не страшна ей свирепая конница.*

В решающий момент битвы воевода Боброк-Волынский, стоявший со своим полком в засаде, восклицает:

*...С нами ветер! Пора, брат, пора!
Это Божьим повеяло духом.
Уже льется родное «ура»
Во степное монгольское ухо.
Подались! Побежали! Уже!
Началась красногрудая сеча.
Зазвенела, запела в душе
Стременами Красивая Меча.*

После битвы начинают искать пропавшего князя Дмитрия Донского. Его находят раненым под березой. Князь узнает о больших потерях в своей армии и начинает кручиниться:

*Но теперь! мне не мил Божий свет —
Без обряда заройте у церкви.
Ты прости меня, брат Пересвет,
Ты прости меня, батюшка Сергей.*

Рядовой ратник Василий ему резонно советует «охламониться» и не наговаривать на себя грех (в этом я вижу исполнение основного замысла поэмы):

*За князей помолись и за тех
Мужиков, умиравших за други.
...На века освятили твой грех
Богородицы чистые руки.*

На этой оптимистичной ноте былина заканчивается. Мы знаем, что Куликовская битва проходила под Божьим покровительством, это настроение нельзя не почувствовать в поэме, оно не отпускает читателя с самого начала и до конца.

В поэме «Монах» описывается настроение русских людей, уязвленных засильем польских интервентов и малодушием бояр, поддавшихся нажиму ляхов:

*И русский дух пылает грудью вольной:
Смоленск мордатый, дивный Ярославль...
Идут отряды — штормовые волны.
Идут они, оружие обняв.*

Монах, которого «сподобил и повязал поручкой простого Минина вчерашний манифест», просит игумна отпустить его «как Пересвета Сергей, на брань, на бой, на поле, на Москву». Игумен удовлетворяет просьбу монаха, предостерегая его от излишнего (!) пролития крови. Под Москвой в битве с ляхами отважный монах погибает:

*Летит ядро... За ним летит сперва
Монаха удалая голова...
И катится, и катится слегка
Через века... Через века...*

Видное место в сборнике занимают стихи о старших товарищах, оказавших и на него, и на его творчество сильное влияние. В стихотворении «Шубин Павел Николаевич» автор вспоминает фронтового поэта:

*В землянках, в угрюмых танках, Гремит пулемета бубен,
В окопах, где черт не брат, В рост за скелетом скелет...
Писал он (как под тальянку!) ...Собрал нас сегодня Шубин —
Под батареей перемат. Чернавский честный Поэт.*

В другом стихотворении — «Шахов» — вспоминает об ушедшем из жизни липецком поэте Шахове Василии Васильевиче:

*Прощай, Васильевич! А там...
Тоска с каликинской могилы
Вовсю гуляет по полям...
По тем полям, где ты сквозь жилы
Багрянил к русским берегам!*

*Скакал ты прямо — на авось —
По стременам, в донские травы.
Теперь лежишь среди берез —
Недалеко от переправы,
Как окольчуженный колосс!*

Еще в одном стихотворении он укрепляет дань памяти отцам и дедам, отдавшим свои жизни в годы ВОВ:

*Вы брали Берлин и Прагу,
Срывая тугую узду.
Вы честный кружок — «За отвагу»
Почти прировняли к кресту.*

*Уснули густые погосты
В объятьях березовых струн.
...Им светят печальные звезды
И тысячи, тысячи лун...*

Вообще теме Великой Отечественной войны посвящены многие его стихотворения, в том числе «Исповедь разведчика Кузьмина», «Бой», «Кладбище в березовой роще», «Сталинград», «День Победы» и др.

В связке времен громким набатом звучит стихотворение «Донбасс».

Вооруженным силам Украины успешно противостоят лихой танкист Илюшка, артиллерист Добрыня и поповский сын десантник Алексей. Автор, наделяя их именами трех богатырей из известной русской былины, придает стихотворению глубокий эпический смысл. На защиту Донбасса встает вся Россия:

*...Донбасс, он весь как Тарас
Бульба, а кто же еще,
Гоголем он крещен
Под Хмеля синь-благовест!
Под тельником — русский крест!
Его не взять, не свалить
Во всю фашистскую пруть.
В руках — сухие дрова:
«Калибры» и «Булава».*

*За ним щекастая Русь,
Кавказ и верный Эльбрус...
За ним сыны Беловодья
Напрягают поводья.
А вместе — Дева Мария,
Расея, Россия...*

Не оставляет Аркадий Польшин без внимания и свое рабочее место. Не без гордости за родной ЛЕМАЗ он пишет о нем в стихотворении «Гвозди»:

*Ничто, увы, не вечно под луной,
А «мерседес» уже не первый в кроссе.
Сегодня этот, этот шар земной
Сковали лебедянские насосы.*

А вот отрывок из другого стихотворения — «ЛЕМАЗ»:

*Словно седой пароход,
В море полей и садов —
Это трубит машзавод
Газом веселых котлов.*

Стихотворение «Море» навевает мысли о лермонтовском произведении «Беллет парус одинокий»:

*Море, море!
Далеко ты и близко.
Бьются строчки прибоя
Подле серых домов.
И мерещится в дебрях
Тополиного писка*

*Голос чаек и вздохи
Белокурых судов.*

Часто автор вспоминает своих товарищей по любительской футбольной команде — например, о вратаре Льве Печуре:

*На воротах не Лев, а Пантера,
Номер 1-й во всех отношениях!
Мог забить лишь Печенкин Валера
Ему два из пяти в упражненьях.*

О трагедии событий братоубийственной гражданской войны автор в стихотворении «Дом у берез» находит такие слова:

<i>Сотню ведет атаман — Первый в степях молодец. От воли звонок и пьян Лютый его жеребец.</i>	<i>Где ты, мой дом у берез? Где ты, наш батюшка Дон? Думает парень без слез, Скрипит золотой погон.</i>
<i>Где ты, мой дом у берез? Где ты, наш батюшка Дон? Давно есаул без слез, Скрипит золотой погон.</i>	<i>Что ж ты наделала, жизнь? На саблях корчится Русь: У каждого воя — мысль. У каждого воя — грусть.</i>
<i>Солнцем в когтях седока Пляшет лихой Воронок. У них командир полка — Тех же краев паренек. Зря убивают нас!</i>	<i>Мысль у того казака Прыгнет, шмальнет между глаз Иль каплей с того клинка: Почто убивают нас?</i>

В стихотворении «Венера» автор вспоминает о чем-то сокровенном личном, о чем читатель может только догадываться, но и этого достаточно для создания у него определенного ностальгического настроения:

<i>Где ты, мой звездочет — Венера пьяной ночи. Может быть, повезет — Рухнут обид кирпичи.</i>	<i>И снова скажу: «Прости» — В двадцатый иль сотый раз. Мне б «Рубикон перейти», Вынуть кручину из глаз.</i>	<i>Виляет угрюм-река — И в книгах моих прибой. В жизни ты как строка — В этой, а не в другой.</i>
---	--	---

Любовную лирику продолжает стихотворение «Ты...»:

*Ладаном плеч, ветром души
Волнуешь меня, как прежде.
Встают стеной те миражи —
Союзники и надежды.*

Автор постоянно обращается к теме малой родины, в частности, к любимому городу Лебедяни. В «Песни о Лебедяни» он с любовью описывает его облик, историю и происхождение:

<i>Яблочно-липовый круг — Край, где блуждают легенды: Тяпка, татары, фрагменты Революционных потуг.</i>	<i>Остров купцов и полян Точат столетние волны. Терпит — живет Лебедянь, Город родной и упорный...</i>
---	--

Особое место в сборнике занимают очерки А. О. Польшина «Смута и раскол — путь в никуда», «К 30-летию издания романа Е. И. Замятина "Мы" в России», «Наумыч» и посмертный панегирик «К 100-летию со дня рождения русского поэта Панюшкина С.П.».

В первом очерке автор ярко, лаконично и емко напоминает нам драматические страницы русской истории, органично увязывает прежние события с событиями нынешними и страстно предупреждает нас от непродуманных и вредных для нашего государства действий и поступков.

Во втором очерке А. О. Польшин предпринимает оригинальный метод анализа романа «Мы», принадлежащего перу известного советского писателя-лебедянца Е. И. Замятина.

В третьем и четвертом очерках автор с большой любовью и благодарностью вспоминает о своих старших товарищах Сергее Порфирьевиче Панюшкине и Игоре Наумовиче Субботникове.

Несколько слов о художественной стороне сборника.

Язык Польшина ярок, сочен и точен. Вот как он описывает свою работу над «Границей» в стихотворении «Книжка пограничная»:

*В каракулях сентября
Хвастает феникс-птица.
Эх, отгорланил вчера
Книгу стихов «Граница».*

«Каракули сентября» — необычный образ начала осени. А «"отгорланил" книгу стихов»? Мне это чем-то напоминает стиль Маяковского.

Или вот строфа из стихотворения «Привет»:

*Опять вращаю турникета честь,
Шагая вслед за центробежным братом.
Летит моя рябиновая песнь
По всем цехам тринадцатой зарплатой!*

Из стихотворения «Шляпа»:

*Солнце сваркою режет:
Рассветы искрят, закаты.
В этом сонном кортеже
Уж месяц ржут агрегаты.*

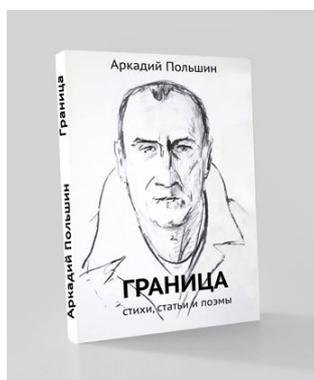
Метафоры, сравнения и гиперболы сыплются как из рога изобилия. Неологизмы «раскумарить» («Антивирус»), «фюрить» («И фрицы фюрири глаза...», «Полундра»), «бицуха» и «футболуха» («Кроссовки») — тоже очень частый прием у поэта. Такие украшения практически встречаются у Польшина чуть ли не в каждом стихотворении.

В заключение остается только поздравить А. О. Польшина с публикацией нового сборника и выразить надежду, что он найдет дорогу и к разуму, и к сердцу читателя.

ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ СТИХИ И ПРОЗА

(Рецензия Е. И. Трещева на книгу
Аркадия Олеговича Польшина «Граница»)

Книга члена Союза писателей России Аркадия Олеговича Польшина «Граница» отмечена полнотой оригинальных взглядов автора, яркая, интересная, талантливая, выстроенная с внутренней логикой. Она дает широкое представление о стилистическом и тематическом своеобразии творчества автора. У него зрелый взгляд на жизнь. Сюжеты ряда стихотворений подсказаны ему собственным опытом, размышлениями о времени, в котором мы живем. Время и события накладывают свою печать на творчество писателя, определяя его общественную и литературную позицию.

Поэт пишет на разнообразные темы: о творчестве, морали, любви, природе, современной и исторической жизни нашего народа. Есть у него и стихотворения с философским содержанием, размышлениями о природе вещей, людях.

Паустовский К. Г. говорил, что «поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную, девственную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас свои образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать». Это утверждение относится и к поэзии А. О. Польшина.

«Свищет ветер! Бьется ветер! / В проводах хохочет осень. / Мне казалось в этот вечер, / Что брожу я среди сосен. / Мимо розовых скворечен / Колешу походкой чинной. / И струится мне на плечи / Танец жизни тополиной...» (А. Польшин. Свищет ветер).

Аркадий Олегович умеет схватить самое существенное и несколькими четкими штрихами обрисовать его.

«Поля, поля, кругом поля... / Какая грусть в пейзаже этом! / Они мне — верная семья, / Они в меня вошли поэтом...» (А. Польшин. Москва).

Одна из основополагающих черт его поэзии — обостренное чувство справедливости, жизнелюбие и радость бытия. Тонко чувствующий, он с удивительным подчас мастерством улавливает биение пульса жизни.

История русского народа — история очень тяжелая, мучительная и кровавая. Этой теме посвящены поэмы Аркадия Олеговича: «Вечное поле», «Князь Федор», «Монах», «Воля», «Настоящие волки», «Купец», «Ангел». Любовь к Родине в этих произведениях выражена не декларативно, а через живое и непосредственное чувство: *«У России, что в поле, / Много — много дорог. / В разноцветном узоре / Стяг один — это Бог!» (А. Польшин. Мой).*

Мир, описанный автором в поэмах, получился воистину самобытным, со своими святыми и злодеями, своими героями и негодяями, с описанием быта и нравов. В этом цикле произведений звучит высокое патриотическое Слово. В нем поэт отразил

свои размышления о прошлом России. Через все эти поэмы проходит сквозной темой вечная борьба нашего государства за свою свободу и независимость. Патриотизм автора глубок и эмоционален.

*«Где бы ни был, в какой стороне,— / Возвращаюсь к родным берегам, / Чтоб при-
пасть к монастырской стене / И увидеть на площади храм...» (А. Польшин. Память).*

*«Есть флаг и герб у меня, / Есть суша и моря сила. / Все вместе — моя страна, /
Моя Россия в полмира...» (А. Польшин. Щит).*

Кроме всего прочего автор — тонкий лирик. Лирика — неотъемлемая часть души поэта. Эти стихи дышат упоением жизни. В них звучит задушевная искренность и убедительность.

*«Облака идут в никуда: / Нет начала, конца пути. / На Земле так было всегда —/
Тех краев вовек не найти...» (А. Польшин. Облака идут в никуда).*

На высоком подъеме написаны стихотворения: «Граница», «Крест», «Пашка», «Окончен бал: допили и доели», «Москва», «Берег», «Дом у берез», «Свищет ветер» и др. В них очень интересные наблюдения, сочный и колоритный язык, проявляются неожиданные смыслы. Стихи о том, о чем промолчать невозможно. У поэта собственное видение мира и себя в нем.

*«Столбы, нейтралка — тощий перевал, / Фуражек зелень по скуластым тро-
пам. / Здесь пограничник не один упал: / Сказали взвод, а по преданьям рота. / Упал
тот парень в огненную медь, / Не поскользнувшись, не спотыкнувшись оземь. / Его
свинцом поцеловала смерть / В какую-то есенинскую осень. / А осень та пускала па-
руса / В родном краю, уснушему в березах. / И он уснул с молитвою в глазах / На тех
камнях, в кроваво — пьяных розах...» (А. Польшин. Граница).*

Автор ищет новые образы, новые оттенки бытия в давно, казалось бы, знакомых словах и отзвуках.

Для него характерно стремление заглянуть в психологию своих героев, оценить их поступки и переживания. Содержание бытия он открывает через образы. Любовь к Родине, патриотизм является стержнем всех гражданских качеств человека. Все это можно найти в поэтических работах А. О. Польшина. При этом он описывает не только свое поколение, но и испытания, через которые прошел наш народ: *«...Уснули
густые погосты / В объятьях березовых струн. / ...Им светят печальные звезды / И
тысячи, тысячи лун...» (А. Польшин. Вы брали Берлин и Прагу).*

*«И если завтра грянет бой, / Услышим пулеметов трели — / Примерим, сын, и
мы с тобой / Смешные серые шинели!» (А. Польшин. День Победы).*

От этих строк исходит боль обнаженной души поэта — патриота. Его помыслы благородны и высоки.

Стихотворения А. О. Польшина интересно читать. Они поражают увлекательными и неожиданными открытиями. Читатель погружается в мир, наполненный душевностью, любовью и страстью. Книга пробуждает положительные чувства, дарит свет и теплоту. Стихи, объединенные единой творческой идеей, получили необходимую концептуальную завершенность.

Книга включает в себя и публицистические статьи: «Смуты и расколы — путь в никуда», «Князь Федор», «Монах», «К 30-летию издания романа Е. И. Замятина «Мы» в России, «К 100-летию со дня рождения русского поэта Панюшкина С. П.», «Наумыч». Проза и поэзия Польшина, взаимно дополняя друг друга, составляют как бы два полюса — повествовательный и лирический.

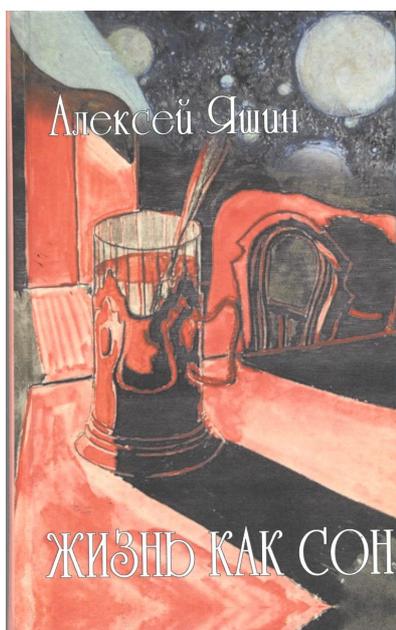
Можно утверждать с уверенностью: интерес у читателей книга вызовет немалый, потому что написана просто, внятно и вместе с тем глубоко, с патриотическим подтекстом.

*«А у меня — резус с минусом, / А жизнь — акробатом — синусом. / В рубашке
стою у края — / Пропasti или рая?!» (А. Польшин. Читатель).*

Е. Трецев (г. Щекино Тульской области)

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НА ЛИЧНОЙ МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Новый роман известного тульского писателя Алексея Яшина «Жизнь как сон» двенадцатая по счету, где повествование ведется от имени доцента кафедры ракетостроения Николая Андреевича. Это роман-новеллино, в каждой главе которого вышеозначенный персонаж вместе с единомышленниками и тоже постоянными героями этой серии — писателем Бурцевым и профессором Скородумовым — перемещаются из настоящего в прошлое и будущее на машинах времени. Происходит это во сне с помощью специального верньерного устройства, отсюда и характерное самоговорящее название романа.

Во всех двенадцати главках повествования над читателем нависает тень Великого глобализатора — отсылкой к дальнему двойнику, порожденному гением Ф. М. Достоевского — Великому инквизитору. Классик XIX века предрекал в этой вставной новелле, вошедшей в его главный роман «Братья Карамазовы», что «падут когда-нибудь перед светом разума и сознания естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и <...> народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии» (*«Дневник писателя», 1877, январь, гл. 2*). Не случайно эту новеллу издавали в разных странах отдельно от романа, так как она имеет самостоятельное значение.

А. Яшин остается верен себе, выстраивая развернутые, в чем-то всеобъемлющие метафоры, чтобы будировать читателей, пытаясь достучаться до зашоренного сознания современников: с глобализацией происходит постепенное и неуклонное превращение сообществ людей в функциональные члoвечники и не более того. Делает он это отнюдь не менторски, а очень иронично, привлекая в качестве иллюстративного материала характерные приметы, которые еще не стерлись из памяти очевидцев как доперестроечного, так и более позднего периода жизни нашей страны. В одной главке наши герои вспоминают о функционировавших когда-то вытрезвителях, в другой рассматривают со всех сторон явление надомничества.

Даже молодому поколению, не заставшему всего этого, есть тут над чем задуматься — ради собственного самосовершенствования.

Каждая главка романа «Жизнь как сон» подкрепляется эпиграфом из того же почитаемого автором Ф. М. Достоевского, чей дар прозрения сквозь дальние года никем не оспаривается. Нет сомнения, что вдумчивый читатель проследит параллель от названия романа к знаменитой испанской пословице «Сон разума порождает чудовищ», мастерски обыгранной в известном офорте Франсиско Гойи из цикла «Капричос».

Нанести непоправимый урон самобытности нашей страны можно и через коверканье родной речи в угоду тотального прозападного настроения, который зачастую пес-

туют деятели культуры, чиновничество. Ведь не просто так, а с чьей-то подачи все больше и больше внедрялись в обиход англицизмы на вывесках различных учреждений и фирмочек. Обязательно надо написать хоспис вместо привычного русского слова, или кемпинг, бутик, и так далее. Даже в деловых бумагах предприятий появляются слова, понятные далеко не всем, например — инжинеринг (могут написать и инженеринг). С чем это все едят, хотелось бы знать?..

Да и нынешние зазвездившиеся телеведущие подают яркие примеры «для подражания», когда мудрят в эфире, стараясь выглядеть пооригинальней. Обо всем этом тоже говорится в книге с юморком. Вот один пример, снятый автором напрямик с телевизионного экрана, когда дикторша эпохально произнесла в эфир: «...Как напоминание о встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране — их саммита, как бы сейчас сказали». Словно эти исторические личности нуждаются в осовременивании такими новомодными словечками...

Умение пародировать все уродливое в нашем окружении у автора развито просто превосходно. Так и хочется привести несколько перлов, заключенных в коротких предложениях, напоминающих то ли заголовки статей, будущих диссертаций, то ли названия явлений современности: Ассоциация тыквоголовых приматов, Сухотка творческого разума, Чиновничье омундирование, Поплевизм как содержание, символ и цель жизнеутверждения, Кликушествующий интернет для недолайкиных, Безъязычная логика отсутствующего ума, Экономия на мыслительном эквайринге, Либерализм головного мозга, Дермократия на скотном дворе, Кешбек твою элгэбэтемедь!

Всем этим хлестким неологизмам так и хочется поставить смелой рукой знак качества.

Гурманы стилистическо-филологических изысков найдут в таком сдобном тексте море удовольствия. А вот любителям детективов и кухонно-слезливых саг такую книгу, конечно, не порекомендуешь. Чтобы ее оценить, предполагается иное количество извилин — несколько больше, чем полторы...

Ольга Артемова
(п. Медвенка Курской области)

СНЫ-ПРОВИДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
Знакомство с новой книгой

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Все мы постоянно совершаем путешествие во времени: мысленно переносимся в прошлое, пытаемся заглянуть в будущее. Наши дороги различны. Даже люди одного поколения ищут (и находят!) в минувших годах свои, особенные места, непохожие на оазисы, в которые по дорогам памяти пробираются жившие рядом. Для одних из нас путешествие в прошлое — легонький вояж, не обремененный серьезным грузом. Для других — мучительные встречи с дорогим, любимым, с тем, что (нам это уже известно!) будет разрушено, канет в бездну.

Новый философский роман известного прозаика Алексея Яшина «Жизнь как сон» как раз и посвящен подобным перемещениям. Постоянные герои его произведений, профессор Скородумов, писатель Бурцев, доцент на кафедре ракетостроения Николай Андреевич, используют личные машины времени, пересаживаются на винтажные советские велосипеды, на недавно появившиеся китайские электросамокаты и бороздят просторы прошлого. Как у Данте, у них есть проводник, тоже из великих, из признанных во всем мире, но свой, исконно русский — Федор Михайлович Достоевский: каждой новелле предпослан эпиграф — цитата из произведений этого провидца. Вот какой к первой — «Полонез Огинского»: «Да-с, мы теперь совершенно утешились, сами собою утешились. Пусть все вокруг нас и теперь еще не очень красиво: зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на нас глядя. Теперь уже народ нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимает,— а ведь это, как хотите, прогресс».

Плачет полонез Огинского. Рвет душу. И, заглушая его, с экрана телевизора, из дебрей Интернета сыплются, как холодные камушки, «бизнес, контент, технологии цифровые и еще с пару десятков казенных словечек». Или вот такой опус. В областной газете Николай Андреевич читает: «В крупную развивающуюся компанию

требуются заведомо логистики и мерчендайзер». Под объявлением же мелким шрифтом, явно для недоразвитых, значилось пояснение: «Завскладом и грузчик». В общем, почти как у Грибоедова «смесь французского с нижегородским», в нашем же времени — «ду ю спик американиш — нижненьюгородиш», «американо-нижегородское наречие».

Органично ложась на музыку Огинского, в памяти зажигаются строки Гумилева:

*И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.*

А из «Бесов» доносится прозрение Достоевского: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими». Слово, буква в двадцать первом веке вытесняются цифрой. Именно против цифровизации сознания, расчеловечивания, глобализации направлен роман Яшина, дабы не стали мы «винтиками в безликой мегамашине человеиника».

А Николай Андреянович там, в своем таком простом, таком человеческом прошлом. Он заглядывает в окно отчего дома, хочет проверить: «заняты ли домашними заданиями младшие братья». И спешит дальше: в продажу должен поступить свежий номер журнала «Радио». Повезло! Их пришло с почты только три, но пожилая киоскерша один отложила для постоянного читателя — пятнадцатилетнего мальчика, торопливо спускающегося «со своей сопки».

Серьезный научный журнал в руках ребенка значит многое. Именно эти дети, выросшие в трудные послевоенные годы, вывели страну на космическую орбиту, они сделали ее сверхдержавой. В своих детских руках они поистине держали ее будущее — нашу сегодняшнюю жизнь. Они возвели фундамент, на котором и ныне стоит страна. Не все из тех ребят были физиками. Лирики стремительно осваивали иные пространства. Порой эти два призвания скрещивались, как у самого автора.

Тульский писатель Алексей Афанасьевич Яшин родился в Заполярье. Он — Почетный радист России, Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель Европы, академик ряда международных академий... Не менее внушителен список его литературных наград. Яшин — лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Валентина Пикуля... Опять вынуждена поставить многоточие — все просто невозможно перечислить. Алексей Яшин — главный редактор ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» — журнала подлинно патристического направления.

Почетный изобретатель и талантливый писатель и создал удивительную машину времени, на которой мы с вами путешествуем в данный момент, друзья. Что там уже полюбившийся нам Николка? Он вообрал в себя черты характера, факты биографии автора. Он чем-то и мне очень близок. Надеюсь — и вам. До рассвета сидит мальчишка над журналом: «статьи попались одна интереснее другой — главное понятным языком написаны». Не с той ли удивительной полярной ночи стал он «воинственным борцом за чистоту русского языка»?

Сегодня киоскерша не отложит научный журнал для вихрастого подростка. Цитирую обывателя: «все есть». Но где те киоски и где те журналы? Редчайшие книги спасают герои Яшина из мусорок. Я и сама не раз находила чудесные фолианты у источающих зловоние разложения контейнеров и приносила их в тишину музейных залов.

Но главное — где те пятнадцатилетние мальчишки, обжигающие руки паяльником в стремлении что-то изобрести, до утра зачитывающиеся классикой? «Для компьютерно мыслящего современного цифровника характерна функциональная безграмотность», — утверждает Яшин, и с ним трудно не согласиться. «Глобалистское пра-

вительство поручило Соросу на развалинах бывшей советской страны свести к ничтожеству образование детей и молодежи». И это было, увы, так.

Сегодня очень многие наши дети до утра не с книгой, а со смартфоном, «с кликушествоющим Интернетом». Он не «сеет разумное, доброе, вечное». У него несколько иное предназначение. Зависимость от виртуального пространства уже стала серьезной проблемой. Действительно, жизнь уподобляется сну.

Но все не так просто. Автор говорит и о сне разума — в научном, прямом смысле: процессе засыпания и пробуждения. Однако с каждой страницей все явственнее символический подтекст. Как много людей добровольно погружается в некий спасительный летаргический сон: «на все наплевать и здоровье свое беречь». Но что будет, если разум прорвет искусственные тенета и все-таки проснется? И «кажимость в лилейно-карамельном тумане» переродится в суровую явь? И к чему отнести слово «кошмар»? К сну или действительности, к прошлому или настоящему? У каждого из нас свой ответ.

Николай Андреянович с неохотой выплывает из своего ностальгического сна. Физически ощутимо тоскует «в преддверии очередного дня неуютной жизни». И явственно звучит в его ушах полонез Огинского — «прощание с родиной, которую уже никакой машиной времени в нынешнее бытие не вернешь».

«Жизнь как сон» широка и многоводна. Я же затронула лишь один ее аспект, который не может не волновать человека пишущего: обмеление, загрязнение родной речи. Но язык, как сказал поэт, «есть исповедь народа».

Это двенадцатая книга рассказов Алексея Яшина о Николае Андреяновиче. Несколько из них, с дарственной надписью, мы с сестрой получили от автора. Невозможно передать те чувства, когда берешь в руки еще пахнущую типографской краской книгу. Каждый раз сердце бьется трудно и радостно. Встреча с новой настоящей книгой!

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

**ФИЛОСОФИЯ ПОИСКА ИСТИНЫ
В РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА
«ВОСХОЖДЕНИЕ»**

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*«Неважно ведь, что ты обрел,—
Живи благодаря».*

Яков Шафран

Восхождение — это прежде всего попытка автора найти ответ для себя самого по теме, заявленной в названии, — причем многоуровневом и сложноструктурном. Историк и богослов Н. С. Арсеньев писал: «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже все мировое бытие влечется сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они поддаются при этом» (книга «Дары и встречи жизненного пути»). Бытописание Якова Шафрана имеет широкий социально-нравственный подтекст, создающий некое психологическое поле, в котором литература выступает как мастерская поисков смысла. Будучи профессиональным психологом, он совершает углубленный анализ нашей действительности: его многослойное повествование разворачивается очень постепенно.

Вот и А. И. Герцен в «Былом и думах» так же считал, что человек, выстраивая личную биографию, должен найти собственное место в истории, прожить неслучайную и для истории, и для себя самого жизнь. Причем сокрушался, что его «труд двигался медленно... многое подобно времени для того, чтобы иная быль отстоялась в прозрачную душу — неутешительно, грустно, но примиряюще пониманием». «Без этого может быть искренность, но не может быть истины!» — предельно точно высказывался русский публицист-революционер в своих исповедальных записках. Оттенок текущего времени и разных настроений есть и в философском романе Якова Шафрана, в котором прослеживается похожий дневниковый стиль письма, не лишенный исповедальности, и в котором писатель попытался оставить след нашей жизни и след своей души. Да, у каждого из нас имеется пристрастие к возвращению прежнего ритма, к повторению некогда услышанного мотива. Впрочем, в совокупности этих пристрастий, настроений и мыслей существует определенное единство, по крайней мере, мне так кажется.

Смысл здесь выступает как форма духовной связи отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, что, безусловно, подтверждает и наука философия. Смысл является насущной необходимостью бытия. Мы видим тенденцию сближения философии и литературы. Но и литература — подлинная русская наука о жизни. Этот столь ярко выраженный лейтмотив внутреннего преобразования

человека, звучащий в русской литературе XIX века и призывающий к пониманию друг друга, примирению, прощению, явно и неявно присутствует и у многих современных авторов, стремящихся к служению высшей красоте и правде. Общеизвестно: в русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание — православный путь святости. Нравственные искания героев романа «Восхождение» сориентированы именно на христианские ценности.

Пожалуй, самое время сказать об авторе. Яков Наумович Шафран — прозаик, поэт, член Академии российской литературы, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Приокские зори», лауреат многих престижных наград, в том числе — всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стоит заметить, что он своеобразный писатель, учитывающий тенденции культуротворчества, духовную, сущностную основу человека. Яков Шафран так же плодотворно работает в жанре рассказа, бытийной истории, сказового иносказания: обычные анекдотические забавные случаи у него превращаются в поэтические притчи. Рассказ, который стал для меня отправной точкой восприятия творчества писателя — «Ополченец». Александр, герой этого небольшого военного произведения, добровольно уходит на фронт и попадает на самый опасный — танковый рубеж тульской обороны. Казалось бы, нет ничего особенного в том, что, совершив свой подвиг, подорвав и уничтожив несколько немецких танков, он остался жив. Сколько их было таких же, жертвенных и самоотданных Родине! Поразительно то, что автору удалось по-астафьевски глубоко показать душу и сердце героя, узнавшего нечто страшное о той войне, которая подчас была сильнее, чем людское желание выжить, но не утратившего острого желания любить, даже лишившись обеих ног. Многим героям Астафьева, прошедшим ад войны, было не суждено забыть об этом, их сердца навеки остались и сгорели в том страшном огне. Александр же сумел сохранить свое трепетное сердце, смог через мрак войны пронести красоту, чувство прекрасного. Художник создавал совершенный мир на полотнах своих картин. Точнее, сотворял мир — Вселенную, земной шар, род человеческий, людей, — тишину, покой как противопоставление войне.

Можно ли описать жизнь? В произведениях Якова Шафрана ощущается ее бесконечное повторение, плотно вбирающее в себя бесконечное разнообразие человеческих взаимоотношений. Истинное в мире переплетается с неистинным, и духовный поиск никогда не заканчивается. Иногда нам кажется, что каждый новый век рождает одних и тех же людей. Или очень похожих. Что важно — осознание самого себя: кто мы, зачем мы, что нужно нам? Переходная эпоха во все времена переживается как кризис, либо как выбор — жизнеутверждающий или губительный. Другая реальность вызывает к жизни и совершенно другие темы, и другого героя — далеко не всегда симпатичного. Мы опять находимся на пересечении смыслов, выявляющих образ «лишнего человека», — на границе Добра и Зла. «Я не за роман, а за идею мою стою», — говорил Достоевский о своем произведении «Идиот». И подчеркивал, что думать и планировать роман — гораздо легче, чем его писать. В этом мы убеждаемся на примере героя психологического романа Якова Шафрана «Восхождение» — Ивана Бескрайнова.

Яков Шафран ставит перед собой сложную цель — создать роман идеи, роман цепной реакции и реальной возможности добра. Получилось ли у него это? Однозначного ответа нет. Действительно, изощренно по-достоевски — зло, у которого неизменно бездна. Добро же — просто и ясно. Оно — идеал человечности. И реализм — путь к правде в жизни и в искусстве. Читательскому взору открывается целая галерея портретов: люди малодушные и жестокие, трусливые, глупые, самовлюбленные, алчные и жадные, безразличные... И они среди нас. Они и есть мы. Такая позиция писателя не добавляет популярности, а наоборот — вызывает реакцию отторжения. Он идет на риск. Наглядный пример — отрицательный образ Виктора Быстрова.

Однако достаточно и положительных образов, нравственно возвышенных, несущих просветление, открывающих духовные горизонты. К тому же мы имеем дело с контрастами: два диаметрально противоположных полюса одновременно — Быстров, Светогонов, Галкин, Расстегаев — Бескрайнов, Бобров, отец Сергей, Анастасия, Раиса Никифоровна. Причем роман имеет и два измерения: реальное — видимое и земное, и метафизическое — незримое и небесное. Перед нами — постижение и преодоление ступеней к восхождению — русское мироощущение Неба, бесконечности, существования Божьего — новый духовный взгляд на Вселенную и человека.

Краеугольный камень романа — христианство и вера — как основа национальной духовной культуры. Повествование вовлекает нас в сложную систему значений, образов, отношений. В нем, повторюсь, явственно проступает слияние двух линий — небесной и земной. Ангелы создают тонкое смысловое поле — полноту дольного мира. Наличествует неисповедимая тайна: роман дает не только внешнюю сторону жизни, но и внутреннюю, — попытку заглянуть за грань нашего бытия. Лишь Создатель способен разгадать жизнь преходящую и непостижимые загадки человеческой души. Кроме того, лучшие писатели русской классики вышли из провинции. Тишина — убежище великой литературы. Провинция испокон веков отражала мировоззрение русского мира. Автору интересен человеческий дух, познавший истину. Яков Шафран создает новый отечественный роман, в котором главное действие протекает в российской глубинке, вдали от столичной суеты. Отсюда в нем и некие черты старомодной наивности, нет-нет да и напоминающие о «золотом веке русского дворянства», представляющем один из привилегированных слоев русского общества. Нам предстоит познакомиться с городом Зареченском — «районным центром *N*-й губернии». Заречье, заречище, заречная сторона — прежде чем отправиться в путь, заглянем в Толковый словарь собирателя русского языка Владимира Даля.

Шаг за шагом Яков Шафран вводит читателя в неспешное действие романа. Однако события разворачиваются на диво однообразно. На первый взгляд эта обыкновенная история лишена какой-либо интриги. Но мало-помалу автор включает нас в круг интересов своих персонажей. Разумеется, сюжету не хватает динамики, повествование растянуто во времени, подчас оно представляется вяло и утомительно. Хотя как посмотреть. Писатель хочет воспроизвести и сохранить остатки прошлой России — ценностно-смысловые координаты всего сущего. Возникает странное чувство смещения времени. Стоит обратиться к главному образу — Ивану Бескрайнову. «Иван был высок и худощавого телосложения, светловолос и кудряв, с широким подвижным лицом и быстро меняющимся выражением карих глаз, был одет в джинсы и просторный серый свитер», — таким мы его видим в начале романа. «Порой Бескрайнов готов был всех обнять и расцеловать, прослезиться от сентиментальных чувств, обуревавших его, а через некоторое время мог раздражаться в ответ на доброе к нему отношение. Поэтому мнений о нем было столько же, сколько людей, которые его знали», — дополняет автор наши впечатления о нем. Молодой столичный человек из шумной, многолюдной Москвы, о которой мечтают многие провинциалы, уезжает в уютные «Зареченские пенаты», где живет его бабушка Раиса Никифоровна, никогда не забывавшая о своем дворянском происхождении, о своих родовых корнях. Она ценит отпущенное ей каждодневное время, очень редко свободное от неотложных и благих дел, которых у нее превеликое множество. Иван имеет вполне приличное образование, но при этом не имеет любимой профессии и работы. Благодаря полученному наследству может себе позволить не заботиться о деньгах, о хлебе насущном. Иногда пишет стихи, вынашивает смутные мечты о романе. По словам автора, «увлекается всем подряд», живет без «твердых убеждений»: любые занятия для него — скука. «Я сам себе царь!» — так по-державински смело изрекает он о себе. «В свои тридцать один с небольшим Бескрайнов фактически был никем...» — авторская характеристика просто исчерпывающая. Разве кому-то может быть интересно

мироощущение человека, который не в состоянии понять самого себя? Иногда человек рождается не там, где должен, и не в свое время. Но это тоже испытание. Нужно найти себя. Ведь у каждого — время свое, да и оно меняется в разные периоды жизни. «Лень и разбросанность», «жизненная неполноценность», — перечисляет Раиса Никифоровна отрицательные качества Ивана, сетуя на то, что любимый внук давно пребывает в мнимом состоянии самообмана. Обращает на себя внимание одна существенная деталь: путанная и нелепая жизнь Бескрайнова напоминает эгоизм страдания по Достоевскому, если обратиться к его роману «Идиот». Случайные — неслучайные женщины главного героя Якова Шафрана — коварные и циничные московские друзья. Чего только стоит, скажем, г-н Светоногов, этот холеный чиновник, исходящий скептицизмом и утомленный однообразием жизни! «Делать, делать надо дело!», — бросает он вызов молодому человеку. И тут же добавляет: «Каждый — сам себе бог и делает, что хочет». Налицо его абсолютное финансовое начало, неприкрытая корысть, меркантильный интерес, насаждение страсти к имуществу, к деньгам, к потреблению — ко всему рыночному, коммерческому, что нынче обрело невиданные масштабы.

История и время — категории неразрывные, сопряженные между собой. Автор достаточно выразительно представил идеологические течения: либералы и традиционалисты — патриоты и западники. Русская интеллигенция, показанная на страницах романа, принадлежит к тем кругам аристократии, которые умели совмещать высшее положение в обществе с преданностью православной Церкви и с любовью к России. Один из таких представителей патриотического лагеря — Степан Алексеевич Бобров, руководитель частной строительной организации, в прошлом офицер, сегодня — воцерковленный человек, натура цельная и справедливая. Он прошел большую школу самовоспитания и с годами приобрел спокойную мудрость и уверенность в своих жизненных идеалах. Ему отнюдь не чужда общественно-политическая ситуация современной России. С давних пор традиции старой Руси держались верой, народностью и государственностью. Автор не случайно вводит в текст народную песню «Русское поле», и его герои способны сопереживать чужой боли и страданиям, их чувства проникнуты общим смыслом единения: «<...> Иван, как наяву, увидел поле, по краям усеянное лютиками и васильками. Ах, песня, обыкновенная песня! Но какое большое дело творит. Радость и любовь зарождаются в сердцах, созвучие душ происходит. Даже печальные звуки и слова в итоге укрепляют, а уж жизнеутверждающие и подавно. Она может разбудить людей и подвигнуть на поступок и на великие деяния в самое тяжкое время. И даже в самой обычной повседневности может напомнить нам о родных полях и о милых глазу берегах... Вот что такое песня в России!»

Неоднозначно трактуется в книге — как антипод Степану Боброву — личность Виктора Быстрова, страдающего «собственной исключительностью». Виктор Анатольевич возглавляет городское литобъединение. По природе своей — нигилист, прямолинейный, резкий в суждениях и толкованиях, даже жестокий. Признаюсь честно, мне пришлось с отвращением преодолевать те страницы текста, где речь идет о его сексуальных отклонениях. Возможно, у автора было изначально задумано так — не нахожу ответа. Быстров, будто внутренний преступник, яро ненавидел «совдепию», зато искренне приветствовал легкие заработки, хвалил и ценил лишь заграничные вещи. Сбылось пророчество Федора Достоевского, говорившего: «Русскому ни за что нельзя обращаться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и в России, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьезное». Выдающийся мыслитель феноменально определил равноправность противоположных полюсов — Добра и нравственного Зла. Яков Шафран пытается выявить причинную связь явлений, погружаясь и в такой психологический аспект, как субъект и объект познания одновременно, исследует идеалистический подход к истории — методологию построения

образа прошлого, как части общей мировоззренческой картины мира. Доминирующий закон русской истории — это государство духовно-нравственного фактора над материальным.

Христианский идеал, который является важной составляющей русской жизни, олицетворяет в романе образ отца Сергия. Христианство воплотилось в Православии и сроднилось с русским народом, соединяя в себе будущее Церкви и российского государства. Отец Сергий осуществляет бескорыстную деятельность служения людям во имя их просветления и примирения. В этом заключается ключ к разгадке ценностно-эмоциональной атмосферы произведения. Слово проповедническое, исходящее от священника, призывает к единению ума и сердца, к братству и взаимопомощи, благословляет человека на поиски единственной, конечной дороги к Богу. Святые подвижники русской церковной мысли всегда были вдохновителями и светильниками православной духовной традиции. Библейская проекция на мир полностью убеждает в христианской формуле всеобщей любви.

Вполне закономерно, что сквозная тема романа — философские диалоги Ангелов о мире, людях и их жизни: «Собрались Ангелы на свое ангельское совещание и стали делиться впечатлениями от дел земных. И наш Ангел сказал слово о своей зоне ответственности: «Люди старшего поколения более нравственны и больше думают об общем,— рассказал он.— Хотя и среди молодежи есть таковые. Однако заметно различие и упадок». Согласились с ним все Ангелы и вынесли решение: «Такая же картина наблюдается по всей Земле. И немудрено, ибо усилились испытания, возросли искушения. Жаль, но не все выдержат их и обретут Новое Небо и Новую Землю...» Добрые Ангелы помогают заблудшим душам, выводят их в свет из тьмы нашего времени. Именно они обозначают эту грань между Добром и Злом, ибо нет ничего общего у света с тьмою. «И тем желаннее рассвет, тем более волнительно ожидание первого проблеска, даже чуть заметного свечения. Душа ждет этого, как озарения, нового рождения, воскресения. Все силы телесные и духовные, находившиеся на спаде, потихоньку подтягиваются к линии старта, чтобы с первым намеком на рассвет изготовиться и по сигналу пробившегося из-за горизонта луча броситься на дистанцию дня, в новую жизнь. И стоит вытерпеть эту тяжкую полосу темного времени, чтобы пережить долгожданный рассвет. И пропеть в душе вечный гимн: «Да здравствует солнце!» Но это только для тех, кто вытерпит и дождется»,— радостно и вдохновенно передает автор чувства Ивана Бескрайнова.

Поистине светлый луч, озаряющий все пространство романа,— романтический образ Анастасии — «тургеневской девушки». Лирическая героиня заставляет читателя думать о прекрасном, делает его нравственно чище, духовно красивее, вселяет в него гармонию чувств и мыслей, в каких надлежит пребывать человеческой душе, чтобы сдерживать себя от порывов ненависти и зла. Писателя волнуют проблемы души, извечные проблемы, которые никак не могут решать мужчины. Возможно, душа — сугубо женская тема? Женщины издревле несли миссию добра, миссию человечности и жертвенности — делать мир лучше, гуманнее. Творить добро! Это значит — вернуться к этике, совести, отечественной традиции. Поэтому ведущая линия повествования — любовь как соборность всего целого и сущего.

«Река, лодка, красота вокруг способствовали еще большему сближению этих и так, в общем-то, близких по душевному складу людей. Каждый из них украдкой наблюдал за другими, словно стараясь убедиться, что в их сердцах происходит сейчас то же самое, что и у него,— единение со всеми и с каждым, и со всем окружающим. Именно в такие минуты хочется просто благословлять, благословлять и благословлять все, начиная от капельки воды до реки, от травинки до дерева, от человека до всего мироздания»,— каким-то таинственным образом и автор благословляет своих героев на вечную любовь. В этой поэзии любви значимую роль играют: слово — чувство — мысль. А еще: красота — добро — истина. Вселенской движущей силой во

все времена без исключения становится любовью. Писатель размышляет о ее смысле и природе. Самая высшая — любовь христианская. Мы вступаем в эпоху ревизии христианских ценностей, их незыблемых представлений. Переживаем время неоправданных надежд и время убывающей любви — некое русское ощущение жизни, трагической и спасительной одновременно. Полноту жизни, пребывание ее в любви хорошо отражает библейское выражение: «Любовь покрывает все грехи». Недаром о вселенском духе любви говорят и Ангелы, денно и ночью ведущие праведную битву за людские души. «О, любовь человеческая... Это понятие может вмещать в себя и Любовь к Богу, и Любовь, которой существует все Мироздание, и любовь к людям, и любовь к конкретному человеку, и любовь к женщине... А есть еще страсть к кому-либо или к чему-либо. Нужно различать. Обратной же стороной любви является зло, безбожие, человеконенавистничество, ненависть к определенному народу, ненависть к отдельному индивидууму, гнев... Культурный человек не должен гневаться, пламя гнева выжигает добро и в самом человеке и вокруг. Однако когда он действует возмущением духа, отстаивая Добро, Любовь, Истину, Культуру, то оно является очистительным пламенем», — трудно не согласиться с их мыслями о борьбе Добра и Зла, ведущейся руками человеков. Но, как правило, самые простые истины постигаются сложнее всего.

Надо отдать должное автору: каждый литературный герой выписан остро и характерно. Вернемся к образу Быстрова, к сцене шантажа, в который волею судеб вовлечена Анастасия. «Зло всегда действует обманом, прикрываясь добром», — говорил святой старец Силуан Афонский. Как же легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Памятливая ненависть, угрюмость, глумливая насмешка, двоедумность — все вместе взятое однажды соединились в одном человеке, чтобы привести его к явной подлости и явному цинизму. Что уже само по себе чудовишно. Поначалу страшная фантазия Быстрова показалась мне придуманной, вымышленной, невозможной. Да и весь его несколько утрированный образ смотрелся в каком-то неверном свете. Но роковой вечер, вино, видеокамера, диск с записью спящей Анастасии убедили в ином — жизнь, словно безжалостная пародия на любовь, подчас бывает полще литературных сюжетов. Хотя Быстров пытался выйти сухим из воды. Однако, видно, человек предполагает, а Бог располагает. В финале романа вступают в силу причинно-следственные законы: никто не отменял идею воздаяния. Зло должно быть наказано. Одиночество и смерть — таков итог любой жизни, пропитанной злобой, эгоизмом отчуждения и полного эскапизма.

Между тем неизбежная справедливость рано или поздно восторжествует. Тут главное — не останавливаться и не быть равнодушным. Новый день рождения обязательно наступит, принесет и внутренние изменения. Только надо навести нравственный порядок. Автор последовательно передает психологические подробности душевного состояния героини: Анастасия символично являет собой оскорбленную любовь и поруганную страну. «Правда возрождается, казалось бы, из небытия. Приходит время, когда она показывает, кто виновен и кто невиновен, кто по злу, из личной корысти, от извращенной животной самости, в помрачении ума или в ослеплении ложной теорией виноват в несчастье других», — стремится писатель расставить все точки над *i*. Вероятно, Сам Бог диктовал Ивану простые человеческие слова, и все сложилось само собой, как было предрешиено свыше. Иван и Анастасия — это духовное будущее России, которое немислимо без культуры и народного слова, без русского Храма. И отец Сергей, и матушка Пелагея подают спасительный пример крепкой, по-настоящему дружной семьи, пример обоюдного служения. В книге прослеживается метафизический подход к постижению национальных проблем и особенностей народа. Осознание себя как части целого православного мира, родной природы и языка.

Нельзя не отметить, роман «Восхождение» построен на основе ключевых поня-

тий: истина, вера, любовь, красота, молитва, радость... Духовное содержание ищет совершенную форму, а душа устремлена к Божественному идеалу. «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...»,— гласит Евангелие (Мф., 11.12). «И понял Бескрайнов, что человек должен найти, отыскать в себе эту силу, эту основу и укрепить ее, и выявить ее в своей жизни. И если каждый это сделает, то жизнь наша станет совершенно иной и страна, и народ, и общество станут другими, когда земные законы и правила поведения и жизни, и само поведение и жизнь людей будут естественно вытекать из этой основы — вечной, глубинной, заложенной, может быть, от создания мира в наши ДНК»,— находим подтверждение библейским высказываниям в главе «Глубинная основа». В этом преодолении для Ивана еще до его восхождения есть особенная радость: творческий труд, наконец-то приобретенная любимая работа, настоящая любовь и семья. Ему предстояло пройти трудный путь духовного восхождения. Путь нравственного преодоления всех препятствий на земном замкнутом круге бытия, дабы понять истину: «Бог — есть любовь!» Писатель уверен, что в нашем сложном и противоречивом мире человек не может быть счастлив, живя в гордом одиночестве. Когда-то Герцен писал о редчайшем человеческом даре — объединении людей.

Более того, через обычные вещи человеку могут открываться многие тайны мира. Роман Якова Шафрана — это прежде всего книга познания. Автор описывает ситуацию восхождения — путь зигзагообразного, но движения вверх. Здесь важную роль играет гармония между природой и людьми, которая заключает в себе подлинную мудрость. Мы остро ощущаем эту страсть героев блуждать по лесам и полям, как будто испытываем их неутолимое желание постоянно быть на природе, искать и открывать в ней прекрасные стороны человеческой души. Непередаваемы переживания в природе и в самом человеке, сердце которого растворяется в ее вечных образах. Паустовский, изображая мир природы, говорил с пафосом и видел жизнь «...не столько такой, какой она есть или была, сколько такой, какой она должна быть очищенной от житейской прозы». Вот и проза Якова Шафрана полна чувственной пейзажной лирики.

Писатель не устает погружать читателя во всевозможные впечатления и размышления, показывая людей с различными ментальными особенностями, с достаточно парадоксальной человеческой природой. Но при всем при том мы все связаны между собой. Сходством культурно-психологических типов определяется и сходство судеб. За описанием и анализом жизненных перипетий в повествовании скрывается более общий пласт вопросов. Не секрет, в искусстве лучше недосказать, чем сказать слишком много. Автор подчас грешит многословием, но в то же время нет и морализаторства, излишнего назидания. Некоторый педагогическо-психологический момент привносит в его творческую манеру определенное своеобразие. Для сегодняшней литературы, пожалуй, самая сложная задача — создание мировоззренческого и идеологического романа. Что получилось у автора? Опять-таки — судить читателю. Рецензия Евгения Трещева о романе «Восхождение» в очередной раз убеждает в том, что окружающий нас мир чрезвычайно разнообразен. Однако Якову Шафрану каким-то непостижимым образом удалось прикоснуться к тайне мироздания: 70 глав романа проникнуты философичностью и мудростью Божественного света, космизмом русской традиции, искренностью, добром и человечностью.

Судя по всему, на содержание его психологического повествования ярко сказалось влияние русской классики. Великий провидец Федор Достоевский гениально предвидел грядущее и сражался за человеческие души, странствующие между добром и злом,— эта битва враждебных начал продолжается до сих пор. Сегодня на чаше весов — культура и натура — борьба всего духовного против рыночного общества массового потребления. Да и сама культура становится массовой, развлекательной, подразумевающей легкие удовольствия. Деньги, их губительная косность противостоят культуре. Первостепенная задача — сохранение и развитие славянского

культурно-исторического типа, чувственного восприятия окружающей нас реальности. И писатель, как никто другой, по-прежнему является учителем жизни. Яков Шафран проходит утомительный круг привычных стереотипных занятий — мир благородных дел и правдивого бытия. Автор воспринимает все происходящее собственным чувством: то любовью, то молитвою, то благодарением, то отвращением, то негодованием, то ужасом. Вместе с тем Иван Бескрайнов одерживает победу! Земные помыслы его героя чисты.

«Страна моя, большая, любимая и родная, скромная и светлая, любовь и радость рождаешь ты в душе моей. Как много твои леса и поля, горы и равнины, реки и моря, города и села подарили мне доброты и красоты. Благодаря этому хочется мне неизбежно делать добрые дела для людей, знакомых и не знакомых, для всего народа. Я забыл свою тоску и уныние и оставил позади самокопание. Любовь к тебе переполняет сердце, и твоя любовь ко мне вдохновляют меня на писательский труд, который я избрал для себя, для служения тебе. И сейчас я молю Бога только об одном — послать мне способностей, умений и навыков, сил, разума и ясного понимания всего, взволновавшего мою душу, чтобы как можно лучше написать обо всем этом, чтобы стать и быть полезным матери-Земле нашей, чтобы стать и быть полезным Тебе, Господи!» — вот таким невероятным, окрыляющим Ивана апофеозом любви завершается роман «Возрождение». Если нет любви, ее место в нашей жизни занимает алчность, зависть, лицемерие. И тогда, как ни старайся обмануть судьбу, все может закончиться трагически. К счастью, остается еще надежда.

Как видим, личная судьба человека неразрывно связана с судьбой страны. Россия испокон веков стремилась к идеальному существованию, к русской мечте — жить по законам духовного мира. Мир веры непознаваем, как и сам человек, беспрестанно думающий о вечном. Ибо он не знает своего времени. Именно в этом его восхождении есть великая гуманность, и это то, что не отпускает автора романа в ледяное совершенство космоса. Он хочет здесь — на этой грешной земле возвышаться, образовывать собственную душу. Ведь отнюдь не риторически и не романтизма ради Василий Жуковский призывал человечество: «Надобно быть людьми непременно!.. Мы живем не для одной этой жизни, я это имел счастье несколько раз чувствовать!» Но надо признать, отрадно, что и для Якова Шафрана человек — тоже всегда надежда всегда восхождение...

Нина Гейдэ
(Москва — Копенгаген, Дания)

НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ

Нина Гейдэ — поэт, писатель, литературный критик, переводчик с датского. Основатель первого русскоязычного журнала в Скандинавии «Берег» (в настоящее время — «Новый берег»). Председатель Европейского творческого союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединения людей искусства. Член Международной ассоциации писателей и публицистов и Европейского конгресса литераторов. Лауреат многих международных литературных конкурсов. Автор шести сборников стихотворений, лирической прозы и переводов датской поэзии. Организатор различных культурных проектов в Европе.

Рецензия-эссе на книгу Валерия Савостьянова «Похожая на образа»

*Не гаси мою свечу,
о, Всемилостивый Боже,—
я еще воспеть хочу
ту любовь, что всех дороже...*

Валерий Савостьянов

После чтения книги поэта Валерия Савостьянова «Похожая на образа»: сто стихотворений о любви, остается удивительное ощущение долгой прогулки по поэтическому высокогорью, где чудесным образом сохранился прекрасный город любви, уникальный в неизменности лирической архитектуры — город, не поддающийся новомодному идейному и стилистическому авангарду, и тем самым счастливо избегающий разрушения и забвения. В современную эпоху виртуализации бытия, коммерциализации сознания, упрощения и опрощения духовной жизни человека, во времена неразборчивых экспериментов с самой природой лирического слова, лишаящих поэзию возвышенного начала, книга Валерия Савостьянова — это глоток свежего горного воздуха, надежда на то, что золотые крупы вечных нравственных ценностей не исчезнут в мутных потоках новой искаженной реальности.

Поэзия создана из ребра Любви, как Ева из ребра Адама. Любовь — божественно первоначальна. От нее все исходит — и к ней возвращается. В любви — суть жизни, ее божественная первооснова. Поэзия явилась в мир, чтобы наполнить его утонченной красотой, сделать чище, возвышеннее, мудрее. Со временем на поэзию стали надевать перекошенные маски, рядить в уродливые личины, склонять к нейсвойственным ей ролям. Между тем изначальная миссия этого вида искусства заключалась в том, чтобы служить духовному началу бытия и отражать возвышенные чувства. Поэтому творчество больших поэтов, способных проникать в сокровенные тайны жизни, непредставимо без высокой любовной лирики. Неудивительно, что Валерий Савостьянов посвятил теме любви немало ярких стихотворных строк. Они сверкают

алмазной россыпью на страницах его многочисленных книг. И вот пришел срок собрать эти драгоценные строки воедино под сводом поэтического сборника, посвященного самому прекрасному чувству на Земле — любви.

*Но если вдруг любовь
случится, как награда
за то, что видел свет,
хотя и шел на дно,—
дай вызреть той любви,
как гроздьям винограда,
дай превратиться ей
в элитное вино...*

Книга, состоящая из ста стихотворений о любви — «вызрела», стала «элитным вином» творческой зрелости поэта, вобрав в себя многоликий опыт миропознания и самопознания, которым автор делится с чутким читателем. Хорошую книгу о любви может написать, на мой взгляд, человек уже зрелый — прошедший разными дорогами судьбы, прихотливыми ее ландшафтами, испытавший свои падения и взлеты, понявший, что многое в жизни переменчиво и преходяще, но одно неизменно: душа всегда будет обращаться к любви и к любви возвращаться, только в ней находя источник неиссякающей радости, вечного обновления и вдохновения. Но на осознание этого нужно время, нужно накопить свой алмазный запас радости и печали, боли и счастья. Потому, наверное, и не торопился Валерий Савостьянов с выходом книги о любви, подводил итоги долгой творческой жизни. И вот в назначенный срок книга родилась, «в стужу вербами расцвела», пришла к читателю улочкой предельной лирической крутизны, зовущей — в небо.

*Сиреневые блики отражались
и гасли на изломе белизны.
А двое шли и за руки держались
на улочке предельной крутизны...*

На изломе тысячелетий, над равниной нового искаженного миротолкования, над возводимыми наспех типовыми строениями упрощенных форм существования — так легко, свободно и радостно путешествовать вместе с поэтом по старинному — вечному! — городу любви. Хочется снова и снова бродить по уже знакомым поэтическим улочкам, каждый раз по-новому открывая их очарование, заглядывать в открытые окна домов, где теплится свеча нежности, где юность полна самых светлых надежд и ожиданий, где зрелость уже знает, что любовь и судьба — едины, а старость боится одного: скоротечности земного времени, отпущенного на любовь.

*Жил я счастливо вполне —
знать о том не мог,
что вдруг мало станет мне
сердца, рук и ног.
Но вонзилось до тоски,
что теперь
и впредь
у меня лишь две руки —
твои руки греть,
что всего о двух ногах
за тобой бегу,*

*твое имя — в двух слогах
выразить могу.
Все внутри обожжено —
хлещет думы плеть:
«Жаль, что сердце лишь одно —
по тебе болеть...»
Жил я счастливо вполне:
меру знал, любя, —
и вполне хватало мне
самого себя.
Жил — от жизни не бежал:
в холод ли, в жару —
от озноба не дрожал,
что, как все, умру.
Жил — и ахнул: как страшна,
как жестока смерть! —
потому что жизнь одна —
на тебя смотреть...*

Эти строки невозможно написать, не выстрадав их всем сердцем, всей душой, не поднявшись по наклону трагической крутизны бытия к сути любви, к горестному осознанию: смерть страшна не потому, что с ней заканчивается все земное, но потому что приходит срок расставаться с близким человеком. Стихи к жене, озаренные светом любви и благодарности за многолетнее совместное счастье — сильнейшие в книге.

Кто-то из философов изрек: каждый любит так, как понимает мир. От себя добавлю: каждый поэт пишет о любви в соответствии с теми нравственными ценностями, которым он служит. Для Валерия Савостьянова жизнь и поэзия сосуществуют в единой целостности. И в бурном житейском море, и в вольной поэтической стихии главное для него — оставаться Мужчиной в самом высоком значении этого слова: служить нравственным идеалам, оберегать свою семью, быть защитником и опорой любимой женщине, «брать огонь на себя», быть первопроходцем в самых трудных ситуациях. И — в самом последнем миге бытия — защитить, заслонить собой...

*Первым тропочку торить —
я всегда любил разведку.
Даст ли Бог боготворить
вновь тебя хоть пятилетку?
Ведь не зря ж приходят в сны —
и в метель, и в зной, и в слякоть —
словно Блока,
две жены —
Русь и ты — меня оплакать...*

Таким простым, почти разговорным стилем сказано о самом главном — о любви к близкому человеку, не подверженной остыванию, уставанию, устареванию. И о любви к своей стране, подарившей судьбу, семью, родной язык.

Выразить глубину чувств просто и пронзительно точно — редкий дар Валерия Савостьянова. Чтобы дотронуться до сердца читателя ему не надо мудрствовать лукаво, выворачивать слова наизнанку, выкручивать им руки-буквы, нанизывать друг на друга невнятные образы — именно этим часто грешит современная поэзия, пытающаяся компенсировать замысловатыми экспериментами с формой недостаток

содержания, малокровие мыслей и чувств. Валерий Савостьянов напишет точно и просто, но напишет так, что встрепенется душа и сильнее забьется сердце — окликнутое, откликаясь:

*Ах, как же я люблю варить наш клейстер вместе
и резать вдоль рулон на двадцать пять полос,
и в нынешней, в тебе — увидеть, что в невесте
когда-то разглядеть мне, к счастью, удалось.
Не надо говорить, что проще есть решение:
стеклопакетный рай — звони — и привезут,
не надо оскорблять процесс омоложения —
ты светишься, творя семейный наш уют...*

В городе любви по-прежнему вместе заклеивают окна, творят семейный уют, боются со сквозняками бед, с ураганами перемен и испытаний, берегут друг друга. И время не властно над любовью.

*Взрослеют сыновья, и, — хочешь ли — не хочешь, —
в ранг бабушки тебя вот-вот уж возведут,
но как же юно ты, задиристо хлопочешь!
Я до сих пор боюсь: увидят — украдут...*

Еще одно удивительное свойство поэзии Валерия Савостьянова — емкая образная повествовательность, часто с элементами драматургии. Ему не надо «растекаться мыслью по древу», чтобы в нескольких стихотворных строфах поведать о судьбах людей, об их чувствах и отношениях, искусно вплетая в рассказ узнаваемые приметы времени, удивляя точностью и тонкостью философских наблюдений. Подтверждая классическую мысль Чехова о том, что «краткость — сестра таланта», Валерий Савостьянов создает свой собственный литературный жанр, который можно определить так: малая драматургия в стихах. Яркий пример этого самобытного поэтического явления — стихотворение «Замело деревню»:

*Замело деревню: избы, риги,
света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
важный,
ждуций: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
смертные,
отпел ее собор —
и такого вкусного, ржаного
не едал я хлебушка с тех пор...
Замело поселок —
лишь церквушки
светятся высокие кресты.
Пирогои румяные и плюшки
вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,*

*ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
ждуцим: ну когда же пировать.
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
где спяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
я уже, конечно, не едал...
Замело Заречье и Зарядье:
город весь — как в праздничной парче!
Вынимает милая оладьи
из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
подожду, пока им остывать.
Посижу я мужем постаревшим,
вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу:
«Небесной манны —
вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
и боюсь я траурных обнов...*

Работая над созданием новых поэтических форм, расширяя границы лирического повествования, Валерий Савостьянов, как всякий крупный мастер, не творит в «безвоздушном» культурном пространстве и продолжает лучшие традиции любовного стихосложения, которые рождались и продолжались в иных странах и столетиях. Порой неосознанно, наитийно Валерий Савостьянов подхватывает и сквозь призму своего жизненного опыта, в контексте своей исторической эпохи, развивает те лирические темы и мотивы, которые уже выдержали проверку временем и навсегда сохранятся на скрижалях мировой литературы. Валерий Савостьянов — поэт-романтик, по-рыцарски относящийся к женщине, преклоняющийся перед ее красотой. В этом он и традиционен, и уникален одновременно, потому что остается верным себе и своей Музе в стремительно меняющемся мире, где духовные и культурные связи с прошлым необратимо распадаются.

Хорошо известно, что тема трепетного, возвышенного отношения к Прекрасной Даме берет исток в провансальской лирике трубадуров — поэтов-музыкантов из Окситании, слагавших стихи на провансальском разговорном языке. Поэзия трубадуров, достигшая расцвета в середине 12-го века, не только впервые превратила женщину в идеал и приподняла любовь над обыденностью в высокие духовные сферы, но и в целом воспела мир человеческой души, ее возвышенную суть. Новая поэтическая Вселенная, открытая трубадурами, сыграла особую роль в дальнейшем развитии европейской культуры: был создан кодекс любви и мужской чести, который стал на столетия альфой и омегой сердечных отношений между сильной и прекрасной половиной рода человеческого. В поэзии этот кодекс достиг абсолютной высоты: мужчина-поэт стремился прежде всего не к обладанию объектом поклонения, а к трудному и одновременно радостному духовному самосовершенствованию во имя возлюбленной, к служению Музе во имя любви. Этот поэтический кодекс очень близок Валерию Савостьянову, для которого любовь — это волшебная страна со своими законами, вечный источник вдохновения, счастья, светлых чувств:

*Я вновь собираюсь в загадочный сон,
в тот радостный мир, что открыл я...*

Конечно, поэт знает и трагическую сторону любви, все скрытые в ней противоречия и подводные течения. Романтичность любовной лирики Валерия Савостьянова не в том, что он видит любовь в одних лишь однотонно идеалистических тонах, а в том, что именно этому чувству поэт приписывает ту экзистенциальную яркость и полноценность, которая преисполняет человеческую жизнь высоким смыслом и уводит душу от бытового однообразия в мир красоты и гармонии.

*Пошептались мрак со светом,
и зеркальные глубины,
перебрав свои запасы,
вдруг явили мне мечту...*

Порой лирическая героиня в стихах Валерия Савостьянова — это не реальная земная женщина, а Муза в самых разных образах и обликах. Не всегда легко определить — происходило ли событие, описанное в стихотворении, на самом деле или нет? Элемент недоговоренности — или точнее непроговоренности — в любовной лирике Валерия Савостьянова по-особому завораживает. Читатель волен сам решать — идет ли речь о реальном эпизоде из жизни поэта или это лишь поэтическое ино-сказание. И то, и другое в равной степени возможно, и простор для разнотолкований делает стихотворение еще интереснее.

*Муза — это
и тайна, и трепет,
и страх недотроги,
признание молчаньем,
ожог двух ладошек,
и нежность прощанья
под гимн сумасшедших цикад...*

Одно очевидно — не ради собственной славы берется поэт за перо. Поэтические слова подобны изысканным украшениям, способным превратить самую простую женщину в королеву. Да и существуют ли на свете «простые женщины»? В каждой из женщин чуткое сердце поэта способно разглядеть что-то особенное, необычное, достойное любви, любования, преклонения. Даже в окружающей природе поэт часто подмечает женские черты — и тогда давно знакомые явления вдруг предстают по-новому:

*Как забыть, скажите, Вас,
если каждую весною —
миллионом Ваших глаз
листья блещут надо мною?
Если у любой из роц
ваш черемуховый локон?..*

Любовь вездесуща, она царствует и в природе, и в душе человека. Возможно, все в окружающем мире находится в более тесной взаимосвязи, чем мы можем себе представить. И поэты — именно те люди, которые могут увидеть в привычном — необычное и рассказать нам об этом с помощью образов и рифм. Как поэты-трубадуры воспели на все века и времена Прекрасную Даму, как Петрарка превознес Лауру, как Блок увековечил образ Прекрасной Незнакомки — так и наш современник, поэт Валерий Савостьянов, дарит своей любви бессмертие в поэтическом слове:

*Песни пел,
хоть губы немы —
как в надежные силки,
попадала ты в поэмы,
в эти песни и стихи...*

Есть еще интересная переключка любовной лирики Валерия Савостьянова со средневековой провансальской поэзией. Формирование нравственного и поэтического кодекса трубадуров совпало с распространением в Европе ценностей христианства, поэтому культ Прекрасной Дамы у представителей провансальской рыцарской поэзии дополнился со временем особым почитанием Девы Марии. В творчестве Валерия Савостьянова есть отголосок этой лирической темы: в женской красоте поэт провидит что-то божественное, почти неземное. Поэтому и выбрал Валерий Савостьянов для своей книги символический заголовок: «Похожая на образа». Разумеется, не в каждой красивой женщине поэт видит Мадонну и поклоняется ей в религиозном смысле слова. Трактовка слова «образа» представляется мне в данном случае шире традиционного контекста. Валерий Савостьянов обыгрывает фонетическую и семантическую сопереключку двух однокоренных слов: образы и образа. Поэт любит и восхищается разными женскими образами, столь непохожими и неповторимыми и столь неизъяснимо прекрасными, что невольно приходит мысль о божественном начале женской красоты.

*Тебя разглядывают модницы,
и я гляжу во все глаза.
Ты — как с иконы Богородицы,
похожая на образа!
И на тебя молиться хочется...*

Об этом же — строфа из другого стихотворения:

*Дым струится, стирая лица,
но отчетливо вижу ту —
на какую перекреститься
захотелось мне красоту...*

Важно отметить и такую примечательную особенность любовной лирики Валерия Савостьянова: поэт умеет разглядеть уникальную, неповторимую, завораживающую красоту прежде всего не в столичных модницах, а в женщинах из тихих, скромных, провинциальных уголков России.

*Не Москва — глухие деревушки
сохранят, как тайные скиты,
как свои заветные церквушки,
нашей Богородицы черты...*

Скромные красавицы из российских деревень, сел, малых городов часто и не догадываются о том, насколько они чарующе прекрасны. Но на то и даны поэту чуткая душа и взор, прозревающий сквозь пелену обыденного — чтобы почувствовать, разглядеть, оценить, а главное выразить в поэтическом слове то главное, непреходящее, прекрасное в русских женщинах, что сохраняется неизменно — также и во внешних чертах — в потоке исторического времени, под масками поверхностных трансформаций бытия. И сколько бы ни убеждали нас сегодня сторонники

глобальных перемен, что Россия не может оставаться прежней, что ценности и идеалы должны меняться — поэт утверждает обратное: если сохраняется в России одухотворенная, трепетная, целомудренная женская красота — значит, неизменна и красота русской души. Значит — пребудет и величие нашей нации. Значит — Бог не отвернулся от России.

*Все — родное
и все в диковинку.
И я знаю: навек уже,
будто звонкую колоколенку,
унесу я тебя в душе!*

Колокольный звон любви серебряными переливами звучит на страницах книги Валерия Савостьянова — в поднебесном городе души — и призывает нас видеть и понимать в жизни главное, непреходящее, вдохновляет не гасить свечу живого чувства, не бежать от самих себя, учит лучше понимать друг друга и окружающий мир, где везде пребывают знаки и образы любви. Надо лишь увидеть их, не пройти мимо.

Книга «Похожая на образа» — это и отклик поэта на соприкосновение с прекрасным возвышенным миром любви, и оклик наших душ, призыв не отходить от духовного источника бытия, не пересыхать в пустыне нового прагматично-техногенного бесчувственного и бестрепетного столетия.

*Все понять не в нашей власти,
в нашей власти не забыть
ослепительное счастье
быть любимым и любить...*

Об этом и будем помнить и знать, что, если взгрустнется, всегда можно открыть книгу поэта на все времена — поэт над всеми временами — и погулять по высокогорью любви, задержать дыхание «на улочках предельной крутизны», полюбоваться на цветы ярких чувств, посмотреть на звезды.

И не сомневаться в том, что в Храме на Соборной площади души негасима свеча веры.

«БЫТЬ ПОХОЖИМ НИ НА КОГО НЕ ХОТЕЛОСЬ»

(Борис Щербаков)

Не так давно, специально для литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза журналистов России Николай Тимохин решил взять интервью у своего нового собеседника. И им стал — известный телеведущий, советский и российский актер театра и кино, сыгравший почти в двухстах фильмах, народный артист Российской Федерации, лауреат Государственной премии СССР—Борис Васильевич Щербаков.

Н. Т. Борис Васильевич, Вы родились в Ленинграде в 1949 году. Родители Ваши познакомились в северной столице во времена блокады. Мать работала регулировщицей «Дороги жизни», а отец перевозил на своей машине партии хлеба. Какие у вас воспоминания детства?

Б. В. Щ. Воспоминания детства — это прежде всего Ленинград, который восстанавливался после блокады, после тяжелейших испытаний, но, несмотря ни на что, очень хорошо помню и дворцовые игры, детские мечты. Например, находясь на берегу Финского залива, я себе представлял, как стану капитаном дальнего плавания, который покоряет бескрайние моря и океаны. Но все изменилось в начале 60-ых годов, когда меня утвердили на роль Глебки в фильме «Мандат»,— так меня затянуло искусство. И после выхода фильма на экраны я для себя решил, что буду поступать в театральный институт.

Н. Т. И что для Вас память о Великой Отечественной войне?

Б. В. Щ. Что касается памяти о Великой Отечественной войны, то стоит отметить, что это прежде всего память о героизме наших предков, наших родителей, бабушек, дедушек и на передовой, и в тылу. И ведь Великая Отечественная война не только разлучала, но и наоборот, кто-то находил верных товарищей, сослуживцев, дружбу с которыми пронесли через многие годы, а кто-то свою любовь. Как Вы правильно отметили в своем вопросе, мои родители действительно познакомились на Ладожском озере в 1942 году. Но вновь они встретились на танцплощадке в 45-ом. После этого они поженились, и в 1949 году на свет появился я.

Н. Т. После выпускного из вуза Вас пригласили на службу в труппу МХАТа. Там Вы проработали 30 лет. И были одним из любимых артистов художественного руководителя театра Олега Ефремова. Расскажите об этом периоде. И что для Вас первично — кино или театр? И почему?

Б. В. Щ. Действительно, во МХАТе я прослужил более 30 лет, куда был принят после окончания Школы-студии, а именно все это случилось в 1972 году. В 2003 году я увольнялся уже из МХТ имени Чехова, который возглавлял уже Олег Табаков. За все время работы в театре я сыграл более 50 ролей. Здесь же на малой сцене дебютировал и мой сын Василий в спектакле «Мои дорогие, хорошие». Я сам был режиссером этого спектакля и сам же играл в нем главную роль. Это история про Сергея Есенина, который хотел вырваться из образа «красавчика» и героя-любовника. И вот однажды в 1986 году, во время прогона спектакля, случилась одна неприятная история. Во время одной из сцен мой сын Вася выносил мне в блюде воду, которой я должен был умыться (кстати, эту роль исполнял известный актер и телеведущий Бо-

рис Корчевников), но вместо воды оказался бензин... и все это происходит во время генерального прогона. Естественно лицо очень зажгло, а так как была малая сцена, то комиссия, которая принимала спектакль, поняла, что что-то пошло не так. Но ничего. Отыграли постановку, успех, слава Богу, был. Несмотря на мою огромную занятость в театре, успех, к счастью, был и в кино тоже. Что для меня первично театр или кино? Сейчас, наверное, все-таки кино. Мне предлагают роль, я стараюсь не отказываться. А раньше, конечно, ближе был все-таки театр МХАТ.

Н. Т. За свою карьеру Вы успели поработать с такими известными людьми, как Сергей Бондарчук, Станислав Говорухин, Александр Абдулов, Ирина Алферова и Николай Караченцов. Хотели ли Вы когда-нибудь быть на кого-то похожим или перенять чей-то опыт? С кем Вы были дружны из актеров и режиссеров?

Б. В. Щ. Быть похожим ни на кого не хотелось. Опыт перенимать все-таки начал во время учебы в школе-студии, у моего педагога Павла Массальского. А остальное уже приобреталось, так сказать, по ходу дела, на съемочной площадке, или на театральных подмостках.

Особенно дружен я был с Олегом Ефремовым, Дмитрием Брусникиным, Марленом Хуциевым, в свое время дружил с Александром Михайловым и жены наши ладили друг с другом, но судьба развела эту дружбу. А вообще, все-таки, среди актеров не бывает дружбы. Есть конкуренция, зависть, ревность. Никуда от этого не деться, если кто-то более успешен и узнаваем.

Н. Т. В вашей фильмографии 195 фильмов. Какой их них Вам наиболее дорог или памятен и почему? Как Вы вообще себе выбираете роли и по каким критериям?

Б. В. Щ. Безусловно, дорог фильм «Мандат», который, как я уже сказал, предопределил мое будущее. Наверное, на этом и ограничимся в ответе. Роли я все-таки не выбираю, а как я уже сказал, стараюсь браться за любую работу, которую мне предлагают.

Н. Т. Вы снимались в советском кино и играете в современном российском. Если разница между этими временными отрезками, в чем она и почему? И нравится ли Вам зарубежный кинематограф? И как его можно сравнить с российским?

Б. В. Щ. Разница безусловно есть, и в идеях, и в режиссерском подходе, и в каких-то приемах, которые может использовать тот или иной режиссер. Буквально на днях вышел сериал Валерии Гай Германики «Обоюдное согласие», несмотря на критику ее творчества, которое было 10—12 лет назад, все-таки она хороший режиссер. И то, в каком стиле она снимает свое кино — это ее отличительная черта. Эффект «плавающей камеры», все-таки, оставляет свой отпечаток. Но можно сделать еще проще: посмотрите этот сериал и все поймете. Советский и российский кинематограф мне все-таки ближе. Могу назвать пять моих любимых фильмов: «Летят журавли», «Золушка», «Утомленные солнцем», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Легенда № 17».

Н. Т. В 1996 и 1997 годах Вы снялись в клипах певицы Любови Успенской «Карусель» и «Пропадаю я». Это яркое событие в жизни Ваших поклонников. Расскажите, какие у Вас остались воспоминания об этом?

Б. В. Щ. Воспоминания о съемках в клипах Любы Успенской только самые теплые и хорошие. Ибо после выхода клипа многие стали снова узнавать меня. Иду по Тверской, навстречу идут две женщины и одна другой говорит: «О, смотри, это он из клипа Успенской». Что тут сказать... Хотя Олег Ефремов был против моих съемок в клипах, он не мог понять, как актер главного художественного театра страны может играть в клипах: «Это позор», — говорил Олег Николаевич. А на съемки клипа я попал очень просто. Режиссер Вячеслав Долгачев сказал, что был в одной компании с концертным директором Успенской, и ему нужен человек моего типажа. За одну ночь мы записали клип.

Н. Т. Борис Васильевич, Вы много лет находитесь в браке с Татьяной Бронзовой.

Со своей единственной супругой Вы познакомились в родном МХАТе. При этом, не скрываете, что увели любимую у другого мужчины. Откройте секрет семейного долголетия? Верители Вы в любовь, и существует ли она вообще. Какие можете дать советы?

Б. В. Щ. В любовь верю. Безусловно. С женой мы очень многое прошли именно вместе. И через обиды, и через горечи, и через болезни, а также через радости, счастье, восторг. Секретов семейного долголетия, наверное, все-таки нет. Нужно уважать, ценить и любить друг друга. Вот и будет семейное счастье и долголетие.

Н. Т. Борис Васильевич, Вы увлекаетесь чеканкой, металлопластикой, резьбой по дереву. А в 2009 году Вы приняты в Московский союз художников в секцию декоративно-прикладного искусства. Что это? Ваше хобби или крик души? И правда ли, что талантливый человек должен быть талантлив во всем?

Б. В. Щ. Однажды мне Ефремов сказал: «Если выгоню тебя из театра, ты не пропадешь, будешь чеканить монеты». Чеканка — это моя отравная точка к прикладному искусству. Когда родился сын, пришлось с этим делом завязать, слишком громкий процесс. Потом переключился на резьбу по дереву. Это действительно мое увлечение. Оно требует внимания, концентрации, сосредоточения. Например, над своей работой «Знамение» я работал около 15 лет. Наиболее сложная была для меня «Тайная вечеря» — в этой работе нужно было думать над 13 фигурами. Но все это приносит удовольствие, а не прибыль. А как только задумаюсь о деньгах, наверное, пропадет все. И удовольствие, и тяга к увлечению. Так же восстанавливаю старую мебель, люблю антикварные вещи, сильно поврежденные иконы. Старые предметы притягивают. Ведь так появляются и реставраторы, и коллекционеры. Не обязательно, что талантливый человек, должен быть талантлив во всем. Нужно просто найти себя и развивать. Учиться, учиться, учиться.

Н. Т. Ваша супруга Татьяна Васильевна Бронзова не только замечательный человек, но еще и талантливый писатель. У нее вышло уже несколько книг, в том числе «Венера в русских мехах», «Матильда: Любовь и танец», «Две Ольги Чеховы. Две судьбы» и другие. Расскажите об этом подробнее. О чем эти книги, что подтолкнуло автора на их написание? И что еще она планирует написать?

Б. В. Щ. Когда Татьяна, которая тоже служила в театре на должности «заведующая труппой», занялась писательской деятельностью, то написала сценарии к «Сыщикам» и к фильму «История судьбы, или новогодний розыгрыш». У нее 5 книг. «Венера в русских мехах» — это дебют. В книге она обращается во времена диссидентов, КГБ, эпохе застоя. Герои этой истории доказывают свою любовь, преданность, которую не смогли сломать ни советский режим, ни годы, ни расстояния. Не буду рассказывать обо всех книгах. Прочитать гораздо интересней!

Н. Т. Как Вы проводите свободное время? Что любите читать? Какие фильмы смотрите?

Б. В. Щ. Свободное время провожу за своим любимым занятием (см. вопрос 9), шумные компании не люблю. Куда приятней посидеть с друзьями, поговорить о личных проблемах, чтоб было тихо, уютно, тепло.

Любимые книги: конечно же, классика! Любимые фильмы: советские!

Май 2022

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

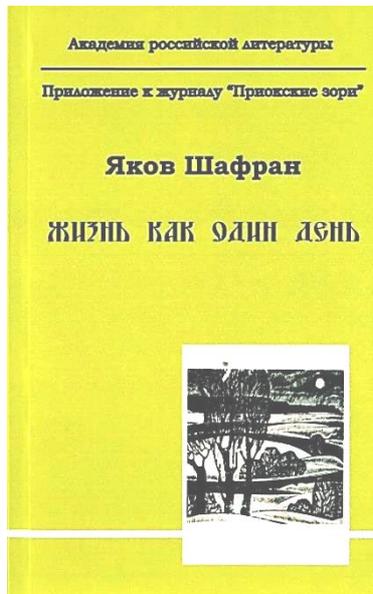
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2022.— № 1—4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2022.— №№ 1—3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Север*: Литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2022.— № 7+8 (опубликована новелла Алексея Яшина).
4. *Тарские ворота*: Литературно-художественный альманах.— Вып. 11.— Омск: ИД «Наука», 2022.— 368 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2022.— № 2.— 171 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана).
6. *Иртышъ-Омь*: Литературно-художественный журнал (в тандеме с альманахом «Тарские ворота»): Омск.— 2022.— № 1—2(39—40) (Опубликован рассказ Якова Шафрана и отзывы Людмилы Воробьевой и Евгения Асташкина на новые книги Якова Шафрана и Алексея Яшина).
7. *Западная Двина*: Литературно-публицистический журнал (Минск, Белоруссия).— 2022.— № 2 (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
8. *Дым Отечества*. В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах: ТРОПО «Знание», 2022.— Вып. 5 (Тула: ТППО) (Опубликованы материалы Геннадия Маркина, Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).
9. *Людмила Воробьева*. Миг надежды, чуда, вдохновенья... Литературная критика.— М.: Редакционно-издат. Дом «Русский писатель», 2022.— 608 с. (На стр. 265—310 помещены отзывы о произведениях Алексея Яшина).
10. *Аркадий Польшин*. Граница: стихотворения, поэмы, статьи.— Липецк: Веда социум, 2022.— 304 с.
11. *Валерий Виноградов*. В душе звучит напев... Лирические песни для голоса (хора) в сопровождении фортепиано (баяна).— Тула: Аквариус, 2022.— 36 с.
12. *Александр Бабенко*. Белая башня: стихи.— Тула: 000 «ТППО», 2022.— 112 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 12.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 329 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 20.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2022.— 360 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одинадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори»: Песни, романсы, стихи, статьи, рецензии. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2022.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2023-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

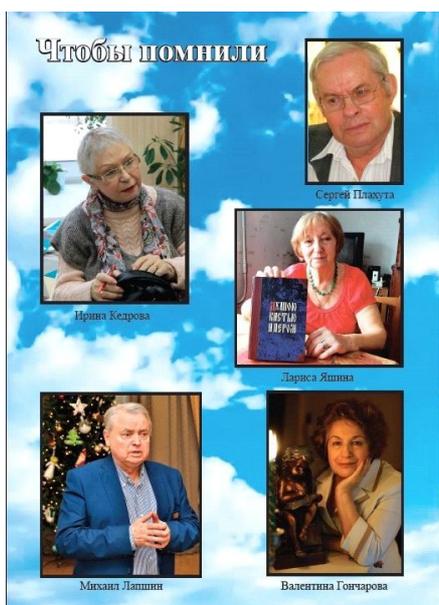

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

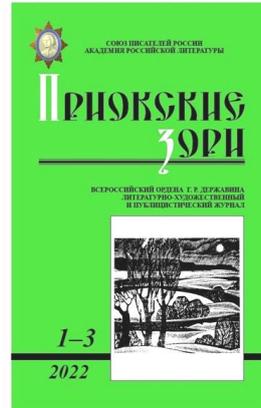
С большой радостью сообщаем, что сегодня из типографии получен тираж нового академического издания памятно-подарочной иллюстрированной книги «АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ВДОХНОВЕНИЯ». В ней есть раздел «Чтобы помнили», посвященный ушедшим членам АРЛ.

Издательская группа от всей души поздравляет авторов издания и выражает глубокую благодарность нашему издателю — Марине Юрьевне ЧАЙКИНОЙ за прекрасную подготовку к печати и оформление издания.

* * *

В рубрике «Региональные издания Академии» представляем очередной номер литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» № 1—3/2022 (главный редактор — член правления АРЛ, член СПР и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», профессор Алексей Афанасьевич Яшин), а также обращение редакции издания к авторам и читателям.

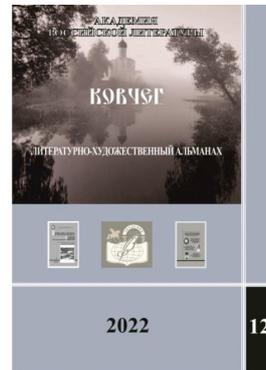

* * *

В рубрике «Региональные издания Академии» предлагаем вашему вниманию обзор литературно-художественного альманаха «КОВЧЕГ» № 12/2022 (г. Тула) журнала «Приокские зори».

Основатель, главный редактор и составитель издания — член Академии российской литературы, Союза писателей-переводчиков при Московской городской организации Союза писателей России, Союза песенников России и Академии народной поэзии **Яков Шафран**.

Литературно-художественный альманах «КОВЧЕГ» (альманах журнала ордена Г. Р. Державина «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ») издается в городе-герое Туле с 2011 г. с периодичностью один раз в год. Участники альманаха — это и самостоятельные авторы, и профессионалы — члены Союза писателей России и Союза российских писателей. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. Объединяет же всех — любовь к России, Православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей. В издании представлено творчество авторов — членов Академии российской литературы, за что правление Академии выражает признательность творческому коллективу альманаха.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ РОССИИ: ШЕСТОЕ ИЮНЯ

* * *

15 июля в Татарстане продолжают мероприятия, посвященные дню рождения Г. Державина. От Союза писателей России в них принимают участие председатель Союза Николай Иванов, писатели Игорь Шумейко и Сергей Гловюк. Активные участники всех мероприятий — члены Татарстанского республиканского отделения СП России, зарегистрированного на днях в Казани, во главе с Татьяной Сушенцовой. Вчера состоялось возложение цветов к памятнику поэта, выезд на родину Державина в город Лаишево, где поклонились усыпальнице родителей поэта. Состоялось вручение республиканской Державинской премии.

* * *

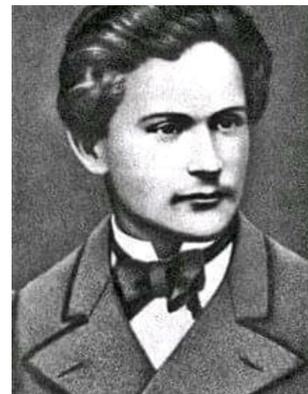

Назначена дата очередного 16 съезда Союза писателей России. Большинство голосов участников Пленума в Махачкале съезд состоится в Москве 10—11 февраля 2023 года. Определено количество делегатов от каждой региональной писательской организации.

* * *

Валерий Жарнов

Этот человек говорил: «Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз, мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и делаем ему всяческого добра, любим и учим его язык. И читаем на нем нового, наверное, не меньше, а, может, больше, чем на своем». И еще: «Ни один умный человек, у которого есть хоть капля политического здравого смысла, не мог даже в самой буйной фантазии рисовать себе возможность отделить и отгородить украинскую землю от России». Кто же этот предатель? А это одни из самых великих писателей в украинской литературе, Иван Яковлевич Франко.

* * *

ЛУГАНСК, КРАСНОДОН и СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Завершилась акция Союза писателей России в Луганской Народной Республике по проведению презентации и передаче в библиотеки ЛНР более 500 книг, изданных издательством «Вече» при поддержке гранта Президентского Фонда культурных инициатив.

Писатели Николай Иванов, Владимир Казмин (председатель Луганского союза писателей имени В. Даля СП России), поэт Александр Марфунин (город Пушкино Московской области), представитель госкорпорации «Роскосмос» Владимир Лосицкий, присоединившиеся к группе поэты Андрей Антонов (Санкт-Петербург) и Нина Дернович (Каменск-Шахтинский Ростовской области) были тепло приняты Луганской Центральной библиотекой имени Горького.

Презентация началась с дарения «Горьковке» уникального стенда «Плакат Победы», в котором на пяти огромных планшетах с разбивкой по годам были отпечатаны плакаты времен Великой Отечественной войны (до ста плакатов на каждом планшете). Стенд уникален тем, что в нем собраны и все плакаты, касающиеся освобождения Донбасса. Не зря на титульном листе напечатаны слова подмосковного поэта Леонида Корнилова «В огне обстрелов и атак, Ломая встречный ветер, По Украине красный флаг Идет, как в сорок третьем». И — да, по низу планшетов в кадрах киноленты идут уже портреты тех, кто защищал и защищает Донбасс в сегодняшнее время. Стенд подготовлен Владимиром Лосицким, тесно работающим с Роскосмосом и Союзом писателей России.

Затем прошла презентация сборников, во время которой выступили луганские поэты Марк Некрасовский, Светлана Тишкина, Андрей Медведенко, исполнила песню Светлана Каневская, смогли сказать свое слово о фронтовой поэзии и ее значимости все остальные присутствовавшие — Надежда Петрова, Василий Дунин и другие. Во время презентации за окном раздались сирены — на соседней улице была взорвана прокуратура, но, чтобы не допустить паники, ведущий вечера не стал сообщать собравшимся о случившемся — «Продолжаем читать стихи!» И лишь когда пришли уточненные сведения, Николай Иванов слегка сократил встречу по времени.

Это говорит и о том, что литературные десанты писателей России в прифронтовую зону, «за ленточку» не так безобидны, как может кому-то показаться на первый взгляд. Это высокое как физическое, так и моральное напряжение. Ведь в это же самое время Василий Дворцов выступал в Донецке, который обстреливали ВСУ... Тем не менее новая группа писателей уже на следующей неделе вновь выезжает в зону СВО.

Презентация книг прошла также на телевидении, в часовой программе канала «Луганск-24», книги были подарены и народному музею, в котором концентрируются артефакты боев за Луганск.

Затем переезд в Краснодар — и писателей уже встречают главный редактор журнала «Территория слова» Людмила Гонтарева и поэт Александр Сигида. Конечно же, книги были подарены и легендарному музею, хранящему память о мужестве краснодонцев как в годы Великой Отечественной, так и о событиях 2014 года, когда ополченцы остановили украинских фашистов на подступах к городу.

* * *

В ночь на 15 октября 1814 года в Москве родился Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ.

Сопоставляя творческий багаж поэта с количеством прожитых лет, становится понятно, что перед нами гений. В 10 он сочинял пьесы для домашнего театра, в подлиннике читал французских, немецких и английских классиков, прекрасно рисовал, в 15 написал первую редакцию поэмы «Демон», в 20 — дра-

му в стихах «Маскарад», в 24 — роман «Герой нашего времени». А в 26 лет Лермонтова не стало...

Дуэль с Николаем Мартыновым состоялась в Пятигорске 27 июля 1841 года. Лермонтов выстрелил вверх, а Мартынов — в упор, в грудь противника, убив его наповал. По воспоминаниям Павла Вяземского, император вышел к присутствующим и провозгласил: «Тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит».

Единственным прижизненным сборником Лермонтова были «Стихотворения М. Лермонтова», опубликованные в 1840 году тиражом 1000 экземпляров. Из 30 поэм и около 400 стихов, написанных к этому времени, он включал 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова». Поэт также с раннего возраста занимался живописью. Из художественного наследия Лермонтова известны 13 картин маслом, 44 акварели, многочисленные рисунки из его альбомов.

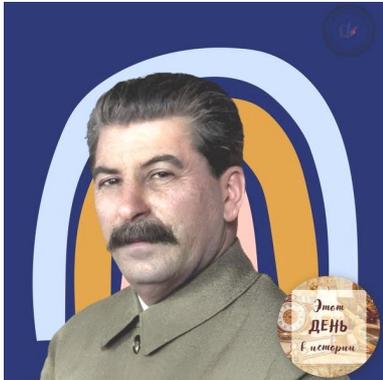
* * *

Союз писателей России начал отмечать 90-летие Василия Ивановича Белова. Только что открыли в Союзе бюст выдающегося писателя. Его нам подарил замечательный наш друг, промышленник Сергей Павлович Козубенко. Скульптор Сергей Полегвев. (Сообщение Геннадия Иванова).

* * *

Союз писателей ДНР (официальная группа) сообщает:

26 октября 1932 года — Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ». В этот день генсек вместе с Молотовым, Ворошиловым и другими руководителями советского государства беседовал с группой писателей в московской квартире Максима Горького — в особняке, построенном Ф. О. Шехтелем для одного из братьев Рябушинских. Именно на этой встрече Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ», добавив к этому, что производство душ важнее производства танков. Нарком обороны Ворошилов попытался было вступить за танки, однако был прерван вождем... Речь Сталина была

выслушана писателями (присутствовали И. Гронский, Л. Авербах, Л. Сейфуллина, В. Иванов, М. Кольцов, Г. Никифоров, Л. Никулин) с большим вниманием. Генсек говорил о намерении создать Союз писателей СССР, о творческих задачах, которые будут стоять перед этим союзом, о его материальной базе.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» сердечно поздравляют с днем рождения своего коллегу по редколлегии журнала, Почетного Президента Академии российской литературы, члена Союза писателей СССР и России, прозаика, поэта, публициста, критика и переводчика, автора более ста книг прозы, поэзии и публицистики, многих критических и литературоведческих работ, подготовившего и издавшего многочисленные сборники писателей и сборники сказок народов мира, автора многих литературных портретов современных поэтов и писателей, издателя справочников «На пороге XXI века» и «Писатели Москвы и Подмосковья», осуществившего перевод на русский язык произведений писателей с татарского, якутского, мордовского, карачаевского, удмуртского, уйгурского, болгарского и хорватского языков, долгое время бывшего действующим Президентом Академии, издателем и главным редактором вестника АРЛ литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» и книжных серий Академии **Леонида Васильевича ХАНБЕКОВА**.

Желаем Л. В. Ханбекову доброго здоровья, благополучия и всего наилучшего!

Редколлегия и редакция «Приокских зорь»

* * *

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» от всей души поздравляет с днем рождения известного прозаика, автора семнадцати книг прозы, участника более сотни российских и зарубежных периодических литературных изданий, лауреата литера-

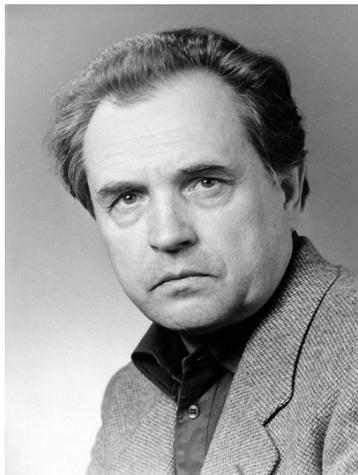
турной премии им. А. П. Чехова (2010 г.), литературно-общественной премии «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (2012 г.), дипломанта ряда российских и международных конкурсов, члена Союза писателей России, Московской городской организации Союза писателей России, заместителя председателя правления Академии российской литературы и заместителя главного редактора альманаха «Московский Парнас», администратора информационных ресурсов группы «Академия российской литературы» в «ВКонтакте» — **Евгения Марковича Скоблова**, и от всей души желает крепкого здоровья, семейного благополучия, новых свершений на благо русской литературы!

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори»

* * *

СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 г. в деревне Пахтино Чухломского уезда Костромской губернии РСФСР (ныне Чухломский район Костромской области). Он выдающийся отечественный ученый: философ, логик социолог. Зиновьев также известен как писатель, публицист, летчик-штурмовик, участник Великой Отечественной войны. Зиновьев стал одним из символов возрождения философской мысли в СССР. Ученый скончался 10 мая 2006 года в Москве.

Президент России подписал указ о праздновании в 2022 году в России столетия со дня рождения выдающегося философа, социолога, писателя Александра Александровича Зиновьева. Кроме того, президент РФ распорядился учредить 10 персональных стипендий имени Зиновьева для студентов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

В честь столетия ученого в нашей стране будут организованы праздничные научно-просветительские мероприятия. Владимир Путин поручил правительству образовать оргкомитет по подготовке и проведению таких мероприятий, а также обеспечить разработку (при участии РАН и МГУ) и утверждение плана основных этапов празднования.

В 1939 году А. А. Зиновьев с отличием окончил школу и поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). С 16 лет был убежденным антисталинистом, участвовал в небольшой студенческой террористической группе, — «...не как антикоммунист, я таковым никогда не был и не являюсь, — а как «настоящий» (романтический) коммунист, считавший сталинизм изменой идеалам настоящего коммунизма», — писал он в дальнейшем. Целью было убийство Сталина. Групп-

пу так и не разоблачили, однако о его выступлениях, критикующих советский режим, в частности, коллективизацию, донесли, за что он был подвергнут психиатрической экспертизе и в конечном итоге исключен из комсомола и из МИФЛИ. Одновременно друзья написали на него другой донос, и Зиновьев был арестован. При переводе с Лубянки в другое место сбежал, был объявлен во всесоюзный розыск, жил по подправленным документам, и в 1940 году пошел добровольцем в Красную Армию, таким образом сумев избежать преследований.

Служил в кавалерии. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 года в составе танкового полка, был зачислен в авиационную школу, окончил ее в 1944 году как летчик-штурмовик. Продолжил воевать в различных штурмовых полках на самолете Ил-2, прошел Польшу, Германию, был в Чехословакии, Венгрии, Австрии.

Последние боевые вылеты совершил в ходе Пражской операции по уничтожению крупной группировки немецких войск генерал-фельдмаршала Шернера. Имел 31 боевой вылет, был награжден орденом Красной Звезды и другими орденами и медалями. Завершил войну в 1945 году в Берлине в звании капитана.

В 1946 году Александр Зиновьев поступил на философский факультет МГУ, в 1951 году получил диплом с отличием и остался в аспирантуре. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию «Метод восхождения от абстрактного к конкретному». В 1955 году стал научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал до 1976 года. В 1960 году защитил докторскую диссертацию на тему логики книги «Капитал» Карла Маркса и вскоре получил звание профессора и должность заведующего кафедрой логики МГУ. Автор многих научных книг и статей, получил мировую известность, выдвигался в члены-корреспонденты Академии наук СССР и на Государственную премию СССР.

В 1968 году А. Зиновьев был снят с должности заведующего кафедрой логики в МГУ за отказ уволить двух преподавателей, связанных с диссидентами (Юрий Гастев и Виктор Финн), а затем лишен и профессуры. После этого постепенно у него начались проблемы с публикацией научных работ, он стал писать публицистические произведения и пересылать их на Запад. Статьи публиковались в Польше и Чехословакии. Тогда же он много выступал с публичными лекциями на различные темы, а его статьи распространялись в «самиздате».

В 1976 году из них была составлена книга «Зияющие высоты», изданная в Швейцарии. Книга в иронической и юмористичной форме описывала общественную жизнь в Советском Союзе.

6 августа 1978 года А. Зиновьев был выслан из СССР в ФРГ. С 1978 по июнь 1999 года Александр Зиновьев с семьей жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом. Зиновьеву была предоставлена работа профессора кафедры логики Мюнхенского университета. До периода перестройки Зиновьев был одним из самых ярких критиков советской системы.

Но в поздних трудах А. А. Зиновьев крайне негативно оценивал разрушение советской системы, называя Перестройку — Катастрофой и предупреждая, что она приведет к гибели государства и миллионов его граждан. Зиновьев жестко критиковал тогда бомбардировки Сербии. При этом Зиновьев отрицательно относился к распространению прозападных либеральных ценностей, в том числе и в постсоветской России.

С 1999, когда он вернулся на родину, по 2006 год А. А. Зиновьев работал профессором кафедры этики философского факультета МГУ, по совместительству — в Институте философии РАН.

А. А. Зиновьев скончался 10 мая 2006 года. Согласно завещанию, был кремирован, пепел развеян с вертолета над районом Чухломы, где родился и вырос Зиновьев, на этом месте был установлен валун.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Зав. отделом поэзии «Приокских зорь» Н. Н. Тимохин подарил музею Ф. М. Достоевского в г. Семипалатинске Казахстана очередной номер нашего журнала и книгу главного редактора А. А. Яшина.

* * *

Анатолий Аврутин, член редколлегии «Приокских зорь»: ЕСТЬ ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ!

Только что вернулся из Елабуги — прекрасного городка в двухстах километрах от Казани, где нашла свое упокоение великая русская поэтесса Марина Ивановна Цветаева. Ее памяти здесь посвящен целый мемориальный комплекс, музей-заповедник с немалым числом объектов. Здесь же раз в году вручают и учрежденную министерством культуры Татарстана премию ее имени. Как правило, лауреатов четыре, но за поэтический сборник премия дается только одна. На сей раз жюри отметило цветаевской премией изданную в начале этого года минским издательством «Мастацкая літаратура» мою книгу избранного «Временная вечность». А потому еще раз спасибо издателям, а также Министерству информации Белоруссии, одобрявшему выпуск этой книги, и, разумеется, родному Союзу писателей Белоруссии, посчитавшему достойным включение моего избранного в список социально-значимой литературы! Церемония вручения была очень торжественной, проходила на легендарных Шишкинских прудах, где на большой сцене зеленого театра как раз в эти же дни проходил музыкальный фестиваль известного российского пианиста Бориса Березовского. Около пяти тысяч зрителей стали свидетелями этого торжества поэзии и музыки. Для вручения наград лауреатам специально прибыли заместитель министра культуры Татарстана Дамир Натфуллин, глава Елабуги Рустем Нуриев, генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Гульзада Руденко, другие официальные лица. Вместе со мной премию получали известный исследователь творчества Марины Цветаевой, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Олег Клинг и знаменитая исполнительница песен и романсов на стихи Марины Цветаевой, солистка театра музыки и поэзии Елены Камбуровой Елена Фролова...

Два дня, отведенных на пребывание в Елабуге, пролетели почти мгновенно. Лау-

реаты побывали на могиле Марины Цветаевой, посетили домик, где она провела последние дни своей жизни, увидели ту самую балку, к которой Марина Ивановна привязала свою смертельную петлю, оставили записи в Книге почетных гостей...

Елабуга подарила миру немало выдающихся личностей. Мы поклонились памятнику «русской Жанны д'Арк», как ее именовали современники, знаменитой кавалерист-девицы Надежды Дуровой (Помните «Гусарскую балладу?»), побывали в доме-музее выдающегося врача-психиатра Владимира Бехтерева, посидели на веранде, с которой гениальный художник Иван Шишкин любовался редкостными красотами родного края...

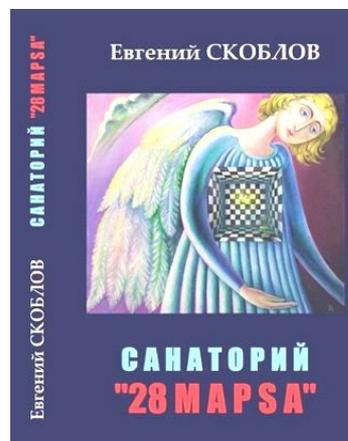

* * *

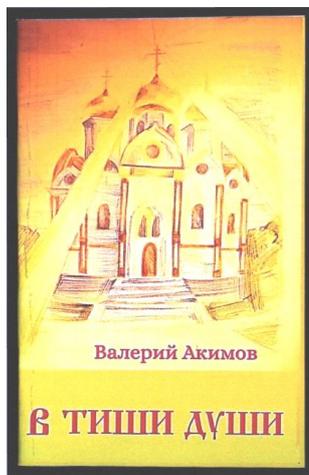
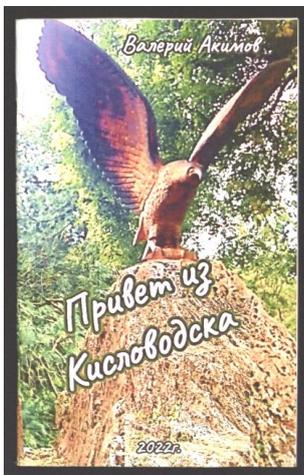
Евгений Скоблов:

Дорогие друзья!

В издательстве «Новые Витражи» вышла моя новая работа — книга «Санаторий «28 марта». Записки из дневника Странника». Небольшая по объему повесть, действие которой происходит в 2018—2020 годах одновременно в реальном, воображаемом и виртуальном измерениях, в которых то и дело оказывается главный герой (Странник). Кто в наше время может сказать, *что* есть действительность, а что лишь наше представление о ней? Всегда ли Прошлое формирует Будущее или, может быть, в некоторых случаях Будущее каким-то, пока неопостижимым образом, может сформировать Прошлое? На эти и некоторые другие необычные вопросы ищет ответы Странник, обнаруживая едва уловимые странные взаимосвязи между не связанными на первый взгляд событиями в настоящем и прошлом. В книгу также включены некоторые главы из повести «Первая Рыжая», изданной в 2018 году. Выражаю сердечную благодарность Марине Юрьевне ЧАЙКИНОЙ за подготовку и осуществление издания книги, Виктории Викторовне ПРОСВИРНИНОЙ за любезное разрешение на использование ее художественной работы в качестве оформления обложки. Более подробно с книгой можно будет познакомиться на 35-й Московской международной книжной ярмарке.

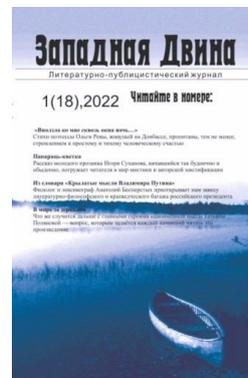
* * *

У постоянного автора нашего журнала Валерия Акимова в этом году вышли в свет две книги стихов. От всей души поздравляем!

* * *

Вышли №№ 1–2, 2022 г. журнала «Западная Двина». Учредитель — РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», издатель — Культурно-просветительское учреждение «Литературный свет», директор и главный редактор — Зайцев Олег Николаевич. Поздравляем коллег! Членом редколлегии журнала и постоянным его автором является главный редактор «Приокских зорь» Алексей Яшин.

* * *

МАКАРИЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ 2022 ГОДА

24-го ноября 2022-го года в здании Президиума Российской академии наук состоялась торжественная церемония вручения Макариевских премий в области естественных наук за 2022-й год. Лауреатов приветствовали Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, президент Российской академии наук Г.Я. Красников, заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы А.Н. Горбенко. Награждение вел митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, председатель фонда по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). С докладом выступил председатель экспертного совета по премиям в номинации по естественным наукам, вице-президент РАН академик В. Н. Пармон. Лауреатские знаки награжденным вручал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Макариевская премия является одной из старейших и престижных в России, учреждена в память выдающегося иерарха Русской православной церкви, историка, богослова, крупного общественного деятеля своего времени, академика Российской императорской академии наук, родоначальника благополезного диалога РПЦ и ученого сообщества, митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова М.П., 1816—1882 гг.) в 1882 году. Возобновлена в 1995 году по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II под учредительством Московской Патриархии, Российской академии наук и Правительства Москвы. Конкурс по естественным и точным наукам проводится с 2018 года.

В текущем году в номинации «Научные исследования в области естественных и точных наук, имеющие высокое общественное и гражданское значение» лауреатом Макариевской премии стал Алексей Афанасьевич Яшин, заместитель главного редактора журнала «Вестник новых медицинских технологий», Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеющий два ученых звания профессора, за труд «Универсальная эволюционная регуляция», изданный в 2-х книгах*, входящий в продолжающуюся серию книг А. А. Яшина под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы» (на сегодняшний день готовится к изданию том 19).

Автор пишет во введении к работе, что именно информационная теория биологических (не к ночи будь помянута...) вирусов, ранее разработанная им совместно с проф. В. Н. Веселовским (Арзамас-16), подвинула его к развитию концепции обобщенно понимаемых «вирусов»; автор здесь вводит новый термин *сивиред*: системный вирусный регулятор движения <эволюции>. Согласно теории автора, сивиред является универсальным регулятором — корректором вселенской эволюции в универсализме ($1/0 = \infty$) и $(-\infty, \infty)$, то есть от известного человеком микромира до макромира (макрокосма) — именно известного, дозволенного к познанию человеком фундаментальным кодом Вселенной (термин автора лауреатской работы). В такой концепции регулирующая роль сивиредов-вирусов есть сокращение, выравнивание числа объектов. В микромире это есть цепная ядерная реакция с распадом тяжелых элементов, в макромире — «черные дыры», уничтожающие объекты космоса, в зримом земном мире — биологические, технические («компьютерные»), социальные, экономические и пр. вирусы. Проблематика вирусов — универсальных регуляторов — рассмотрена автором с философских, логико-математических, естественно-научных позиций в их системном единстве.

* Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Универсальная эволюционная регуляция: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Том 18; в 2-х кн. / Предисл. А. И. Субетто.— СПб: Астерион; Кн. 1, 2021.— 245 с.; Кн. 2, 2022.— 295 с. (В электронном виде см. на различных научных сайтах по поисковику (www.trinitas.ru и др.).

А. А. Яшиным строго-системно доказано базовое философское утверждение развитой теории: действие сивиредов (вирусов) есть следствие *асимметрии* эволюционного проявления диалектического (Гегель — Энгельс) закона единства и борьбы противоположностей.

В части эволюционного анализа сущности и действенности биологических вирусов на примере ретровирусов: SARS-ассоциированном коронавирусе и COVID-19,— показано, что перехват человеком своей эволюции (по Конраду Лоренцу) в части вирусологии приводит к неоднозначно трактуемым результатам...

Блестяще, системно написанная работа адресована широкому кругу специалистов в области естествознания, космологии, теоретической биологии и медицины, философии, информатики и всем, интересующимся современной эволюционной наукой.

*А. А. Хадарцев, лауреат Макариевской премии
по естественным наукам 2018-го года,
г. Тула*

13 сентября скоропостижно скончался Владимир Георгиевич Бояринов — советский и российский поэт, художественный переводчик и организатор литературного процесса, редактор, с 16 декабря 2009 года председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Правления, секретарь и сопредседатель Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Чеченской Республики, Республики Ингушетия. За общественную и литературную деятельность награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

Владимир Бояринов родился 4 июля 1948 года на Алтае, в селе Солдатово Большенарымского района Восточно-Казахстанской области — в семье староверов, потомков переселенцев по Столыпинской реформе. Среднюю школу окончил в селе Ново-Покровка под Семипалатинском. Учился в Томском политехническом институте. Как поэт дебютировал в 1968 году в газете «Томский комсомолец».

В 1973 году поступил на заочное отделение Литературного института имени Горького, который с отличием закончил в 1978 году. В 1979 году стал лауреатом Всесоюзного конкурса молодых литераторов, был принят в Союз писателей СССР. Работал редактором в издательствах «Современник» и «Советская Россия».

Владимир Бояринов — автор множества стихотворных сборников, в том числе для детей школьного и дошкольного возраста, вышедших в свет в известных издательствах.

В. Г. Бояринов являлся председателем редакционной коллегии журнала «Московский вестник», членом редколлегии журнала «Московский писатель» (с 1997), редакционных советов газет «Литературная Москва» (с 1997), «Московский литератор» (с 2000), «Московия литературная» (с 2000) и ряда других изданий.

Владимир Георгиевич известен как автор стихотворных художественных переводов с национальных языков народов России: бурятского, татарского, языков Северного Кавказа.

Владимир Георгиевич был талантливым организатором, создавшим и возглавившим множество общественно-литературных проектов, в том числе общественно-политическую Акцию содействия СВО «В поддержку фронта по ликвидации антироссийских угроз» и многих других.

Память о В. Г. Бояринове навсегда останется в сердцах его коллег, собратьев по перу, благодарных читателей и всех, кто его знал.

Редколлегия и редакция журнала «Приокские зори» выражают глубокие соболезнования родным, близким и друзьям покойного.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2022
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

